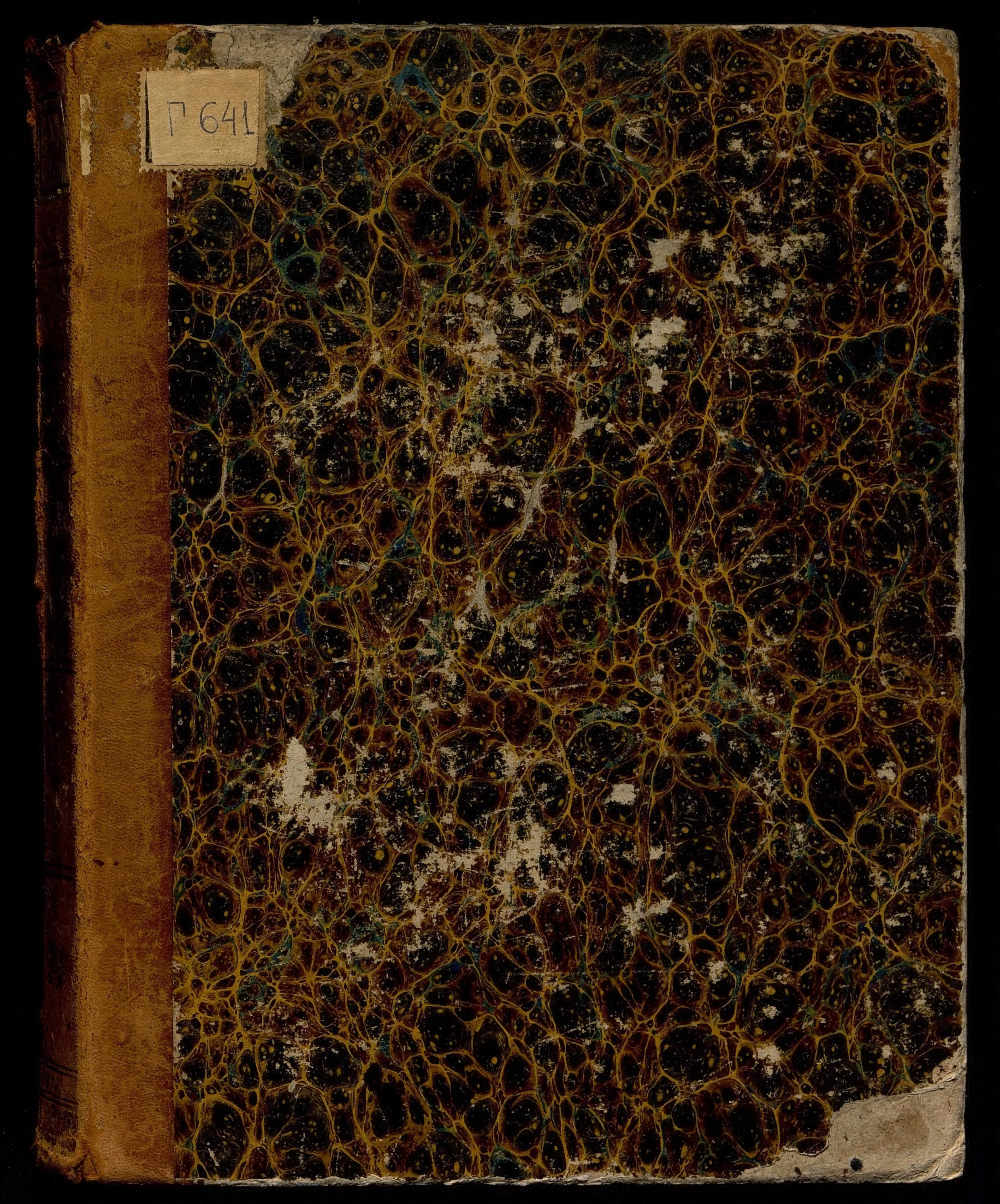

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.
КОМНАТА
ШКАФЪ
ПОЛКА
№ ИНВЕНТАРЯ

ИМ
А
КО
ПО

ИЛІАДА
ГОМЕРА,

ПЕРЕВЕДЕННАЯ

Н. ГНѢДИЧЕМЪ

Членомъ Императорской Россійской Академіи, Членомъ-Корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, Почетнымъ Членомъ Императорскаго Виленскаго Университета, Членомъ Обществъ Любителей Словесности С. Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и проч.

Ὅμηρος δὲ παντὶ παιδὶ καὶ ἀνδρὶ καὶ γέροντι, τοσοῦτον ἀφ' αὐτοῦ διδοῦς, ὅσον ἕκαστος δύναται λαβεῖν. Гомеръ каждому, и юношѣ и мужу и старцу, столько даетъ, сколько кто можетъ взять.

Δίων. Χρυσόστ. περὶ Λόγου ἀσκήσεως.

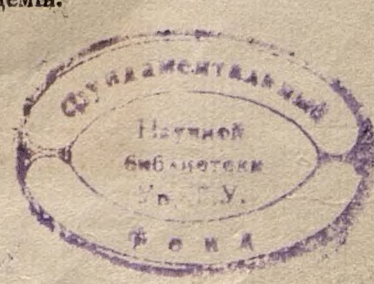

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, Сентября 29-го 1828 года.

Ценсоръ *Константинъ Сербиновичъ.*

Печатано иждивеніемъ Императорской Россійской Академіи.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССІИ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Въ одинъ изъ годовъ, Россіи вѣчно незабвенныхъ, когда Государь АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ славою оружія и добродѣтелей своихъ наполнялъ вселенную, имѣлъ я счастіе, предъ лицемъ АВГУСТѢЙШЕЙ Родительницы ВАШЕЙ, читать между прочимъ первый опытъ перевода моего изъ Иліады Гомеровой. Въ числѣ ВЫСОКИХЪ слушателей имѣлъ я счастіе видѣть и ВАСЪ, ГОСУДАРЬ, еще царственнаго юношу, но котораго Провидѣніе уже предъизбирало, и оправдалися благія судьбы его, въ Преемники АЛЕКСАНДРА, для счастія и славы Россіи.

Такимъ лестнѣйшимъ вниманіемъ было осчастливлено и робкое начало и продолженіе труда моего; къ нему, при первыхъ еще опытахъ, незабвенной памяти Сестра ВАША, ГОСУДАРЬ, ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, великодушная Покровительница всего благаго, удостоила поощрить меня способомъ, ЕЯ добродѣтельной душѣ свой-

ственнымъ. — Воспоминаю о семъ не въ хвалу себѣ, но въ свидѣтельство того благоволенія къ просвѣщенію, какое отличаетъ ИМПЕРАТОРСКІЙ Домъ Россійскій: оно одушевило меня ревностію и постоянствомъ для труда долговременнаго, для преложенія на Русскій языкъ Пѣснопѣвца древняго, котораго слава современна образованію человѣчества, котораго творенія поучительны Царямъ и народамъ.

Проповѣдникъ истинъ, оправданныхъ тысячелѣтіями, безкорыстный защитникъ святости власти царственной и благодѣтельнаго единоначалія, пѣвецъ доблестей, составляющихъ славу героевъ и честь народовъ, творецъ Иліады не напрасно извлекаетъ хвалы изъ устъ Солоновъ, слезы изъ очей Александровъ; не напрасно похищаетъ уваженіе и отъ мужей, Откровеніемъ озаренныхъ, Василіевъ Великихъ, Іоанновъ Златоустовъ: воспѣвая невинность и чистоту нравовъ, благоговѣніе къ божеству, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старости, святость супружескихъ союзовъ, великодушную дружбу, охранительное мужество, мудрость въ дѣлѣ и словѣ — Гомеръ своими пѣснями съ простотою

дѣтскою насадилъ для человѣчества благороднѣйшіе цвѣты добродѣтели, которые разцвѣли подъ лучами всеобщаго свѣта.—Всѣ образованные народы, одинъ предъ другимъ, ревновали украсить отечественную Словесность твореніями Гомера.

Употребивъ нѣсколько лѣтъ жизни на переводъ Иліады, стихами, размѣромъ подобными Гомеровымъ, оконченный, съ благоговѣніемъ подношу его ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Счастливѣйшимъ почту себя, если на трудъ мой преклонитъ милостивое вниманіе рожденный трудовъ Покровитель: сколь ни слабую дань, какъ гражданинъ, приношу я обществу, но не безъ чувства гордости положу ее на алтарь отечества, украшенную Именемъ моего ГОСУДАРЯ.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Вѣрноподданный

НИКОЛАЙ ГНѢДИЧЬ.

Ноября 2 дня,
1826 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Позже, нежели бы могъ, и не въ томъ видѣ, какъ бы желалъ, издаю переводъ Иліады. Долговременная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ ранѣе напечатать его, и присовокупить *Введеніе* и *Примѣчанія*; они требовали много времени для такого рода объясненій творенія древняго, какой избранъ мною, и отрывкомъ былъ напечатанъ въ С. Отечества. (1)

Впрочемъ, изъясненіе Древнихъ писателей не есть непремѣнная обязанность переводчиковъ, когда отъ нее отказывается даже Вольфъ, ученѣйшій послѣдній издатель Поэмъ Гомеровыхъ: онъ почитаетъ изъясненіе ихъ дѣломъ для него постороннимъ, (2) трудомъ, для котораго нужна цѣлая жизнь. Оно въ самомъ дѣлѣ, когда изъяснять писателя не для дѣтей, составляетъ особую, обширную науку Археолога. Ввесть въ кругъ понятій, нравовъ и вещей, познакомить съ страною и духомъ вѣка, въ которыхъ писатель жилъ, вотъ что способствуетъ къ лучшему уразумѣнію твореній Древнихъ, и чего требуетъ читатель.

Не удовлетворяя сей нуждѣ его, я сожалѣю тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ еще никакихъ руководствъ къ понятіямъ справедливымъ о Древности, и слѣдственно, къ чтенію съ удовольствіемъ и пользою писателей Древнихъ. Фоссъ могъ издать свой переводъ Гомера безъ всякихъ примѣчаній; онъ не опасался ни какихъ недоразумѣній со стороны читателя. Германецъ, желающій изучать Поэмы Гомера въ славномъ переводѣ Фосса, можетъ окружить себя цѣлою библіотекою ученѣйшихъ твореній, разливающихъ яркій свѣтъ на Словесность и міръ Древнихъ.—Шлоссеръ, глубокомысленный Нѣмецкій писатель, въ сочиненіи своемъ: *Всеобщая Исторія Древности*, (3) быстро излагая характеръ и духъ вѣковъ героическихъ Греціи, для изображенія коихъ заимствуетъ важнѣйшія черты изъ Поэмъ Гомеровыхъ, между прочимъ говоритъ: „Нахожу безполезнымъ долѣе „останавливаться на семъ предметѣ; изученіе Гомера такъ же тѣ„сно соединено съ воспитаніемъ юношества Германскаго, какъ мог-

„ло быть у Грековъ.“ Когда бы и мнѣ можно было тоже сказать о воспитаніи Русскаго юношества, я такъ же почелъ бы не нужнымъ говорить объ Гомерѣ, при переводѣ Поэмы его.

Но древняя тьма лежитъ на рощахъ Рускаго Ликея. Наши учители, до сихъ поръ, головы героевъ Гомеровыхъ не наказанно украшаютъ перьями, а руки вооружаютъ сталью и булатомъ. И мы, ученики, оставляемые учителями въ понятіяхъ о Древности, совершенно превратныхъ, удивляемся, что Гомеръ своихъ героевъ сравниваетъ съ мухами, богинь съ псицами, сожалѣемъ о переводчикахъ его, которые такими дикостями оскорбляютъ вкусъ нашъ. „*Надобно подлинникъ принаравливать къ странѣ и вѣку, въ* „*которыхъ пишутъ:* adopter (l'original) au pays et au siecle, ou l'on écrit. (4)

Такъ нѣкогда думали во Франціи, въ Англіи (5); такъ еще многіе не перестали думать въ Россіи; у насъ еще господствуютъ тѣ одностороннія литературныя сужденія, которыя досталися намъ въ наслѣдство отъ покойныхъ Аббатовъ. Предисловіе къ Поэмѣ Гомера, хотя краткое, у насъ не лишнее. Читатель Иліады, если она его найдетъ, покрайней мѣрѣ не будетъ искать въ древнемъ Поэтѣ, чего не должно, и требовать отъ переводчика, чего не слѣдуетъ.

Поэмы Гомера, по признанію лучшихъ критиковъ, древни, какъ Псалмы Давида; онѣ сочинены около 150 лѣтъ послѣ разоренія Трои. Предполагаютъ, что Иліада первоначально не составляла одной Поэмы, и что нынѣшняя форма ей дана послѣ. Здѣсь не мѣсто входить въ изслѣдованія подробнѣйшія. Сто лѣтъ послѣ Гомера, Ликургъ, законодатель Спартанскій, принесъ изъ Іоніи въ Грецію отдѣльныя пѣсни Иліады и Одиссеи; 250 лѣтъ спустя, Пизистратъ, правитель Аѳинскій, собралъ ихъ, и его сынъ, Гиппархъ, повелѣлъ, чтобы ихъ пѣли во время Панаѳенеевъ, празднествъ въ честь Аѳинѣ, покровительницѣ города. Аристотель сдѣлалъ изъ нихъ для Александра Великаго списокъ, старательно имъ выправленный. Послѣ, не упоминая о Рапсодахъ, Философахъ, Софистахъ, Грамматикахъ, Схоліастахъ толковавшихъ и поправлявшихъ Гомера, Ари-

стархъ Самосскій и Аристофанъ, Библіотекарь Александрійскій, болѣе всѣхъ другихъ занималися исправленіемъ текста, щедро награждаемые за труды свои золотомъ Птоломея, царя Египетскаго, который одною любовію къ наукамъ обезсмертилъ имя свое. Ихъ списокъ есть образецъ печатныхъ изданій Поэмъ Гомеровыхъ.

Ошибается, кто сіи Поэмы принимаетъ въ смыслѣ народномъ этого слова. Понятіе и сужденіе о предметѣ всегда несправедливо, когда смотрятъ на него не съ должной точки зрѣнія. Подобныя понятія, не ясныя, часто ложныя, не удовлетворяютъ ни уму, ни сердцу. По мѣрѣ ихъ вѣрности и полноты, удовольствіе возрастаетъ; и мы съ новымъ, живѣйшимъ чувствомъ наслаждаемся книгою, картиною, статуей, на которыя прежде смотрѣли равнодушно, не зная, съ какой стороны должно было смотрѣть.

Гомеръ не можетъ быть книгою общею. Поэмы его не суть произведенія чисто поэтическія; въ нихъ напрасно будутъ искать одного наслажденія, какое привыкли находить въ Поэзіи современной, живой для насъ всѣми своими сторонами. Иліада, въ отношеніи къ намъ, есть, такъ сказать, первая Исторія народа мертваго; но какая Исторія! Были герои до Ахиллеса; не одно приключеніе романическое, и не въ одномъ царствѣ, волновало, подымало, вооружало народы: Иліада одна сотворила великое воспоминаніе. Какъ Греки достигли общежитія, въ Иліадѣ изображеннаго? Мы не знаемъ, Исторія молчитъ; но творенія Пѣснопѣвца, подобно яркому воздушному огню среди глубокой ночи, озаряютъ мрачную Древность. Иліада заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ, не мечтательный, воображеніемъ украшенный, но списанный такимъ, каковъ онъ былъ, міръ древній, съ его богами, религіею, философіею, исторіею, географіею, нравами, обычаями, словомъ всѣмъ, чѣмъ была древняя Греція. Твореніе Гомера есть превосходнѣйшая Энциклопедія Древности.

Съ такой точки зрѣнія должно смотрѣть на Поэмы Гомера. Онѣ, подобно книгамъ Бытія, суть печать и зерцало вѣка. И кто любитъ восходить къ юности человѣчества, чтобы созерцать нагую прелесть природы, или питаться уроками временъ минувшихъ предъ тѣмъ цѣлый міръ, земный и небесный, разовьется въ Иліадѣ картиною чудесною, кипящею жизнію и движеніемъ, прекраснѣйшею

и величайшею, какую только создавалъ генiй человѣка. Не славу одного какого либо племени, но цѣлаго великаго народа; не одни блестящiя свойства какого либо героя, всѣ характеры, всѣ страсти человѣчества юнаго, всѣ стороны жизни героической обнялъ и изобразилъ великiй живописецъ Древности.—Чтобы читать картину его, чтобы наслаждаться и исполинскими образами, рукою генiя набросанными, и мелкими подробностями, художнически оконченными, нужны познанiя. Но большая часть людей не считаетъ ихъ нужными, когда произноситъ сужденiя. Мы, съ образомъ мыслей, намъ свойственнымъ, судимъ народъ, имѣвшiй другой образъ мыслей; подчиняемъ его обязанностямъ и условiямъ, какiя общество налагаетъ на насъ. Забывая даже различiе религiи, а съ нею и нравственности, мы заключаемъ, что справедливое и не справедливое, нѣжное и суровое, пристойное и не пристойное наше, сегодняшнее, было такимъ и за три тысячи лѣтъ. И вотъ почему судимъ ложно о герояхъ Гомеровыхъ. Воображенiе безъ понятiй не говоритъ, или темно говоритъ сердцу. Надобно переселиться въ вѣкъ Гомера сдѣлаться его современникомъ, жить съ героями, и царями-пастырями Геллады, чтобы хорошо понимать ихъ.—Тогда Ахиллесъ, который на лирѣ воспѣваетъ героевъ, и самъ жаритъ барановъ, который свирѣпствуетъ надъ мертвымъ Гекторомъ, и Прiаму такъ великодушно предлагаетъ и вечерю и ночлегъ у себя въ кущѣ, не покажется намъ лицемъ фантазическимъ, воображенiемъ преувеличеннымъ, но дѣйствительнымъ сыномъ, совершеннымъ представителемъ великихъ вѣковъ героическихъ, когда воля и сила человѣчества развивалась со всею свободою, когда добродѣтели и пороки были еще исполинскiе, когда силою, мужествомъ, дѣятельностiю и вдохновенiемъ человѣкъ возвышался до боговъ. — Тогда мiръ, за три тысячи лѣтъ существовавшiй, не будетъ для насъ мертвымъ и чуждымъ во всѣхъ отношенiяхъ: ибо сердце человѣческое не умираетъ и не измѣняется. Оно и тогда билося тѣми же чувствами, кипѣло тѣми же страстями, и говорило тѣмъ же языкомъ. Мы поймемъ языкъ сей, вѣчно живой, и въ гнѣвѣ Ахиллеса, и въ гордости Агамемнона, и въ горести Прiама, не смотря на образъ выраженiя, столь далекiй отъ нашего.

Такъ, языкъ страстей человѣчества юнаго, кипящаго всею полнотою силы и духа, еще не стѣсняемый условiями образованности,

изливавшійся со всею свободою и со всею простотою душъ царей-пастырей, не могъ быть подобенъ нашему; онъ не облекался въ блестящія и разнообразныя формы, которыя мы изыскиваемъ; или, лучше сказать, онъ не имѣлъ другихъ формъ, кромѣ вдохновенію принадлежащихъ—*простоты и силы.* Изъ сихъ началъ истекаютъ величайшія красоты Поэзіи Гомерической, красоты, невключая мѣстныхъ, всемірныя и вѣчныя, какъ природа и сердце человѣка. Гомеръ и природа одно и тоже. „Двадцать столѣтій протекло по лицу земли, „говоритъ почтенный Муравьевъ, (М. Н.) а я нахожу, что самыя „сокровеннѣйшія чувствованія сердца моего, столь же живы въ твореніяхъ Гомера, какъ будто происходятъ во мнѣ самомъ.„ —

Сія простота сказанія, жизни, нравовъ, изображаемыхъ въ Иліадѣ, и многія особенныя свойства Поэзіи, въ ней раскрытой, сильно напоминаютъ глубокую древность Востока, и Поэмы Гомера сближаютъ, въ Литературномъ отношеніи, съ писаніями Библіи. Таже торжественная важность и величественная простота въ рѣчахъ; тоже участіе божества въ связяхъ семействъ, непосредственное явленіе его, торжественность и значительность его словъ. Сіи многоразличныя сравненія и подобія въ Иліадѣ, какъ образы, какъ примѣры для объясненія и вразумленія, суть явныя свойства рѣчей жителя восточнаго, который обыкновенно, разсѣянное въ обширномъ кругу природы и опыта, собираетъ, чтобы быстро означить предметы. Патріархальность, свойственная всему западному Востоку, очевидна какъ въ жизни, такъ и въ образѣ управленія многихъ племенъ, въ Иліадѣ изображаемыхъ, но болѣе всѣхъ у Троянъ: цари ихъ сами еще пасутъ стада; Пріамъ въ семействѣ своемъ болѣе, нежели глава семейства: отецъ многочисленныхъ сыновъ, онъ и царскую славу свою основываетъ собственно на обширномъ родствѣ; возвышаемый глубокимъ уваженіемъ, которое дѣти къ нему оказываютъ, онъ ихъ и отецъ и деспотъ; они его страшатся; воля его для нихъ непремѣнна. Самъ Зевсъ, обыкновенно сидящій на Идѣ, являющійся среди грома и молніи, благодѣтельствующій вообще роду человѣческому въ древнемъ поколѣніи Дардана, но частно споспѣшествующій одному прадѣду противъ другаго, племени Анхизову противъ преемниковъ Пріамовыхъ, есть такой же богъ семейства, какъ видимъ его въ исторіи Праотцевъ.

Такимъ образомъ языкъ и вообще образъ повѣствованія творца Иліады, истекающій изъ тѣхъ же началъ простоты, болѣе всего отличенъ; онъ совершенно противоположенъ всѣмъ его послѣдователямъ, начиная отъ Виргилія. Въ немъ не найдутъ обычныхъ красотъ стихотворцевъ ученыхъ, выраженій искуственныхъ, фразъ сочиняемыхъ, въ которыхъ видна работа, и которымъ въ наше время предпочтительно удивляются. Изъ устъ сына природы, генія, одушевляемаго полнотою духа и силы, не исходитъ ничего мелкаго, ничего изысканнаго. Выраженіе духа его вольно, какъ игра фантазіи, и льется свободно, подобно рѣкѣ величественной. Къ стихамъ его, кажется, не касались поправки; всѣ они излилися, кажется, по первому внушенію. Музы диктовали, а Гомеръ писалъ, говорили Древніе.

Въ образѣ повѣтствованія геній Гомеровъ подобенъ счастливому небу Греціи, вѣчно ясному и спокойному. Обымая небо и землю, онъ въ высочайшемъ пареніи сохраняетъ важное спокойствіе, подобно орлу, который, плавая въ высотахъ поднебесныхъ, часто кажется неподвижнымъ на воздухѣ.—Богатства его Поэзіи неисчислимы; она заключаетъ въ себѣ всѣ роды. Геній Гомеровъ подобенъ Океану, который пріемлетъ въ себя всѣ рѣки. Сколько задумчивыхъ Элегій, веселыхъ Идилій смѣшано съ грозными, трагическими картинами Поэмы. Картины сіи чудны своею жизнію; Гомеръ не описываетъ предмета, но какъ бы ставитъ передъ глаза: вы его видите. Это волшебство производятъ простота и сила разсказа. Не менѣе удивительна противоположность сихъ картинъ; ничего нѣтъ простѣе, естественнѣе и трогательнѣе однихъ, въ которыхъ дышетъ нагая красота природы; ничего нѣтъ величественнѣе, поразительнѣе другихъ, въ которыхъ всѣ образы ознаменованы возвышенностію и величіемъ необычайнымъ, титаническимъ, какъ образы сыновъ міра первобытнаго, воспоминанія о которомъ еще носилися въ вѣкахъ героическихъ и питали Поэзію.

Говоря вообще, геній Гомера мужественъ, иногда даже суровъ; его картины подобны ваяніямъ Древности, которыхъ формы, сильныя и строгія, удивляютъ изнѣженность нашего вкуса. Причины сей мужественности генія древняго заключаются сколько въ простотѣ нравовъ, столько въ религіи и отношеніяхъ женскаго пола къ тог-

дашнему обществу, совершенно противоположныхъ нашему. Отъ сей послѣдней причины Словесность Древнихъ и особенно Грековъ была, по выраженію Ф. Шлегеля, Словесностію, такъ сказать, мужескою, и въ нѣкоторыхъ частяхъ осталась навсегда суровѣе и грубѣе, нежели ихъ умственное образованіе.

Не ставя алтарей Гомеру, какъ Скалигеръ Виргилію,—поклоненіе не сообразное съ успѣхами разума, — скажемъ вообще: Гомеръ, въ отношеніи къ намъ, не есть образецъ, до котораго духъ человѣческій въ Поэзіи возвыситься можетъ; но онъ опредѣляетъ ту черту, отъ которой геній Древняго человѣка устремилъ смѣлый полетъ, кругъ, которой обнялъ, и предѣлъ, до котораго достигнулъ. Въ такомъ отношеніи поэтическія творенія Гомера, безъ сомнѣнія, суть произведенія совершеннѣйшія. Поэтъ, ораторъ, историкъ, воинъ и гражданинъ, могутъ черпать въ нихъ полезные уроки; они исполнены глубокаго смысла. Начиная отъ Александра Великаго, который хранилъ Иліаду въ золотомъ ковчегѣ, и клалъ себѣ подъ головы, Гомеръ есть любимый писатель всѣхъ великихъ людей, и, какъ говоритъ знаменитый Историкъ Мюллеръ, лучшій учитель первѣйшей науки, мудрости.

По симъ легкимъ очертаніямъ (6) можно видѣть, что, за исключеніемъ свойствъ механическихъ, какъ гармонія, и проч., отличительныя свойства Поэзіи, языка и повѣствованія Гомерова, суть простота, сила и важное спокойствіе. — Да не помыслятъ однако, что важность сія состоитъ въ однообразной высокости слога, которую иначе не можно передать намъ, какъ языкомъ Славянскимъ. При безчисленномъ разнообразіи характеровъ и предметовъ, заключаемыхъ Иліадою; въ сихъ переходахъ отъ Олимпа къ кухнямъ; отъ Совѣта боговъ къ спорамъ героевъ, часто грубымъ; отъ Ѳерсита, представителя шумной черни, каркающаго подобно воронѣ, по выраженію Гомера (7), къ пышному витійству Одиссея; отъ пламеннаго Ахиллеса къ кроткому сладкорѣчивому Нестору и проч: Гомеръ естественно не могъ быть однообразенъ ни въ языкѣ, ни въ слогѣ; отъ высокости ихъ онъ долженъ былъ низходить до простоты языка народнаго. Но важное спокойствіе повѣствованія его состоитъ въ какомъ-то важномъ теченіи рѣчей, одному гекзаметру свойственномъ, которое, связывая стихъ со стихомъ, льется какъ

волны, непрерывно, до конца періодовъ поэтическихъ, безъ сихъ оборотовъ короткихъ, фразъ отрывистыхъ, принадлежащихъ слогу искуственному.

Чтобы сохранить свойства сіи Поэзіи древней, столь вообще противоположныя тому, чего мы отъ нашихъ Поэтовъ требуемъ, переводчику Гомера должно отречься отъ раболѣпства передъ вкусомъ Гостинныхъ, передъ сею прихотливою утонченностію и изнѣженностію обществъ, которыхъ одобренія мы робко ищемъ, но коихъ требованія и взыскательность связываютъ, обезсиливаютъ языкъ. Преимущества нашего языка поэтическаго плѣнительны, и особенно сей цвѣтъ прекраснаго пола, сладостная нѣжность; но они были бы неумѣстны въ Поэмахъ Гомера. — Знаю, что для нашихъ читателей успѣхъ могъ быть не сомнительнѣе въ родѣ перевода вольнаго, какъ Попіевъ, или Чезаротти. Но почитатели Древности не прощаютъ симъ великимъ Поэтамъ, что они осмѣлились преобразить отца Поэзіи, (8) дабы сдѣлать его болѣе сообразнымъ съ требованіемъ и вкусомъ вѣка ихъ. Требованія перемѣнятся, вкусъ вѣка пройдетъ; между тѣмъ какъ многія тысячи лѣтъ Гомеръ не проходитъ. Это памятникъ вѣковъ, требующій отъ переводчика не новой Иліады, какъ Попіева, но такъ сказать, слѣпка, который бы, сколько позволяетъ свойство языка, былъ подобенъ слѣпкамъ ваятельнымъ. А какой языкъ, если не нашъ, богатый, гибкій, прозодическій, обладаетъ драгоцѣннѣйшимъ свойствомъ, особенно для перевода съ Греческаго, *свободнымъ словорасположеніемъ*, свойствомъ, давшимъ и переводу Славянской Библіи точность слѣпка; хотя впрочемъ сему благопріятствовалъ не одинъ языкъ, но и самое время: народъ не имѣлъ еще ни Литературы, ни критики. (9) Какъ бы то ни было, но вольные переводы выгоднѣе для переводчика, нежели для подлинника. Я предпочелъ выгоды Гомера — своимъ; рѣшился переводить съ возможною вѣрностію, но переводить Поэта, стихами, на языкъ, имѣющій Словесность: условія, которыя, разумѣется, лишили меня способовъ, хотя бы я и желалъ, переводить, какъ Меѳодій и Кириллъ, буквально, не страшась оскорблять языкъ и не опуская даже Греческихъ частицъ *γὰρ, δὲ, μὲν* и проч. которыя сими прелагателями Библіи на языкъ Славянскій всѣ удержаны. (10) — Впрочемъ извѣстно, что одинъ Граматическій смыслъ не составляетъ еще Поэ-

зіи. Смыслъ иностранныхъ словъ находится въ лексиконѣ; и каждый умѣющій пріискать значеніе слова, былъ бы въ такомъ случаѣ хорошій переводчикъ. Робкое сохраненіе мыслей не переводъ ихъ, ежели онѣ, какъ говоритъ Муравьевъ, (М. Н.) *не производятъ того же чувствованія, не приводятъ въ дѣйство сего насильственнаго волшебства,* которое обладаетъ душею.

Въ такомъ понятіи о достоинствѣ перевода, я былъ вѣренъ Гомеру; и слѣдуя умному изреченію, (11) *должно переводить нравы, такъ же какъ и языкъ*, я ничего не опускалъ, ничего не измѣнялъ. У великихъ писателей есть такія выраженія, которыхъ сила, хорошо чувствуемая, болѣе нежели цѣлая книга, даетъ понятіе о лицѣ, которое произноситъ ихъ, или о народѣ, который ихъ употребляетъ. Дѣлая выраженія Греческія Русскими, должно было стараться, чтобы не сдѣлать Русскою мысли Гомеровой, но что еще болѣе—не украшать подлинника. Очень легко украсить, а лучше сказать, подкрасить стихъ Гомера краскою нашей палитры; и онъ покажется щеголеватѣе, пышнѣе, лучше для нашего вкуса; но не сравненно труднѣе сохранить его Гомерическимъ, какъ онъ есть, ни хуже, ни лучше. Вотъ обязанность переводчика, и трудъ, кто его испыталъ, не легкій. Квинтиліанъ понималъ его: facilius est plus facere, quam idem: *легче сдѣлать болѣе, нежели то же* (12).

Такимъ образомъ величайшая трудность, предстоящая переводчику *древняго* Поэта, есть безпрерывная борьба съ собственнымъ духомъ, съ собственною внутреннею силою, которыхъ свободу онъ безпрестанно долженъ обуздывать; ибо выраженіе оной было бы совершенно противоположно духу Гомера. До сихъ поръ одни Поэты Германіи, въ качествѣ переводчиковъ, вступали въ сей подвигъ, и совершили его со славою.

Заключая, прошу объ одномъ: не осуждать, если какой либо оборотъ, или выраженіе покажется страннымъ, необыкновеннымъ; но прежде или свѣрить съ подлинникомъ, или вспомнить, что и самые предметы, въ Иліадѣ изображаемые, многіе для насъ чужды и странны. Для перевода такой Поэмы, исполненной подробностей и предметовъ техническихъ, безъ сомнѣнія, не возможно, и не должно было, ограничиваться языкомъ Гостинныхъ и скудными еще нашими Словарями. Я осмѣлился пользоваться и нарѣчіями областными; хорошо или

худо, это дѣло иное; но почему ими не пользоваться? (13) Такъ діалекты Греческіе обогатили языкъ. Позволилъ себѣ вольности, нашею критикою осуждаемыя, но употребляемыя Гомеромъ; оружія однородныя, на пр: копье, пика, дротъ, дротикъ, ἔγχος, δόρυ, βέλος, ἀκόντιον, или мечъ, сабля, ножъ, (14) φάσγανον, ξίφος, μάχαιρα, онъ употребляетъ, иногда въ томъ же стихѣ, одно за другое, можетъ быть для мѣры, можетъ быть по своенравію; я желалъ сохранить и своенравія Гомера. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Иліады, особенно, гдѣ касается до оружій, кораблей и проч. (15) я, по моему понятію, можетъ быть и ошибочному, не согласился съ извѣстными до нынѣ переводами. Не могу въ краткомъ предисловіи изложить доказательствъ на защиту моего перевода, но предаю оный читателямъ, которые могутъ свѣрить съ подлинникомъ. Не прошу о снисхожденіи; читатель образованный самъ окажетъ его къ слабостямъ и ошибкамъ, человѣку свойственнымъ, если въ трудѣ моемъ худое не превышаетъ хорошаго. Что до критикъ, знаю, что еслибъ самъ великій Гомеръ поднялъ изъ гроба почтенную главу свою, Зоилъ, бросивъ обитель мрака, снова бы явился.—Счастливъ буду, когда найду судъ просвѣщенный; онъ окажется полезнымъ не мнѣ одному: сужденіе есть жизнь Словесности. Не могу впрочемъ думать, чтобы переводъ мой удовольствовалъ читателей, болѣе меня свѣдущихъ въ Греческомъ языкѣ; ибо я первый остаюся имъ не доволенъ.

Мнѣ совѣтовали, при изданіи Иліады изложить теорію гекзаметра: трудъ безполезный, когда въ нѣсколькихъ тысячахъ стиховъ не найдутъ ее. Не считаю также нужнымъ защищать гекзаметръ, какъ бы мою собственность; онъ самъ себя защищаетъ въ стихахъ Жуковскаго, и такъ же краснорѣчиво, какъ нѣкогда отвергаемое движеніе защитилъ тотъ Грекъ, который, вмѣсто возраженій, всталъ и началъ ходить. Русскій гекзаметръ существуетъ, какъ существовалъ прежде, нежели начали имъ писать. Того не льзя ввести въ языкъ, чего не дано ему природою. Французы могутъ ли имѣть стопы? Не имѣли бы и мы, еслибъ не было ихъ въ стихіяхъ

языка; мы только заняли имена Греческія для стопъ Русскихъ; и имѣю причины думать, что съ помощію музыки, еслибъ она такъ же тѣсно была соединена съ Поэзіею у насъ, какъ у Грековъ, мы могли бы имѣть всѣ тѣ же стопы, и то же ихъ *количество*, quantitas, которое одна музыка, то есть, нотное, напѣвное произношеніе стиховъ, называвшееся — *Мелопея*, придавала стопамъ въ языкахъ древнихъ, и такимъ образомъ напѣвную прозодію поэтическую разрознила съ прозодіею прозы.

О причинахъ, заставившихъ меня для перевода Иліады избрать гекзаметръ, сказать нѣсколько словъ почитаю нужнымъ. — Для трудящихся, въ какомъ бы то ни было родѣ искуства, ничего нѣтъ печальнѣе, какъ видѣть, что трудъ свой можно сдѣлать лучше, и не имѣть къ тому способа. Таковы были мои чувствованія при переводѣ Иліады рифмованномъ. Кончивъ шесть Пѣсенъ, я убѣдился опытомъ, что переводъ Гомера, какъ я его разумѣю, въ стихахъ Александрійскихъ не возможенъ, покрайней мѣрѣ для меня; что остается для этаго одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйшій—гекзаметръ. Плѣненный образомъ повѣствованія Гомерова, котораго прелесть не раздѣльна съ формою стиха, я началъ испытывать, нѣтъ ли возможности произвесть Русскимъ гекзаметромъ впечатлѣнія, какое получалъ я, читая Греческій. Люди образованные одобрили мой опытъ; (16) и вотъ что дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столпа стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредіяковскимъ.

Говорю, смѣлость: ибо читателямъ извѣстно, что должно было вынести, дерзнувшему изъ рукъ Геркулеса вырывать его палицу, а говоря проще, осмѣлившемусь бороться съ предразсудкомъ, и врагомъ еще упорнѣйшимъ — самолюбіемъ. Мы уступчивы въ мнѣніяхъ, которыя составляемъ сами, собственнымъ сужденіемъ; согласіе, даваемое добровольно, вознаграждаетъ наше самолюбіе. Но въ мнѣніяхъ, которыя намъ внушены, которыя приняты безъ разсужденія, такъ сказать, на вѣру, и которыя перемѣнить насъ заставляютъ—мы непреклонны: обидно обнаружить, что мы были въ невѣжахъ, и судили безъ разумѣнія дѣла. Вотъ главная причина воплей староверовъ Литературныхъ противъ гекзаметра. Читатель помнитъ, какія познанія обнаружили они въ сужденіяхъ своихъ

объ гекзаметрѣ; иные жаловались даже, что стихъ сей трудно читать: такъ дѣти, плохо ученыя, съ трудомъ читаютъ книгу, по которой не учились. Но возрастетъ новое поколѣніе, котораго дѣтство будетъ образованнѣе нашей старости, и гекзаметръ покажется для него тѣмъ, чѣмъ онъ признанъ отъ всѣхъ народовъ просвѣщенныхъ: высшимъ соображеніемъ гармоніи поэтической.

Но кто у насъ и теперь не читаетъ съ восхищеніемъ Аббадоны, Гальціоны, разрушенія Трои, произведеній, обогатившихъ Поэзію Рускую? Кого не плѣняетъ и лира Дельвига счастливыми вдохновеніями и стихомъ, столько Музѣ любезнымъ?—И такъ, если мои собственныя усилія несчастны, покрайней мѣрѣ послѣдствія не безплодны.

Впрочемъ не стихъ, Тилемахидою опозоренный, долженъ былъ устрашать меня при мыслѣ о переводѣ Иліады. Вѣрный своему убѣжденію, что гекзаметръ, и безъ спондеевъ, имѣетъ въ языкѣ Рускомъ обильныя стихіи для своего состава, я не смущался ни толками, ни пересудами. Но трудъ, въ которомъ все было для меня ново: стихъ, не имѣвшій образцовъ, и который, каково бы ни было его достоинство, съ переводомъ Поэмы чуженародной не могъ вдругъ сдѣлаться роднымъ, живымъ для слуха народа; и самая Поэма, которой предметъ такъ отдаленъ отъ насъ, которой красоты такъ чужды, такъ не знакомы нашему вкусу, но въ которой между тѣмъ до 18 т. стиховъ. . . . Вотъ что должно было устрашать меня.— Часто думалъ я: стихъ, которымъ я внутренно горжуся, можетъ быть, исчезнетъ въ огромной Поэмѣ; можетъ быть, никто не обратитъ на него новаго вниманія послѣ того, какъ я прочелъ его съ чувствомъ удовольствія. . . .

Но не хочу быть неблагодарнымъ: чистѣйшими удовольствіями въ жизни обязанъ я Гомеру; и забывалъ труды, которыя налагала на меня любовь къ нему; и почту себя счастливѣйшимъ, если хотя искра огня небеснаго, въ его вѣчныхъ твореніяхъ горящаго, и мои труды одушевила.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПРЕДИСЛОВІЮ.

(1) 1826 года, N. 20.
(2) Wolf. Homer. Oper. Lips. 1804. Praefat. Prior. Edit. pag. IX.
(3) Histoire universelle de l'Antiquité, par Schlosser. Paris. 1828.
(4) Woode, sur le Génie d'Homere. Примѣчанія Французскаго переводчика, стр. 73. Такъ же примѣчанія къ переводамъ Гомера Г-жи Дасье и Битобе.
(5) ,,Повторенія рѣчей, употребляемыя Гомеромъ, могли нравиться слуху Древнихъ; но они оскорбятъ нашъ; должно ихъ оставлять, когда изъ этого происходитъ красота.,, Такъ разсуждаетъ Попе, въ своемъ предисловіи къ Гомеру. Oeuvres Complet. D'Alex. Pope. Tom. V. p. 367.
(6) Для дополненія понятій о Гомерѣ, едва ли найдетъ читатель, даже на языкахъ иностранныхъ, что либо лучшее и столь вѣрное, какъ мысли о немъ Муравьева (М. Н.), писателя, который такъ хорошо былъ знакомъ съ Древними, и въ твореніяхъ своихъ оставилъ прекрасную душу и богатые плоды познаній. Не излишнимъ считаю присовокупить ихъ.

,,Кажется, что юная природа истощила всѣ свои силы и хитрости на образованіе разумовъ и дарованій. Какихъ она имѣла любимцевъ и наперсниковъ въ первыхъ зрителяхъ ея прелести! Нѣтъ, скажу (подобно Гомерову Нестору) нынѣшній вѣкъ не увидитъ мужей, равняющихся съ богоподобнымъ пѣвцомъ Ахиллесовымъ. . . . . Природа сіяла тогда собственными красотами и не обременялася украшеніями, которыя думаютъ нынѣ придать ей люди. Люди воспитаны были въ лонѣ ея и не гнушались тѣмъ, что представляла имъ съ младенчества любящая ихъ воспитательница. Вкусъ ихъ не былъ изнѣженъ. Красоты природныя преимуществовали надъ красотами условными. Роскошь не налагала насильственныхъ и странныхъ своихъ законовъ. Благопристойностію была единая драгоцѣнная стыдливость, вдохновенная природою, тѣмъ болѣе наблюдаемая и не нарушаемая, что предписанія ея не отягощалися хитрыми толкованіями ложнаго стыда. Всѣ таинства природы выражены у древнихъ съ симъ восхитительнымъ чистосердечіемъ, которое не мыслитъ худаго. Не есть то безстыдство, но нѣкая прелесть цѣломудрія, не имѣющаго причины таиться. Любовь имѣла только одну простоту и беззлобіе покрываломъ. Сіе покрывало есть такое одѣяніе, которое наиболѣе ее ограждаетъ отъ очей непросвѣщенныхъ. Измѣнило бы ей притворство; и простота, хранитель священнаго къ ней почтенія, простота прекрас-

нѣйшая хитрость любви. . . Нѣтъ ни одной черты величественнаго и чудеснаго стихотворства, которая не была бы въ сокровищницѣ Древнихъ, . . . Не знаетъ тотъ Эпическаго стихотворства, кому не нравится Гомеръ. Его сказки, его длинныя рѣчи въ сраженіяхъ, самыя ошибки его стократно драгоцѣннѣе для стихотворства, нежели измѣренные шаги писателя, никогда не падающаго, единственно потому, что онъ никогда не имѣетъ силы возвыситься. Полн. Соб. соч. М. Н. Муравьева. Т. III. ст. 295.

(7) Иліад. Пѣсн. II. ст. Греческ. и Рус. 212.

(8) Prolegom. ad Homer. F. Wolfii. p. 82.

(9) Почтенные прелагатели Библіи, по набожному образу мыслей, переводили слово въ слово, не опасаясь оскорблять языкъ, еще не имѣвшій Словесности, и не думая, хорошъ ли такой-то оборотъ, или нѣтъ. Но красоты подлинника выливались въ переводѣ сами собою: слѣдствіе того, что языкъ Славянскій, какъ и Русскій, имѣя свободное словорасположеніе, легко принимаетъ и движеніе фразъ, и формы идей Греческихъ. Сему впрочемъ не менѣе способствовало и чудное сродство сихъ языковъ, такъ хорошо доказанное Отцемъ К. Экономидомъ. *Опытъ о сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ. С. П. бургъ. 1828.*

(10) Обстоятельство по видимому мелочное, но въ отношеніи къ переводу Иліады достойное примѣчанія. Въ языкѣ Гомера и вообще Поэтовъ Греческихъ находится необыкновенное обиліе частицъ и союзовъ: *ϱα, γαϱ, μεν, δε, τε, και.* Это произошло отъ того, думаетъ Платонъ, что у Грековъ стихъ образовался прежде прозы. Частицы сіи, особенно, *δε*, по-Русски, *же*, такъ часто употребляются Гомеромъ, что иные стихи, какъ замѣчаетъ Гейне, кажутся не обработанными. Какъ бы-то ни было, но именно эти частицы составляютъ связь, порядокъ и необыкновенную ясность рѣчи Гомеровой, и такъ часто, такъ хорошо служатъ Поэту къ наполненію мѣры. Эти частицы для стиха Гомерова то, что маленькіе камушки для строенія, готовые всегда наполнить промежутокъ, и наконецъ составить съ большими камнями цѣлое, крѣпкое зданіе. Такимъ образомъ опущеніе сихъ частицъ составляетъ не маловажное затрудненіе въ стихотворномъ переводѣ Гомера. Чѣмъ замѣнить пустоту, отсутствіе звуковъ, не имѣющихъ иногда значенія, но составляющихъ полноту стиха или гармонію ритма?
Къ стати другое примѣчаніе. Для всѣхъ переводчиковъ правило безъ исключенія: собственныя имена писать, какъ произносятся въ языкѣ, съ котораго переводятъ. Но, увлеченный употребленіемъ, освятив-

шимъ у насъ даже Святцами неправильное произношеніе многихъ именъ Греческихъ, я, никѣмъ не остановленный, не чувствительно ему слѣдовалъ, и, въ половинѣ уже перевода почувствовалъ, что дѣлаю самъ себѣ большое затрудненіе. Стихъ съ собственнымъ именемъ, а ихъ въ Иліадѣ обильно, если въ немъ сохранять и выговоръ и удареніе Греческое, легче для перевода; но съ измѣненіемъ ихъ, затрудненіе представляется въ каждомъ стихѣ. Такимъ образомъ удержавъ только въ нѣкоторыхъ именахъ Греческое произношеніе, какъ Агамѐмнонъ и проч., а не во всѣхъ вообще, какъ бы слѣдовало, я почти самъ себя наказалъ за нарушеніе вышесказаннаго правила. Постараюсь изгладить вину, если нужда потребуетъ втораго Изданія. Впрочемъ трудно сладить намъ съ собственными именами Греческими. Одни изъ нихъ введены въ Русскій языкъ по произношенію Латинскому: Тезей, Фебъ, вмѣсто Ѳизей, Фивъ; другіе по Греческому: Аѳина, Ѳивы, вмѣсто Латинскаго Атена, Тебы и проч. Надобно совершенно опрокинуть употребленіе; но тогда многія изъ именъ зазвучать не знакомо; на пр: подъ словами: Ива, Ихо, узнаетъ ли читатель Гебу, Эхо?

(11) *Кажется*, Вальтеръ-Скотта.

(12) De Institut. Orat. Lib. X. C. II.

(13) На прим: словомъ возъ? Нѣкоторые принимаютъ его только за кладь; но основательно ли это и по самому словопроизводству? Кромѣ того, миліоны людей Русскихъ, Украйна и Малороссія, иначе не называютъ телѣги, какъ возъ. Гомерова *ἅμαξα*, отъ *ἅμ-ἄγω*, *со-везу*, точнѣе и переведена быть не можетъ, какъ возъ, дабы отличить отъ его же слова *ἀπήνη*, повозка.

(14) *Ξιφος*, кривой мечъ, сабля, (ein Sabel, *Riemer*). Что у древнихъ народовъ, особенно варварскихъ, какъ Ѳракійцы и другіе союзники Троянъ, употреблялась сабля, доказываютъ лучшіе Лексикографы, писатели Древности и памятники оной. A Collection of antiq. Vases etc. By Hen. Moses. Lond. 1814. planch. 125.

(15) Не могу не свидѣтельствовать благодарности А. Н. Оленину, какъ вообще за участіе, какое принималъ онъ въ трудѣ моемъ, такъ и за снисхожденіе, съ какимъ сей просвѣщенный любитель древностей, похищая свободныя минуты отъ своихъ многихъ занятій, предлагалъ мнѣ изъясненія, касающіяся до Греческихъ оружій и проч., изъясненія, которыми такъ бѣдны толкователи Гомера.

(16) И если кто либо изъ нихъ въ томъ раскаиваться долженъ, то, безъ сомнѣнія, первый С. С. Уваровъ. Краснорѣчивое письмо его объ гекзаметрахъ напечатано въ книжк. Бесѣды, 1813 года.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ВИНЬЕТА И КАРТЫ.

Изображенныя головы героевъ, начиная отъ лѣвой руки зрителя, суть: Агамемнона, Ахиллеса, Нестора, Одиссея, Діомеда, Париса, Менелая.

Въ концѣ Карты изображенъ отдѣльно, въ большемъ видѣ, станъ кораблей Ахейскихъ; порядокъ ихъ, составленный предположительно по Илїадѣ, видѣнъ изъ именъ вождей; подъ цыфрою, которою означено имя вождя, можно найти и мѣсто, и число кораблей, имъ приведенныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Воззваніе къ Музѣ и изложеніе предмета пѣсней, гнѣва Ахиллесова и его послѣдствій, ст. 1 — 7. Причина распри между Агамемнономъ и Ахиллесомъ: Хризъ, жрецъ Аполлона, приходитъ въ станъ Ахеянъ, чтобы выкупить дочь свою, въ предшествовавшія битвы, при разореніи Ѳивъ плѣненную и наградою изъ добычъ Агамемнону данную, 8 — 21 и 366. Агамемнонъ отвергаетъ его съ поруганіемъ; жрецъ удаляется и молитъ Аполлона о мщеніи за обиду; богъ на воинство Ахейское посылаетъ язву; она свирѣпствуетъ, 22 — 52. Ахиллесъ, по внушенію Геры, собираетъ совѣтъ, чтобы изыскать средство къ отвращенію бѣдствія; Калхасъ, верховный жрецъ, открываетъ истинную причину онаго и объявляетъ, что только возвращеніемъ Хризеиды отцу ея и принесеніемъ жертвъ Аполлону прекратится язва, 53 — 100. — Такимъ образомъ раздраженный Агамемнонъ начинаетъ распрю съ Ахиллесомъ; возвратить Хризеиды не отказывается, но съ тѣмъ, чтобы немедленно дано ему было возмездіе; Ахиллесъ, негодуя на корыстолюбіе царя, оскорбительно упрекаетъ его; Агамемнонъ возражаетъ еще оскорбительнѣе, и наконецъ грозитъ, что у самаго Ахиллеса похититъ Бризеиду, полученную имъ наградою отъ Ахеянъ, 101 — 187. — Ахиллесъ, оскорбленіемъ ожесточенный, обнажаетъ мечъ на Агамемнона; является Паллада; ей покоряяся, онъ укрощаетъ гнѣвъ; но понося Агамемнона, объявляетъ, что онъ съ Мирмидонами болѣе не участвуетъ въ брани, 188 — 244. Несторъ убѣждаетъ ихъ смириться, но тщетно, 245 — 304. Собраніе прервано. Ахиллесъ и Агамемнонъ удаляются враждебные; первый въ станъ свой, гдѣ преданный гнѣву, остается безъ дѣйствія, 305 и 488. Послѣдній отправляетъ Хризеиду къ отцу съ умилостивительными жертвами богу; воинство очищается и также приноситъ жертвы Аполлону, 305 — 317. Между тѣмъ Агамемнонъ, совершая угрозы, посылаетъ увесть насильственно Бризеиду отъ Ахиллеса, 318 — 348. Ахиллесъ молитъ матерь свою Ѳетиду объ отмщеніи за обиду; она обѣщаетъ просить Зевса, когда онъ возвратится на Олимпъ, ибо, со всѣми богами отшедъ къ Эѳіопамъ, онъ не прежде какъ въ двенадцатый день возвратится, 349 — 425. Между тѣмъ Хризеида привезена къ отцу съ жертвами Аполлону; по принесеніи оныхъ богъ умилостивляется и язву прекращаетъ, 430 — 488. Зевсъ возвращается на Олимпъ; Ѳетида предстаетъ ему тайно и молитъ бога отмстить за сына ея; онъ преклоняется и даетъ ей обѣтъ, что Трояне будутъ побѣдителями въ брани, пока Ахиллеса не удовлетворятъ за оскорбленіе Агамемнонъ и Ахейцы, 492 — 533. Гера, недоброжелательная Троянамъ, увѣдавъ о семъ тайномъ совѣтѣ, пагубномъ, какъ подозрѣваетъ она, Ахейцамъ, ею покровительствуемымъ, раздражается; распря Геры и Зевса во время пиршества, 534 — 567. Опечаленъ весь сонмъ боговъ; Гефестъ возвращаетъ ихъ къ веселости, 568 — 600; и боги, съ наступленіемъ ночи прекративъ пиршество, отходятъ ко сну, 601 — 611.

ИЛІАДА.

ПѢСНЬ I.

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына
Грозный, который Ахейцамъ нанесъ неисчетныя бѣдства:
Многія души могучія въ бездны Аида низринулъ
Славныхъ героевъ, и ихъ пожирающимъ предалъ въ добычу
Птицамъ окрестнымъ и псамъ: совершалася воля Кронида:
Съ онаго дня, какъ воздвигшіе споръ, воспылали враждою
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ благородный.

Кто жъ отъ боговъ безсмертныхъ подвигъ ихъ къ враждебному спору?
Сынъ Громовержца и Леты: Фебъ, царемъ прогнѣвленный,
Язву на воинство злую послалъ, и гибли народы

Въ казнь, что Атридъ оскорбилъ жреца непорочнаго, Хриза.
Старецъ, онъ приходилъ къ кораблямъ быстролетнымъ Ахейскимъ
Плѣнную дочь искупить; и принести безчисленный выкупъ,
И держа въ рукахъ, на жезлѣ золотомъ, Аполлоновъ
Свѣтлый вѣнецъ, умолялъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,
Паче жъ Атридовъ могучихъ, строителей рати Ахейской.

„Чада Атрея и пышно-поножные мужи Ахейцы!
„О! да помогутъ вамъ боги, имущіе домы въ Олимпѣ,
„Градъ Пріамовъ разрушить и счастливо въ домъ возвратиться;
„Вы жъ свободите мнѣ милую дочь и выкупъ примите,
„Чествуя Зевсова сына, далеко разящаго Феба.

Всѣ изъявили согласіе, крикомъ всеобщимъ, Ахейцы,
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкупъ;
Только Царя Агамемнона было то не любо сердцу;
Гордо жреца отослалъ и прирекъ ему грозное слово:

„Старецъ, чтобъ я никогда тебя не видалъ предъ судами!
„Здѣсь и теперь ты не медли и впредь не смѣй появиться!
„Или, тебѣ не пособитъ ни скиптръ, ни вѣнецъ Аполлона.
„Дѣвѣ свободы не дамъ я; она обветшаетъ въ неволѣ,
„Въ Аргосѣ, въ нашемъ дому, отъ тебя, отъ отчизны далече —
„Ткальный станъ обходя, или ложе со мной раздѣляя.
„Прочь удались, и меня ты не гнѣвай, да здравъ возвратишься.

Рекъ онъ; и старецъ трепещетъ, и слову царя покоряся,
Идетъ безмолвный по брегу немолчно-шумящаго моря.

Тамъ, отъ судовъ удалившися, старецъ взмолился печальный
Фебу царю, лѣпокудрыя Леты могущему сыну:

„Богъ сребролукій, внемли мнѣ: о ты, что хранящій обходишь
„Хризу, священную Киллу, и мощно царишь въ Тенедосѣ,
„Сминѳей! если когда я храмъ твой любезный украсилъ,
„Если когда предъ тобой возжигалъ я тучныя бедра
„Козъ и тельцовъ, — услышь и исполни одно мнѣ желанье:
„Слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими!

Такъ вопіялъ онъ, моляся; и внялъ Аполлонъ сребролукій:
Быстро съ Олимпа вершинъ устремился, пылающій гнѣвомъ;
Лукъ за плечами неся и колчанъ, пернатыми полный;
Громко крылатыя стрѣлы, біясь за плечами, звучали
Въ шествіи гнѣвнаго бога: онъ шествовалъ, ночи подобный.
Сѣвъ наконецъ предъ судами, пернатую быструю мечетъ,
Грозный звонъ издаетъ среброблещущій лукъ Аполлоновъ.
Въ самомъ началѣ на месковъ напалъ онъ и псовъ празднобродныхъ;
Послѣ, постигъ и народъ, смертоносными прыща стрѣлами;
Частые труповъ костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божіи стрѣлы летали;
Въ день же десятый Пелидъ на собраніе созвалъ Ахеянъ.
Въ мысли ему то вложила богиня державная Гера;
Скорбью терзалась она, погибающихъ видя Ахеянъ:
Быстро сходился народъ, и когда воедино собрался,
Первый на сонмѣ возставъ, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:

„Должно, Атридъ, намъ, какъ вижу, обратно исплававши море,
„Въ домы свои возвратишься, когда лишь отъ смерти спасемся.
„Вдругъ и война и погибельный моръ истребляетъ Ахеянъ.
„Но испытаемъ, Атридъ, и вопросимъ жреца, иль пророка,
„Или гадателя сновъ: (человѣку и сны отъ Зевеса):
„Пусть намъ повѣдаютъ, чѣмъ раздраженъ Аполлонъ небожитель?
„Онъ за обѣтъ не свершенный, за жертву ль стотельчую гнѣвенъ?
„Или отъ агнцевъ и избранныхъ козъ благовоннаго тука
„Требуетъ богъ, чтобъ Ахеянъ избавить отъ пагубной язвы?

Такъ произнесши, возсѣлъ Ахиллесъ; и мгновенно отъ сонма
Ка́лхасъ возсталъ Ѳесторидъ, верховный птицегадатель.
Мудрый, вѣдалъ онъ все, что минуло, что есть и что будетъ,
И Ахеянъ суда по морямъ предводилъ къ Иліону
Даромъ предвидѣнья, свыше ему вдохновеннымъ отъ Феба.
Онъ, благомыслія полный, вѣщалъ передъ сонмомъ Ахеянъ:

„Царь Ахиллесъ! возвѣстить повелѣлъ ты, любимецъ Зевеса,
„Праведный гнѣвъ Аполлона, далеко разящаго бога?
„Я возвѣщу; но и ты согласись, поклянись мнѣ, что вѣрно
„Самъ ты меня защитить и словами готовъ и руками.
„Я опасаюсь, прогнѣваю мужа, который верховный
„Царь Аргивянъ и которому всѣ покорны Ахейцы.
„Слишкомъ могущественъ царь на мужа подвластнаго гнѣвный:
„Вспыхнувшій гнѣвъ онъ въ первую пору хотя и смиряетъ,
„Но сокрытую злобу, доколѣ ее не исполнитъ,
„Въ сердцѣ хранитъ. Разсуди жъ и отвѣтствуй, заступникъ ли ты мнѣ?

Быстро ему отвѣчая, воскликнулъ Пелидъ благородный:
„Вѣрь и дерзай, возвѣсти намъ оракулъ, какой бы онъ ни былъ!
„Фебомъ клянуся я, Зевса любимцемъ, которому, Ка̀лхасъ,
„Молишься ты, открывая Данаямъ вѣщанія бога:
„Нѣтъ, предъ судами никто, покуда живу я и вижу,
„Рукъ на тебя дерзновенныхъ, клянуся, никто не подыметъ
„Въ станѣ Ахейскомъ; хотя бы назвалъ самаго ты Атрида,
„Властію нынѣ верховной гордящагось въ рати Ахейской.

Рекъ онъ; и сердцемъ дерзнулъ, и вѣщалъ имъ пророкъ непорочный:
„Нѣтъ, не за должный обѣтъ, не за жертву стотельчую гнѣвенъ
„Фебъ, но за Хриза жреца: обезчестилъ его Агамѐмнонъ,
„Дщери не выдалъ ему, и моленье и выкупъ отринулъ.
„Фебъ за него покаралъ, и бѣдами еще покараетъ,
„И отъ пагубной язвы разящей руки не удержитъ,
„Прежде, доколѣ къ отцу не отпустятъ безъ платы, свободной
„Дщери его черноокой, и въ Хризу святой не представятъ
„Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклонимъ.

Слово скончавши, возсѣлъ Ѳесторѝдъ; и отъ сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамѐмнонъ,
Гнѣвомъ волнуемъ; ужасной въ груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засвѣтилися какъ пламень.
Ка̀лхасу первому, смотря свирѣпо, вѣщалъ Агамѐмнонъ:

„Бѣдъ предвѣщатель, пріятнаго ты никогда не сказалъ мнѣ!
„Радостно вѣрно тебѣ, человѣкамъ бѣды лишь пророчить;
„Добраго слова еще ни измолвилъ ты намъ, ни исполнилъ.

„Се, и теперь ты для насъ какъ глаголъ проповѣдуешь бога,
„Будто народу бѣды дальномечущій Фебъ устроетъ
„Мстя, что блестящихъ даровъ за свободу принять Хризеиды
„Я не хотѣлъ; но въ душѣ я желалъ черноокую дѣву
„Въ домъ мой ввести; предпочелъ бы ее и самой Клитемнестрѣ,
„Дѣвою взятой въ супруги; ее Хризеида не хуже
„Прелестью вида, пріятствомъ своимъ и умомъ и дѣлами!
„Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требуетъ польза:
„Лучше хочу я спасеніе видѣть, чѣмъ гибель народа.
„Вы жъ мнѣ въ сей день замѣните награду; да въ станѣ Аргивскомъ
„Я безъ награды одинъ не останусь; позорно бъ то было!
„Вы же то видите всѣ — отъ меня отходитъ награда.

Первый ему отвѣчалъ Пелеіонъ Ахиллесъ быстроногій:
„Славою гордый Атридъ, безпредѣльно корыстолюбивый!
„Гдѣ для тебя обрѣсти добродушнымъ Ахеямъ награду?
„Мы не имѣемъ нигдѣ сохраняемыхъ общихъ сокровищъ;
„Что въ городахъ разоренныхъ мы добыли, все раздѣлили:
„Снова жъ, что было дано, отбирать у народа, позорно!
„Лучше свою возврати, въ угожденіе богу. Но послѣ
„Втрое и вчетверо мы Аргивяне тебѣ то заплатимъ,
„Если даруетъ Зевсъ крѣпкостѣнную Трою разрушить.

Быстро, къ нему обратяся, вѣщалъ Агамѐмнонъ могучій:
„Сколько ни доблестенъ ты, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
„Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успѣешь.
„Хочешь, чтобъ самъ обладалъ ты наградой; а я, чтобъ лишенный
„Молча сидѣлъ? и совѣтуешь мнѣ ты, чтобъ дѣву я выдалъ?...

„Если меня удовольствуютъ новою мздою Ахейцы,
„Столько жъ пріятною сердцу, достоинствомъ равною первой.
„Если жъ откажутъ, предстану я самъ, и исторгну изъ кущи
„Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одисея;
„Самъ я исторгну, и горе тому, предъ кого я предстану!
„Но объ этомъ бесѣдовать можемъ еще мы и послѣ.
„Нынѣ, черный корабль на священное море низпустимъ,
„Сильныхъ гребцовъ изберемъ, на корабль гекатомбу поставимъ,
„И сведемъ Хризеиду, румяноланитную дѣву.
„Въ немъ да возсядетъ Начальникомъ мужъ отъ Ахеянъ совѣтныхъ,
„Идоменей, Одисей Лаертидъ, иль Аяксъ Теламонидъ,
„Или ты самъ, Пелеіонъ, изъ мужей въ ополченьи страшнѣйшій!
„Шествуй, и къ намъ Аполлона умилостивь жертвой священной.

Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Царь, облеченный безстыдствомъ, коварный душею мздоимецъ!
„Кто изъ Ахеянъ захочетъ твои повелѣнія слушать?
„Кто, иль походъ совершитъ, иль съ враждебными храбро сразится?
„Я за себя ли пришелъ, чтобъ Троянъ, укротителей коней,
„Здѣсь воевать? — Предо мною ни въ чемъ не виновны Трояне:
„Мужъ ихъ ни коней моихъ, ни тельцовъ никогда не похитилъ;
„Въ счастливой Фѳіи моей, многолюдной, плодами обильной
„Нивъ никогда не топталъ; безпредѣльныя насъ раздѣляютъ
„Горы, поросшія лѣсомъ, и шумныя волны морскія.
„Нѣтъ, за тебя мы пришли, веселимъ мы тебя, на Троянахъ
„Чести ища Менелаю, тебѣ человѣкъ псообразный!
„Ты же, безстыдный! считаешь ничѣмъ то и все презираешь;
„Ты угрожаешь и мнѣ, что мою ты награду похитишь,

„Подвиговъ тягостныхъ мзду, драгоцѣннѣйшій даръ мнѣ Ахеянъ? . . .
„Но съ тобой никогда не имѣю награды я равной,
„Если Троянскій цвѣтущій Ахеяне градъ разгромляютъ.
„Нѣтъ, не смотря, что тягчайшее бремя томительной брани
„Руки мои подымаютъ; всегда, какъ раздѣлъ наступаетъ,
„Даръ богатѣйшій тебѣ; а я, и съ малымъ, пріятнымъ
„Въ станъ не ропща возвращаюсь, когда истомленъ ратоборствомъ.
„Нынѣ, во Фѳію иду; для меня несравненно пріятнѣй
„Въ домъ возвратиться на быстрыхъ судахъ; посрамленный тобою,
„Я не намѣренъ тебѣ умножать здѣсь добычь и сокровищъ.

Быстро воскликнулъ къ нему повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Что же, бѣги, если бѣгства ты жаждешь! тебя не прошу я
„Ради меня оставаться; останутся здѣсь и другіе;
„Честь мнѣ окажутъ они, а особенно Зевсъ промыслитель.
„Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ царями, питомцами Зевса!
„Распря единая, брань и убійство тебѣ лишь пріятны.
„Храбростью ты знаменитъ; но она дарованіе бога.
„Въ домъ возвратись, съ кораблями бѣги и съ дружиной своею;
„Властвуй своими Ѳессальцами! я о тебѣ не забочусь;
„Гнѣвъ твой вмѣняю въ ничто; а напротивъ, грожу тебѣ такъ я:
„Требуетъ богъ Аполлонъ, чтобы я возвратилъ Хризеиду;
„Я возвращу; и въ моемъ кораблѣ и съ моею дружиной [illegible]
„Дѣву пошлю; но къ тебѣ я пріиду, и изъ кущи твоей Бризеиду
„Самъ увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понялъ,
„Сколько я властію выше тебя, и чтобъ каждый страшился,
„Равнымъ себя мнѣ считать и надменно верстаться со мною!

Рекъ онъ; и горько Пелиду то стало: могучее сердце
Въ персяхъ героя власатыхъ межъ двухъ волновалося мыслей:
Или, немедля исторгнувши мечь изъ влагалища острый,
Встрѣчныхъ разсыпать ему и убить властелина Атрида?
Или — свирѣпство смирить, обуздавъ огорченную душу?
Въ мигъ, какъ подобными думами разумъ и душу волнуя,
Страшный свой мечъ изъ ноженъ извлекалъ онъ, — явилась Аѳина,
Съ неба слетѣвъ; низпослала ее златотронная Гера,
Сердцемъ любя и храня обоихъ бранноносцевъ; Аѳина
Ставъ за хребтомъ, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочимъ не зримая въ сонмѣ.
Онъ ужаснулся и, вспять обратяся, позналъ несомнѣнно
Дочь громовержцеву: страшнымъ огнемъ ея очи горѣли.
Къ ней обращенный лицемъ, устремилъ онъ крылатыя рѣчи:

„Что ты, о дщерь Эгіоха, сюда низошла отъ Олимпа?
„Или желала ты видѣть царя Агамемнона буйство?
„Но реку я тебѣ, и реченное скоро свершится:
„Скоро сей смертный своею гордынею душу погубитъ!

Сыну Пелея рекла свѣтлоокая дщерь Эгіоха:
„Бурный твой гнѣвъ укротить я, когда ты безсмертнымъ покоренъ,
„Съ неба сошла; низпослала меня златотронная Гера;
„Васъ обоихъ равномѣрно и любитъ она и спасаетъ.
„Кончи раздоръ Пелеіонъ, и довольствуя гнѣвное сердце,
„Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
„Я предрекаю, и оное скоро исполнено будетъ:

„Скоро трикраты тебѣ знаменитыми столькожъ дарами
„Здѣсь за обиду заплатятъ: смирися и намъ повинуйся.

Къ ней обращаяся вновь, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повелѣнія ваши.
„Какъ мой ни пламененъ гнѣвъ, но покорность полезнѣе будетъ:
„Кто безсмертнымъ покоренъ, тому и безсмертные внемлютъ.

Рекъ, и на сребренномъ черенѣ стиснулъ могучую руку,
И огромный свой мечъ въ ножны опустилъ, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася къ Олимпу,
Въ домъ Эгіоха отца, небожителей къ свѣтлому сонму.
Но Пелидъ быстроногій суровыми снова словами
Къ сыну Атрея вѣщалъ, и отнюдь не обуздывалъ гнѣва:

„О винопійца, со взорами пса, но съ душею еленя!
„Ты никогда ни въ рѣшительный бой ополчиться съ народомъ,
„Ни пойти на засаду съ храбрѣйшими рати мужами
„Сердцемъ твоимъ не дерзнулъ: для тебя то кажется смертью.
„Лучше и легче стократъ по широкому стану Ахеянъ
„Грабить дары у того, кто тебѣ прекословить посмѣетъ.
„Царь пожиратель народа! Зане надъ презрѣнными царь ты:
„Или, Атридъ, ты нанесъ бы обиду, послѣднюю въ жизни!
„Но тебѣ говорю, и великою клятвой клянуся,
„Скипетромъ симъ я клянуся, который ни листьевъ, ни вѣтвей
„Вновь не испуститъ, однажды оставивъ свой корень на холмахъ;
„Вновь не прозябнетъ: на немъ изощренная мѣдь обнажила
„Листья и кору; и нынѣ которой Ахейскіе мужи

„Носятъ въ рукахъ судіи, уставовъ Зевесовыхъ стражи:
„Скиптръ сей тебѣ предъ Ахейцами будетъ великою клятвой:
„Время придетъ, какъ Данаевъ сыны пожелаютъ Пелида
„Всѣ до послѣдняго; ты жъ, и крушася, безсиленъ имъ будешь
„Помощь подать, какъ толпы ихъ отъ Гектора мужеубійцы
„Свергнутся въ прахъ; и душей ты своей истерзаешься, бѣшенъ
„Самъ на себя, что Ахейца храбрѣйшаго такъ обезславилъ.

Такъ произнесъ, и на землю стремительно скипетръ онъ бросилъ,
Вкругъ золотыми гвоздями блестящій, и сѣлъ межъ царями.
Противъ Атридъ Агамемнонъ свирѣпствовалъ сидя; и Несторъ,
Мужъ сладковѣщій возсталъ, громогласный витія Пилоскій:
Рѣчи, изъ устъ его вѣщихъ, сладчайшія меда, лилися.
Два поколѣнья уже современныхъ ему человѣковъ
Скрылись, которыя нѣкогда съ нимъ возрастали и жили
Въ Пилосѣ пышномъ; надъ третьимъ ужъ племенемъ царствовалъ старецъ.
Онъ, благомыслія полный, совѣтуетъ имъ и вѣщаетъ:

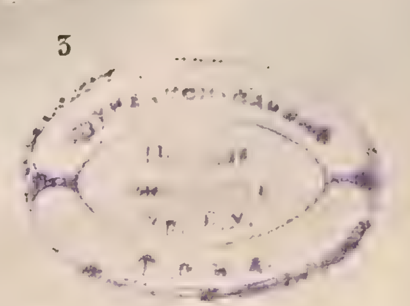
„Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
„О! возликуетъ Пріамъ и Пріамовы гордыя чада,
„Всѣ обитатели Трои безмѣрно восхитятся духомъ,
„Если услышатъ, что вы воздвигаете горькую распрю,
„Вы, межъ Данаями первые въ сонмахъ и первые въ битвахъ!
„Но, покоритесь, могучіе! оба меня вы моложе.
„Я уже древле видалъ знаменитѣйшихъ васъ бранноносцевъ;
„Съ ними въ бесѣды вступалъ, и они не гнушалися мною.
„Онымъ подобныхъ мужей не видалъ я и видѣть не буду,
„Воевъ, каковъ Пириѳой и Дріасъ, предводитель народовъ,

„Грозный Эксадій, Кеней, Полифемъ, небожителямъ равный
„И рожденный Эгеемъ, Ѳезей, безсмертнымъ подобный!
„Се человѣки могучіе, слава сыновъ земнородныхъ!
„Были могучи они, съ могучими въ битвы вступали,
„Съ лютыми чадами горъ, и сражали ихъ боемъ ужаснымъ.
„Былъ я однако и съ оными въ дружествѣ, бросивши Пилосъ,
„Дальнюю Апіи землю; меня они вызвали сами.
„Тамъ я, по силамъ моимъ подвизался; но съ ними сразиться
„Кто бы дерзнулъ отъ живущихъ теперь человѣковъ наземныхъ?
„Но, и они мой совѣтъ принимали, и слушали рѣчи.
„Будьте и вы послушны; слушать совѣты полезно.
„Ты, Агамѐмнонъ, какъ ни могущъ, не лишай Ахиллеса
„Дѣвы; ему какъ награду ее даровали Ахейцы.
„Ты, Ахиллесъ, воздержись горделиво съ царемъ препираться:
„Чести подобной донынѣ еще не стяжалъ ни единый
„Царь скиптроносецъ, котораго Зевсъ возвеличивалъ славой.
„Мужествомъ ты знаменитъ, родила тебя матерь-богиня;
„Но сильнѣйшій здѣсь онъ, повелитель народовъ несчетныхъ.
„Сердце смири, Агамѐмнонъ: я, старецъ, тебя умоляю,
„Гнѣвъ отложи на Пелида героя, который сильнѣйшій
„Всѣмъ намъ Ахейцамъ оплотъ въ истребительной брани Троянской.

Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Такъ, справедливо ты все, и разумно, о старецъ, вѣщаешь:
„Но человѣкъ сей—ты видишь, хочетъ здѣсь всѣхъ перевысить,
„Хочетъ начальствовать всѣми, господствовать въ рати надъ всѣми,
„Хочетъ указывать всѣмъ; но не я покориться намѣренъ.
„Или, что храбрымъ его сотворили безсмертные боги,

„Тѣмъ позволяютъ ему говорить мнѣ въ лице оскорбленья?
Гнѣвно его перервавъ, отвѣчалъ Ахиллесъ благородный:
„Робкимъ, ничтожнымъ меня справедливо бы всѣ называли,
„Еслибъ во всемъ, что ни скажешь, тебѣ угождалъ я безмолвный.
„Требуй того отъ другихъ, возносяся властительствомъ; мнѣ же
„Ты не приказывай; слушать тебя не намѣренъ я болѣ!
„Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердцѣ:
„Въ битву съ оружьемъ въ рукахъ никогда за плѣненную дѣву
„Я не вступлю, ни съ тобой и ни съ кѣмъ; отымайте, что дали!
„Чтожъ до корыстей другихъ, въ кораблѣ моемъ черномъ хранимыхъ,
„Противу воли моей ничего ты изъ нихъ не похитишь!
„Или, приди и отвѣдай, пускай и другіе увидятъ:
„Черная кровь изъ тебя вкругъ копья моего заструится!

Такъ воеводы жестокими оба словами сражаясь,
Встали отъ мѣстъ, и разрушили сонмъ предъ судами Ахеянъ.
Царь Ахиллесъ къ Мирмидонскимъ своимъ кораблямъ быстролетнымъ
Гнѣвный отшелъ, и при немъ Менетидъ и друзья Мирмидоны.
Царь Агамѐмнонъ—легкій корабль низпустилъ на пучину,
Двадцать избралъ гребцовъ, поставилъ на немъ гекатомбу,
Даръ Аполлону, и самъ Хризеиду, прекрасную дѣву
Взвелъ на корабль; повелителемъ сталъ Одиссей велѐмудрый;
Быстро они, устремяся, по влажнымъ путямъ полетѣли.
Тою порою Атридъ повелѣлъ очищаться Ахейцамъ;
Всѣ очищались они и нечистое въ море метали.
Послѣ, избравъ совершенныя Фебу царю гекатомбы,
Козъ и тельцовъ сожигали у брега безплоднаго моря;
Туковъ воня до небесъ восходила съ клубящимся дымомъ.

Такъ Аргивяне трудилися въ станѣ; но царь Агамѐмнонъ
Злобы еще не смирялъ и угрозъ не забылъ Ахиллесу:
Онъ, призвавъ предъ лице Талѳбія и съ нимъ Эврибата,
Вѣрныхъ клевретовъ и вѣстниковъ, такъ заповѣдывалъ, гнѣвный:

„Шествуйте, вѣрные вѣстники, въ сѣнь Ахиллеса Пелида;
„За руки взявъ, предъ меня Бризеиду не медля представьте:
„Если же онъ не отдастъ, возвратитеся, самъ я исторгну;
„Съ силой къ нему я прійду, и преслушному горестнѣй будетъ!

Такъ произнесъ и послалъ, заповѣдавши грозное слово.
Мужи пошли не охотно по берегу шумной пучины;
И приближася къ кущамъ и къ быстрымъ судамъ Мирмидоновъ,
Тамъ обрѣтаютъ его, передъ кущей своею сидящимъ
Въ думѣ; пришедшихъ увидя, не радость Пелидъ обнаружилъ.
Оба смутилися они, и въ почтительномъ страхѣ къ владыкѣ
Стали, ни вѣсти сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцемъ своимъ то проникъ, и вѣщалъ имъ Пелидъ благородный:

„Здравствуйте, мужи глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ!
„Ближе предстаньте; ни въ чемъ вы не винны, но царь Агамѐмнонъ!
„Онъ васъ послалъ за наградой моей, за младой Бризеидой.
„Другъ, благородный Патроклъ, изведи и отдай Бризеиду;
„Пусть похищаютъ; но сами они же свидѣтели будутъ
„И предъ сонмомъ боговъ и предъ племенемъ всѣхъ человѣковъ,
„И предъ царемъ симъ неистовымъ: ежели нѣкогда снова
„Нужда настанетъ во мнѣ, чтобъ спасти отъ позорнѣйшей смерти
„Рать остальную.... свирѣпствуетъ вѣрно онъ, умъ погубивши;

„Свесть настоящаго съ будущимъ онъ не умѣя, не видитъ,
„Какъ при судахъ обезпечить спасеніе рати Ахейской!

Рекъ, и Менетіевъ сынъ покорился любезному другу,
За руку вывелъ изъ сѣни прекрасно-ланитую дѣву,
Отдалъ посламъ; и они удаляются къ сѣнямъ Ахейскимъ;
Съ ними отходитъ печальная дѣва. — Тогда прослезяся,
Бросилъ друзей Ахиллесъ, и далеко отъ всѣхъ, одинокій,
Сѣлъ у пучины сѣдой и, взирая на понтъ темноводный,
Руки въ слезахъ простиралъ, умоляя любезную матерь:

„Матерь! когда ты меня родила уже столь кратковѣчнымъ,
„Славы не долженъ ли былъ присудить мнѣ высокогремящій
„Зевсъ Эгіохъ? но меня никакой не сподобилъ онъ чести!
„Гордый могуществомъ царь, Агамѐмнонъ меня обезчестилъ:
„Подвиговъ бранныхъ награду похитилъ, и властвуетъ ею!

Такъ онъ въ слезахъ вопіялъ; и услышала вопль его матерь,
Въ безднахъ сидящая моря, въ обители старца Нерея:
Быстро изъ пѣннаго моря, какъ легкое облако, вышла;
Сѣла близъ милаго сына, струящаго горькія слезы;
Нѣжно ласкала рукой, называла, и такъ говорила:

„Что ты, о сынъ мой, рыдаешь? какая печаль посѣтила
„Сердце твое? не скрывайся, повѣдай, да оба мы знаемъ.
Ей, тяжело застонавъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Знаешь, о матерь; почто тебѣ знающей все возвѣщать мнѣ?
„Мы на священные Ѳивы, на градъ Гетіоновъ ходили;

*

„Градъ разгромили, и все, что ни взяли, представили стану.
„Все межъ собою, какъ должно, Ахеянъ сыны раздѣлили:
„Сыну Атрееву Хризову дочь лѣповидную дали.
„Вскорѣ Хризъ, Іерей престарѣлый царя Аполлона,
„Къ чернымъ предсталъ кораблямъ Аргивянъ мѣднобронныхъ, желая
„Плѣнную дочь искупить; и принесши безчисленный выкупъ,
„И держа въ рукахъ, на жезлѣ золотомъ, Аполлоновъ
„Свѣтлый вѣнецъ, умолялъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,
„Паче жъ Атрядовъ могучихъ, строителей рати Ахейской.
„Всѣ изъявили согласіе, крикомъ всеобщимъ, Ахейцы,
„Честь жрецу оказать и принять блистательной выкупъ;
„Но Атриду царю, одному не угодно то было:
„Гордо жреца онъ отринулъ, суровыя рѣчи вѣщая.
„Жрецъ огорчился и вспять отошелъ; но ему Сребролукій
„Скоро молящемусь внялъ: Аполлону любезенъ былъ старецъ:
„Внялъ, и стрѣлу истребленья послалъ на Данаевъ; народы
„Гибли, толпа на толпѣ, и безсмертнаго стрѣлы летали
„Съ края на край по широкому стану.—Тогда прорицатель,
„Калхасъ премудрый повѣдалъ священныя Феба глаголы.
„Первый совѣтовалъ я укротить раздраженнаго бога.
„Гнѣвъ Атреона объялъ; свирѣпый, онъ съ мѣста воспрянулъ,
„Началъ словами грозить, и угрозы его совершились!
„Въ Хризу священника дщерь быстроокіе чада Ахеянъ
„Въ легкомъ везутъ кораблѣ, и дары примиренія богу;
„Но недавно ко мнѣ приходили послы, и изъ кущи
„Бризову дщерь увели, драгоцѣннѣйшій даръ мнѣ Ахеянъ!
„Матерь! когда ты сильна, заступися за храбраго сына!
„Нынѣ жъ взойди на Олимпъ и моли всемогущаго Зевса,

„Ежели сердцу его угождала ты словомъ иль дѣломъ.
„Часто я въ домѣ родителя, въ дни еще юности, слышалъ,
„Часто хвалилася ты, что отъ Зевса сгустителя облакъ
„Ты изъ безсмертныхъ одна отвратила презрѣнныя козни,
„Въ день, какъ отца оковать Олимпійскіе боги дерзнули,
„Гера и царь Посидаонъ и съ ними Аѳина Паллада.
„Ты, о богиня, представъ, уничтожила ковы на Зевса;
„Ты на Олимпъ многохолмный призвала Сторукаго въ помощь,
„Коему имя—въ богахъ Бріарей, Эгеонъ въ человѣкахъ:
„Страшный титанъ, и отца своего превышающій силой,
„Онъ близъ Кронида возсѣлъ, и огромный и славою гордый.
„Боги его ужаснулись и всѣ отступили отъ Зевса.
„Зевсу напомни о томъ, и моли, обнимая колѣна,
„Пусть онъ отецъ возжелаетъ, въ бояхъ поборать за Пергамлянъ;
„Но Аргивянъ, утѣсняя до самыхъ судовъ и до моря,
„Смертью разить, да своимъ Аргивяне царемъ насладятся;
„Самъ же сей царь многовластный, надменный Атридъ, да познаетъ
„Сколь онъ преступенъ, Ахейца храбрѣйшаго такъ обезчестивъ.

Сыну въ отвѣтъ говорила Ѳетида, ліющая слезы:
„Сынъ мой! почто я тебя воспитала, рожденнаго къ бѣдствамъ!
„Даруй Зевесъ, чтобы ты предъ судами безъ слезъ и печалей
„Могъ оставаться. Кратокъ твой вѣкъ и предѣлъ его близокъ!
„Нынѣ ты вмѣстѣ и всѣхъ кратковѣчнѣй и всѣхъ злополучнѣй!
„Въ злую годину, о сынъ мой, тебя я въ дому породила!
„Но, вознесусь на Олимпъ многоснѣжный; метателю молній
„Все я повѣдаю Зевсу: быть можетъ, вонметъ онъ моленью.
„Ты же теперь, оставайся при быстрыхъ судахъ Мирмидонскихъ,

„Гнѣвъ на Ахеянъ питай, и отъ битвъ удержись совершенно.
„Зевсъ громовержецъ вчера къ отдаленнымъ водамъ Океана,
„Съ сонмомъ безсмертныхъ, на пиръ къ Эѳіопамъ отшелъ непорочнымъ;
„Но въ двѣнадцатый день возвратится снова къ Олимпу;
„И тогда я пойду къ мѣднозданному Зевсову дому,
„И къ ногамъ припаду и царя умолить уповаю.

Слово скончала и скрылась, оставя печальнаго сына,
Въ сердцѣ питавшаго скорбь о красно-опоясанной дѣвѣ,
Силой Атрида отъятой.—Межъ тѣмъ Одиссей велемудрый
Хризы веселой достигъ съ гекатомбой священною Фебу.
Съ шумомъ легкій корабль вбѣжалъ въ глубодонную пристань;
Всѣ паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту къ гнѣзду притянули, поспѣшно спустивъ на канатахъ,
И корабль въ пристанище дружно пригнали на веслахъ.
Тамъ они котвы бросаютъ, причалы къ пристанищу вяжутъ,
И съ дружиною сами сходятъ на берегъ пучины,
И низводятъ тельцовъ, гекатомбу царю Аполлону,
И во слѣдъ Хризеида на отчую землю нисходитъ.
Дѣву тогда къ алтарю повелъ Одиссей благородный,
Старцу въ объятія отдалъ и словомъ привѣтствовалъ мудрымъ:

„Феба служитель! меня посылаетъ Атридъ Агамѐмнонъ
„Дочерь тебѣ возвратить, и Фебу царю гекатомбу
„Здѣсь за Данаевъ принесть, да преклонимъ на милость владыку,
„Въ гнѣвѣ на племя Данаевъ пославшаго тяжкія бѣдства.
Рекъ и вручилъ Хризеиду, и старецъ съ веселіемъ обнялъ
Милую дочь. — Между тѣмъ гекатомбную славную жертву

Вкругъ алтаря велелѣпнаго стройно становятъ Ахейцы,
Руки водой омываютъ, и соль и ячмень подымаютъ.
Громко Хризъ возмолился, горѣ воздѣвающій руки:

„Фебъ сребролукій, внемли мнѣ! о ты, что хранящій обходишь
„Хризу, священную Киллу и мощно царишь въ Тенедосѣ!
„Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышалъ
„И прославилъ меня, поразивши бѣдами Ахеянъ;
„Также и нынѣ услышь, и исполни моленіе старца:
„Нынѣ погибельный моръ отврати отъ народовъ Ахейскихъ.

Такъ онъ взывалъ; и услышалъ его Аполлонъ сребролукій.
Кончивъ молитву, ячменемъ и солью осыпали жертвы,
Выи имъ подняли въ верхъ, закололи, тѣла освѣжили,
Бедра немедля отсѣкли, обрѣзаннымъ тукомъ покрыли
Вдвое кругомъ, и на нихъ положили останки сырые.
Жрецъ на дровахъ сожигалъ ихъ, багрянымъ виномъ окропляя;
Юноши, окрестъ его, въ рукахъ пятизубцы держали.
Бедра сожегши они, и вкусивши утробъ отъ закланныхъ,
Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно и, все уготовя, снимаютъ.
Кончивъ заботу сію, Ахеяне пиръ учредили;
Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ;
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Юноши, паки виномъ наполнивши до верху чаши,
Кубками всѣмъ подносили, отъ правой страны начиная.
Цѣлый Ахеяне день ублажали пѣніемъ бога;
Громкій пеанъ Аполлону Ахейскіе отроки пѣли,
Славя его стрѣловержца; и онъ веселился внимая.

Солнце жъ едва закатилось и на землю сумракъ спустился,
Спу предалися пловцы у причалъ мореходнаго судна.
Но, лишь явилась заря, розоперстая вѣстница утра,
Въ путь поднялися обратный, къ широкому стану Ахейцы.
Съ мѣста попутный имъ вѣтеръ послалъ Аполлонъ сребролукій:
Мачту поставили, парусы бѣлые всѣ распустили;
Средній немедленно вѣтеръ надулъ, и поплывшему судну,
Страшно вкругъ киля его зашумѣли пурпурныя волны;
Быстро оно по волнамъ, бразды оставляя, летѣло.
Послѣ, какъ скоро достигли Ахейскаго ратнаго стана,
Черное судно они извлекли на покатую сушу,
И, высоко, на пескѣ, подкативши огромныя бревна,
Сами разсѣялись всѣ по судамъ и по кущамъ Ахейскимъ.

Онъ между тѣмъ враждовалъ, при судахъ оставаяся черныхъ,
Зевсовъ питомецъ Пелидъ, Ахиллесъ, быстроногій ристатель.
Не былъ уже ни въ совѣтахъ, мужей украшающихъ славой,
Не былъ уже ни въ бояхъ; сокрушающій сердце печалью,
Праздный сидѣлъ; но душою алкалъ онъ и брани и боя.

Съ оной поры наконецъ двѣнадцать денницъ совершилось,
И на свѣтлый Олимпъ возвратилися вѣчные боги
Всѣ совокупно; предшествовалъ Зевсъ. Не забыла Ѳетида
Сына моленій: рано возникла изъ пѣннаго моря,
Съ раннимъ туманомъ взошла на великое небо, къ Олимпу;
Тамъ, одного возсидящаго молній метателя Зевса
Видитъ на самой вершинѣ горы многоверхой, Олимпа;
Близко предъ нимъ возсѣдаетъ и быстро обнявши колѣна,

Лѣвой рукою, а правой подбрадія тихо касаясь,
Такъ говоритъ, умоляя отца и владыку безсмертныхъ:

„Если когда я, отецъ нашъ, тебѣ отъ безсмертныхъ угодна
„Словомъ была, или дѣломъ, исполни одно мнѣ моленье!
„Сына отмсти мнѣ, о Зевсъ! кратковѣчнѣе всѣхъ онъ Данаевъ;
„Но его Агамемнонъ властитель мужей обезславилъ:
„Самъ у него и похитилъ награду и властвуетъ ею.
„Но отмсти его ты, промыслитель небесный Кроніонъ!
„Ратямъ Троянскимъ даруй одолѣнье, доколѣ Ахейцы
„Сына почтить не предстанутъ и чести его не возвысятъ.

Такъ говорила; но ей не отвѣтствуя тучь воздыматель,
Долго безмолвный сидѣлъ; а она, какъ объяла колѣна,
Такъ ихъ держала, припавши, и снова его умоляла:

„Дай непреложный обѣтъ, и священное маніе сдѣлай,
„Или отвергни: ты страха не знаешь: реки, да увѣрюсь,
„Всѣхъ ли презрѣннѣйшей я межъ безсмертныхъ богинь остаюся.

Ей, воздохнувши глубоко, отвѣтствовалъ тучь воздыматель:
„Скорбное дѣло, ненависть ты на меня возбуждаешь
„Геры надменной: озлобитъ меня оскорбительной рѣчью;
„Гера и такъ непрестанно, предъ сонмомъ безсмертныхъ, со мною
„Споритъ и вопитъ, что я за Троянъ поборяю во брани.
„Но удалися теперь, да тебя на Олимпѣ не узритъ
„Гера; о прочемъ заботы пріемлю я самъ, и исполню:
„Зри, да имѣешь вѣру, — тебѣ я главой помаваю.

„Се отъ лица моего для безсмертныхъ боговъ величайшій
„Слова залогъ: не возвратно то слово, во вѣкъ не преложно,
„И не свершиться не можетъ, когда я главой помаваю.

Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:
Быстро власы благовонные въ верхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы; и потрясся Олимпъ многохолмный.

Такъ совѣщались они и расталися. Быстро Ѳетида
Ринулась въ бездну морскую съ блистательныхъ высей Олимпа;
Зевсъ возвратился въ чертогъ; и отъ троновъ воспрянули боги
Въ срѣтенье Зевсу отцу: не дерзнулъ ни одинъ отъ безсмертныхъ
Сидя грядущаго ждать, но во срѣтенье всѣ поднялися.

Тамъ Олимпійскій возсѣлъ на престолѣ; но Гера не праздно
Все соглядала; узрѣла какъ съ нимъ полагала совѣты
Старца пучиннаго дочь, среброногая матерь Пелида.
Быстро, съ язвительной рѣчью, она обратилась на Зевса:

„Кто изъ безсмертныхъ съ тобою, коварный, строилъ совѣты?
„Знаю, пріятно тебѣ, отъ меня завсегда сокровенно,
„Тайныя думы держать; никогда ты собственной волей
„Мнѣ не рѣшился повѣдать ни слова, изъ помысловъ тайныхъ!

Ей отвѣчалъ повелитель боговъ и отецъ человѣковъ:
„Гера, совѣты мои не всѣ ты надѣйся увѣдать;
„Тягостны будутъ тебѣ, хотя ты мнѣ и супруга!
„Что невозбранно познать, никогда никто не познаетъ

„Прежде тебя, ни отъ сонма земныхъ, ни отъ сонма небесныхъ.
„Если жъ одинъ, безъ боговъ, восхощу я совѣты замыслить,
„Ты ни меня вопрошай, ни сама не извѣдывай оныхъ.

Къ Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
„Мрачный Кронидъ! какія ты рѣчи, жестокій, вѣщаешь?
„Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что извѣдать
„Вѣкъ не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.
„Я и теперь объ одномъ трепещу, да тебя не преклонитъ
„Старца пучиннаго дочь, среброногая матерь Пелида:
„Рано возсѣла съ тобой и колѣна твои обнимала;
„Ей помавалъ ты, какъ я примѣчаю, желая Пелида
„Честь отомстить, и толпы Аргивянъ истребить предъ судами.

Герѣ отвѣтствовалъ вновь воздымающій тучи Кроніонъ:
„Дивная! все примѣчаешь ты, вѣчно меня соглядаешь!
„Но произвесть ничего не успѣешь; болѣе только
„Сердце мое отвратишь, и тебѣ то ужаснѣе будетъ!
„Если содѣлалось такъ; безъ сомнѣнія, мнѣ то угодно!
„Ты же безмолвно сиди, и глаголамъ моимъ повинуйся!
„Или, тебѣ не помогутъ ни всѣ божества на Олимпѣ,
„Если возставъ, наложу на тебя необорныя руки.

Рекъ; устрашилась его волоокая Гера богиня,
И безмолвно сидѣла, свое побѣдившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.
Тутъ Олимпійскій художникъ, Гефестъ бесѣдовать началъ,
Матери милой усердствуя, Герѣ лилейно-раменной:

„Горестны будутъ такія дѣла, наконецъ нестерпимы,
„Ежели вы и за смертныхъ съ подобной враждуете злобой!
„Ежели въ сонмѣ боговъ воздвигаете смуту! исчезнетъ
„Радость отъ пиршества свѣтлаго, ежели зло торжествуетъ!
„Матерь, тебя убѣждаю, хотя и сама ты премудра,
„Зевсу царю окажи покорность, да паки безсмертный
„Гнѣвомъ не грянетъ, и намъ не смутитъ безмятежнаго пира.
„Если восхощетъ отецъ, Олимпіецъ громами блестящій,
„Всѣхъ отъ престоловъ низвергнетъ; —могуществомъ всѣхъ онъ превыше!
„Матерь, потщися могучаго сладкими тронуть словами,
„И немедленно къ намъ Олимпіецъ милостивъ будетъ.

Такъ произнесъ, и поднявшись, блистательный кубокъ двудонный
Матери милой подноситъ, и снова такъ ей вѣщаетъ:

„Милая мать, претерпи и снеси, какъ ни горестно сердцу!
„Сыну толико драгая, не дай на себѣ ты увидѣть
„Зевса ударовъ; безсиленъ я буду, хотя и крушася,
„Помощь подать: тяжело Олимпійцу противиться Зевсу!
„Онъ уже древле меня, побужденнаго сердцемъ на помощь,
„Ринулъ, за ногу схвативъ, и низвергнулъ съ небеснаго прага.
„Несся стремглавъ я весь день, и съ закатомъ блестящаго солнца
„Палъ на божественный Лемносъ, едва сохранившій дыханье.
„Тамъ Синтійскіе мужи меня дружелюбно пріяли.

Рекъ; улыбнулась богиня, лилейно-раменная Гера,
И съ улыбкой отъ сына блистательный кубокъ пріяла.
Онъ и другимъ небожителямъ, съ правой страны начиная,

Сладостный нектаръ подноситъ, черпая кубкомъ изъ чаши.
Смѣхъ несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогу вокругъ суетится.

Такъ во весь день до зашествія солнца блаженные боги
Всѣ пировали, сердца услаждая на пиршествѣ общемъ
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей въ рукахъ Аполлона,
Пѣніемъ Музъ, отвѣчавшихъ бряцанію сладостнымъ гласомъ.

Но когда закатился свѣтъ блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонилися каждый въ обитель,
Гдѣ небожителю каждому домъ, на холмистомъ Олимпѣ,
Мудрый Гефестъ хромоногій по замысламъ творческимъ создалъ.
Зевсъ къ одру своему отошелъ, Олимпійскій блистатель,
Гдѣ и всегда почивалъ, какъ сонъ посѣщалъ его сладкій;
Тамъ онъ возшедши почилъ, и при немъ златотронная Гера.

СОДЕРЖАНІЕ.

Зевсъ, дабы отмстить за обиду, Ахиллесу нанесенную, посылаетъ Агамемнону, во время ночи, обольстительное сновидѣніе, что онъ наконецъ завоюетъ Трою; ст. 1—40. Агамемнонъ, обольщенный и жаждущій безъ Ахиллеса взять Трою, спѣшитъ, и сновидѣніе свое и намѣреніе вести на бой всѣхъ Данаевъ, открыть старѣйшинамъ; потомъ немедленно созываетъ собраніе народное; 41—100. Но, не довѣряя, готовъ ли народъ, безъ Ахиллеса, вступить въ сраженіе, испытываетъ духъ его и притворно совѣтуетъ возвратиться въ отечество, произнося свою рѣчь съ знаменитымъ въ рукахъ наслѣдственнымъ скиптромъ; 101—141. Народъ, войною утомленный, не понявъ намѣренія царя, быстро волнуется и бросается къ кораблямъ, чтобы готовиться къ отплытію; 142—154. Одиссей, Палладою возбужденный, низшедшею съ неба, убѣжденіями и угрозами укрощаетъ смятеніе народное, и своею властію вновь возстановляетъ собраніе; 155—210. Ѳерсита, мужа безобразнаго и злословнаго жестоко наказываетъ для примѣра другимъ; 211—277. Такъ укротивъ народъ, Одиссей новою рѣчью возбуждаетъ его на брань, воспоминая между прочимъ прежнія счастливыя знаменія и пророчество Калхаса, что Троя будетъ взята въ десятый годъ брани; 278—335. Въ такомъже разумѣ произноситъ рѣчь Несторъ, и вмѣстѣ совѣтуетъ употребить нѣкоторый родъ тактики, раздѣливъ народъ на племена и колѣна; 336—368. Агамемнонъ начинаетъ уже раскаиваться въ своей распрѣ съ Ахиллесомъ; приказываетъ бой и бранымъ жаромъ одушевляетъ всѣхъ; 369—393. Всѣ спѣшатъ вооружиться; между тѣмъ Агамемнонъ, заклавъ жертвы, старѣйшихъ вождей приглашаетъ на пиршество; прочіе быстро, по своимъ кущамъ, приносятъ жертвы богамъ, насыщаются и готовятся къ сраженію; 394—440. Вѣстники, по совѣту Нестора, созываютъ Ахеянъ на бой; вожди строятъ ихъ, каждый свое племя, и выводятъ къ сраженію; 441—483.—Подробное исчисленіе кораблей, народовъ и вождей, которые съ Агамемнономъ пришли на брань Троянскую; 484—785.—Трояне также, Политомъ извѣщенные о наступленіи Ахеянъ, подъ предводительствомъ Гектора, и сами и союзники ихъ, выходятъ въ поле, къ холму Батіеи; краткое исчисленіе Троянъ, союзниковъ и вождей ихъ; 786—877.

ПѢСНЬ II.

Всѣ, и бесмертные боги и коннодоспѣшные мужи
Спали всю ночь; но Кроніона сладостный сонъ не покоилъ.
Онъ волновался заботными думами, какъ Ахиллеса
Честь отомстить и Ахеянъ толпы истребить предъ судами.
Сердцу его наконецъ показалася лучшею дума:
Сонъ послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевсъ призываетъ его и крылатыя рѣчи вѣщаетъ:

„Мчися, обманчивый Сонъ, къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ;
„Вниди подъ сѣнь и явись Агимѐмнону сыну Атрея;
„Все ты ему возвѣсти непремѣнно, какъ я завѣщаю:
„Въ бой вести самому повели кудреглавыхъ Данаевъ
„Всѣ ополченія; нынѣ, вѣщай, завоюетъ Троянскій
„Градъ многолюдный: уже, на Олимпѣ имущіе домы,
„Боги не мнятъ разномысленно; всѣхъ наконецъ согласила
„Гера своею мольбой; и надъ Троею носится гибель.

Рекъ онъ; и Сонъ отлетѣлъ, повелѣнію Зевса покорный.
Быстрымъ полетомъ достигъ кораблей быстролетныхъ Аргивскихъ;
Къ кущамъ Атридовъ потекъ и обрѣлъ Агамѐмнона: въ кущѣ

*

Царь почивалъ, и надъ нимъ амврозическій сонъ разливался.
Сталъ надъ главой онъ царевой, Нелесву сыну подобный,
Нестору, болѣе всѣхъ Агамѐмноновъ чтимому старцу;
Образъ его воспріявъ, божественный Сонъ провѣщаетъ:

„Спишь, Агамѐмнонъ, спишь, сынъ Атрея, смирителя коней!
„Ночи во снѣ провождать подобаетъ ли мужу совѣта,
„Коему ввѣрено столько народа и столько заботы!
„Быстро внимай, что реку я: тебѣ я Кроніона вѣстникъ;
„Онъ и съ высокихъ небесъ о тебѣ милосердый печется;
„Въ бой вести тебѣ онъ велитъ кудреглавыхъ Данаевъ
„Всѣ ополченія; нынѣ, онъ рекъ, завоюешь Троянскій
„Градъ многолюдный; уже, на Олимпѣ имущіе домы,
„Боги не мнятъ разномысленно; всѣхъ наконецъ согласила
„Гера мольбой; и надъ Троею носится гибель отъ Зевса.
„Помни глаголы мои, сохраняй на душѣ, и страшися
„Ихъ позабыть, какъ тебя оставитъ сонъ благотворный.

Такъ говоря отлетѣлъ, и оставилъ Атреева сына,
Сердце предавшаго думамъ, которымъ не сужено сбыться.
Думалъ, что въ тотъ же онъ день завоюетъ Пріамову Трою.
Смертный безумный! не вѣдалъ онъ дѣлъ, устрояемыхъ Зевсомъ:
Снова рѣшился отецъ удручить и бѣдами и стономъ
Трои сыновъ и Данаевъ на новыхъ побоищахъ страшныхъ.
Вспрянулъ Атридъ, и божественный голосъ еще разливался
Вкругъ его слуха; возсѣлъ онъ и мягкимъ одѣлся хитономъ,
Новымъ, прекраснымъ, и сверху набросилъ широкую ризу;
Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ прекраснаго вида плесницы;

Сверху раменъ перекинулъ блистательный мечь среброгвоздный;
Въ руки же взявши отцовскій, во вѣки не гибнущій скипетръ,
Съ нимъ отошелъ къ кораблямъ мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ.

Вѣстница утра, заря на великій Олимпъ восходила,
Зевсу царю и другимъ небожителямъ свѣтъ возвѣщая;
И Атридъ повелѣлъ провозвѣстникамъ звонкоголосымъ
Кликать немедленно къ сонму Ахейскихъ сыновъ кудреглавыхъ.
Вѣстники подняли кличь: и Ахейцы стекалися быстро.
Прежде же онъ посадилъ на совѣтъ благодумныхъ старѣйшинъ,
Ихъ пригласивъ къ кораблю скиптроноснаго старца Нелида.
Тамъ Агамемнонъ, собравшимся, мудрый совѣтъ имъ устроилъ:

„Други! объятому сномъ, въ тишинѣ амврозической ночи,
„Дивный явился мнѣ Сонъ, благородному сыну Нелея
„Образомъ, ростомъ и свойствомъ Нестору чудно подобный!
„Сталъ надъ моей онъ главой и вѣщалъ мнѣ ясныя рѣчи:
„Спишь, Агамемнонъ, спишь, сынъ Атрея, смирителя коней!
„Ночи во снѣ провождать подобаетъ ли мужу совѣта,
„Коему ввѣрено столько народа и столько заботы!
„Быстро внимай, что реку я: тебѣ я Кроніона вѣстникъ.
„Онъ и съ высокихъ небесъ о тебѣ милосердый печется;
„Въ бой вести тебѣ онъ велитъ кудреглавыхъ Данаевъ
„Всѣ ополченія: нынѣ, вѣщалъ, завоюешь Троянскій
„Градъ многолюдный; уже, на Олимпѣ имущіе домы,
„Боги не мыслятъ разномысленно; всѣхъ наконецъ согласила
„Гера мольбой; и надъ Троею носится гибель отъ Зевса.
„Слово мое сохрани ты на сердцѣ.—И такъ произнесши,

„Онъ отлетѣлъ, и меня оставилъ сонъ благотворный.
„Други! помыслите, какъ ополчить кудреглавыхъ Данаевъ?
„Прежде я самъ, какъ и слѣдуетъ, ихъ испытаю словами;
„Я повелю имъ отъ Трои бѣжать на судахъ многовеслыхъ;
„Вы же одинъ одного отъ сего отклоняйте совѣтомъ.

Такъ произнесъ и возсѣлъ Атреіонъ; и возсталъ между ними
Несторъ почтенный, песчанаго Пилоса царь сѣдовласый;
Онъ, благомысленный, такъ говорилъ предъ собраньемъ старѣйшинъ:

„Други! вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ!
„Еслибъ подобный сонъ возвѣщалъ намъ другой отъ Ахеянъ,
„Ложью почлибъ мы его, и съ презрѣніемъ вѣрнобъ отвергли;
„Видѣлъ же тотъ, кто слыветъ знаменитѣйшимъ въ рати Ахейской;
„Дѣйствуйте, други, помыслите, какъ ополчить намъ Ахеянъ.

Такъ произнесши, поднялся идти изъ собранія Несторъ.
Всѣ поднялись, покорились Атриду, владыкѣ народовъ,
Всѣ скиптроносцы Ахеянъ; народы же рѣяли къ сонму.
Словно какъ пчелы, изъ горныхъ пещеръ вылетая роями,
Идутъ густыя, всечасно за купою новая купа;
Въ образѣ гроздій онѣ надъ цвѣтами весенними вьются,
Или то здѣсь, несчетной толпою, то тамъ пролетаютъ:
Такъ Аргивянъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Вкругъ по безмѣрному брегу, несчетные, къ сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и межъ оными Осса пылала,
Ихъ возбуждавшая, вѣстница Зевса, они собирались;
Бурно соборъ волновался; земля застонала подъ тьмами

Сѣдшихъ народовъ; воздвигнулся шумъ, и межъ оными девять
Гласомъ гремящихъ глашатаевъ, говоръ мятежный смиряя,
Звучно вопили, да внемлютъ царямъ, Зевеса питомцамъ.
И едва лишь народъ на мѣстахъ учрежденныхъ усѣлся,
Говоръ унявши, какъ пастырь народа возсталъ Агамѐмнонъ,
Съ царственнымъ скиптромъ въ рукахъ, Олимпійца Гефеста созданьемъ.
Скиптръ сей Гефестъ даровалъ молненосному Зевсу Крониду;
Зевсъ передалъ возвѣстителю Гермесу, Аргоубійцѣ;
Гермесъ вручилъ укротителю коней Пелопсу герою;
Конникъ Пелопсъ передалъ властелину народовъ Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предалъ Тіесту,
И Тіестъ наконецъ Агамѐмнону въ роды оставилъ,
Съ властью надъ тьмой острововъ и надъ Аргосомъ, царствомъ пространнымъ:
Онъ, опираясь на скипетръ, вѣщалъ къ возсѣдящимъ Ахеямъ:

„Други! герои Данайскіе, храбрые слуги Арея!
„Зевсъ громовержецъ меня уловилъ въ неизбѣжную гибель!
„Пагубный! прежде обѣтомъ и знаменьемъ самъ предназначилъ
„Мнѣ возвратиться рушителемъ Трои высокотвердынной.
„Нынѣ же злое прельщеніе онъ совершилъ, и велитъ мнѣ
„Въ Аргосъ безславнымъ бѣжать, погубившему столько народа!
„Такъ безъ сомнѣнія богу, всемощному Зевсу угодно.
„Многихъ уже онъ градовъ сокрушилъ высокія главы,
„И еще сокрушитъ; безпредѣльно могущество Зевса.
„Такъ,—но коликій позоръ объ насъ и потомкамъ услышать!
„Мы, и толикая рать и народъ таковой, какъ Данаи,
„Тщетныя битвы вели и безплодной войной воевали

„Съ меньшею ратью враговъ, и трудамъ конца не узрѣли
„Ибо, когдабъ возжелали Ахейцы и граждане Трои,
„Клятвою миръ утвердивши, народъ обоюдно изчислить;
„И Трояне собрались бы, всѣ сколько есть ихъ во градѣ;
„Мы же, Ахейскій народъ, раздѣлился тогда на десятки,
„Взяли бъ на каждый изъ нихъ отъ Троянскихъ мужей виночерпца;
„Многимъ десяткамъ у насъ не досталобъ мужей виночерпцевъ!
„Столько, еще повторю, числомъ превосходятъ Ахейцы
„Въ градѣ живущихъ Троянъ.—Но у нихъ многочисленны други,
„Храбрые, многихъ градовъ копьеборные мужи: они то
„Сильно меня отражаютъ, и мнѣ не даютъ, какъ ни жажду,
„Града разрушить враждебнаго, пышно устроенной Трои.
„Девять прошло круговратныхъ годовъ великаго Зевса:
„Древо у насъ въ корабляхъ изгниваетъ, канаты истлѣли;
„Дома и наши супруги и наши любезныя дѣти
„Сѣтуя, насъ ожидаютъ; а мы безнадежно здѣсь медлимъ,
„Дѣлу не видя конца, для котораго шли къ Иліону.
„Други, внемлите, и что повелю я вамъ, всѣ повинуйтесь:
„Должно бѣжать! возвратимся въ драгое отечество наше;
„Намъ не разрушить Трои, съ широкими стогнами града!

Такъ говорилъ; и Ахеянъ сердца взволновалъ Агамемнонъ
Всѣхъ въ многолюдной толпѣ, и не слышавшихъ рѣчи совѣтной.
Всталъ, всколебался народъ, какъ огромныя волны морскія,
Если и Нотъ и Эвръ, на водахъ Икарійскаго понта,
Ихъ воздымаютъ, ударивъ изъ облаковъ Зевса владыки.
Или, какъ Зефиръ обширную ниву жестоко волнуетъ,
Вдругъ налетѣвъ, и надъ нею бушующій, клонитъ колосья:

Такъ ихъ собраніе все взволновалося; съ крикомъ ужаснымъ
Бросились всѣ къ кораблямъ; подъ стопами ихъ прахъ подымаясь,
Облакомъ въ воздухѣ сталъ; вопіютъ, убѣждаютъ другъ друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищаютъ; уже до небесъ подымалися крики
Жаждущихъ въ домы; уже кораблей вырывали подпоры.

Такъ бы, судьбѣ вопреки, возвращеніе въ домы свершилось
Рати Ахейской; но Гера тогда провѣщала къ Аѳинѣ:

„Какъ, необорная дщерь воздымателя облаковъ Зевса!
„Или со срамомъ обратно, въ любезную землю отчизны
„Рать Аргивянъ побѣжитъ по хребтамъ безпредѣльнаго моря?
„Или на славу Пріаму, на радость гордымъ Троянамъ
„Бросятъ Елену Аргивскую, ради которой подъ Троей
„Столько Данаевъ погибло, далеко отъ родины милой?
„Мчися стремительно къ воинству мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ!
„Сладкою рѣчью твоей убѣждай ты каждаго мужа
„Въ море для бѣгства не влечь кораблей обоюду-весельныхъ.

Такъ изрекла; покорилась Аѳина владычицѣ Герѣ:
Бурно помчалась, съ вершины Олимпа высокаго бросясь;
Быстро достигла широкихъ судовъ Аргивянъ мѣднобронныхъ.
Тамъ обрѣла Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу:
Думенъ стоялъ и одинъ доброснастнаго чернаго судна
Онъ не касался: печаль въ немъ и сердце и душу пронзала.
Ставъ близь него, прорекла свѣтлоокая дщерь Эгіоха:

„Сынъ благородный Лаерта, герой, Одиссей многоумный!
„Какъ? со срамомъ обратно, въ любезную землю отчизны
„Вы ли отсель побѣжите, въ суда многомѣстные рѣясь?
„Вы ли на славу Пріаму, на радость Троянамъ Елену
„Бросите, Аргоса дочь, за которую столько Ахеянъ
„Здѣсь передъ Троей погибло, далеко отъ родины милой?
„Шествуй не медля къ народу Ахейскому; ревностно дѣйствуй:
„Сладостью рѣчи твоей убѣждай ты каждаго мужа,
„Въ море для бѣгства не влечь кораблей обоюду-весельныхъ.

Такъ провѣщала; и голосъ гремящій позналъ онъ богини:
Ринулся, сбросивъ и верхнюю ризу; но оную поднялъ
Слѣдомъ спѣшившій за нимъ Эврибатъ, Иѳакійскій глашатай.
Самъ Одиссей Лаертидъ, на пути Агамѐмнона встрѣтивъ,
Взялъ отъ владыки отцовскій, во вѣки не гибнущій скипетръ;
Съ онымъ скиптромъ пошелъ къ кораблямъ Аргивянъ мѣднобронныхъ.
Тамъ, властелина или знаменитаго мужа встрѣчая,
Къ каждому онъ подходилъ и удерживалъ кроткою рѣчью:

„Мужъ знаменитый! тебѣ ли, какъ робкому, страху вдаваться?
„Сядь, успокойся и самъ, успокой и другихъ межъ народа;
„Ясно еще ты не знаешь намѣреній думы царевой;
„Нынѣ испытывалъ онъ, и не медля накажетъ Ахеянъ;
„Въ сонмѣ не всѣ мы слышали, что говорилъ Агамѐмнонъ;
„Если онъ гнѣвенъ, жестоко, быть можетъ, поступитъ съ народомъ.
„Тягостенъ гнѣвъ царя, питомца Кроніона Зевса;
„Честь скиптроносца отъ Зевса, и любитъ его Промыслитель.

Еслижъ кого либо шумнаго онъ находилъ межъ народа,
Скиптромъ его поражалъ, и обуздывалъ грозною рѣчью:

„Смолкни, несчастный, возсядь, и другихъ совѣщанія слушай,
„Болѣ почтенныхъ, какъ ты! не воинственный мужъ и безсильный,
„Значущимъ ты никогда не бывалъ ни въ бояхъ ни въ совѣтахъ.
„Всѣмъ не господствовать, всѣмъ здѣсь не царствовать намъ Аргивянамъ!
„Нѣтъ въ многовластіи блага; да будетъ единый властитель,
„Царь намъ да будетъ единый, которому Зевсъ прозорливый
„Скиптръ даровалъ и законы, да царствуетъ онъ надъ другими.

Такъ онъ господствуя, рать подчинялъ; и на площадь собраній
Бросился паки народъ, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Съ воплемъ: подобно какъ волны немолчно-шумящаго моря
Въ берегъ огромный гремятъ, и гуломъ Понтъ оглашаютъ.

Всѣ успокоились; тихо въ мѣстахъ учрежденныхъ сидѣли;
Только Ѳерситъ межъ безмолвными каркалъ одинъ, празднословный;
Съ сердцемъ, готовымъ всегда на безчинныя, дерзскія рѣчи,
Вѣчно искалъ онъ царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себѣ, что казалось смѣшно для народа.
Мужъ безобразнѣйшій онъ изъ Геллады пришелъ къ Иліону:
Былъ косоглазъ, хромоногъ; совершенно горбатыя сзади
Плечи на персяхъ сходились; глава у него подымалась
Въ верхъ остріемъ, и была лишь рѣдкимъ усѣяна пухомъ.
Врагъ Одиссея, и злѣйшій еще ненавистникъ Пелида,
Ихъ онъ всегда порицалъ; но теперь скиптроносца Атрида
Съ крикомъ пронзительнымъ онъ поносилъ; на него Аргивяне

Гнѣвались страшно; уже возставалъ негодующихъ ропотъ;
Онъ же, усиля свой крикъ, порицалъ Агамѐмнона буйный:

„Что, Агамѐмнонъ, ты сѣтуешь, чѣмъ ты еще не доволенъ?
„Кущи твои преисполнены мѣди, и множество плѣнницъ
„Въ кущахъ твоихъ, которыхъ тебѣ Аргивяне избранныхъ
„Первому въ рати даемъ, когда мы градъ разоряемъ.
„Жаждешь ли злата еще, чтобъ его кто нибудь изъ Троянскихъ
„Конниковъ славныхъ принесъ для тебя, въ искупленіе сына,
„Коего въ узахъ я бы привелъ, иль другой Аргивянинъ?
„Хочешь ли новой жены, чтобъ любовію съ ней наслаждаться,
„Въ сѣнь одному заключившися? Нѣтъ, не достойное дѣло,
„Бывши главою народа, въ бѣды вовлекать насъ Ахеянъ!
„Слабое, робкое племя, Ахеянки мы, не Ахейцы!
„Въ домы свои отплывемъ; а его мы оставимъ подъ Троей,
„Здѣсь насыщаться чужими наградами; пусть онъ узнаетъ,
„Служимъ ли помощью въ брани и мы для него, иль не служимъ.
„Онъ Ахиллеса, его несравненно храбрѣйшаго мужа,
„Днесь обезчестилъ: похитилъ награду и властвуетъ сю!
„Мало въ душѣ Ахиллесовой злобы; онъ слишкомъ безпеченъ;
„Или, Атридъ, ты нанесъ бы обиду, послѣднюю въ жизни!

Такъ говорилъ, оскорбляя Атрида, владыку народовъ,
Буйный Ѳерситъ; но незапно къ нему Одиссей устремился,
Гнѣвно воззрѣлъ на него, и воскликнулъ голосомъ грознымъ:

„Смолкни, безумнорѣчивый, хотя громогласный витія!
„Смолкни Ѳерситъ, и не смѣй ты одинъ порицать скиптроносцевъ.

„Смертнаго болѣ презрѣннаго, нежели ты, я увѣренъ,
„Нѣтъ межъ Ахеянъ, съ сынами Атрея подъ Трою пришедшихъ.
„Имени нашихъ царей не вращай ты въ устахъ, велерѣча!
„Ихъ не дерзай порицать, ни рѣчей уловлять о возвратѣ!
„Знаетъ ли кто достовѣрно, чѣмъ окончится дѣло?
„Счастливо, или несчастливо мы возвратимся Ахейцы.
„Ты, злополучный, Атрида, вождя и владыку народовъ,
„Сидя злословишь, что слишкомъ ему Аргивяне герои
„Много даютъ; и обиды царю произносишь на сонмѣ!
„Но тебѣ говорю я, и слово исполнено будетъ:
„Если еще я тебя безразсуднымъ, какъ нынѣ, увижу;
„Пусть Одиссея глава на плечахъ на могучихъ не будетъ,
„Пусть я отъ онаго дня не зовуся отцемъ Телемака,
„Если, схвативши тебя, не сорву я твоихъ одѣяній,
„Хлены съ раменъ и хитона, и даже что̀ стыдъ покрываетъ,
„И, на взрыдъ вопіющимъ, тебя къ кораблямъ не пошлю я
„Вонъ изъ народнаго сонма, позорно избитаго мною.

Рекъ, и скиптромъ его по хребту и плечамъ онъ ударилъ;
Сжался Ѳерситъ, и изъ глазъ его брызнули крупныя слезы;
Вдругъ по хребту полоса, подъ тяжестью скиптра златаго,
Вздулась багровая; сѣлъ онъ, отъ страха дрожа; и отъ боли
Видъ безобразный наморщивъ, слезы оттеръ на ланитахъ.
Всѣ, какъ ни были смутны, отъ сердца надъ нимъ разсмѣялись;
Такъ говорили иные, взирая одинъ на другаго:

„Истинно, множество славныхъ дѣлъ Одиссей совершаетъ,
„Къ благу всегда и совѣтъ начиная и брань учреждая.

„Нынѣжъ герой Лаертидъ совершилъ знаменитѣйшій подвигъ:
„Нынѣ ругателя буйнаго онъ обуздалъ велерѣчье!
„Вѣрно впередъ не отважитъ его дерзновенное сердце
„Зевсу любезныхъ царей оскорблять недостойною рѣчью!

Такъ говорила толпа.—Но возсталъ Одиссей градоборецъ,
Съ царственнымъ скиптромъ въ рукахъ; и при немъ Тритогена Аѳина,
Въ образѣ вѣстника ставъ, повелѣла умолкнуть народамъ,
Чтобъ и въ ближнихъ рядахъ и въ далекихъ Данайскіе мужи
Слышали рѣчи его, и постигнули разумъ совѣта.
Онъ, благомыслія полный, витійствовалъ такъ передъ сонмомъ:

„Царь Агамѐмнонъ! тебѣ, скиптроносцу, готовятъ Ахейцы
„Вѣчный позоръ передъ племенемъ ясноглаголивыхъ смертныхъ;
„Слово исполнить тебѣ не радѣютъ, которое дали,
„Ратью сюда за тобою летя изъ цвѣтущей Геллады:
„Слово, лишь Трою разрушивъ великую, вспять возвратиться.
„Нынѣжъ Ахейцы, какъ слабые дѣти, какъ жены вдовицы,
„Плачутся другъ передъ другомъ, и жаждутъ лишь въ домъ возвратиться.
„Тягостна брань, и унылому радостно въ домъ возвратиться.
„Путникъ и мѣсяцъ одинъ, находяся вдали отъ супруги,
„Сѣтуетъ близъ корабля, снаряженнаго въ путь, но которой
„Держатъ и зимнія вьюги и волны мятежнаго моря.
„Намъ же, девятый уже исполняется годъ круговратный,
„Здѣсь пребывающимъ. Нѣтъ, не могу я роптать, что Ахейцы
„Сѣтуютъ сердцемъ, томясь при судахъ. Но, Ахейскіе мужи,
„Стыдъ намъ, и медлить такъ долго и праздно въ дома возвратиться!
„Нѣтъ, потерпите, о други, помедлимъ еще, да узнаемъ,

„Вѣрить ли намъ пророчеству Кàлхаса, или не вѣрить.
„Твердо мы оное помнимъ; свидѣтели всѣ Агривяне,
„Коихъ еще не постигнули смерть наносящія Парки:
„Прошлаго, третьяго ль дня, корабли Аргивянъ во Авлиду
„Сонмомъ слетались, несущіе гибель Пріаму и Трои.
„Мы, окружая потокъ, на святыхъ алтаряхъ гекатомбы
„Вѣчнымъ богамъ совершали, подъ яворомъ стоя прекраснымъ,
„Гдѣ, изъ-подъ корня древеснаго, била блестящая влага.
„Тамъ явилося чудо! Драконъ и кровавый и пестрый,
„Страшный для взора, самимъ Олимпійцемъ на свѣтъ извлеченный,
„Вдругъ, изъ подножья алтарнаго выползъ и взвился на яворъ.
„Тамъ, на стеблѣ высочайшемъ, въ гнѣздѣ, подъ листами таяся,
„Восемь птенцовъ воробьиныхъ, сидѣли, безперыя дѣти,
„И девятая матерь, не давно родившая пташекъ:
„Всѣхъ драконъ ихъ пожралъ, испускающихъ жалкіе крики.
„Матерь кругомъ ихъ летала, тоскуя о дѣтяхъ любезныхъ;
„Въ верхъ онъ извившись, схватилъ за крыло и стенящую матерь.
„Но едва поглотилъ онъ и юныхъ пернатыхъ и птицу,
„Чудо на немъ совершаетъ, ужаснаго свѣту явившій:
„Въ камень его превращаетъ сынъ хитроумнаго Крона.
„Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
„Страшное чудо боговъ при священныхъ явилося жертвахъ.
„Кàлхасъ исполнился духа, и такъ боговѣщій пророчилъ:
„Что вы умолкнули всѣ, кудреглавыя чада Геллады?
„Знаменьемъ симъ проявилъ намъ событіе Зевсъ промыслитель,
„Поздное, поздный конецъ, но котораго слава безсмертна!
„Сколько пернатыхъ птенцовъ поглотилъ драконъ сей кровавый,
„(Восемь ихъ было въ гнѣздѣ и девятая матерь пернатыхъ)

„Столько Ахейцы годовъ воевать мы подъ Троею будемъ;
„Но въ десятый разрушимъ обширную стогнами Трою.
„Такъ намъ предсказывалъ Калхасъ, и все совершается нынѣ.
„Бодрствуйтежъ, други, останемся всѣ, браноносцы Данаи,
„Здѣсь, пока не разрушимъ Пріамовой Трои великой!

Рекъ; и Ахеяне подняли крикъ; корабли и окрестность
Съ страшнымъ отгрянули гуломъ веселые крики Ахеянъ,
Рѣчь возносящихъ хвалой Одиссея, подобнаго богу.
Вскорѣ вѣщать межъ Ахейцами Несторъ божественный началъ:

„Боги! въ собраніи мы разглагольствуемъ праздно, какъ дѣти
„Слабые, коимъ и думы о бранныхъ дѣлахъ не знакомы.
„Что и моленія наши и клятвы священныя будутъ?
„Или въ огонь и совѣты пойдутъ и заботы Ахеянъ,
„Винъ возліянья и рукъ сочетанья на вѣрность союзовъ?
„Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи жъ дѣлу
„Мы изыскать не могли, долговременно здѣсь оставаясь:
„Свѣтлый Атридъ, и теперь какъ и прежде, душою ты твердый,
„Властвуй, Ахейскихъ сыновъ предводи на кровавыя битвы.
„Еслижъ изъ оныхъ—одинъ или два—помышляютъ не съ нами,
„Ихъ ты оставь исчезать: не исполнятся помыслы робкихъ:
„Нѣтъ, не воротимся въ Аргосъ, доколѣ мы въявь не познаемъ,
„Зевса, эгиды носителя, ложенъ обѣтъ, иль не ложенъ.
„Я утверждаю, успѣхъ знаменалъ всемогущій Кроніонъ,
„Въ самой тотъ день, когда на суда быстролетныя сѣли
„Рати Ахеянъ, Троянамъ грозя и бѣдою и смертью:
„Онъ одесную блисталъ, благовѣствуя рати Ахейской.

„Нѣтъ, да никто изъ Ахеянъ не думаетъ въ домъ возвратиться,
„Прежде, покуда Троянской жены на одрѣ не обыметъ,
„И не отмститъ за печаль и за тайныя слезы Елены.
„Если же кто либо сильно желаетъ лишь въ домъ возвратиться;
„Пусть корабля своего многовеслаго онъ прикоснется:
„Прежде другихъ, малодушный, найдетъ себѣ смерть и погибель!
„Царь, предлагай ты совѣтъ, но внимай и другаго совѣту.
„Мысль не презрѣнная будетъ, какую тебѣ предложу я.
„Воевъ, Атридъ, раздѣли ты на ихъ племена и колѣна;
„Пусть помогаетъ колѣно колѣну и племени племя.
„Если рѣшишься на то, и исполнить преклонишь Ахеянъ;
„Скоро узнаешь, какой у тебя изъ вождей иль народовъ
„Робокъ, иль мужественъ; всякъ за себя ратоборствовать будетъ;
„Вмѣстѣ узнаешь, по волѣ ль безсмертныхъ не рушишь ты града,
„Или по слабости войскъ и невѣдѣнью ратнаго дѣла.
Сыну Нелея не медля отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
„Всѣхъ ты Ахейскихъ мужей побѣждаешь, старецъ, совѣтомъ!
„Еслибъ, о Зевсъ отецъ, Аполлонъ и Аѳина Паллада!
„Десять такихъ у меня изъ Ахеянъ совѣтниковъ было;
„Скоро предъ нами поникнулъ бы градъ крѣпкостѣнный Пріама,
„Нашихъ героевъ руками плѣненный и въ прахъ обращенный!
„Но Кронидъ громовержецъ мнѣ лишь бѣды посылаетъ;
„Въ тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводитъ.
„Я съ Ахиллесомъ Пелидомъ сплзался за плѣнную дѣву
„Споромъ враждебнымъ; и я раздражаться, на горе мнѣ, началъ.
„Если же нѣкогда мы съединимся съ героемъ; увѣренъ,
„Гибели грозной отъ Трои ничто ни на мигъ не отклонитъ!
„Нынѣ спѣшите обѣдать, а послѣ начнемъ нападенье.

„Каждый потщися и дротъ изострить свой, и щитъ уготовить;
„Каждый кормомъ обильнымъ коней напитай подъяремныхъ,
„Вкругъ осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
„Будемъ цѣлый мы день состязаться въ ужасномъ убійствѣ;
„Отдыха ратнымъ рядамъ ни на мигъ никакого не будетъ,
„Развѣ что ночь наступившая воиновъ ярость разниметъ.
„Потомъ зальется ремень на груди не единаго воя,
„Щитъ всеобъемный держащій; рука на копьѣ изнеможетъ;
„Потомъ покроется конь подъ своей колесницей блестящей;
„Если жъ кого я увижу, хотящаго внѣ ратоборства
„Возлѣ судовъ крутоносыхъ остаться; нигдѣ уже послѣ
„Въ станѣ Ахейскомъ ему не укрыться отъ псовъ и пернатыхъ!

Рекъ; и Ахейцы вскричали ужасно: подобно какъ волны
Воютъ при брегѣ высокомъ, прибитыя Нотомъ порывнымъ
Къ встрѣчной скалѣ, отъ которой волна никогда не отходитъ,
Каждымъ вздымаяся вѣтромъ, отсель и оттоль находящимъ.
Вставъ, устремился народъ, межъ судами разсѣялся быстро,
Вкругъ задымилися кущи, спѣшили обѣдать Ахейцы.
Жертвовалъ каждый изъ нихъ своему отъ боговъ вѣчносущихъ,
Смерти избавить моля и спасти отъ ударовъ Арея.
Онъ же тельца пятилѣтняго, пастырь мужей Агамемнонъ,
Тучнаго въ жертву заклалъ всемогущему Зевсу Крониду.
Созвалъ старѣйшинъ отличныхъ, почтеннѣйшихъ въ рати Ахейской:
Перваго Нестора старца и Критскаго Идоменея;
Послѣ Аяксовъ двоихъ и Тидеева славнаго сына,
И за нимъ Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу.
Но Атридъ Менелай добровольно пришелъ и незванный,

Зная любезнаго брата, и какъ онъ въ душѣ озабоченъ.
Стали они вкругъ тельца и ячмень освященный подъяли;
Въ сонмѣ ихъ, громко моляся, воззвалъ Агамѐмнонъ державный:

„Славный, великій Зевсъ, чернооблачный житель эѳира!
„Дай, чтобы солнце не скрылось и мракъ не спустился на землю
„Прежде, чѣмъ въ прахъ я не свергну Пріамовыхъ пышныхъ чертоговъ,
„Черныхъ отъ дыма, и вратъ не сожгу ихъ огнемъ неугаснымъ;
„Прежде, чѣмъ Гектора латъ на груди у него не разторгну,
„Мѣдью пробивъ; и кругомъ его многіе други Трояне
„Ницъ не полягутъ во прахѣ, зубами грызущіе землю!

Такъ онъ взывалъ; но къ молитвѣ его не склонился Кроніонъ;
Жертвы пріялъ, но трудъ безпредѣльный Атриду готовилъ.
Кончивъ молитву, ячменемъ и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тукъ обнажили,
Бедра не медля отсѣкли, обрѣзаннымъ тукомъ покрыли
Вдвое кругомъ, и на нихъ разпростерли части сырыя.
Все сожигали они на сухихъ, безлиственныхъ вѣтвяхъ;
Но утробы пронзивъ, надъ пылавшимъ огнемъ обращали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробы отъ жертвы,
Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно, и такъ уготовя, снимаютъ.
Кончивъ заботу сію, немедленно пиръ учредили;
Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ.
Вскорѣ жъ, когда питіемъ и брашномъ насытили сердце,
Началъ мѐжъ оными слово Несторъ конникъ Геренскій:

*

„Царь знаменитый Атридъ, повелитель мужей Агамѐмнонъ!
„Болѣе здѣсь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
„Дѣломъ великимъ не будемъ, которое богъ намъ ввѣряетъ.
„Царь, повели, да глашатаи мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ
„Кликомъ, ни мало не медля, народъ къ кораблямъ собираютъ.
„Мы жъ, совокупные всѣ, по широкому стану Ахеянъ
„Сами пройдемъ, да скорѣе возбудимъ жестокую битву.

Рекъ; не отринулъ совѣта владыка мужей Агамѐмнонъ;
Въ тотъ же онъ мигъ повелѣлъ провозвѣстникамъ звонко-голосымъ
Кликомъ сзывать на сраженіе мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ.
Вѣстники подняли кличь, и они собирались поспѣшно.
Быстро цари, вкругъ Атрида стоявшіе, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы; и въ средѣ ихъ явилась Паллада,
Въ длани вращая эгидъ, драгоцѣнный, нетлѣнный, безсмертный:
Сто на эгидѣ бахромъ развѣвалися, чистое злато,
Дивно плетенныя всѣ, и цѣна имъ, стотельчіе каждой.
Съ онымъ, бурно носяся, богиня народъ обтекала,
Въ бой возбуждая мужей; и у каждаго твердость и силу
Въ сердцѣ воздвигла, безъ устали вновь воевать и сражаться.
Всѣмъ во мгновенье война имъ кровавая сладостнѣй стала,
Чѣмъ на судахъ возвращенье въ любезную землю родную.

Словно огонь истребительный, вспыхнувъ на горныхъ вершинахъ,
Лѣсъ безпредѣльный палитъ, и далеко заревомъ свѣтитъ:
Такъ при движеніи воинствъ, отъ пышной ихъ мѣди чудесной
Блескъ лучезарный кругомъ восходилъ по эфиру до неба.
Ихъ племена, какъ птицъ перелетныхъ несчетныя стаи,

Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйныхъ,
Въ злачномъ Азійскомъ лугу, при Каистрѣ широко текущемъ,
Вьются туда и сюда, и плесканіемъ крылъ веселятся;
Съ крикомъ садятся противу сидящихъ, и лугъ оглашаютъ:
Такъ Аргивянъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Съ шумомъ неслись на долину Скамандра; земля подъ толпами
Страшно кругомъ застонала отъ топота коней и воевъ.
Стали Ахеянъ сыны на лугу Скамандра цвѣтущемъ,
Тмы, какъ листы на древахъ, какъ цвѣты на долинахъ весною.
Словно какъ мухъ неисчетныхъ рои собираясь густые
Въ сельской пастушеской кущи, по ней безпрестанно кружатся
Въ вешніе дни, какъ млеко изобильно струится въ сосуды:
Такъ неисчетны противу Троянъ бранноносцы Данаи
Въ полѣ стояли, и боемъ дыша, истребить ихъ горѣли.

Ихъ же, какъ пастыри козъ, межъ бродящихъ стадъ необъятныхъ,
Скоро своихъ отлучаютъ отъ чуждыхъ, смѣшавшихся въ паствѣ;
Такъ предводители ихъ, впереди, позади учреждая,
Строили въ бой; и межъ нихъ возвышался герой Агамѐмнонъ,
Зевсу метателю грома главой и очами подобный,
Станомъ Арею великому, персями Энносигею.
Словно какъ быкъ среди стада стоитъ, передъ всѣми отличный,
Гордый телецъ: возвышается онъ межъ телицъ превосходный:
Въ день сей такимъ сотворилъ Агамѐмнона Зевсъ Олимпіецъ,
Такъ отличилъ между многихъ, возвысилъ средь сонма героевъ.

Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Вы божества, вездѣсущи, и знаете все въ поднебесной;

Мы ничего не знаемъ, молву мы единую слышимъ:
Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки Данаевъ?
Всѣхъ же бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Еслибы десять имѣлъ языковъ я и десять гортаней,
Еслибъ имѣлъ неслабѣющій голосъ и мѣдныя перси;
Развѣ небесныя Музы, Кронида великаго дщери,
Вы бы напомнили всѣхъ, приходившихъ подъ Трою Ахеянъ.
Только вождей корабельныхъ и всѣ корабли я исчислю.

Рать Беотійскихъ мужей предводили на бой воеводы:
Аркезилай и Леитъ, Пенелей, Проѳоеноръ и Клоній.
Рать отъ племенъ, обитавшихъ въ Гиріи, въ каменистой Авлидѣ,
Схенъ населявшихъ, Сколъ, Этеонъ лѣсисто-холмистый;
Ѳеспіи, Греи мужей и широкихъ полей Микалесса;
Окрестъ Илезія жившихъ и Гармы и окрестъ Эриѳры;
Всѣхъ обитателей Гилъ, Элеонъ, Петеонъ населявшихъ;
Также Окалею, градъ Медеонъ, устроеніемъ пышный,
Копы, Эвтрезъ, и стадамъ голубинымъ любезную Ѳизбу,
Градъ Коронею и градъ Галіартъ на лугахъ многотравныхъ;
Жившихъ въ Платеи, и въ Глиссѣ тучныя нивы пахавшихъ;
Всѣхъ, населяющихъ градъ Гипоѳивы, прекрасный устройствомъ;
Славный Онхестъ, Посидоновъ алтарь и завѣтную рощу;
Арнъ, виноградомъ обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народъ наконецъ, населявшій Анѳедонъ предѣльный.
Съ ними неслось пятьдесятъ кораблей; и на каждомъ изъ оныхъ
По сту и двадцать воинственныхъ, юныхъ Беотянъ сидѣло.
Градъ Аспледонъ населявшихъ и градъ Миніеевъ Орхоменъ,
Вождь Аскалафъ предводилъ и Іалменъ, Ареевы чада;

Ихъ родила Астіоха въ отеческомъ Актора домѣ,
Дѣва невинная: нѣкогда теремъ ея возвышенный
Мощный Арей посѣтилъ, и таинственно съ нею сопрягся.
Съ ними тридцать судовъ прилетѣли, красные, рядомъ.
Въ слѣдъ ополченья Фокеянъ Схедій предводилъ и Эпистрофъ,
Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.
Ихъ племена Кипариссъ и утесный Пиѳонъ населяли;
Криссы веселые долы и Давлисъ и градъ Панопею;
Жили кругомъ Гіамполя, кругомъ Анеморіи злачной;
Вдоль по Кефиссу рѣкѣ, у божественныхъ водъ обитали;
Жили въ Лилеѣ, при шумномъ исходѣ Кефисскаго тока.
Сорокъ подъ ихъ ополченьями черныхъ судовъ принеслося.
Оба вожди устрояли ряды ополченій Фокейскихъ,
И близъ Беотянъ, на лѣвомъ крылѣ, ополчалися къ бою.
Локровъ Аяксъ предводилъ, Оилеевъ сынъ быстроногій:
Меньше онъ былъ, не таковъ, какъ Аяксъ Теламонидъ могучій,
Меньше далеко его; невеликій, въ бронѣ полотняной,
Но, копьеметецъ отличный межъ Галленовъ всѣхъ и Данаевъ.
Онъ предводилъ племена, населявшія Киносъ и Опусъ,
Вессу, Калліаръ и Скарфъ и веселые долы Авген;
Тарфы и Ѳроній, гдѣ воды Воагрія быстро катятся.
Сорокъ черныхъ судовъ принеслося за нимъ къ Иліону
Съ воинствомъ Локровъ мужей, за священною жившихъ Эвбеей.
Но народовъ Эвбейскихъ, дышущихъ боемъ Абантовъ,
Чадъ Эретріи, Халкиды, обильной виномъ Гистіеи,
Жившихъ въ Кериноѣ приморскомъ и въ Діумѣ, градѣ высокомъ,
Стиръ населявшихъ мужей, и народъ обитавшій въ Каристѣ,
Вывелъ и въ бой предводилъ Элефеноръ, Ареева отрасль,

Сынъ Халкодоновъ, начальникъ непрепетныхъ духомъ Абантовъ.
Онъ предводилъ сихъ Абантовъ, на тылѣ власы лишь растившихъ,
Воиновъ пылкихъ, горящихъ ударами ясеневыхъ копій
Мѣдныя брони враговъ разбивать рукопашно на персяхъ.
Сорокъ черныхъ судовъ принеслося за нимъ къ Иліону.
Но мужей, населяющихъ градъ велелѣпный Аѳины,
Область царя Эрехѳея, котораго въ древніе вѣки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Аѳина,
И въ Аѳины ввела, и въ блестящій свой храмъ водворила,
Гдѣ и тельцами и агнцами нынѣ ее ублажають
Чада Аѳинъ, при урочномъ исходѣ годовъ круговратныхъ:
Сихъ предводилъ Петеидъ Менесѳей, въ ратоборствѣ искусный.
Съ нимъ отъ мужей земнородныхъ никто не равнялся въ искуствѣ
Строить на битвы и быстрыхъ коней и мужей щитоносцевъ.
Несторъ одинъ то оспоривалъ, древле родившійся старецъ.
Съ нимъ пятдесятъ кораблей подъ дружиною, черныхъ, примчалось.
Мощный Аяксъ Теламонидъ двѣнадцать судовъ Саламинскихъ
Вывелъ, и съ оными сталъ, гдѣ стояли Аѳинянъ фаланги.
Въ Аргосѣ жившихъ мужей, населявшихъ Тиринѳъ крѣпкостѣнный,
Градъ Герміону, Азину, морскія пристанища оба,
Грады Трезену, Эіонъ, Эпидавръ, виноградомъ обильный,
Жившихъ въ Масетѣ, въ Эгинѣ, Ахейскихъ юношей храбрыхъ:
Сихъ предводителемъ былъ Діомедъ знаменитый воитель,
Также Сѳенелъ, Капанея великаго сынъ благородный;
Съ ними и третій былъ вождь, Эвріалъ, небожителю равный,
Храбрый Мекестія сынъ, потомокъ царя Талаіона.
Вмѣстѣ же всѣхъ предводилъ Діомедъ знаменитый воитель:
Осмдесятъ черныхъ судовъ подъ дружинами ихъ принеслося.

Но живущихъ въ Микенѣ, прекрасно устроенномъ градѣ,
И въ богатомъ Коринѳѣ и въ пышныхъ устройствомъ Клеонахъ;
Орнiи градъ населявшихъ, веселую Ареѳирею,
Градъ Сикiонъ, гдѣ царствовалъ древле Адрастъ браноносный;
Чадъ Гиперезiи всѣхъ, Гоноессы высоко-утесной;
Жившихъ въ Пелленѣ, кругомъ Эгiона мужей обитавшихъ,
Вдоль по поморью всему, и окрестъ обширной Гелики:
Всѣхъ ихъ на ста корабляхъ предводилъ властелинъ Агамемнонъ.
Рать многочисленнѣй всѣхъ, превосходнѣе всѣхъ ратоборцы
Съ нимъ принеслися; онъ самъ облекался сiяющей мѣдью,
Славою гордый, что онъ передъ сонмомъ героевъ блистаетъ
Саномъ верховнымъ своимъ, и числомъ предводимыхъ народовъ.
Градъ населявшихъ великiй, лежащiй межъ горъ Лакедемонъ,
Фару, Спарту, стадамъ голубинымъ любезную Мессу;
Въ Бризiи жившихъ мужей и въ веселыхъ долинахъ Авгiи,
Жившихъ Амиклы въ стѣнахъ и въ Гелосѣ, градѣ приморскомъ;
Градъ населяющихъ Лаасъ и окрестъ Этила живущихъ:
Сихъ Агамемнона братъ, Менелай знаменитый воитель
Велъ шестьдесятъ кораблей; но отдѣльно на бой ополчался;
Ратниковъ самъ предводилъ, на душевную доблесть надежный,
Самъ ихъ на бой возбуждалъ, и пылалъ, какъ никто изъ Ахеянъ,
Страшно отмстить за печаль и за стонъ похищенной Елены.
Въ Пилосѣ жившихъ мужей, обитавшихъ въ Аренѣ веселой;
Ѳрiосъ, Алфейскiй бродъ, и славные зданiемъ Эпи;
Градъ Кипариссiю, градъ Амфигенiю вкругъ населявшихъ;
Птелеосъ, Гелосъ и Дорiонъ, мѣсто, гдѣ нѣкогда Музы
Встрѣтивъ Ѳамира Ѳракiйскаго, пѣснями славнаго мужа,
Дара лишили: идя отъ Эврита, царя Эхалiянъ,

Гордый, хвалиться дерзалъ, что побѣду похититъ онъ въ пѣсняхъ,
Если и Музы при немъ воспоютъ, Эгіоховы дщери.
Гнѣвныя Музы его ослѣпили, похитили сладкій,
Къ пѣснямъ божественный даръ и искуство брящать на киѳарѣ.
Сихъ предводилъ повелитель ихъ Несторъ, конникъ Геренскій:
Съ нимъ девяносто судовъ принеслися красивыя строемъ.
Жившихъ въ Аркадіи, вдоль подъ Киллепской горою высокой,
Близко могилы Эпита, мужей рукопашныхъ на битвахъ;
Въ Ѳенеѣ жившій народъ, въ Орхоменѣ, стадами богатомъ,
Въ Рипѣ, Стратіи, мужей обитавшихъ въ бурной Энистѣ,
И Тегеи въ стѣнахъ и въ странахъ Мантинеи веселой;
Въ Стимфалѣ жившихъ мужей и въ Парразіи нивы пахавшихъ:
Сими начальствуя отрасль Анкеева, царь Агапѣноръ,
Гналъ шестьдесятъ кораблей; многочисленны въ каждомъ изъ оныхъ
Мужи сидѣли Аркадскіе, сильно искусные въ битвахъ.
Ихъ ополченіямъ самъ повелитель мужей Агамемнонъ
Далъ корабли доброснастные, плыть имъ по черному понту
Къ Трои высокой: они не брегли о дѣлахъ мореходныхъ.
Въ слѣдъ Вупразійцы текли и народы священной Элиды,
Жители тѣхъ областей, что Гирмина, Мирзинъ пограничный,
И утесъ Оленійскій и холмъ Алезійскій вмѣщаютъ:
Ихъ предводили четыре вождя, и десять за каждымъ
Быстрыхъ неслось кораблей, съ многочисленной ратью Эпеянъ.
Сихъ устремляли на бой Амфимахъ и воинственный Ѳалпій:
Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
Тѣхъ предводителемъ шествовалъ храбрый Діоръ Амаринкидъ;
Вождь ихъ четвертый былъ Поликсенъ, небожителю равный,
Доблестный сынъ Агасѳена, народовъ царя Авгеида.

Рать изъ Дулихіи, рать съ острововъ Эхинадскихъ священныхъ,
Тѣхъ, что за моремъ широкимъ лежатъ противъ брега Элиды,
Мегесъ Филидъ предводилъ, ратоборецъ, Арею подобный,
Сынъ любимца боговъ конеборца Филея, который
Нѣкогда въ край Дулихійскій укрылся отъ гнѣва отцова.
Сорокъ за нимъ кораблей подъ дружиною черныхъ примчалось.
Царь Одиссей предводилъ Кефалленянъ, возвышенныхъ духомъ,
Жившихъ въ Иѳакѣ мужей и при Нѣритѣ трепетолиственномъ;
Чадъ Крокилеи, пахавшихъ поля Эгилипы суровой,
Въ власти имѣвшихъ Закинѳъ и кругомъ обитавшихъ въ Самосѣ;
Жившихъ въ Эпирѣ мужей, и на брегѣ противулежащемъ:
Сихъ предводилъ Одиссей, совѣтами равный Зевесу;
И двенадцать за нимъ принеслось кораблей красноносыхъ.
Рать изъ племенъ Этолійскихъ Ѳоасъ предводилъ Андремонидъ,
Рать изъ мужей, обитавшихъ въ Оленѣ, Пиленѣ, Плевронѣ,
И въ Калидонѣ каменистомъ, и въ градѣ Халкидѣ приморской.
Не было больше на свѣтѣ сыновъ бранноносныхъ Инея;
Мертвъ и самъ уже былъ онъ, и мертвъ Мелеагръ свѣтлокудрый;
И въ Этоліи царствовать ввѣрено было Ѳоасу.
Сорокъ за нимъ, подъ дружиною, черныхъ судовъ принеслося.
Критянъ же Идоменей предводилъ, знаменитый копейщикъ,
Въ Гноссѣ живущихъ мужей, въ укрѣпленной стѣнами Гортинѣ;
Ликтъ населявшихъ, Милетъ, и градъ бѣлокаменный Ликастъ,
Ритій обширный и Фестъ, многолюдные, славные грады;
И другихъ, населяющихъ Крита стоградняго земли,
Былъ воеводою Идоменей, знаменитый копейщикъ,
И Меріонъ, Эніалію равный, губителю смертныхъ:
Осмьдесятъ черныхъ судовъ принеслося подъ Критской дружиной.

*

Въ слѣдъ Тлиполемъ Гераклидъ, какъ отецъ, и огромный и мощный,
Гордыхъ Родосцевъ извелъ, въ девяти корабляхъ изъ Родоса,
Кои въ Родосской землѣ, раздѣленные на три колѣна,
Линдъ, Іялисъ и Камиръ бѣлокаменный вкругъ населяли:
Сихъ предводилъ Тлиполемъ, копьеборецъ гибельный въ битвахъ,
Силы Геракловой сынъ, рожденный съ младой Астіохой,
Взятой героемъ въ Эфирѣ, у водъ Селлеиса, когда онъ
Многіе грады разсыпалъ питомцевъ Зевсовыхъ юныхъ.
Сей Тлиполемъ лишь возросъ въ благосозданномъ домѣ Геракла,
Скоро убилъ, безразсудный, почтеннаго дядю отцова,
Старца уже сѣдаго, Ликимнія, отрасль Арея.
Быстро сплотилъ онъ суда, и съ великою собранной ратью
Скрылся, бѣжа по морямъ, устрашаяся мести грозившихъ
Всѣхъ остальныхъ, и сыновъ и потомковъ Геракловой силы.
Прибылъ въ Родосъ наконецъ онъ, скиталецъ, бѣды претерпѣвшій.
Тамъ поселились пришельцы тремя племенами, и были
Зевсомъ любимы, владыкой боговъ и отцемъ человѣковъ:
Онъ имъ богатства несмѣтныя свыше излилъ Олимпіецъ.
Въ слѣдъ ихъ Нирей устремлялся съ тремя кораблями изъ Сима,
Юный Нирей, отъ Харопа царя и Аглаи рожденный;
Оный Нирей, что съ сынами Данаевъ пришелъ къ Иліону,
Смертный, прекраснѣйшій всѣхъ, послѣ дивнаго мужа Пелида;
Но не мужественъ былъ онъ, и малую вывелъ дружину.
Жившихъ въ Низирѣ, мужей населяющихъ Казосъ и Крапаѳъ,
Градъ Эврипиловъ Косъ, и народъ острововъ Калиднійскихъ
Два предводили вождя: и Фидиппъ и воинственный Антифъ,
Оба Ѳессаломъ рожденные, царственнымъ сыномъ Геракла.
Тридцать за ними судовъ принеслися красивыя строемъ.

Нынѣ изчислю мужей, въ Пелазгическомъ Аргосѣ жившихъ:
Алосъ кругомъ населявшихъ и Алопъ удѣлъ и Трахину,
Холмную Фѳію, Гелладу, славную женъ красотою,
Всѣхъ, Мирмидоновъ, Ахеянъ и Гелленовъ имя носящихъ:
Сихъ пятьдесятъ кораблей предводилъ Ахиллесъ знаменитый.
Но народы сіи о гремящей не мыслили брани;
Нѣкому было водить на сраженія строевъ ихъ грозныхъ.
Въ станѣ, при черныхъ судахъ, возлежалъ Ахиллесъ быстроногій,
Гнѣвный за дочь Бризееву, пышно-волосую дѣву,
Дѣву, которую взялъ, по жестокихъ трудахъ, изъ Лирнесса,
Самой Лирнессъ разгромя и высокія Ѳивскія стѣны;
Гдѣ и Эвена сыновъ, копьеборцевъ, гибельныхъ въ битвахъ,
Внуковъ Селепа царя, и Эпистрофа свергъ и Минета.
Грустенъ по ней, возлежалъ онъ; но скоро воспрянетъ, могучій.
Въ Филакѣ жившихъ мужей, населявшихъ Пиразъ цвѣтущій,
Область Деметры любимую, матерь овецъ Итонею,
Травами тучный Птелей и Антронъ, омываемый моремъ:
Сихъ ополченія Протезилай предводилъ браноносный
Въ жизни своей; но его уже черная держитъ могила.
Въ Филакѣ онъ и супругу, съ душою растерзанной, бросилъ,
Бросилъ и домъ полуконченный: палъ, пораженный Дарданцемъ,
Первый отъ всѣхъ Аргивянъ, съ корабля соскочившій на берегъ.
Рать не была безъ вождя, но по немъ воздыхали дружины;
Ихъ же къ сраженіямъ строилъ Подаркесъ, Ареева отрасль,
Сынъ Филакида Ификла, владѣтеля стадъ среброрунныхъ,
Братъ однокровный героя, безстрашнаго Протезилая,
Но лѣтами юнѣйшій; и старше его и сильнѣе
Протезилай воинственный былъ; потерявши героя,

Рать не нуждалась въ вождѣ, но о немъ воздыхали, о храбромъ:
Сорокъ за нимъ кораблей подъ дружиной примчалося черныхъ.
Въ Ферахъ живущихъ и вкругъ при Бебеидскомъ озерѣ свѣтломъ,
Бебъ населявшихъ, Глафиры и градъ Іолкъ пышнозданный,
Быстрыхъ одиннадцать мчалось судовъ; предводилъ же Эвмелъ ихъ,
Сынъ Адмета любимый, который рожденъ имъ съ Алкестой,
Дивной женою, прекраснѣйшей всѣхъ изъ Пеліевыхъ дщерей.
Жившихъ въ Меѳонѣ, и окрестъ Ѳавмакіи нивы пахавшихъ,
Чадъ Мелибеи, и жившихъ въ поляхъ Олизона суровыхъ:
Сихъ племена Филоктетъ предводитель, стрѣлецъ превосходный,
Велъ на семи корабляхъ; пятьдесятъ возсидѣло на каждомъ
Сильныхъ гребцовъ и стрѣлами искусныхъ жестоко сражаться.
Но лежалъ предводитель на островѣ Лемнѣ священномъ
Въ тяжкихъ страданіяхъ, гдѣ онъ оставленъ сынами Ахеянъ,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.
Тамъ лежалъ онъ, страдалецъ. — Но скоро Ахейскіе мужи,
Скоро при черныхъ судахъ о царѣ Филоктетѣ воспомнятъ.
Рать не была безъ вождя, но желала вождя Филоктета.
Медонъ надъ нею начальствовалъ, сынъ Оилея побочный,
Коего съ Реной младою родилъ Оилей градоборецъ.
Трикккой владѣвшій народъ, и Иѳомой высокоутесной,
И обитавшій въ Эхаліи, градѣ владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклепія мудрые чада,
Славные оба Данаевъ врачи, Подалиръ и Махаонъ.
Тридцать за ними судовъ принеслися красивыя строемъ.
Жившихъ въ Орменіи храбрыхъ мужей, у ключа Гиперен,
Въ власти имѣвшихъ Астерій и бѣлыя главы Титана:
Сихъ предводилъ Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемоновъ;

Сорокъ за нимъ кораблей подъ дружиною черныхъ примчалось.
Въ Аргиссѣ жившихъ мужей, и кругомъ населявшихъ Гиртону,
Орѳу, широкій Элонъ, бѣлокаменный градъ Олоѳссонъ;
Сихъ предводилъ Полипетъ, воеватель безстрашнѣйшій въ битвахъ,
Вѣтвь Пиритоя, изшедшаго въ міръ отъ безсмертнаго Зевса,
Сынъ, Пиритою рожденный женой Ипподаміей славной,
Въ самый тотъ день, какъ герой покаралъ чудовищъ косматыхъ:
Сбилъ съ Пеліона Кентавровъ и гналъ до народовъ Эѳиковъ.
Онъ предводилъ не одинъ; но при немъ Леонтей браннодушный,
Отрасль Ареева, чадо Кенея, Коронова сына.
Сорокъ за ними судовъ подъ дружиной примчалося черныхъ.
Но изъ Кифа Гуней съ двадцатью и двумя кораблями
Плылъ, предводя Эніанъ, и воинственныхъ, сильныхъ Перребовъ,
Племя мужей, водворившихся окрестъ Додоны холодной,
Земли пахавшихъ, по коимъ шумитъ Титарезій веселый,
Быстро въ Пеней устремляющій пышно катящіясь воды,
Коихъ нигдѣ не сливаетъ съ Пенеемъ сребристо-пучиннымъ,
Но всплываетъ на верхъ, и подобно Елею струится:
Онъ изъ ужаснаго Стикса, изъ водъ заклинаній исходитъ.
Проѳоой, сынъ Тендредоновъ, начальсвовалъ ратью Магнетовъ.
Окрестъ Пенея и вкругъ Пеліона шумнаго лѣсомъ
Жили они; предводилъ ихъ въ сраженіе Проѳоой быстрый.—
Сорокъ за нимъ кораблей подъ дружиною черныхъ примчалось.

Се и вожди и властители мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ.
Ктоже изъ нихъ знаменитѣйшій былъ, повѣдай мнѣ, Муза,
Доблестью или конями, изъ всѣхъ за Атридомъ притекшихъ?
Коней извелъ превосходнѣйшихъ славный Эвмелъ Феретіадъ;

Онъ устремлялъ кобылицъ, на бѣгу какъ пернатыя, быстрыхъ,
Масти одной, одинаковыхъ лѣтъ и хребтомъ какъ подъ мѣру.
Самъ Аполлонъ воспиталъ на зеленыхъ лугахъ Піерійскихъ
Сихъ кобылицъ, разносящихъ въ сраженіяхъ ужасъ Арея.
Мужемъ отличнѣйшимъ слылъ Аяксъ Теламонидъ, доколѣ
Гнѣвомъ Пелидъ сокрушался; но онъ былъ могучѣе всѣхъ ихъ,
Такъ же и кони, носящіе въ битвы Пелида героя.
Но бездѣйствовалъ онъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ,
Пламенный гнѣвъ на владыку народовъ, Атреева сына
Въ сердцѣ питая; дружины его на берегѣ моря
Дисковъ и сулицъ и стрѣлъ забавлялися празднымъ метаньемъ.
Рьяные кони вождей при своихъ колесницахъ стояли,
Праздные, лотосъ одинъ и селину болотную щипля.
Всѣ колесницы и збруи, заботно покрыты, лежали
Въ сѣняхъ владыкъ; а они, предводителя храбраго алча,
Праздные, съ края на край по широкому стану бродили.

Двинулась рать, и какъ будто огнемъ вся земля запылала;
Долъ застоналъ, какъ подъ яростью бога, метателя грома
Зевса, когда надъ Тифеемъ сѣчетъ онъ перунами землю,
Горы въ Аримахъ, въ которыхъ, повѣствуютъ, ложе Тифея:
Такъ застонала глубоко земля подъ стопами народовъ,
Вдругъ устремившихся: быстро они проходили долиной.

Тою порою Троянамъ, подобная вихрямъ Ириса,
Вѣстница Зевса Кронида, явилася съ вѣстію грозной.
Тѣжъ совѣщали совѣтъ у дверей Пріамова дома,
Всѣ на дворѣ во едино столпясь, и младые и старцы.

Ставъ посреди, провѣщала посланница Зевса Ириса,
Голосъ заявши Полита, Пріамова сына, который
Стражемъ Троянскимъ сидѣлъ, уповая на быстрыя ноги,
Въ полѣ, на высшей могилѣ старца Троянъ Эзіета,
Вкругъ соглядая, когда отъ судовъ нападутъ Аргивяне:
Въ видѣ его провѣщала посланница Зевса Ириса:

„Старецъ почтенный! и нынѣ ты любишь обильныя рѣчи,
Такъ же, какъ въ мирные дни; неизбѣжная брань угрожаетъ!
Часто я, часто бывалъ на кровавыхъ браняхъ народовъ,
Но во вѣкъ таковыхъ и толикихъ я ратей не видѣлъ!
Какъ листы на древахъ, какъ пески при моряхъ, неисчетны
Воинства мчатся долиною, ратовать около града.
Гекторъ, тебѣ предлагаю совѣтъ мой полезный исполнить:
Много народовъ союзныхъ въ Пріамовомъ градѣ великомъ,
Разныхъ своимъ языкомъ, повсюду разсѣянныхъ смертныхъ.
Каждымъ изъ оныхъ да властвуетъ мужъ, повелитель народа;
Онъ и вождемъ на бояхъ и строителемъ гражданъ да будетъ.

Такъ прорекла; и богиню вѣщавшую Гекторъ постигнулъ:
Сонмъ распустилъ, и къ оружію бросились граждане Трои.
Всѣ растворились вороты; изъ оныхъ зарѣяли рати,
Конныя, пѣшія; шумъ и смятеніе страшное встало.

Есть передъ градомъ Троянскимъ великій курганъ и высокій,
Въ полѣ особенный, круглый равно и отсель и отполѣ.
Смертные, съ древнихъ временъ, нарицаютъ его Батіеей,

Но безсмертные боги могилою быстрой Мирины.
Тамъ и Троянъ и союзниковъ ихъ раздѣлилися рати.

Храбрыхъ Троянъ Пріамидъ, шлемоблещущій Гекторъ великій
Всѣхъ предводилъ: превосходные множествомъ, мужествомъ духа,
Съ нимъ ополчалися мужи, копейщики бурные въ битвѣ.
Въ слѣдъ ихъ Дарданцамъ предшествовалъ сынъ знаменитый Анхизовъ,
Мощный Эней: отъ Анхиза его родила Афродита,
Въ рощахъ на холмахъ Идейскихъ, богиня, почившая съ смертнымъ.
Онъ предводилъ не одинъ, но при немъ Акамасъ и Архилохъ:
Оба сыны Антенора, искусные въ битвахъ различныхъ.
Въ Зеліи жившихъ мужей, при подошвѣ холмистыя Иды,
Гражданъ богатыхъ, піющихъ Эзеповы черныя воды,
Племя Троянское, велъ знаменитый стрѣлецъ Ликаонидъ,
Пандаръ, котораго Фебъ одарилъ сокрушительнымъ лукомъ.
Но Адрастѐи мужей, Питіэи и веси Апѐза,
И народъ, заселявшій Терею, высокую гору,
Сихъ предводили Адрастъ и Áмфій, въ бронѣ полотняной;
Оба сыны Перкозійца Меропа, который славнѣйшій
Былъ предвѣщатель судьбы, и сынамъ не давалъ позволенья
Къ брани убійственной въ Трою итти; не послушали дѣти
Старца родителя: рокъ увлекалъ ихъ на черную гибель.
Въ Перкотѣ жившихъ мужей и кругомъ населявшихъ Практіонъ,
Грады Сѐстосъ, Абидосъ и гражданъ священной Аризбы
Рати устроивалъ Азій, мужей повелитель, Гиртакидъ,
Азій Гиртакидъ, который на пламенныхъ коняхъ, великихъ
Въ Трою принесся изъ дальней Аризбы, отъ водъ Селлеиса.
Гипоѳоой предводилъ племена копьеборныхъ Пелазговъ,

Тѣхъ, что въ Лариссѣ бугристой, по тучнымъ полямъ обитали;
Гиппоѳоой предводилъ ихъ и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сыны Пелазгійскаго Леѳа, Тевталова сына.
Но Ѳракіянъ предводилъ Акамасъ и воинственный Пиросъ
Всѣхъ, которыхъ страны Геллеспонтъ бурнотечный объемлетъ.
Храбрый Эвфемъ ополчалъ племена копьеборныхъ Кикоповъ,
Сынъ браноносца Трезена, любезнаго Зевсу Кеада.
Въ слѣдъ имъ Пирехмъ предводилъ криволукихъ Пеоновъ, далеко
Жившихъ въ странахъ Амидона, гдѣ катится Аксій широкій,
Аксій, водою чистѣйшей священную землю поящій.
Вождь Пилеменъ Пафлагонамъ предшествовалъ, храброе сердце,
Выведшій ихъ изъ Генетъ, гдѣ стадятся дикіе мески,
Племя народовъ, которые жили въ Киторѣ, Сесамѣ,
Окрестъ потока Парѳенія въ славныхъ домахъ обитали,
Кромну кругомъ, Эгіалъ и скалы Эриѳинъ населяли.
Рать Гализоновъ Годій и Эпистрофъ вели изъ Алибы,
Странъ отдаленныхъ, откуда исходъ серебра неоскудный.
Мизамъ предшествовалъ Хромій и Эннимосъ птицегадатель,
Но, и гаданіемъ онъ не спасся отъ гибели черной:
Легъ, низложенный руками Пелеева быстраго сына,
Въ бурной рѣкѣ, гдѣ Троянъ и другихъ истреблялъ онъ могучій.
Форкисъ и храбрый Асканій вели изъ Асканіи дальней
Рати Фригіянъ; и оба безстрашные, боемъ пылали.
Въ слѣдъ ихъ Антифъ и Месѳлъ, воеводы мужей Меонійскихъ,
Оба сыны Пилемена, Гигейскаго озера дѣти,
Рать предводили Меоновъ, при Тмолѣ высокомъ рожденныхъ.
Настесъ велъ говорящихъ нарѣчіемъ варварскимъ Каровъ,
Кои Милетъ занимали и Ѳѳировъ лѣсистую гору,

И Меа̀ндра потокъ и крутые верхи Микалеса:
Сихъ предводили на бой Амфима̀хъ и воинственный Настесъ,
Настесъ и тотъ Амфима̀хъ, Номіонова отрасль, который
Даже и въ битвы ходилъ изукрашенный златомъ, какъ дѣва,
Жалкій! и златомъ не могъ отвратить онъ погибели грозной:
Легъ, низложенный руками Пелеева быстраго сына,
Въ бурной рѣкѣ; и Пелидъ его злато унесъ побѣдитель.
Рать Ликіянъ Сарпедонъ и блистательный Главкъ предводили,
Жившихъ далеко въ Ликіи, при Ксанѳѣ глубоко-пучинномъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Построенныя воинства сходятся, Трояне съ крикомъ, Ахеяне тихо; ст. 1—15. Но, до начатія сраженія, Парисъ вызываетъ на единоборство храбрѣйшихъ изъ Ахеянъ; выходитъ Менелай; устрашенный Парисъ отступаетъ; 16—37. Скоро однако, порицаемый Гекторомъ, онъ рѣшается на единоборство, долженствующее положить конецъ брани; 38 — 75. Гекторъ объявляетъ условія боя: побѣдитель останется обладателемъ Елены и сокровищъ, съ нею похищенныхъ; 76 — 95. Менелай, согласясь на оныя, требуетъ, чтобы договоръ былъ освященъ присутствіемъ Пріама; 96—110. Воинства полагаютъ оружія; съ обѣихъ сторонъ приготовляютъ жертвоприношенія; 111—120. Между тѣмъ Елена, Ирисою извѣщенная о единоборствѣ Париса съ Менелаемъ, восходитъ на башню Скейскую, откуда былъ видъ на поле; 121—145. Старѣйшины Троянскіе, тамъ же собравшіеся, удивляются красотѣ ея; Пріамъ ее разспрашиваетъ, а она ему указываетъ и именуетъ вождей Ахейскихъ: Агамемнона, 146—190, Одиссея, 291 — 224, Аякса, Идоменея, 225 — 233. Елена ищетъ въ воинствѣ и братьевъ своихъ Діоскуридовъ, но не находитъ; 234—245. Пріамъ, вѣстникомъ приглашенный, пріѣзжаетъ къ воинству, сопровождаемый Антеноромъ; 246—268. Договоръ единоборства освящается жертвоприношеніемъ, которое совершается съ обрядами и обыкновеніями древности; 269—303. Пріамъ возвращается въ Трою; Гекторъ съ Одиссеемъ измѣряетъ мѣсто для битвы, бросаетъ жребій, кому прежде начать ее; Парисъ и Менелай вооружаются, выходятъ; 304—344; сражаются; но Париса, уже побѣждаемаго, Киприда похищаетъ и невредимаго переноситъ въ его почивальню; 345—382. Богиня туда же приводитъ Елену, противъ ея воли, и, негодующую, поносящую Париса, покоряетъ нѣжнымъ его желаніямъ; 383 — 448. Менелай безполезно ищетъ скрывшагося противника; Агамемнонъ требуетъ отъ Троянъ условленныхъ наградъ побѣдителю; 449—461.

ПѢСНЬ III.

Такъ лишь на битву построились оба народа съ вождями,
Трои сыны устремляются, съ говоромъ, съ крикомъ, какъ птицы:
Крикъ таковъ журавлей раздается подъ небомъ высокимъ,
Если избѣгнувъ и зимнихъ бурь и дождей безконечныхъ,
Съ крикомъ стадами летятъ черезъ быстрый потокъ Океана,
Бранью грозя и убійствомъ мужамъ малорослымъ, Пигмеямъ,
Съ яростью страшной на коихъ съ воздушныхъ высотъ нападаютъ.
Но идутъ въ безмолвіи, боемъ дыша Аргивяне,
Духомъ единымъ пылая, стоять одному за другаго.

Словно туманъ надъ вершинами горными Нотъ разливаетъ,
Пастырямъ стадъ не желанный, но вору способнѣйшій ночи:
Видно сквозь оный не дальше, какъ падаетъ брошенный камень:
Такъ изъ подъ стопъ ихъ прахъ, подымаяся мрачный, крутился
Въ слѣдъ за идущими; быстро они проходили долину.

И когда уже сблизились, къ битвѣ идущія рати;
Вышелъ впередъ у Троянъ Александръ, небожителю равный,
Съ кожею парда на рамѣ, съ лукомъ кривымъ за плечами,

И съ мечемъ при бедрѣ; а въ рукахъ два копья мѣдножалыхъ
Гордо колебля, онъ всѣхъ вызывалъ изъ Данаевъ храбрѣйшихъ,
Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.

Но лишь увидѣлъ его Менелай, любимый Ареемъ,
Быстро, впередъ изъ толпы, выступающимъ поступью гордой;
Радостью вспыхнулъ какъ левъ, на добычу нежданно набредшій,
Встрѣтивъ еленя рогатаго, или пустынную серну;
Гладный, неистово онъ пожираетъ, хотя отвсюду
Самъ окруженъ и ловцами младыми и быстрыми псами:
Радостью вспыхнулъ такой Менелай, Александра героя
Близко узрѣвъ предъ собой; и отмстить похитителю мысля,
Быстро Атридъ съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю.

Но, лишь увидѣлъ его Пріамидъ, Александръ боговидный,
Между переднихъ блеснувшаго: сердце его задрожало;
Быстро онъ къ сонму друзей отступилъ, избѣгающій смерти.
Словно какъ путникъ, увидѣвъ дракона въ ущеліяхъ горныхъ,
Прядаетъ вспять, и отъ ужаса членами всѣми трепещетъ,
Быстро уходитъ, и блѣдность его покрываетъ ланиты:
Такъ убѣжавши, въ толпу погрузился Троянъ горделивыхъ
Образомъ красный Парисъ, устрашаясь Атреева сына.

Гекторъ, увидѣвъ его, поносилъ укорительной рѣчью:
„Видомъ лишь храбрый, несчастный Парисъ, женолюбецъ, прельститель!
„Лучше бы ты не родился, или безбраченъ погибнулъ!
„Лучшебъ сего я желалъ; и тебѣ бъ то отраднѣе было,
„Чѣмъ поношеньемъ служить и позорищемъ цѣлому свѣту!

„Слышишь, смѣются ряды кудреглавыхъ Данаевъ, считавшихъ
„Храбрымъ тебя первоборцемъ, судя по красивому виду.
„Видъ твой красенъ; но ни силы въ душѣ, ни отважности въ сердцѣ!
„Бывши таковъ ты, однако дерзнулъ въ корабляхъ мореходныхъ
„Бурное море исплавать, съ толпою клевретовъ любезныхъ,
„Въ чуждое племя войти, и похитить изъ странъ отдаленныхъ
„Славу ихъ женъ, и сестру и невѣстку мужей бранноносныхъ,
„Въ горе отцу твоему и народу и цѣлому царству,
„Въ радость Ахейцамъ врагамъ, а себѣ самому въ поношенье!
„Что же съ оружьемъ не встрѣтилъ царя Менелая? узналъ бы
„Ты бранноносца какого владѣешь супругой цвѣтущей?
„Были бъ не въ помощь тебѣ ни киѳара, ни даръ Афродиты,
„Пышныя кудри и прелесть, когда бы ты съ прахомъ смѣсился.
„Слишкомъ робокъ Троянскій народъ; иль давнобъ уже былъ ты
„Каменной ризой одѣтъ, злополучій толикихъ виновникъ!

Гектору быстро въ отвѣтъ возразилъ Александръ боговидный:
„Гекторъ, ты въ правѣ хулить, и твоя мнѣ хула справедлива.
„Сердце въ груди у тебя, какъ сѣкира, всегда непреклонно:
„Древо пронзаетъ она подъ рукой древодѣла, и рьяность
„Мужа сугубитъ, когда обсѣкаетъ онъ брусъ корабельный:
„Такъ въ груди у тебя не преклоненъ духъ твой высокій.
„Но не порочь ты любезныхъ даровъ златой Афродиты.
„Нѣтъ, не презрѣнъ ни одинъ изъ прекрасныхъ даровъ намъ безсмертныхъ;
„Ихъ они сами даютъ; произвольно никто не получитъ.
„Нынѣ, когда ты желаешь, чтобъ я воевалъ и сражался,
„Всѣмъ повели успокоиться, Трои сынамъ и Ахейцамъ;
„И, посреди ихъ поставьте меня съ Менелаемъ героемъ;

*

„Мы за Елену Аргивскую съ нимъ передъ вами сразимся.
„Кто изъ двоихъ побѣдитъ, и окажется явно сильнѣйшимъ,
„Въ домъ и Елену введетъ и сокровища всѣ онъ получитъ.
„Вы жъ, заключившіе дружбу и клятвы святыя, владѣйте
„Троей холмистой; Ахейцы же въ Аргосъ, конями богатый,
„Вспять отплывутъ, и въ Ахаію, славную женъ красотою.

Такъ говорилъ; и восхитился Гекторъ услышанной рѣчью:
И, на средину изшедъ, и копье ухвативъ по срединѣ,
Стнулъ фаланги Троянскія; всѣ успокоясь стали.
Но на Гектора луки Ахеянъ сыны натянули,
Многіе мѣтили копьями, многіе бросили камни.
Къ нимъ громогласно воззвалъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:

„Стойте, Аргивцы друзья! не стрѣляйте Ахейскіе мужи!
„Слово намѣренъ вѣщать шлемоблещущій Гекторъ великій.

Рекъ; и Ахеяне прервали бой, и немедленно стали,
Окрестъ умолкнувъ; и Гекторъ великій вѣщалъ среди воинствъ:

„Сонмы Троянъ и Ахеянъ красиво-поножныхъ! внимайте,
„Что предлагаетъ Парисъ, отъ котораго брань воспылала.
„Онъ предлагаетъ Троянамъ и всѣмъ мѣднолатнымъ Ахейцамъ
„Ратныя збруи свои положить на всеплодную землю;
„Самъ посреди ополченій съ воинственнымъ онъ Менелаемъ
„Битвой, одинъ на одинъ, за Елену желаетъ сразиться.
„Кто изъ двоихъ побѣдитъ и окажется явно сильнѣйшимъ,
„Въ домъ и Елену введетъ и сокровища всѣ онъ получитъ;

„Мы жъ на взаимную дружбу священныя клятвы положимъ.
Рекъ онъ; Ахейцы безмолвные, всѣ сохраняли молчанье;
И межъ нихъ провѣщалъ Менелай, знаменитый воитель:

„Нынѣ, внимайте и мнѣ; жесточайшая горесть пронзаетъ
„Сердце мое; помышляю давно я, пора примириться
„Трои сынамъ и Ахейцамъ; довольно вы бѣдъ претерпѣли
„Ради вражды между мной и Парисомъ, виновникомъ оной.
„Кто между нами двумя судьбой обреченъ на погибель,
„Тотъ да погибнетъ! а вы, о друзья, примиритесь не медля.
„Пусть же представятъ и бѣлаго агнца и черную овцу,
„Солнцу принесть и Землѣ; а Крониду пожремъ мы другаго.
„Пусть призовутъ и Пріама владыку, да клятву положитъ
„Самъ; (а сыны у него напыщенны, всегда вѣроломны:)
„Да преступникъ какой либо Зевсовыхъ клятвъ не разрушитъ:
„Сердце людей молодыхъ легкомыслено, непостоянно;
„Старецъ, межъ ними присущій, впередъ и назадъ прозорливо
„Смотритъ, обѣихъ сторонъ соблюдая взаимную пользу.

Такъ говорилъ; и наполнились радостью оба народа,
Чая почить наконецъ отъ трудовъ изнурительной брани:
Коней становятъ въ ряды, съ колесницъ своихъ прядаютъ сами;
Быстро снимаютъ доспѣхи, на землю слагаютъ ихъ близко
Другъ противъ друга: межъ воинствъ осталося узкое поле.

Гекторъ немедленно къ граду глашатаевъ двухъ посылаетъ,
Агнцевъ поспѣшно принесть и древняго вызвать Пріама.
Царь Агамѐмнонъ равно повелѣніе далъ Талѳибію,

Къ сѣнямъ Ахейскимъ итти, и принесть на закланіе агнца;
Онъ поспѣшилъ, повинуясь державному сыну Атрея.

Съ вѣстью Ириса явилась къ Еленѣ лилейно-раменной.
Вѣстница, образъ принявши любезной Еленѣ золовки,
Съ коей въ супружествѣ былъ Антенòридъ, царь Геликàонъ,
Образъ младой Лаодики, прекраснѣйшей дщери Пріама,
Въ теремъ вошла, гдѣ Елена ткань великую ткала,
Свѣтлый, двускладный покровъ, образуя на ономъ сраженья,
Подвиги конныхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ,
Въ коихъ они за нее отъ Ареевыхъ рукъ пострадали.
Къ ней приступивъ, быстроногая такъ говорила Ириса:

„Выйди, любезная нимфа, дѣянія чудныя видѣть
„Конниковъ храбрыхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ.
„Оба народа не давно, стремимые бурнымъ Ареемъ,
„Въ полѣ сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
„Нынѣ безмолвны стоятъ; прекратилася брань; ратоборцы
„Всѣ на щиты преклонилися, копья ихъ воткнуты въ землю.
„Но герой Александръ и Атридъ Менелай браноносный
„Съ копьями длинными выйдутъ одни за тебя подвизаться;
„И супругой любезной тебя наречетъ побѣдитель.

Такъ изрекла, и вліяла ей въ душу сладкія чувства,
Думы о первомъ супругѣ, о градѣ родимомъ и кровныхъ.
Встала она, и сребристыми тканями вкругъ осѣняся,
Быстро изъ терема шествуетъ, съ нѣжной слезой на рѣсницахъ.
Слѣдомъ за ней поспѣшили прислужницы вѣрныя обѣ,

Эѳра, Питеева дочь, и Климена съ блистательнымъ взоромъ.
Скоро онѣ притекли ко вратамъ возвышавшимся Скейскимъ.
Тамъ и владыка Пріамъ и Панѳой и Ѳимѐтъ благородный,
Клитій, божественный Лампъ, Гикетàонъ, Ареева отрасль,
Укалегòнъ, и герой Антеноръ, прозорливые оба,
Старцы народа сидѣли на Скейской возвышенной башнѣ,
Старцы, уже не могучіе въ брани, но мужи совѣта
Сильные словомъ, цикадамъ* подобные, кои по рощамъ
Сидя на вѣтвяхъ деревъ, разливаютъ голосъ ихъ звонкій:
Сонмъ таковыхъ Иліонскихъ старѣйшинъ собрался на башнѣ.
Старцы, лишь только узрѣли идущую къ башнѣ Елену,
Тихія между собой говорили крылатыя рѣчи:

„Нѣтъ, осуждать не возможно, что Трои сыны и Ахейцы
„Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:
„Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна!
„Но, и столько прекрасная, пусть возвратится въ Гелладу,
„Пусть удалится отъ насъ и отъ чадъ намъ любезныхъ погибель!

Такъ говорили; Пріамъ же ее призывалъ дружелюбно:
„Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мнѣ ты садися;
„Узришь отсюда и перваго мужа, и кровныхъ, и ближнихъ.
„Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
„Боги съ плачевной войной на меня воздвигли Ахеянъ!
„Сядь и повѣдай мнѣ имя, величествомъ дивнаго мужа:

---

* Τέττιξ, cicada; это не стрекоза и не кузнечикъ, и въ Россіи не водится.—*Цикада поетъ, сидя на деревьяхъ; древніе употребляли ихъ въ пищу.* Aristot. Histor. Animal. Lib. V. c. XXX.

„Кто сей, предъ ратью Ахейскою мужъ и великій и мощный?
„Выше его головой межъ Ахеями есть и другіе;
„Но толико прекраснаго очи мои не видали,
„Ни толико почтеннаго: мужу царю онъ подобенъ!

Старцу въ женахъ знаменитая, такъ отвѣчала Елена:
„Ты и почтенъ для меня, возлюбленный свекоръ, и страшенъ!
„Лучше бъ мнѣ смерть предпочесть было горькую въ день, какъ рѣшилась
„Слѣдовать съ сыномъ твоимъ, какъ покинула брачный чертогъ мой,
„Братьевъ и милую дочь и веселыхъ подругъ мнѣ безцѣнныхъ!
„Но не сдѣлалось такъ; и о томъ я въ слезахъ изныпаю! . . .
„Ты вопрошаешь меня, и тебѣ я скажу Дарданіонъ:
„Мужъ сей есть пространно-державный Атридъ Агамѐмнонъ,
„Славный въ Елладѣ, какъ мудрый царь и какъ доблестный воинъ.
„Деверь онъ былъ мнѣ; увы, недостойная, еслибъ онъ былъ имъ!

Такъ говорила; и старецъ, дивяся Атриду, воскликнулъ:
„О Агамѐмнонъ, счастливымъ родившійся, смертный блаженный!
„Сколько подъ властью твоею Ахейскихъ сыновъ бранноносныхъ!
„Нѣкогда бывъ во Фригійской землѣ, виноградомъ обильной,
„Зрѣлъ я великую рать Фригіянъ, колесничниковъ быстрыхъ;
„Зрѣлъ я Отрея полки и Мигдона, подобнаго богу:
„Станомъ стояло ихъ воинство вдоль береговъ Сангарія;
„Тамъ находился и я, и союзникомъ оныхъ считался,
„Въ день, какъ, мужамъ подобныя, ратью нашли Амазонки:
„Но не столько ихъ было, какъ здѣсь быстроокихъ Данаевъ.

Послѣ, узрѣвъ Одиссея, Пріамъ вопрошаетъ Елену:

„Нынѣ объ этомъ повѣдай, дитя мое: кто сей Данаецъ?
„Менѣе цѣлой главой, чѣмъ великій Атридъ Агамѐмнонъ,
„Но плечами онъ шире и персями съ вида взрачнѣе.
„Збруя его боевая лежитъ на землѣ плодоносной;
„Самъ же, подобно овну, по рядамъ ратоборнымъ онъ ходитъ:
„Онъ мнѣ подобнымъ овну представляется, пышному волной,
„Въ стадѣ которой великомъ гуляетъ межъ агницъ сребристыхъ.

Вновь отвѣчала Пріаму Елена, рожденная Зевсомъ:
„Мужъ сей, почтенный Пріамъ, Лаертидъ Одиссей многоумный,
„Взросшій въ народѣ Иѳаки, питомецъ земли каменистой,
„Мужъ, преисполненный козней различныхъ и мудрыхъ совѣтовъ.

Къ ней обративши слова, говорилъ Антеноръ благоумный:
„Подлинно, рѣчь справедливую ты, о жена, произносишь:
„Нѣкогда къ намъ приходилъ Одиссей Лаертидъ знаменитый,
„Присланный ради тебя съ Менелаемъ воинственнымъ купно.
„Я ихъ тогда принималъ и угащивалъ дружески въ домѣ;
„Свойство узналъ обоихъ и совѣтовъ ихъ разумъ извѣдалъ.
„Если они на собранья Троянскія вмѣстѣ являлись:
„Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;
„Сидя же вмѣстѣ, почтеннѣе былъ Одиссей благородный.
„Если они предъ собраніемъ думы и рѣчи сплетали:
„Царь Менелай всегда говорилъ изъясняяся бѣгло;
„Мало вѣщалъ, но разительно; не былъ Атридъ многословенъ,
„Ни въ рѣчахъ околиченъ, хоть былъ онъ и младшій годами.
„Но когда говорить возставалъ Одиссей многоумный:

„Тихо стоялъ, и въ землю смотрѣлъ, потупивши очи;
„Скиптра въ десницѣ своей, ни назадъ ни впередъ онъ не двигалъ;
„Но незыбно держалъ, человѣку простому подобный.
„Счелъ бы его ты разгнѣваннымъ мужемъ, или скудоумнымъ.
„Но когда издавалъ онъ го̀лосъ могучій изъ персей,
„Рѣчи его устремлялись, подобныя снѣжной метели!
„Нѣтъ, ни единый бы смертный стязаться не смѣлъ съ Одиссеемъ;
„Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду.

Третьяго видя Аякса, Пріамъ вопрошаетъ Елену:
„Кто еще оный Ахеянинъ, столько могучій, огромный?
„Онъ и главой и плечами широкими всѣхъ перевысилъ?

Старцу, въ женахъ знаменитая, вновь отвѣчала Елена:
„Мужъ сей, Аяксъ Теламо̀нидъ великій, твердыня Данаевъ.
„Тамъ, среди Критскихъ дружинъ, возвышается, богу подобный,
„Идоменей, и при немъ предводители Критянъ толпятся.
„Часто героя сего Менелай угощалъ дружелюбно
„Въ нашемъ домѣ, когда приходилъ онъ изъ славнаго Крита.
„Вижу и многихъ другихъ быстроокихъ Данайскихъ героевъ;
„Всѣхъ я узнала бъ легко, и повѣдала бъ каждаго имя.
„Двухъ лишь нигдѣ я не вижу строителей воинствъ: незримы
„Ка̀сторъ, коней укротитель, съ могучимъ бойцемъ Полидевкомъ,
„Братья, которыхъ со мною родила единая матерь.
„Или они не оставили градъ Лакедѐмонъ веселый?
„Или, быть можетъ, и здѣсь, принеслись въ корабляхъ мореходныхъ;
„Но одни не желаютъ вступать въ ратоборство съ мужами,
„Срамомъ гнушаясь и страшнымъ позоромъ, меня тяготящимъ!

Такъ говорила; но ихъ уже матерь земля сокрывала
Тамъ, въ Лакедѣмонѣ, въ нѣдрахъ любезной земли ихъ родимой.

Тою порой черезъ Трою потребы священныя клятвы,
Агнцевъ и даръ полей, вино веселящее сердце,
Въ козьемъ мѣху несли провозвѣстники; несъ совокупно
Вѣстникъ Идей и блестящую чашу и кубки златые;
Онъ же и къ старцу представъ, призывалъ Дарданида, вѣщая:

„Старецъ почтенный, воздвигнись, тебя приглашаютъ вельможи,
„Трои сыновъ коneборныхъ и мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ
„Выйти на ратное поле, да клятвы святыя положатъ.
„Нынѣ герой Александръ и Атридъ Менелай браноносецъ
„Съ длинными копьями выйдутъ одни за Елену сразиться.
„Кто побѣдитъ, и жены и сокровищъ властителемъ будетъ;
„Мы жъ, заключившіе дружбу и клятвы священныя, будемъ
„Троей владѣть; а Данаи въ Аргосъ, конями обильный,
„Вспять отплывутъ и въ Ахаію, славную женъ красотою.

Такъ произнесъ; ужаснулся Пріамъ, но друзьямъ повелѣлъ онъ
Коней запречь; и они покоряся, исполнили быстро:
Старецъ взошелъ и бразды натянулъ къ управленію коней;
Подлѣ него Антеноръ на блистательной сталъ колесницѣ;
Въ поле они черезъ Скейскія быстрыхъ направили коней.

И когда достигли къ полкамъ Троянъ и Ахеянъ;
Тамъ съ колесницы прекрасной сошедши на злачную землю,
Между Троянъ и Ахеянъ срединою шествуютъ старцы.

*

Въ встрѣчу имъ быстро возсталъ повелитель мужей Агамѐмнонъ,
Мудрый возсталъ Одиссей; и почтенные вѣстники жертвы
Къ клятвамъ святымъ совокупно представили; въ чашѣ единой
Вина смѣсили, и на руки воду царямъ возліяли.
Тутъ Агамѐмнонъ, десницей блистательный ножъ обнаживши
Острый, висящій всегда при влагалищѣ мечномъ великомъ,
Волну отрѣзалъ на агнчихъ главахъ; и глашатаи оба
Взявъ, раздѣлили ее межъ избранныхъ Троянъ и Ахеянъ.
Царь Агамѐмнонъ воззвалъ, съ воздѣяніемъ дланей моляся:

„Мощный Зевсъ! обладающій съ Иды, преславный, великій!
„Геліосъ, видящій все и слышащій все въ поднебесной!
„Рѣки, Земля, и вы, что въ подземной обители души
„Оныхъ караете смертныхъ, которые ложно клянутся!
„Будьте свидѣтели вы, и храните намъ клятвы святыя:
„Если Парисъ Пріамидъ поразитъ Менелая Атрида,
„Онъ и Елену въ дому и сокровища всѣ да удержитъ;
„Мы жъ отъ Троянской земли отплывемъ на судахъ мореходныхъ.
„Если Париса въ бою поразитъ Менелай свѣтловласый,
„Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;
„Пеню должны заплатить Аргивянамъ, какую прилично;
„Память объ ней да прейдетъ и до поздныхъ племенъ человѣковъ.
„Если же мнѣ и Пріамъ и Пріама сыны отрекутся
„Должную дань заплатить по паденьи уже и Париса;
„Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;
„Здѣсь я останусь, пока не увижу конца ратоборству.

Рекъ, и гортани овновъ пересѣкъ онъ суровою мѣдью,

И на злачной землѣ положилъ ихъ, въ трепетѣ смертномъ
Жизнь издыхающихъ: юную силу ихъ мѣдь сокрушила.
Послѣ, вино изъ чаши блистательной черпая кубкомъ,
Всѣ возливали, и громко молились богамъ вѣчносущимъ:
Такъ не одинъ возглашалъ межъ рядами Троянъ и Ахеянъ:

„Зевсъ многославный, великій, и вы, о безсмертные боги!
„Первыхъ, которые смѣютъ священную клятву нарушить,
„Мозгъ, какъ изъ чаши вино, да по черной землѣ разольется,
„Ихъ вѣроломныхъ и чадъ, и пришельцы ихъ женъ да обымутъ!

Такъ возглашали; но ихъ мольбы не исполнилъ Кроніонъ.
Царь Дарданидъ между тѣмъ обратился къ народамъ, вѣщая:

„Слову внимайте Трояне и храбрые мужи Ахейцы:
„Я удаляюсь отъ васъ, въ Иліонъ возвращаюся бурный.
„Мнѣ не достанетъ силъ, чтобы видѣть своими очами
„Сына любезнаго бой съ Менелаемъ, любезнымъ Арею.
„Вѣдаетъ Зевсъ Эгіохъ, и другіе безсмертные боги,
„Въ битвѣ кому изъ подвижниковъ смертный конецъ предназначенъ.

Рекъ, и овновъ въ колесницу влагаетъ божественный старецъ;
Всходитъ и самъ, и бразды къ управленью коней напрягаетъ;
Подлѣ него Антеноръ на блистательной сталъ колесницѣ.
Старцы назадъ обратяся, погнали коней къ Иліону.

Гекторъ тогда Пріамидъ, и съ нимъ Одиссей благородный
Прежде измѣрили мѣсто сраженія; послѣ, повергнувъ

Жребіи въ мѣдный шеломъ, сотрясали, да ими рѣшится,
Кто въ сопротивника первый копье мѣдяное пустить.
Рати же окрестъ молились и длани къ богамъ воздѣвали:
Такъ не одинъ восклицалъ межъ рядами Троянъ и Ахеянъ:

„Мощный Зевсъ, обладающій съ Иды, преславный, великій!
„Кто между ими погибельныхъ дѣлъ сихъ и распрей виновникъ,
„Дай ты ему, пораженному, въ домъ погрузиться Аида;
„Намъ же опять утвердить и священныя клятвы и дружбу!

Такъ возглашаютъ; а Гекторъ великій два жребія въ шлемѣ,
Взоръ отвративъ, сотрясаетъ; и выпрянулъ жребій Париса.
Воины быстро усѣлись рядами, гдѣ каждый оставилъ
Коней своихъ звуконогихъ и пестрыя ратныя збруи.
Тою порой вкругъ раменъ покрывался оружіемъ пышнымъ
Юный герой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены.
И сперва наложилъ онъ на бѣлыя ноги поножи
Пышныя, кои серебреной плотно смыкались наглезной;
Перси кругомъ защищая, надѣлъ мѣдяныя латы,
Брата Ликаона славный доспѣхъ, и ему соразмѣрный;
Сверху на рамо набросилъ ремень и мечъ сереброгвоздный
Съ мѣдянымъ клинкомъ; и щитъ захватилъ и огромный и крѣпкій;
Шлемъ на могучую голову ярко блестящій надвинулъ
Съ гривою конскою; гребень ужасный надъ нимъ волновался;
Тяжкое поднялъ копье, но которое было споручно.
Такъ и Атридъ Менелай покрывался оружіемъ, храбрый.
И едва лишь каждый въ дружинѣ своей вооружился,
Оба они Аргивянъ и Троянъ на средину выходятъ

Съ грозно блестящими взорами; ужасъ смотрящихъ объемлетъ
Конниковъ храбрыхъ Троянъ и красиво-поножныхъ Данаевъ.
Близко герои сошлись и на мѣстѣ измѣренномъ стали,
Копья въ рукахъ потрясая, свирѣпствуя другъ противъ друга.
Первый герой Александръ послалъ длиннотѣнную пику,
И ударилъ Атрида въ блистательный щитъ круговидный;
Но, не проникнуло мѣди, согнулось копейное жало
Въ твердомъ щитѣ. И воздвигся второй съ занесенною пикой
Царь Менелай, умоляющій пламенно Зевса владыку:

„Зевсъ! помоги покарать сотворившаго мнѣ оскорбленье!
„Въ прахъ моею рукой низложи Пріамида Париса;
„Пусть ужасается каждый и въ поздно рожденныхъ потомкахъ
„Зломъ воздавать за пріязнь добродушному гостепріимцу.

Рекъ онъ, и мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику
И ударилъ жестоко противника въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пробѣжала могучая пика,
Броню насквозь, украшеніемъ пышную быстро пронзила,
И, на паху подреберномъ, хитонъ у Париса разсѣкла
Бурная; онъ лишь отпрянувъ, погибели черной избѣгнулъ.
Сынъ же Атреевъ, исторгнувъ стремительно мечъ среброгвоздный,
Грянулъ съ розмаху по бляхѣ шелома; но мечъ надъ шеломомъ
Въ три и четыре куска, раздробившися, палъ изъ десницы.
Царь Менелай возопилъ, на пространное небо взирая:
„Зевсъ, ни одинъ изъ безсмертныхъ, подобно тебѣ не злотворенъ!
„Я наконецъ уповалъ покарать Александра злодѣя;

„И въ рукахъ у меня сокрушается мечъ, и напрасно
„Вылетѣлъ дротъ изъ десницы моей: не могу поразить я!

Рекъ; и напалъ на него, и за шлемъ ухвативъ коневласый,
Быстро повлекъ, обратившися къ пышно-поножнымъ Ахейцамъ.
Стиснулъ Парисову нѣжную выю ремень хитрошвенный,
Вплоть у него подъ брадой проходившая подвязь шелома.
Онъ и довлекъ бы его, и покрылся бы славой великой;
Но любимца увидѣла Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженнаго силой, она разорвала:
Шлемъ послѣдовалъ праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атреїонъ, закруживши на воздухѣ, ринулъ
Къ пышно-поножнымъ Данаямъ, и подняли вѣрные други.
Самъ же онъ бросился вновь, поразить Александра пылая
Мѣднымъ копьемъ; но Киприда его отъ очей, какъ богиня,
Вдругъ похищаетъ, и облакомъ темнымъ покрывши, любимца
Въ ложницу вводитъ, въ чертогъ благовонія сладкаго полный;
Быстро уходитъ Елену призвать, и на башнѣ высокой
Ледину дочь, окруженную сонмомъ Троянокъ, находитъ;
Тихо рукой потрясаетъ ея благовонную ризу,
И говоритъ, уподобяся старицѣ, древле рожденной,
Пряхѣ, что въ прежніе дни для нее въ Лакедемонѣ градѣ
Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила:
Ей уподобясь, такъ говоритъ Афродита богиня:

„Въ домъ возвратися, Елена; тебя Александръ призываетъ.
„Онъ уже дома, сидитъ въ почивальнѣ, на ложѣ точеномъ,
„Свѣтелъ красой и одеждой; не скажешь, что юный супругъ твой

„Съ мужемъ сражался и съ боя пришелъ; но что онъ къ хороводу
„Хочешъ итти, иль возсѣлъ опочить, хороводъ лишь оставивъ.

Такъ говорила, и душу Елены въ груди взволновала:
Но, лишь узрѣла Елена прекрасную выю Киприды,
Прелестей полныя перси и страстно блестящія очи,
Въ ужасъ пришла; обратилась къ богинѣ, и такъ говорила:

„Ахъ, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
„Или меня еще дальше, въ какой либо градъ многолюдный,
„Фригіи градъ, иль Меоніи радостной, хочешь увлечь ты,
„Если и тамъ обитаетъ любезный тебѣ земнородный?
„Нынѣ, когда Менелай, на бою побѣдивъ Александра,
„Снова въ семейство меня возвратить, ненавистную, хочетъ;
„Что ты являешься мнѣ, съ злонамѣреннымъ въ сердцѣ коварствомъ?
„Шествуй къ любимцу сама, отъ путей отрекися безсмертныхъ,
„И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
„Вѣчно при немъ изнывай и ласкай властелина, доколѣ
„Будешь имъ названа или супругою, или рабою!
„Я же къ нему не пойду къ бѣглецу; и позорно бы было
„Ложе его украшать; надо мною Троянскія жены
„Всѣ посмѣются; довольно и такъ мнѣ для сердца страданій!

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвѣчала Киприда:
„Смолкни, несчастная! или во гнѣвѣ тебя я оставивъ,
„Такъ же могу ненавидѣть, какъ прежде безмѣрно любила.
„Вмѣстѣ обоихъ народовъ, Троянъ и Ахеянъ, свирѣпство
„Я на тебя обращу, и погибнешь ты бѣдственной смертью!

Такъ изрекла; и трепещетъ Елена, рожденная Зевсомъ;
И закрывшись покровомъ сребристоблестящимъ, безмолвно,
Сонму Троянокъ невидимо, шествуетъ въ слѣдъ за богиней.
Скоро достигли онѣ Александрова пышнаго дома;
Обѣ служебницы бросились быстро къ домашнимъ работамъ.
Тихо на теремъ высокій жена благородная всходитъ.
Тамъ для нее, улыбаясь плѣнительно, кресло Киприда
Взявъ сама, предъ лицемъ Александровымъ ставитъ, богиня.
Сѣла на ономъ Елена, рожденная Зевсомъ Кронидомъ;
Очи назадъ отвратила, и такъ упрекала супруга:

„Съ битвы пришелъ ты? о лучшебъ, несчастный, на ней ты погибнулъ,
„Мужемъ сраженный могучимъ, моимъ преждебывшимъ супругомъ!
„Прежде не самъ ли хвалился, что ты Менелая героя
„Силой своей и рукой и копьемъ превзойдешь въ ратоборствѣ!
„Шествуй теперь, и Атрида могучаго вызови снова;
„Лично съ героемъ сразися. Но я не совѣтую; лучше
„Мирно покойся, и впредь съ свѣтлокудрымъ Атреевымъ сыномъ
„Ратовать ратью, ни битвою биться не смѣй безразсудно;
„Или, страшись, да его копіемъ укрощенъ ты не будешь!

Ей отвѣчая, Парисъ устремляетъ крылатыя рѣчи:
„Нѣтъ, не печаль мнѣ, супруга, упреками горькими сердца;
„Такъ, сего дни Атридъ побѣдилъ съ ясноокой Аѳиной;
„Послѣ и я побѣжду: покровители боги и съ нами,
„Нынѣ почіемъ съ тобой и взаимной любви насладимся.
„Пламя такое въ груди у меня никогда не горѣло;
„Даже въ тотъ счастливый день, какъ съ тобою изъ Спарты веселой

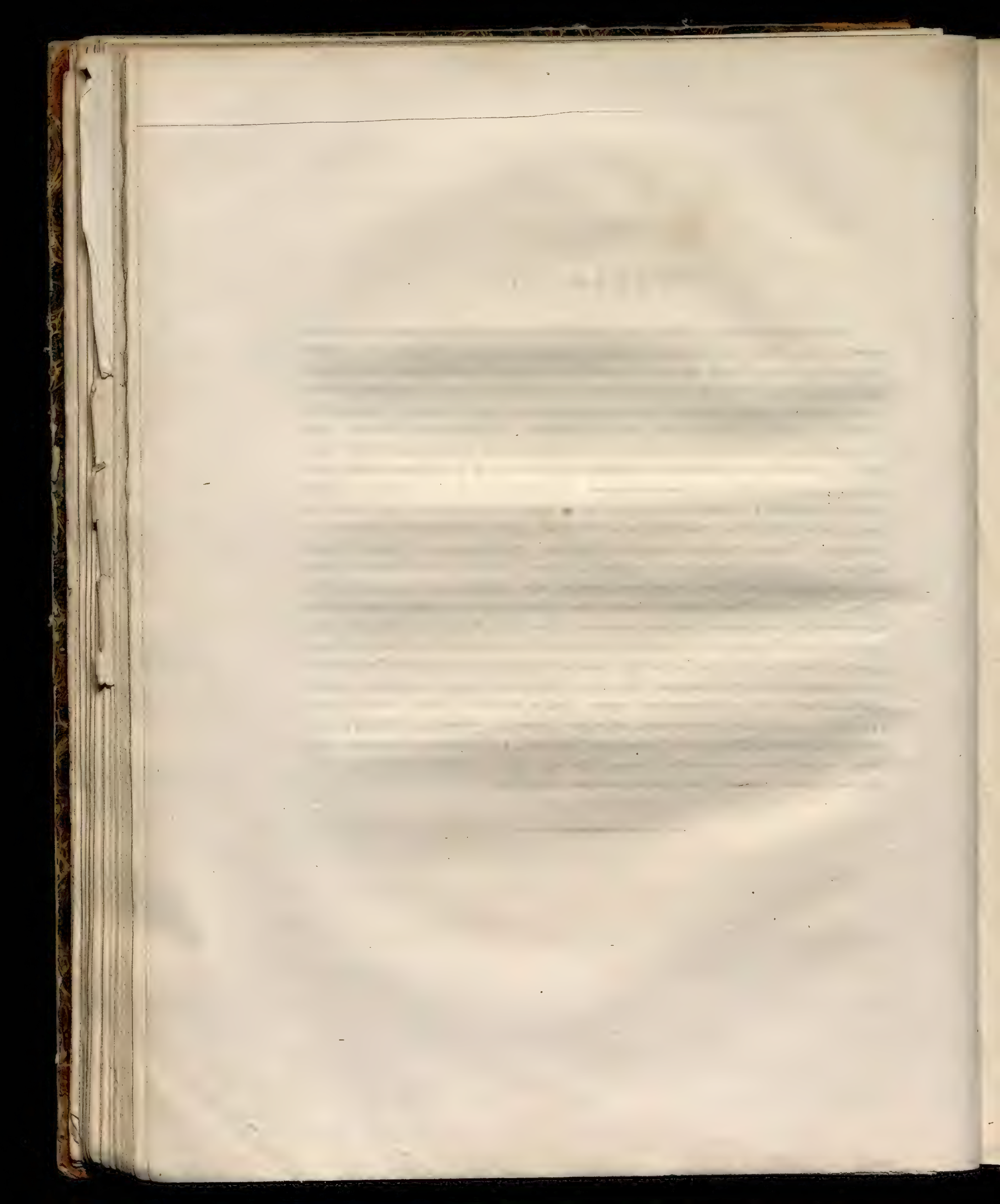
„Я съ похищенной бѣжалъ на моихъ корабляхъ быстролетныхъ,
„И на Кранаѣ сопрягся и первой любовью и ложемъ.
„Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полный.
Рекъ онъ, и шествуетъ къ ложу; за нимъ и Елена супруга.
Вмѣстѣ они на блистательно-убранномъ ложѣ почили.

Сынъ же Атреевъ по воинству рыскалъ, звѣрю подобный,
Взоры бросая кругомъ, не увидитъ ли гдѣ Александра.
Но ни единый изъ храбрыхъ Троянъ и союзниковъ славныхъ
Мощному сыну Атрея не могъ указать Александра.
Вѣрно, изъ дружбы къ нему, не сокрылъ бы никто его зрѣвшій:
Всѣмъ онъ и имъ уже былъ ненавистенъ, какъ черная гибель.

Громко тогда возгласилъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Слухъ преклоните Трояне, Дардане и рати союзныхъ!
„Видимо всѣмъ торжество Менелая, любимца Арея.
„Вы Аргивянку Елену, съ богатствомъ ея похищеннымъ,
„Выдайте намъ, и немедленно должную дань заплатите;
„Память объ ней да прейдетъ и до позднихъ племенъ человѣковъ.
Такъ Агамѐмнонъ вѣщалъ; и въ хвалу восклицали Ахейцы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Боги пиршествуютъ у Зевса, ст. 1—4. Онъ между тѣмъ говоритъ о бывшемъ единоборствѣ. (Оно, какъ видѣли, осталося сомнительнымъ; ибо Парисъ хотя побѣжденъ, но не убитъ. Кромѣ этого, съ исполненіемъ условій единоборства, т. е. съ возвращеніемъ Елены Менелаю, какъ побѣдителю, кончилась бы брань Троянская, и Зевсъ не исполнилъ бы обѣта, даннаго Ѳетидѣ, отмстить за обиду Ахиллеса униженіемъ Ахеянъ въ брани.) — Вотъ почему Зевсъ предлагаетъ на размышленіе богамъ: какъ устроить дѣло? возобновить ли брань, или положить миръ между враждебными народами, возвративъ Елену Менелаю и сохранивъ Трою? 6—19; Гера раздражается; ибо миромъ она не можетъ удовольствовать ненависти своей къ Троянамъ; возражаетъ, упрекаетъ, и принуждаетъ Зевса согласиться на разрушеніе Трои, 20 — 49. Зевсъ, по ея убѣжденію, посылаетъ на землю Аѳину, равно враждебную Троянамъ; она убѣждаетъ Пандара пустить стрѣлу въ Менелая, чтобы такимъ образомъ Трояне нарушили договоръ и подали новую причину къ брани, 50 — 104. Но Менелай раненъ не въ опасное мѣсто: Аѳина отвратила стрѣлу; язву осматриваетъ и врачуетъ Махаонъ, 105 — 219. Между тѣмъ Трояне, вновь принявъ оружіе, наступаютъ; Ахеяне вооружаются; Агамемнонъ обходитъ воинство, 220—250; однихъ, какъ Идоменея, 251, Аяксовъ, 279, Нестора, 293, которые стояли уже въ готовности, хвалитъ ревность; другихъ, Менесѳея, Одиссея, 327—364, Діомеда, которые новаго нападенія еще не слышали, упрекаетъ въ медленности, 365 — 421. Послѣ сего брань съ обѣихъ сторонъ возобновляется; боги воспламеняютъ сердца, Арей и Аполлонъ Троянъ, Аѳина Ахеянъ, 422—456; многіе ознаменовываютъ доблесть: Антилохъ убиваетъ Эхепола, 457; Агеноръ Элефенора, 463; Аяксъ Теламонидъ Симоизія, 473; Одиссей Демокоона, 499; Діора, вождя Эпеянъ, поражаетъ Пиросъ, Ѳракіецъ, 517; его Ѳоасъ Этоліецъ; 527—538. Съ обѣихъ сторонъ дѣло идетъ пламенно, 539—544.

ПѢСНЬ IV.

Боги у Зевса отца, на помостѣ злашомъ засѣдая,
Мирно бесѣду вели; посредѣ ихъ цвѣтущая Геба
Нектаръ кругомъ разливала; и кубки пріемля злашые,
Чествуюшъ боги другъ друга, съ высошъ на Трою взирая.
Вдругъ Олимпіецъ Кроніонъ замыслилъ Геру прогнѣвать
Рѣчью язвительной; онъ издѣваясь, бесѣдовать началъ:

„Двѣ здѣсь богини, помощницы въ браняхъ царя Менелая:
„Гера Аргивская и Тритогенія Алалкомѣна.
„Обѣ однако, вдали возсидя и съ Олимпа взирая,
„Симъ утѣшаются; но съ Александромъ вездѣ Афродита,
„Помощь ему подаетъ, роковыя бѣды отражаетъ,
„И сегодни любимца спасла, трепетавшаго смерти.
„Но побѣда надъ нимъ несомнѣнно царя Менелая.
„Боги, размыслимъ, чѣмъ таковое дѣяніе кончить?
„Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнемъ;
„Или возлюбленный миръ межъ двумя племенами положимъ?
„Если сіе божествамъ и желательно всѣмъ и пріятно;

„Будетъ стоять нерушимою Троя Пріама владыки,
„И съ Еленой Аргивскою въ домъ Менелай возвратится.

Такъ онъ вѣщалъ; негодуя вздыхали Аѳина и Гера;
Вмѣстѣ сидѣли онѣ и Троянамъ бѣды умышляли.
Но Аѳина смолчала; не молвила, гнѣвная, слова
Зевсу отцу: а ее волновала свирѣпая злоба.
Гера же гнѣва въ груди не сдержала, воскликнула къ Зевсу:

„Сердцемъ жестокій Кроніонъ! какой ты глаголъ произносишь?
„Хочешь ты сдѣлать и трудъ мой ничтожнымъ и потъ мой безплодпымъ,
„Коимъ трудясь обливалася? я истомила и коней,
„Рать подымая на гибель Пріаму и чадамъ Пріама.
„Волю твори; но не всѣ отъ безсмертныхъ ее мы одобримъ.

Ей, негодующій сердцемъ, отвѣтствовалъ Зевсъ тучеводецъ:
„Злобная! Старецъ Пріамъ и Пріамовы чада какое
„Зло предъ тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
„Градъ Иліонъ истребить, благолѣпную смертныхъ обитель?
„Еслибъ могла ты, войдя во врата и Троянскія стѣны,
„Ты бы пожрала живыхъ и Пріама и всѣхъ Пріамидовъ
„И Троянскій народъ; и тогда бъ лишь насытила злобу!
„Дѣлай, что сердцу угодно; да горькій сей споръ напослѣдокъ
„Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положитъ.
„Слово еще изреку я, а ты впечатлѣй его въ сердцѣ:
„Если и я, пылающій гнѣвомъ, когда возжелаю
„Градъ низпровергнуть, отчизну любезныхъ тебѣ человѣковъ;
„Гнѣва и ты моего не обуздывай, дай мнѣ свободу!

„Градъ сей тебѣ я предать соглашаюсь, душей не согласный.
„Такъ, подъ сіяющимъ солнцемъ и твердью небесною звѣздной
„Сколько ни зрится градовъ, населенныхъ сынами земными,
„Сердцемъ моимъ наиболѣе чтима священная Троя,
„Трои владыка Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
„Тамъ никогда мой алтарь не лишался ни жертвенныхъ пиршествъ,
„Ни возліяній, ни дыма: сія бо намъ честь подобаетъ.

Вновь провѣщала къ нему волоокая Гера богиня:
„Три для меня наипаче любезны Ахейскіе града:
„Аргосъ, холмистая Спарта и градъ многолюдный Микена:
„Ихъ истреби ты, когда для тебя ненавистными будутъ;
„Я не вступаюсь за нихъ, и отнюдь на тебя не враждую.
„Сколько бы въ гнѣвѣ моемъ ни противилась ихъ истребленью,
„Я не успѣла бъ и гнѣвная: ты на Олимпѣ сильнѣйшій.
„Но труды мои оставаться должны ли безплодны?
„Я божество, какъ и ты, изхожу отъ единаго рода;
„И, богиня старѣйшая, дщерь хитроумнаго Крона,
„Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
„Ты нарицаешь, ты, надъ безсмертными всѣми царящій.
„Но оставимъ вражду, и, смиряяся другъ передъ другомъ,
„Оба взаимно уступимъ, да слѣдуютъ намъ и другіе
„Боги безсмертные. Нынѣ, Кронидъ, повели ты Аѳинѣ
„Быстро сойти къ истребительной брани Троянъ и Данаевъ;
„Пусть искушаетъ она, чтобъ славою гордыхъ Данаевъ
„Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву.

Такъ говорила; и внялъ ей отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ;

Рѣчи крылатыя онъ устремилъ къ свѣтлоокой Аѳинѣ:
„Быстро, Аѳина, лети къ ополченьямъ Троянъ и Данаевъ;
„Тамъ искушай и успѣй, чтобъ славою гордыхъ Данаевъ
„Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву.

Рекъ, и подвигнулъ давно пылавшую сердцемъ Аѳину:
Бурно помчалась богиня, съ Олимпа высокаго бросясь.
Словно звѣзда, какую Кроніонъ Зевсъ посылаетъ
Знаменьемъ или пловцамъ, иль воюющимъ ратямъ народовъ,
Яркую; вкругъ изъ нее неисчетныя сыплются искры:
Въ видѣ такомъ устремлялась на землю Паллада Аѳина,
Пала въ средину полковъ: изумленіе обняло зрящихъ
Конниковъ храбрыхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ;
Такъ говорилъ не одинъ ратоборецъ, взглянувъ на другаго:
„Снова войнѣ ненавистной, снова сѣчѣ кровавой
„Быть передъ Троей; или полагаетъ миръ между нами
„Зевсъ всемогущій, который межъ смертными браней рѣшитель.

Такъ не одинъ говорилъ въ ополченьяхъ Троянъ и Ахеянъ.
Зевсова жъ дочь, Антенорова сына пріявшая образъ,
Мужа Лаодока храбраго, въ сонмы Троянскія входитъ,
Пандара, богу подобнаго, ищетъ, кругомъ вопрошая;
Видитъ его: непорочный и доблестный сынъ Ликаоновъ,
Пандаръ стоялъ, и при немъ густые ряды щитоносцевъ,
Воевъ, пришедшихъ за нимъ отъ священныхъ потоковъ Эсепа.
Ставъ близъ него, устремила богиня крылатыя рѣчи:

„Будешь ли мнѣ ты послушенъ, воинственный сынъ Ликаона?

„Смѣешь ли быстрой стрѣлою ударить въ царя Менелая?
„Въ Трои отъ каждаго ты благодарность и славу стяжаешь;
„Болѣе жъ всѣхъ отъ Пріамова сына, царя Александра.
„Такъ, отъ него ты отъ перваго даръ понесешь знаменитый,
„Если узритъ онъ, что царь Атреидъ, Менелай браноносный
„Сверженъ твоею стрѣлой, на костеръ подымается грустный.
„Пандаръ, дерзай! порази Менелая высокаго славой!
„Прежде жъ обѣтъ сотвори луконосцу Ликійскому, Фебу,
„Агнцевъ ему первородныхъ принесть знаменитую жертву,
„Въ отческій домъ возвратяся, въ священныя Зеліи стѣны.

Такъ говоря, безразсуднаго сердце Аѳина подвигла.
Лукъ обнажилъ онъ лоснистый, рога быстроскачущей серны,
Дикой, которую нѣкогда самъ онъ подъ перси уметилъ,
Съ камня готовую прянуть: ее ожидавшій въ засадѣ,
Въ грудь онъ стрѣлой угодилъ и хребтомъ опрокинулъ на камень.
Роги ея отъ главы на шестнадцать ладоней вздымались.
Ихъ обработавъ искусно, сплотилъ рогодѣлецъ художникъ,
Вылощилъ ярко весь лукъ и покрылъ его златомъ поверхность.
Лукъ сей блестящій, стрѣлецъ натянувши, искусно изладилъ,
Къ долу склонивъ; и щитами его заградила дружина,
Въ страхѣ, да слуги Арея, въ него не ударятъ Ахейцы,
Прежде чѣмъ будетъ пронзенъ Менелай, воевода Ахеянъ.
Пандаръ же крышу колчанную поднялъ и выволокъ стрѣлу,
Новую, стрѣлу крылатую, черныхъ страданій источникъ.
Скоро къ тугой тетивѣ приспособилъ онъ горькую стрѣлу,
И обѣтъ сотворя луконосцу Ликійскому, Фебу,
Агнцевъ ему первородныхъ принесть знаменитую жертву,

Въ отческій домъ возвратяся, въ священныя Зеліи стѣны:
Разомъ повлекъ и пернатой ушки и воловую жилу;
Жилу привлекъ до сосца, и до лука желѣзо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лукъ изогнулъ онъ,
Рогъ заскрыпѣлъ, тетива загудѣла и прянула стрѣлка
Остроконечная, жадная въ сонмы влетѣть сопротивныхъ.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вѣчные боги; и первая дщерь свѣтлоокая Зевса:
Ставъ предъ тобою, она возбраняетъ стрѣлѣ смертоносной
Къ тѣлу касаться; ее отражаетъ, какъ нѣжная матерь
Гонитъ муху отъ сына, сномъ задремавшаго сладкимъ.
Мѣдь направляетъ богиня туда, гдѣ застежки златыя
Поясъ смыкали и гдѣ представлялася броня двойная:
Бурно пернатая горькая въ сомкнутый поясъ упала,
И насквозь растерзала изящно украшенный поясъ,
Броню насквозь, украшеніемъ пышную, быстро пробила,
Повязь мѣдную, тѣла защиту, стрѣлъ сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую повязь пронзила,
И разсѣкла могучая верхнюю кожу героя;
Быстро багряная кровь заструилась изъ раны Атрида.
Такъ какъ слоновая кость, обагренная въ пурпуръ женою,
Карскою или Меонской, въ нащечники пышные конямъ,
Въ домѣ лежитъ у владѣлицы: многіе конники страстно
Жаждутъ обрѣсть; но лежитъ драгоцѣнная царская утварь,
Должная быть и коню украшеньемъ и коннику славой:
Такъ у тебя, Менелай, обагрилися пурпурной кровью
Бедра крутыя, красивыя ноги и самыя глезны.

Въ ужасъ пришелъ Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ,
Брата увидѣвши кровь, изливавшуюсь токомъ изъ язвы.
Въ ужасъ пришелъ и самъ Менелай, воеватель отважный;
Но лишь увидѣлъ шипы и завязку пернатой внѣ тѣла,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа Агамемнонъ,
Такъ между тѣмъ говорилъ, и кругомъ ихъ стенала дружина:

„Милый мой братъ! на погибель тебѣ договоръ заключилъ я,
„Выставивъ противъ Троянъ одного за Данаевъ сражаться:
„Ими пронзенъ ты; попрали Трояне священную клятву!
„Но не будутъ ничтожною клятва, кровавая жертва,
„Винъ возліянье, и рукъ сопряженье на вѣрность обѣта.
„Если теперь совершить Олимпійскій Зевесъ не разсудитъ,
„Поздно, но онъ совершитъ; и Трояне великою платой,
„Женами ихъ и дѣтьми, и своими главами заплатятъ.
„Твердо увѣренъ я въ томъ, убѣждаяся духомъ и сердцемъ,
„Будетъ нѣкогда день, какъ погибнетъ высокая Троя,
„Древній погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
„Зевсъ Эгіохъ, обитатель Эѳира, высоко-царящій
„Самъ надъ главами Троянъ заколеблетъ ужаснымъ Эгидомъ,
„Симъ вѣроломствомъ прогнѣванный: то неминуемо будетъ.
„Но межъ тѣмъ, Менелай, и жестокая будетъ мнѣ горесть,
„Если умрешь ты, о братъ мой, и жизни предѣлъ здѣсь окончишь.
„Я, отягченный стыдомъ, отойду въ многожаждущій Аргосъ!
„Скоро тогда по отечествѣ всѣ затоскуютъ Ахейцы.
„Въ славу Пріаму, и въ радость Троянамъ здѣсь мы оставимъ
„Нашу Елену, и кости твои середь поля истлѣютъ,

„Легшія въ чуждой Троянской землѣ, не свершенному дѣлу. —
„И речетъ не одинъ безпредѣльно надменный Троянецъ,
„Гордо на гробъ наскочивъ Менелая, покрытаго славой:
„Если бы такъ надъ всѣми свой гнѣвъ совершалъ Агамѐмнонъ!
„Онъ къ Иліону Ахейскую рать приводилъ безполезно;
„Онъ съ корблями пустыми въ любезную землю родную
„Вспять возвратился, оставивши здѣсь Менелая героя.
„Такъ онъ речетъ; и тогда разступися земля подо мною!

Душу ему ободряя, вѣщалъ Менелай свѣтловласый:
„Братъ, ободрися и въ страхъ не вводи ополченій Ахейскихъ;
„Въ мѣсто мнѣ не смертельное мѣдь вонзилася; прежде
„Запонъ мой испещренный ее укротилъ, а подъ онымъ
„Поясъ и пòвязь, которую мѣдники мужи ковали.

Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Было бы истинно такъ, какъ вѣщаешь, возлюбленный братъ мой!
„Язву же врачь знаменитый не медля тебѣ испытаетъ
„И положитъ врачевствъ, утоляющихъ черныя боли.
Рекъ, и къ Талѳибію вѣстнику рѣчь обратилъ Агамѐмнонъ:
„Шествуй, Талѳибій, и къ намъ призови ты Махàона мужа,
„Славнаго рати врача, Асклепія мудраго сына.
„Пусть онъ осмотритъ вождя Аргивянъ, Менелая героя,
„Коего ранилъ стрѣлою стрѣлецъ знаменитый Ликійскій,
„Или Троянскій, на славу Троянамъ, Ахеямъ на горесть!

Рекъ, и глашатай немедленно слову царя повинулся:
Быстро пошелъ сквозь толпы, по великому войску Данаевъ,

Окрестъ смотря по рядамъ; и героя Махаона видитъ:
Пѣшъ онъ стоялъ, и кругомъ его храбрыхъ ряды щитоносцевъ,
Воевъ, за нимъ прилетѣвшихъ изъ Трики, обильной конями.
Ставъ близъ него, устремляетъ Талѳибій крылатыя рѣчи:

„Шествуй, Асклепіевъ сынъ; Агамемнонъ тебя призываетъ;
„Шествуй, увидѣть вождя Аргивянъ, Менелая героя,
„Коего ранилъ стрѣлою стрѣлецъ знаменитый Ликійскій,
„Или Троянскій, на славу Троянамъ, Ахейцамъ на горесть!

Такъ говорилъ онъ, и душу Махаона въ персяхъ встревожилъ:
Быстро пошли сквозь толпы, по великому войску Данаевъ;
И когда притекли, гдѣ Атридъ Менелай свѣтлокудрый
Былъ пораженъ, гдѣ собравшись Ахейскіе всѣ властелины
Кругомъ стояли, а онъ посредѣ ихъ, богу подобный:
Врачъ изъ плотнаго запона стрѣлу извлечь поспѣшаетъ;
Но когда онъ повлекъ, закривились шипы у пернатой.
Быстро тогда разрѣшивъ пестроблещущій запонъ, подъ онымъ
Поясъ и повязь, которую мѣдники мужи ковали,
Язвину врачъ осмотрѣлъ, нанесенную горькой стрѣлою;
Выжалъ кровь, и искусный, ее врачевствами осыпалъ,
Силу которыхъ отцу его Хиронъ открылъ дружелюбный.

Тою порой, какъ Данаи заботились вкругъ Менелая,
Быстро Троянцевъ ряды наступали на нихъ щитоносцевъ;
Снова Данаи оружьемъ покрылись и вспыхнули боемъ.
Тутъ не увидѣлъ бы ты Агамемнона, сына Атрея

Дремлющимъ, или трепещущимъ, или на брань неохотнымъ:
Пламенно къ брани, мужей прославляющей, онъ устремился.
Коней Атридъ съ колесницею, мѣдью блестящей, оставилъ;
Ихъ браздодержецъ могучій держалъ не далеко, храпящихъ,
Мужъ Эвримѐдонъ, потомокъ Пира̀осовъ, сынъ Птолемеевъ:
Близко держаться Атридъ заповѣдалъ, на случай, когда онъ
Члены трудомъ истомитъ, обходящій и строющій многихъ.
Самъ, устремившися пѣшъ, проходилъ онъ ряды ратоборцевъ.
Гдѣ поспѣшавшихъ на бой находилъ Аргивянъ быстроконныхъ,
Духа еще имъ, представъ, придавалъ возбудительной рѣчью:

„Аргоса вои, воспомните нынѣ кипящую доблесть!
„Нѣтъ, небожитель Кронидъ въ вѣроломствахъ не будетъ помощникъ:
„Первыхъ, которые клятвы поправъ, нанесли оскорбленье,
„Бѣлое тѣло ихъ вѣрно растерзано вранами будетъ;
„Мы же супругъ ихъ цвѣтущихъ и всѣхъ ихъ дѣтей малолѣтныхъ
„Въ плѣнъ увлечемъ на судахъ, какъ возмемъ крѣпкостѣнную Трою.

Но встрѣчая мужей, на печальную битву коснящихъ,
Сильно на нихъ нападалъ, порицая жестокою рѣчью:
„Аргоса вои, стрѣльцы презрѣнные, нѣтъ ли стыда вамъ?
„Что пораженные страхомъ, какъ робкія лани, стоите?
„Лани, когда утомятся, по чистому бѣгая полю,
„Купой стоятъ, и нѣтъ въ ихъ персяхъ ни духа, ни силы:
„Такъ пораженные вы здѣсь стоите, и медлите къ бою.
„Ждете ли вы, чтобъ Трояне до самыхъ рядовъ приступили
„Нашихъ судовъ лѣпокормныхъ, на брегѣ моря сѣдаго,
„Тамъ чтобъ увидѣть вамъ, васъ ли рукой покрываетъ Кроніонъ?

Такъ онъ начальствуя, вкругъ обходилъ ратоборные строи.
Скоро приближился къ Критскимъ, идя сквозь толпу ратоборцевъ:
Критяне строились въ бой вкругъ отважнаго Идоменея;
Идоменей впереди ихъ, подобился вепрю, могучій;
Вождь Меріонъ у него позади возбуждалъ ополченья.
Ихъ усмотрѣвши, наполнился радостью царь Агамемнонъ,
И предводителя Критянъ привѣтствовалъ ласковой рѣчью:

„Идоменей, тебя среди сонма героевъ Ахейскихъ
„Чествую выше я всѣхъ, какъ въ бояхъ и дѣяніяхъ прочихъ,
„Такъ и на празднествахъ нашихъ, когда благороднымъ Данаямъ
„Къ пиру почетнаго чермнаго чашу вина растворяютъ;
„Гдѣ предводители прочіе мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ
„Пьютъ извѣстною мѣрой; но кубокъ тебѣ непрестанно
„Полный стоитъ, какъ и мнѣ, да пьешь до желанія сердца.
„Шествуй же къ брани, таковъ какъ и прежде ты быть въ ней гордился.

И Атриду отвѣтствовалъ Критскихъ мужей воевода:
„Славный Атридъ, неизмѣнно твоимъ я остануся другомъ,
„Вѣрнымъ всегда, какъ и прежде тебѣ обѣщалъ я и клялся.
„Но спѣши и другихъ возбудить кудреглавыхъ Данаевъ.
„Битву скорѣе начнемъ; разорвали священныя клятвы
„Трои сыны! И постигнутъ ихъ первыхъ бѣды и погибель;
„Первые, клятвы поправъ, вѣроломно они оскорбили!

Такъ онъ вѣщалъ; и Атридъ удалился, радостный сердцемъ;
Онъ устремился къ Аяксамъ, идя сквозь толпу ратоборныхъ:
Оба готовились въ бой, окруженные тучею пѣшихъ.

*

Словно какъ съ холма высокаго тучу великую пастырь
Видитъ, надъ моремъ идущую, вѣтромъ гонимую бурнымъ:
Издали взору его, какъ смола представляяся черной,
Мчится надъ моремъ она, предводящая страшную бурю;
Съ ужасомъ пастырь глядитъ и стада свои гонитъ въ пещеру:
Въ слѣдъ таковы за Аяксами, юношей пламенныхъ въ битвахъ,
Къ брани кровавой съ врагомъ устремлялись фаланги густыя,
Черныя, грозно кругомъ и щиты воздымая и копья.
Видя и сихъ, наполняется радостью царь Агамѐмнонъ,
И къ вождямъ обратяся, крылатую рѣчь устремляетъ:

„Храбрые мужи Аяксы, вожди мѣднолатныхъ Данаевъ!
„Вамъ я, народъ возбуждать, не даю повелѣній не нужныхъ:
„Сильно вы сами его поощряете къ пламеннымъ битвамъ.
„Еслибъ, о Зевсъ Олимпійскій, Аѳина и Фебъ луконосецъ!
„Еслибъ у каждаго въ персяхъ подобное мужество было,
„Скоро предъ нами поникнулъ бы градъ крѣпкостѣнный Пріама,
„Нашихъ героевъ руками плѣненный и въ прахъ обращенный!

Такъ произнесши, оставилъ онъ ихъ, и къ другимъ устремился.
Встрѣтился Несторъ ему, сладкогласный витія Пилоскій:
Строилъ свои онъ дружины и духъ распалялъ ихъ на битву.
Окрестъ его Пелагònъ возвышался, Аласторъ и Хрòмій;
Гемонъ, воинственный царь, и Біантъ, предводитель народовъ.
Конныхъ мужей впереди съ колесницами Несторъ построилъ;
Пѣшихъ бойцовъ позади ихъ поставилъ, и многихъ и храбрыхъ,
Стѣну въ сраженіяхъ бурныхъ; но робкихъ собралъ въ середину,
Съ мыслью, чтобъ каждый, когда не по волѣ, по нуждѣ сражался.

Конникамъ первымъ давалъ наставленья, приказывалъ имъ онъ
Коней рядами держать, и нестройной толпой не толпиться.
„Нѣтъ, чтобъ никто, на искуство ѣзды и на силу надежный,
„Прежде другихъ не пылалъ, впереди съ супостатами биться,
„Или назадъ обращаться: себя вы ослабите сами.
„Князь въ колесницѣ своей на другую придетъ колесницу,
„Пику впередъ уставь: наилучшій для конниковъ способъ.
„Такъ поступая и древніе, стѣны и грады громили,
„Разумъ и духъ таковой сохраняя въ доблестныхъ персяхъ.

Такъ имъ совѣтовалъ старецъ, давно испытанный въ браняхъ.
Царь Агамѐмнонъ узрѣвъ и его, веселится душою;
И обратяся къ нему, устремляетъ крылатыя рѣчи:
„Если бы, старецъ, до нынѣ еще, какъ душа твоя въ персяхъ,
„Ноги служили тебѣ, и остались въ свѣжести силы?
„Но угнетаетъ тебя неизбѣжная старость; пускай бы
„Мужи другіе старѣли, а ты бы блисталъ между юныхъ!

И Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Такъ, благородный Атридъ, несказанно желалъ бы и самъ я
„Быть таковымъ, какъ я былъ, поразившій Эревоаліона.
„Но, совокупно всего не даютъ божества человѣкамъ:
„Молодъ я былъ, а теперь и меня постигнула старость.
„Но и таковъ я, пойду между конными; буду бодрить ихъ
„Словомъ моимъ и совѣтомъ: вотъ честь, остающаясь старцамъ.
„Копья пускай устремляютъ Ахеяне младшіе, мужи,
„Родшіесь послѣ меня и надежные больше на силу.

Такъ произнесъ; и Атридъ удалился, радостный сердцемъ;
Онъ Менесѳея, отличнаго конника, близко находитъ
Праздно стоящимъ, и окрестъ Аѳинянъ, искусныхъ въ сраженьяхъ.
Тамъже, близъ Менесѳея, стоялъ Одиссей многоумный;
Окрестъ его Кефалленовъ ряды, не безсильныхъ во брани,
Праздно стояли, еще не слыхавшіе бранной тревоги:
Ибо едва устремленные, къ бою сходились фаланги
Конниковъ быстрыхъ Троянъ и Ахеянъ; и стоя дружины,
Ждали, когда, наступивши, Ахейская башня* другая
Прежде ударитъ въ Троянъ и кровавую битву завяжетъ.
Такъ ихъ нашедъ, возропталъ повелитель мужей Агамемнонъ,
И къ вождямъ возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Сынъ скиптроносца Петея, питомца Кроніона Зевса!
„Такъ же и ты, одаренный коварствами, хитростей полный!
„Что укрываяся, здѣсь вы стоите, другихъ ожидая?
„Вамъ изъ Ахейскихъ вождей обоимъ надлежало бы первымъ
„Быть впереди, и пылающей брани въ лице устремляться.
„Первые вы отъ меня и о пиршествахъ слышите нашихъ,
„Если старѣйшинамъ пиршество мы учреждаемъ Ахейцы.
„Тамъ пріятно для васъ насыщаться зажаренымъ мясомъ,
„Кубками вина сладкія пить, до желанія сердца;
„Здѣсь же пріятно вамъ видѣть, хотя бы и десять Ахейскихъ
„Васъ упредили фалангъ и предъ вами сражалися мѣдью.

Гнѣвно воззрѣвъ на него, отвѣчалъ Одиссей знаменитый:
„Рѣчи какія, Атридъ, изъ устъ у тебя излетаютъ?

* Родъ построенія войскъ.

„Мы, говоришь ты, отъ битвъ уклоняемся? Если Ахейцы,
„Мы на Троянъ быстроконныхъ воздвигнемъ свирѣпство Арея;
„Узришь ты, если захочешь и если участіе примешь,
„Узришь отца Телемакова въ битвѣ съ рядами переднихъ
„Конниковъ храбрыхъ Троянъ; а слова произнесъ ты пустыя!

Гнѣвнымъ узрѣвъ Одиссея, осклабился царь Агамемнонъ,
И къ нему обращаяся, началъ онъ новое слово:
„Сынъ благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
„Я ни упрековъ отнюдь, ни приказовъ тебѣ не вѣщаю.
„Слишкомъ я знаю, что сердце твое благородное полно
„Добрыхъ намѣреній; ты одинаково мыслишь со мною.
„Шествуй, о другъ! а когда что сурово сказано нынѣ,
„Послѣ исправимъ; но пусть то безсмертные все уничтожатъ!

Такъ произнесши, оставилъ вождей и къ другимъ устремился.
Тамъ онъ Тидида нашелъ, Діомеда героя стоящимъ
Подлѣ коней и своей составной колесницы блестящей;
Съ нимъ стоялъ и Сѳенелъ, благородная вѣтвь Капанея.
Гнѣвно и ихъ порицалъ повелитель мужей Агамемнонъ;
Онъ къ Діомеду воззвалъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Мужа безстрашнаго сынъ, укротителя коней Тидея,
„Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?
„Такъ трепетать не въ обычаи было Тидея героя;
„Онъ впереди, предъ дружиною, первый сражался съ врагами.
„Такъ говорили, дѣла его зрѣвшіе; я съ браноносцемъ
„Въ подвигахъ не былъ, не видѣлъ; но всѣхъ, говорятъ, превышалъ онъ.

„Нѣкогда онъ, не съ войной, но какъ странникъ въ Микенскія стѣны
„Мирный вошелъ, съ Полиникомъ божественнымъ рать собирая.
„Брань подымали они на священныя Ѳивскія стѣны,
„И просили Микенянъ дать имъ союзниковъ славныхъ.
„Тѣ соглашалися дать, и рѣшились исполнить прошенье;
„Но Зевесъ отвратилъ ихъ, явленіемъ знаменій грозныхъ.
„Оба вождя отошли, и путемъ обратнымъ достигли
„Брега Асопа густокамышнаго, тучнаго злакомъ.
„Снова оттуда посломъ Аргивяне послали Тидея
„Въ Ѳивы; куда и пришелъ онъ, и вмѣстѣ обрѣлъ тамъ Кадмеянъ
„Многихъ, пирующихъ въ царскомъ дому Этеокловой силы.
„Тамъ, не взирая, что странникъ, Тидей конеборецъ могучій
„Въ страхъ не пришелъ, находяся одинъ среди многихъ Кадмеянъ:
„Къ подвигамъ ихъ вызывалъ, и на каждомъ легко сопротивныхъ
„Всѣхъ побѣдилъ: таково поборала Тидею Аѳина.
„Злобой къ нему воспылали Кадмейцы гонители коней,
„И, на идущаго вспять, пятьдесятъ молодыхъ ратоборцевъ
„Выслали тайно въ засаду; и два ихъ вождя предводили:
„Меонъ младый, Гемонѝдъ, обитателямъ неба подобный,
„И Автофо̀новъ сынъ, Ликофонъ, ненасытимый боемъ.
„Но Тидей и для нихъ жестокій конецъ уготовилъ:
„Всѣхъ поразилъ ихъ, и далъ лишь единому въ домъ возвратиться;
„Мѐона онъ отпустилъ, покоряяся знаменьямъ бога.
„Такъ былъ воинственъ Тидей Этоліецъ! Но сына родилъ онъ
„Доблестью бранною низшаго, высшаго только витійствомъ.

Рекъ онъ; ни слова царю Діомедъ не отвѣтствовалъ храбрый,
Внемля съ почтеньемъ укоры почтеннаго саномъ владыки;

Но возразилъ Агамемнону сынъ Капанея героя:
„Нѣтъ, о Атридъ, не неправдуй, тогда какъ и правду ты знаешь.
„Мы справедливо гордимся, что нашихъ отцовъ мы храбрѣе!
„Воинство въ меньшемъ числѣ приведя подъ Арееву стѣну,
„Мы и престольныя Ѳивы разрушили, градъ семивратный,
„Знаменьямъ вѣря боговъ и надѣясь на Зевсову помощь.
„Наши жъ отцы своимъ безразсудствомъ себя погубили.
„Славы отцовъ не равняй, Агамемнонъ, со славою нашей!

Грозно взглянувъ на него, возразилъ Діомедъ благородный:
„Молча стой, Капанидъ, моему повинуясь совѣту:
„Я не вмѣняю въ вину, что владыка мужей Агамемнонъ
„Духъ возбуждаетъ къ сраженію пышно-поножныхъ Данаевъ:
„Слава ему предводителю, если Данайскіе мужи
„Мощь одолѣютъ Троянъ и святый Иліонъ завоюютъ;
„Тяжкая горесть ему же, когда одолѣютъ Данаевъ.
„Но устремимся, и сами воспомнимъ кипящую храбрость!

Рекъ, и съ высотъ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю.
Страшно мѣдь зазвучала вкругъ персей царя Діомеда,
Въ бой полетѣвшаго: мужа храбрѣйшаго обнялъ бы ужасъ.
Словно ко брегу гремучему быстрыя волны морскія
Идутъ, гряда за грядою, клубимыя Зефиромъ вѣтромъ;
Прежде средь моря они воздымаются; послѣ нахлынувъ,
Съ громомъ объ берегъ дробятся ужаснымъ, и выше утесовъ
Волны понурыя скачутъ, и пѣну соленую брызжутъ:
Такъ непрестанно, толпа за толпою, Данаевъ фаланги

Въ бой устремляются; каждой изъ нихъ отдаетъ повелѣнья
Вождь; а воины идутъ въ молчаніи; всякій спросилъ бы,
Столько народа идущаго въ персяхъ имѣетъ ли голосъ?
Вои молчатъ, почитая начальниковъ: пышно на всѣхъ ихъ
Пестрыя збруи сіяютъ, подъ коими шествуютъ стройно.
Но Трояне, какъ овцы, богатаго мужа въ овчарнѣ
Стоя тмочисленныя, и млекомъ наполняя дойницы,
Всѣ непрестанно блеютъ, отвѣчая блеянію агнцовъ:
Крикъ такой у Троянъ раздавался по рати великой;
Крикъ сей и звукъ ихъ рѣчей не у всѣхъ одинаковы были;
Но различный языкъ разноземныхъ народовъ союзныхъ.
Ихъ возбуждаетъ Арей, а Данаевъ Паллада Аѳина,
Ужасъ насильственный, Страхъ, и несытая бѣшенствомъ Распря
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая въ самомъ началѣ, она пресмыкается; послѣ
Въ небо уходитъ главой, а стопами касается дола.
Распря, на гибель взаимную, сѣяла ярость межъ воинствъ,
Рыща кругомъ по толпамъ, умирающихъ стонъ умножая.

Рати, одна на другую идущія, чуть соступились;
Разомъ сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воиновъ мѣдью одѣянныхъ; выпукло-бляшные разомъ
Сшиблись щиты со щитами; громъ раздался ужасный.
Вмѣстѣ смѣшались побѣдные крики и смертные стоны
Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась.
Словно когда двѣ рѣки наводненныя, съ горъ низвергаясь,
Обѣ въ долину единую бурныя воды сливаютъ,
Обѣ изъ шумныхъ истоковъ бросаясь въ пучинную пропасть;

Шумъ ихъ далеко пастырь съ утеса горнаго слышитъ:
Такъ отъ сразившихся воинствъ и громъ разліялся и ужасъ.

Первый тогда Антилохъ поразилъ у Троянъ бранноносца
Храбраго, между переднихъ, Ѳализія вѣтвь, Эхепола.
Быстро его поражаетъ онъ въ бляху косматаго шлема,
И вонзаетъ въ чело: пробѣжало глубоко внутрь кости
Мѣдное жало; и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся онъ, какъ великая башня средь бурнаго боя.
Тѣло упадшаго за ноги царь захватилъ Элефѣноръ,
Сынъ Халкодоновъ, воинственный вождь крѣпкодушныхъ Абантовъ,
И повлекъ изъ-подъ стрѣлъ, поспѣшая скорѣе съ Троянца
Латы совлечь; но не долго его продолжалась забота:
Влекшаго трупъ усмотрѣвъ крѣпкодушный воитель Агеноръ,
Въ бокъ, при наклонѣ его отъ ограды щита, обнаженный,
Сулицей мѣдной пронзилъ и могучаго крѣпость разрушилъ.
Тамъ онъ духъ испустилъ; и при немъ загорѣлося дѣло,
Яростный бой межъ Троянъ и Ахеянъ: какъ волки бросались
Вои одни на другихъ; человѣкъ съ человѣкомъ сцѣплялся.
Тутъ пораженъ Теламонидомъ сынъ Анѳеміона юный,
Жизнью цвѣтущій, герой Симоисій, котораго матерь,
Нѣкогда съ Иды сошедшая вмѣстѣ съ своими родными
Видѣть стада, родила на зеленыхъ брегахъ Симоиса:
Родшійся тамъ, нареченъ Симоисіемъ; но, и родившимъ
Онъ не воздалъ за свое воспитаніе: кратокъ во цвѣтѣ
Былъ его вѣкъ, Теламонова сына копьемъ пресѣченный.
Онъ устремлялся впередъ, какъ его поразилъ Теламонидъ
Въ грудь близъ деснаго сосца; на другую сторону черезъ рамо

*

Вышло копье: и на землю нечистую палъ онъ, какъ тополь,
Влажнаго луга питомецъ, при блатѣ великомъ возросшій,
Ровенъ и чистъ, на единой вершинѣ раскинувшій вѣтви,
Тополь, который избравъ колесничникъ, желѣзомъ блестящимъ
Сѣкъ, чтобъ въ колеса его для прекрасной согнуть колесницы:
Въ прахѣ лежитъ онъ и сохнетъ на брегѣ роднаго потока:
Юный таковъ Симоисій лежалъ, обнаженный доспѣховъ
Мощнымъ Аяксомъ: въ Аякса же вдругъ Пріамидъ пестролатный
Антифъ, намѣтя межъ толпища, пикою острой ударилъ;
Но промахнулся; она Одиссеева добраго друга,
Левка ударила въ пахъ, увлекавшаго мертвое тѣло:
Вырвалось тѣло изъ рукъ, и упалъ онъ близъ мертваго мертвый.
Гнѣвомъ герой Одиссей за его пораженнаго вспыхнулъ;
Выступилъ дальше переднихъ, колебля сверкающей мѣдью;
Къ тѣлу приближася сталъ, и кругомъ оглянувшися, мощно
Ринулъ блистающій дротъ: отступили враги отъ удара
Мужа могучаго: онъ же копье не напрасное ринулъ:
Демокоона умѣтилъ, побочнаго сына Пріама,
Въ домъ изъ Абида притекшаго, съ паствъ кобылицъ легконогихъ.
Пикой его Лаертидъ, раздраженный за друга, умѣтилъ
Прямо въ високъ: на другую сторону сквозь високъ просверкнула
Острая пика; и тьма Пріамидовы очи покрыла;
Съ шумомъ на долъ онъ упалъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Вспять подались и переднихъ ряды и божественный Гекторъ;
Громко вскричали Ахеянъ сыны, и похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились впередъ; Аполлонъ раздражился,
Смотря съ Пергамскихъ высотъ, и воскликнулъ, Троянъ возбуждая:

„Конники Трои, впередъ! не давайте вы браннаго поля
„Гордымъ Ахейцамъ; ихъ груди не камень, тѣла не желѣзо,
„Чтобы мѣди удары, пронзающей тѣло, ничтожить.
„Днесь и Пелидъ не воинствуетъ, сынъ лѣпокудрой Ѳетиды:
„Онъ предъ судами гнѣвъ, сокрушительный сердцу, питаетъ.

Такъ имъ изъ града гремѣлъ онъ ужасный; по воевъ Ахейскихъ
Зевсова славная дочь, Тритогенія духъ возбуждала,
Быстро носясь по толпамъ, гдѣ медлительныхъ видѣла воевъ.
Тутъ Амаринкова сына, Діора судьба оковала:
Камнемъ онъ былъ пораженъ рукометнымъ, жестоко зубристымъ
Въ правую голень: его поразилъ предводитель Ѳракіянъ,
Пиросъ герой, Имбразидъ, къ Иліону изъ Эны пришедшій.
Обѣ на голени жилы и кость раздробилъ совершенно
Камень безстыдный; и навзничь, шатаяся, въ прахъ Амаринкидъ
Грянулся, руки дрожащія къ милымъ друзьямъ простирая,
Духъ предающій; а тотъ прилетѣлъ, поразившій Ѳракіецъ,
Пиросъ могучій, и пику вонзилъ средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся, и мракъ осѣнилъ ему очи.

Пироса бурнаго пикой ударилъ Ѳоасъ Этоліецъ
Въ перси, выше сосца, и вонзилася въ легкое пика.
Быстро примчался Ѳоасъ Этоліецъ; могучую пику
Вырвалъ изъ персей Ѳракійца, и мечь обнаживъ изощренный,
Въ чрево его по срединѣ ударилъ и душу исторгнулъ;
Збруи жъ похитить не могъ: обступала дружина, Ѳракійцы
Съ чубомъ на маковкѣ, грозно уставя ихъ длинныя копья.
Ими, сколь ни былъ огроменъ, и крѣпокъ, и мужествомъ славенъ,

Прогнанъ Ѳоасъ; и назадъ отступилъ, поколебанный силой.
Такъ по кровавому праху, одинъ близъ другаго простерлись,
Копьями грозныхъ Ѳракіянъ и мѣдно-оружныхъ Эпеянъ
Два воеводы; и окрестъ ихъ многіе пали другіе.

Дѣлу сему не хулу произнесъ бы свидѣтель присущій,
Еслибъ, еще невредимый, нераненый острою мѣдью,
Онъ среди боя вращался, и еслибъ Аѳины Паллады
Дланію былъ предводимъ и отъ ярости стрѣлъ охраняемъ.
Много и храбрыхъ Троянъ и могучихъ Данаевъ въ день оный
Ницъ, по кровавому праху, простерлося другъ подлѣ друга.

СОДЕРЖАНІЕ.

Діомедъ, воспламененный Аѳиною, отличается мужествомъ: сыновъ Дареса одного убиваетъ, другаго обращаетъ въ бѣгство, ст. 1—29. Между тѣмъ Аѳина удаляетъ отъ битвы Арея; Ахеяне отражаютъ Троянъ, многихъ убиваютъ, которые и исчисляются, 30—84. Но ужаснѣе всѣхъ свирѣпствуетъ Діомедъ: раненый стрѣлою Пандара, 95—113, онъ немедленно исцѣляется Аѳиною, его мольбой призванною и, ею возбужденный разить Киприду, если бы она явилася въ брани, сражается пламеннѣе прежняго и многихъ убиваетъ, 114—165: Пандара, прежде пѣшимъ сражавшагося, а теперь на колесницѣ, вдвоемъ съ Енеемъ, на него нападающаго, убиваетъ, 167—296; Энея, защищающаго тѣло друга, ранитъ камнемъ, 297—310; Киприду, раненаго сына уносящую изъ брани, уязвляетъ копьемъ въ руку, 311—361. Киприда, Ирисою изъ битвы изведенная, выпрашиваетъ у Арея колесницу и удаляется на Олимпъ, гдѣ матерь ея Діона утѣшаетъ, Гера и Аѳина надъ нею издѣваются, а Зевсъ даетъ ей благіе совѣты, 352—431. Энея, оставленнаго Кипридою, Аполлонъ избавляетъ отъ свирѣпства Діомедова и вноситъ въ свой храмъ Троянскій, гдѣ Лета и Артемида его исцѣляютъ; а самъ онъ, призракъ Энея представя сражающимся, Арея вновь призываетъ ко брани, 432—460. Арей одушевляетъ Троянъ; Сарпедонъ, упреками, воспламеняетъ Гектора; сраженіе возобновляется, и Эней, исцѣленный, вновь предстаетъ обрадованнымъ Троянамъ, 461 — 518. Ахеяне вновь одушевляются Агамемнономъ, 519—532. Съ обѣихъ сторонъ сражаются храбро и убиваютъ многихъ, 533—627. Тлиполемъ и Сарпедонъ оба, другъ другомъ раненные, уносятся изъ битвы, 628—669. Сарпедона силы возстановляются; между тѣмъ Гекторъ воспламеняетъ бой, принуждаетъ Ахеянъ отступить и многихъ убиваетъ, 680 — 710. Гера и Аѳина, чтобы помочь утѣсненнымъ Ахейцамъ, готовятся къ брани; описаніе ихъ колесницы и оружій, 711—756. Богини, съ согласія Зевса, устремляются отъ Олимпа; 757—777. Гера, голосомъ Стентора, одушевляетъ Ахеянъ; Аѳина упрекаетъ Діомеда, восходитъ съ нимъ на колесницу, возбуждаетъ его на самаго Арея, на котораго Діомедъ нападаетъ и ранитъ бога, 778—863. Арей немедленно удаляется на Олимпъ и по повелѣнію Зевса Пеономъ исцѣляется; Гера и Аѳина, въ слѣдъ за нимъ, возвращаются на небо, 864—909.

ПѢСНЬ V.

Въ оное время Аѳина Тидея великаго сыну
Крѣпость и смѣлость дала, да отличнѣйшимъ онъ между всѣми
Аргоса воями будетъ, и громкую славу стяжаетъ.
Пламень ему отъ щита и шелома зажгла неугасный,
Блескомъ подобный звѣздѣ той осенней, которая въ небѣ
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ, омывшись въ волнахъ Океана:
Пламень подобный зажгла вкругъ главы и раменъ Діомеда,
И устремила въ средину, въ ужасное брани волненье.

Былъ въ Иліонѣ Дарѐсъ, непорочный священникъ Гефеста,
Мужъ и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегѐсъ и Идей, въ разнородныхъ искусные битвахъ.
Оба они, отдѣлясь, полетѣли противъ Діомеда;
Но они на коняхъ; Діомедъ устремляется пѣшій.
Только лишь стали сближаться, идущіе другъ противъ друга,
Первый Троянецъ Фегѐсъ устремилъ длиннотѣнную пику:
Низко блестящая жаломъ надъ лѣвымъ плечомъ Діомеда
Мѣдь пронеслася, не ранивъ его; и воздвигнулся съ пикой
Онъ; и его не напрасно копье изъ руки полетѣло:
Въ грудь межъ сосцевъ поразилъ, и противника сбилъ съ колесницы.

*

Спрянулъ Идей, побѣжалъ, колесницу прекрасную бросивъ;
Въ трепетѣ сердца не смѣлъ защитить и убитаго брата;
Онъ бы и самъ не избѣгъ отъ грозящаго, чернаго рока,
Но исторгнулъ Гефестъ и, покрытаго мрачностью ночи,
Спасъ, да не вовсе отецъ сокрушится печалью о дѣтяхъ.
Коней межъ тѣмъ изловивъ Діомедъ восватель могучій,
Ввѣрилъ дружинѣ, да гонятъ къ судамъ многомѣстнымъ.— Трояне,
Бодрые въ битвѣ дотолѣ, узрѣвъ, что Даресовы чада,
Тотъ, устрашенный бѣжитъ, а другой съ колесницы низверженъ,
Духомъ смутилися всѣ: и тогда Паллада Аѳина
За руку взявши, воскликнула къ бурному богу Арею:
„Бурный Арей, истребитель народовъ, стѣнъ сокрушитель,
„Кровью покрытый! Не бросимъ ли мы и Троянъ и Ахеянъ
„Спорить однихъ, да Кронидъ промыслитель имъ славу присудитъ?
„Сами жъ съ полей не сойдемъ ли, да Зевсова гнѣва избѣгнемъ?

Такъ говоря, изъ сраженія вывела бурнаго бога,
И посадила его на возвышенномъ брегѣ Скамандра.
Гордыхъ Троянъ отразили Данаи; низвергъ бранионосца
Каждый ихъ вождь; и первый владыка мужей Агамѐмнонъ
Мощнаго сбилъ съ колесницы вождя Гализонов, Годія:
Первому, въ бѣгъ обращенному, пику ему Агамѐмнонъ
Въ спину межъ плечь углубилъ, и сквозь перси широкія выгналъ;
Съ шумомъ на землю онъ палъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Идоменѣй поразилъ, Меонійцемъ рожденнаго Боромъ,
Феста, пришедшаго къ брани изъ Тарны, страны плодоносной.
Мужа сего Девкалидъ копьеносецъ копьемъ длиннотѣннымъ
Вдругъ, въ колесницу всходившаго, въ правое рамо ударилъ:

Въ прахъ съ колесницы онъ палъ, и ужасною тьмой окружился;
Быстро его обнажили царя Девкалида клевреты.
Тамъ же Скамандрій Строфидъ, молодой звѣроловецъ искусный,
Палъ, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрѣлецъ; изученный самою богинею Фебой,
Всѣхъ онъ звѣрей поражалъ, и холмовъ и дубравы питомцевъ;
Но его не спасла ни стрѣльбой веселящаясь Феба;
Ни искусство, какимъ онъ, стрѣлецъ дальнометкій, гордился:
Юношу сильный Атридъ Менелай, знаменитый копейщикъ,
Близко его убѣгавшаго, ясенной пикою острой
Въ спину межъ плечь поразилъ и сквозь перси кровавую выгналъ:
Грянулся въ прахъ онъ лицемъ, зазвучала кругомъ его збруя.
Вождь Меріонъ Ферекла повергнулъ, Гармонова сына,
Зодчаго мужа, котораго руки во всякомъ искуствѣ
Опытны были; его безмѣрно любила Паллада;
Онъ и Парису герою суда многовеслыя строилъ,
Бѣдствій начало, навлекшія гибель какъ всѣмъ Иліонцамъ,
Такъ и ему: не постигнулъ судебъ онъ боговъ всемогущихъ.
Воя сего Меріонъ предъ собою гоня и настигнувъ,
Быстро въ десное стегно поразилъ копіемъ; и глубоко
Прямо въ пузырь, подъ лобковою костью, проникнуло жало:
Съ воплемъ онъ палъ на колѣна, и падшаго смерть осѣнила.
Мегесъ Педея сразилъ, Антенорова храбраго сына.
Сынъ незаконный онъ былъ, но его воспитала Θеана
Съ нѣжной заботой, какъ собственныхъ чадъ, угождая супругу.
Мегесъ Филидъ, на него устремяся, копейщикъ могучій
Въ голову около тыла копьемъ поразилъ изощреннымъ:
Мѣдь межъ зубовъ пролетѣвши, подсѣкла языкъ у Педея:

Грянулся въ прахъ онъ, и мѣдь холодную стиснулъ зубами.
Вождь Эврипилъ Эвемонидъ сразилъ Гипсенора героя,
Вѣтвь Долопіона старца, который, возвышенный духомъ,
Былъ у Скамандра священникъ, и чтился какъ богъ отъ народа.
Мужа сего Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемоновъ,
Въ бѣгствѣ узрѣвъ предъ собою, догналъ на бѣгу, и по раму
Острымъ мечемъ поразилъ и отнесъ жиловатую руку;
Тамъ же рука кровавая пала на прахъ, и Троянцу
Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.

Такъ воеводы сіи подвизались на пламенной битвѣ.
Но Діомеда вождя не узналъ бы ты, гдѣ онъ вращался;
Съ кѣмъ воевалъ, съ племенами Троянъ, съ племенами ль Ахеянъ?
Рѣялъ по бранному полю, подобный рѣкѣ наводненной,
Бурному въ осень разливу, который мосты разсыпаетъ;
Бѣга его укротить ни мостовъ укрѣпленныхъ раскаты,
Ни зеленыхъ полей удержать изгороды не могутъ,
Если незапный онъ хлынетъ, дождемъ отягченный Зевеса;
Вкругъ отъ него разсыпаются юношей красныхъ работы:
Такъ отъ Тидида кругомъ волновались густыя фаланги
Трои сыновъ, и стоять не могли, превосходныя силой.

Скоро героя увидѣлъ блистательный сынъ Ликаоновъ,
Какъ онъ, крутясь по полямъ, волновалъ предъ собою фаланги:
Скоро на сына Тидеева лукъ напрягалъ со стрѣлою
И, на скакавшаго бросивъ, умѣтилъ по правому раму,
Въ бронную лату: насквозь пролетѣла крылатая стрѣлка,
Прямо вонзилась въ плечо: оросилася кровію броня.

Громко воскликнулъ, гордяся, блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Други, впередъ! ободритесь, Трояне, бодатели коней!
„Раненъ славнѣйшій Аргивецъ; и онъ, уповаю, не можетъ
„Долго бороться съ стрѣлою могучею, ежели точно
„Фебъ сребролукій меня устремилъ изъ предѣловъ Ликійскихъ!

Такъ онъ кричалъ возносясь; но героя стрѣла не смирила:
Мало Тидидъ отступивъ, впереди колесницы и коней
Сталъ, и къ Сѳенелу воззвалъ, Капанееву храброму сыну:
„Другъ Капанидъ, поспѣши на мгновенье сойти съ колесницы,
„Чтобъ извлечь у меня изъ рама горькую стрѣлу.

Такъ онъ сказалъ; и Сѳенелъ съ колесницы спрянулъ на землю;
Сталъ за хребтомъ, и изъ рама извлекъ углубившуюсь стрѣлу:
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню;
И взмолился тогда Діомедъ, воеватель могучій:
„Слухъ преклони, необорная дщерь громоноснаго Зевса!
„Если ты мнѣ и отцу поборать благосклонно любила
„Въ брани пылающей: будь мнѣ еще благосклонной, Аѳина!
„Дай мнѣ того изойти и копейнымъ ударомъ постигнуть,
„Кто, упредивши, меня уязвилъ и надменъ предвѣщаетъ,
„Въ жизни не долго мнѣ видѣть свѣтъ лучезарнаго солнца!

Такъ восклицалъ онъ молясь; и вняла ему дочь Громовержца;
Члены героя содѣлала легкими, ноги и руки,
И приближась къ нему, провѣщала крылатыя рѣчи:
„Нынѣ дерзай, Діомедъ, и безъ страха съ Троянами ратуй.
„Въ перси тебѣ я послала отеческій духъ сей безстрашный,

„Коимъ щита потрясатель, Тидей обладалъ конеборецъ;
„Мракъ у тебя отъ очей отвела, окружавшій ихъ прежде;
„Нынѣ ты ясно познаешь и бога и смертнаго мужа.
„Шествуй, и если безсмертный, тебя искушая, предстанетъ;
„Ты на безсмертныхъ боговъ, Діомедъ, не дерзай ополчаться,
„Кто ни предстанетъ; но если Зевесова дочь, Афродита
„Явится въ брани, рази Афродиту острою мѣдью.

Такъ говоря, отошла свѣтлоокая дочь Громовержца.
Сынъ же Тидеевъ назадъ обратившися, сталъ межъ переднихъ;
И, какъ ни пламенно прежде горѣлъ онъ съ врагами сражаться,
Нынѣ трикраты сильнѣйшимъ, какъ левъ, распылался онъ жаромъ,
Левъ, котораго пастырь въ степи, у овецъ руноносныхъ,
Ранилъ легко, чрезъ ограду скакавшаго, но, не сразивши,
Силу лишь въ немъ пробудилъ; и уже, отразить не надѣясь,
Пастырь подъ сѣнь укрывается; мечутся сирыя овцы;
Вкругъ по овчарнѣ толпятся, однѣ на другихъ упадаютъ;
Левъ распаленный, назадъ, чрезъ высокую скачетъ ограду:
Такъ распаленный Тидидъ межъ Троянъ ворвался, могучій.
Тамъ Астиноя повергъ и народовъ царя Гипенора,
Перваго въ грудь у сосца, поразивъ мѣдножальною пикой,
А другаго мечемъ, по плечу возлѣ выи, огромнымъ
Рѣзко ударивъ, плечо отдѣлилъ отъ хребта и отъ выи.
Бросивши сихъ, на Абаса напалъ и вождя Полиида,
Двухъ Эвридама сыновъ, сновидѣній гадателя старца;
Имъ отходящимъ, родитель не могъ разгадать сновидѣній:
Съ нихъ Діомедъ могучій, съ поверженныхъ, сорвалъ корысти.
Послѣ пошелъ онъ на Ксанѳа и Ѳоона, двухъ Фенопидовъ,

Фенопса поздныхъ сыновъ: разрушаемый старостью скорбной,
Онъ не имѣлъ уже сына, кому бы стяжанья оставить.
Ихъ Діомедъ повергнулъ и сладкую жизнь у несчастныхъ
Братьевъ похитилъ; отцу же и слезы и мрачныя скорби
Старцу оставилъ: дѣтей, возвратившихся съ брани кровавой,
Онъ не обнялъ; наслѣдство его раздѣлили чужіе.
Тамъ же двухъ онъ сыновъ захватилъ Дарданида Пріама,
Бывшихъ въ одной колесницѣ, Хромія и съ нимъ Эхемона;
И какъ левъ на тельцовъ нападаетъ, и вдругъ сокрушаетъ
Выю тельцу иль телицѣ, пасущимся въ рощѣ зеленой:
Такъ обоихъ Пріамидовъ съ коней Діомедъ, не хотящихъ
Сбилъ безпощадно на прахъ, и сорвалъ съ пораженныхъ доспѣхи;
Коней же отдалъ клевретамъ, да гонятъ къ кормамъ корабельнымъ.

Храбрый Эней усмотрѣлъ истребителя строевъ Троянскихъ;
Быстро пошелъ сквозь гремящую брань, сквозь жужжащія копья,
Пандара, богу подобнаго, смотря кругомъ, не найдетъ ли.
Скоро нашелъ Ликаонова храбраго, славнаго сына;
Сталъ передъ нимъ, и такія слова говорилъ, негодуя:
„Пандаръ! гдѣ у тебя и лукъ и крылатыя стрѣлы?
„Гдѣ твоя слава, которой никто изъ Троянъ не оспорилъ,
„И въ которой Ликіецъ тебя превзойти не гордился?
„Длани къ Зевесу воздѣнь и пусти ты пернатую въ мужа,
„Кто бы онъ ни былъ, могучій: погибели много нанесъ онъ
„Ратямъ Троянскимъ; и многимъ и сильнымъ сломилъ онъ колѣна!
„Развѣ не есть ли онъ богъ, на Троянскій народъ раздраженный?
„Гнѣвный, быть можетъ, за жертвы? а гнѣвъ погибеленъ бога!

Быстро Энею отвѣтствовалъ славный сынъ Ликаоновъ:
„Храбрый Эней, благородный совѣтникъ Троянъ мѣднолатныхъ!
„Сыну Тидея могучему, кажется, мужъ сей подобенъ:
„Щитъ я его узнаю и съ забраломъ шеломъ дыроокій;
„Вижу его и коней, но не богъ ли то, вѣрно не знаю.
„Если сей мужъ, какъ повѣдалъ я, сынъ браннодушный Тидеевъ,
„Онъ не безъ бога свирѣпствуетъ; вѣрно при немъ покровитель
„Богъ предстоитъ, обвивъ рамена свои облакомъ темнымъ:
„Онъ и стрѣлу отъ него отразилъ, налетавшую быстро.
„Я уже бросилъ стрѣлу и умѣтилъ Тидеева сына
„Въ рамо десное, пробивъ совершенно доспѣшную лату;
„И уже уповалъ, что его я повергнулъ къ Аиду;
„Нѣтъ, не повергнулъ! Есть, безъ сомнѣнія, богъ прогнѣвленный!
„Коней со мною здѣсь нѣтъ, для сраженія нѣтъ колесницы;
„Въ Зеліи, въ домѣ отца, у меня ихъ одиннадцать пышныхъ,
„Новыхъ, недавно отдѣланныхъ; къ бережи ихъ, покрывала
„Окрестъ висятъ, и для каждой изъ нихъ двуяремные кони
„Подлѣ стоятъ, утучняяся полбой и бѣлымъ ячменемъ.
„Нѣтъ, не напрасно меня Ликаонъ, воинственный старецъ
„Такъ увѣщалъ, отходящаго къ брани, въ отеческомъ домѣ:
„Старецъ наказывалъ мнѣ, ополчась на коняхъ, въ колесницѣ
„Трои сыновъ предводить на побоищахъ бурныхъ сраженій.
„Я не послушалъ отца, а сіе бы полезнѣе было.
„Коней хотѣлъ пощадить, чтобъ у гражданъ, въ стѣнахъ заключенныхъ,
„Въ кормѣ они не нуждались, привыкнувъ питаться роскошно.
„Коней оставилъ, и такъ устремился я, пѣшъ къ Иліону,
„Твердо надежный на лукъ; но сей лукъ для меня не помощникъ!
„Въ двухъ воеводъ знаменитѣйшихъ бросилъ я мѣткія стрѣлы,

„Въ сына Тидея и въ сына Атрея; того и другаго
„Ранивши, свѣтлую кровь я извлекъ, и озлобилъ ихъ больше.
„Въ злую годину, я вижу, и лукъ и пернатыя стрѣлы
„Снялъ со столба я, въ тотъ день, какъ рѣшился въ веселую Трою
„Рати Троянскія весть, угождая Пріамову сыну.
„Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
„Землю родную, жену и отеческій домъ нашъ высокій;
„Пусть иноземецъ враждебный тогда же мнѣ голову срубитъ,
„Если я лукъ сей и стрѣлы въ пылающій пламень не брошу,
„Въ щепы его изломавъ: безполезный онъ былъ мнѣ сопутникъ!

Пандару быстро Эней, предводитель Троянъ, возражаетъ:
„Такъ не вѣщай, Ликаонидъ любезный! не будетъ иначе
„Прежде, нежели мы, человѣка сего, въ колесницѣ
„Противоставъ, не извѣдаемъ оба оружіемъ нашимъ.
„Шествуй ко мнѣ, взойди на мою колесницу, увидишь,
„Троса кони каковы, несказанно искусные полемъ
„Быстро летать и туда и сюда, и въ погонѣ и въ бѣгствѣ.
„Къ граду и насъ унесутъ они бурные, еслибъ и снова
„Славу Зевсъ даровалъ Діомеду Тидееву сыну.
„Шествуй, любезный; и бичь и блестящія конскія возжи
„Въ руки пріими ты; а я съ колесницы сойду, чтобъ сразиться.
„Или врага принимай ты; а я озабочусь конями.

Но ему возражаетъ блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Самъ удержи ты бразды и правь своими конями:
„Прытче они подъ возницей привычнымъ помчатъ колесницу,
„Ежели мы побѣжимъ предъ могучимъ Тидеевымъ сыномъ.

*

„Или, они оробѣвши замнутся, и съ браннаго поля
„Насъ понесутъ не охотно, знакомаго крика не слыша.
„Тою порою, нагрянетъ на насъ Діомедъ дерзновенный,
„Насъ обоихъ умертвитъ и похититъ коней знаменитыхъ.
„Ты, Анхизидъ, удержи и бразды, управляй и конями;
„Я же его налетѣвшаго пикою острою встрѣчу.

Такъ сговорясь, и оба въ блистательной ставъ колесницѣ,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногихъ.
Ихъ усмотрѣвши Сѳенелъ, знаменитый сынъ Капанеевъ,
Къ сыну Тидея не медля крылатую рѣчь устремляетъ:
„Храбрый Тидидъ Діомедъ, о другъ драгоцѣннѣйшій сердцу!
„Вижу могучихъ мужей, на тебя налетающихъ биться.
„Мощь обоихъ неизмѣрима: первый—стрѣлецъ знаменитый
„Пандаръ, гордящійся быть Ликаона Ликійскаго сыномъ;
„Тотъ же, Троянецъ Эней, добродушнаго мужа Анхиза
„Сынъ, нарицающій матерью Зевсову дочь Афродиту.
„Стань въ колесницу и вспять мы уклонимся; такъ не свирѣпствуй
„Между переднихъ бросаясь, да жизни своей не погубишь.

Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Діомедъ неустрашимый:
„Смолкни, о бѣгствѣ ни слова! къ нему не преклонишь меня ты!
„Нѣтъ не въ породѣ моей, чтобы вспять отступать изъ сраженій,
„Или робѣя скрываться: крѣпка у меня еще сила!
„Даже на коней всходить я скучаю; но такъ, какъ ты видишь,
„Въ встрѣчу иду обоимъ; трепетать не велитъ мнѣ Аѳина.
„Ихъ въ колесницѣ обратно не вынесутъ быстрые кони;
„Оба отъ насъ не уйдутъ, хоть одинъ и укрылся бы нынѣ.

„Молвлю тебѣ я иное, а ты сохрани то на сердцѣ:
„Ежели мнѣ Тритогенія мудрая славу даруетъ
„Ихъ обоихъ поразить: быстроногихъ ты собственныхъ коней
„Здѣсь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
„Самъ, не забудь, Капанидъ, на Энеевыхъ коней ты бросься
„И гони отъ Троянъ къ ополченіямъ храбрыхъ Данаевъ.
„Кони сіи отъ породы, изъ коей Кронидъ громовержецъ
„Тросу, цѣною за сына, за юнаго далъ Ганимеда;
„Кони сіи превосходнѣе всѣхъ подъ авророй и солнцемъ.
„Сей-то породы себѣ у царя Лаомедона тайно
„Добылъ Анхизъ властелинъ, изъ своихъ кобылицъ подославши:
„Шесть у Анхиза въ дому родилося породы сей коней;
„Онъ четырехъ удержавъ при себѣ, воспиталъ ихъ у яслей;
„Двухъ же Энею отдалъ, разносящихъ въ сраженіяхъ ужасъ.
„Если сихъ коней похитимъ, стяжаемъ великую славу!

Тою порой, какъ на мѣстѣ герои взаимно вѣщали,
Близко враги принеслися, гонящіе коней ихъ бурныхъ.
Первый къ Тидиду воскликнулъ блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Пламенный сердцемъ, воинственный, сынъ знаменитый Тидея!
„Быстрой моею стрѣлой не смиренъ ты, пернатою горькой;
„Нынѣ еще испытаю копьемъ, не вѣрнѣе ль умѣчу.

Рекъ онъ, и мощно сотрясши, послалъ длиннотѣнную пику,
И поразилъ по щиту Діомеда; насквозь совершенно
Острая мѣдь пролетѣла и звучно ударилась въ броню.
Радуясь, громко воскликнулъ блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Раненъ ты въ пахъ, и на сквозь! и теперь, я надѣюсь, не долго

„Будешь страдать; наконецъ даровалъ ты мнѣ свѣтлую славу!
Быстро ему, не смутясь, отвѣчалъ Діомедъ благородный:
„Празденъ ударъ, ты обманутъ! но вы, я надѣюся, оба
„Прежде едва ль отдохнете, доколѣ одинъ здѣсь не ляжетъ,
„Кровью своею насытить несытаго бранью Арея!

Такъ произнесъ и повергъ; и копье направляетъ Аѳина
Пандару въ носъ близъ очей: пролетѣло сквозь бѣлые зубы,
Гибкій языкъ сокрушительной мѣдью при корнѣ отсѣкло
И, остріемъ просверкнувши насквозь, замерло въ подбородкѣ.
Рухнулся онъ съ колесницы, взгремѣли на падшемъ доспѣхи
Пестрые, пышноблестящіе; дрогнули Троскіе кони
Бурные; тамъ у него и душа разрѣшилась и крѣпость.
Прянулъ на землю Эней со щитомъ и съ огромною пикой
Въ страхѣ, да Пандаровъ трупъ у него не похитятъ Ахейцы.
Около мертваго ходя, какъ левъ, могуществомъ гордый,
Онъ передъ нимъ и копье уставлялъ и щитъ круговидный,
Каждаго, ктобъ ни приближился, душу исторгнуть грозящій
Крикомъ ужаснымъ. Но камень рукой захватилъ сынъ Тидеевъ,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человѣка,
Нынѣ живущихъ людей; но размахивалъ имъ и одинъ онъ;
Камнемъ Энея такимъ поразилъ по бедру, гдѣ крутая
Лядвея ходитъ въ бедрѣ, по составу, зовомому чашкой:
Чашку ударъ раздробилъ, разорвалъ и бедерныя жилы,
Сорвалъ и кожу камень жестокій; герой пораженный
Палъ на колѣно впередъ; и колеблясь, могучей рукою
Въ долъ упирался, и взоръ его черная ночь осѣнила.

Тутъ неизбѣжно погибъ бы Эней, предводитель народа,
Еслибъ того не увидѣла Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая съ пастыремъ юнымъ, Анхизомъ.
Около милаго сына обвивъ она бѣлыя руки,
Ризы своей передъ нимъ распростерла блестящіе сгибы,
Кроя отъ вражескихъ стрѣлъ, да какой либо конникъ Данайскій
Мѣдію персей ему не пронзитъ и души не исторгнетъ.
Такъ уносила Киприда любезнаго сына изъ боя.
Тою порою Сѳенелъ Капанидъ не забылъ наставленій,
Данныхъ ему Діомедомъ, воинственнымъ сыномъ Тидея:
Коней своихъ звуконогихъ вдали отъ бранной тревоги
Онъ удержалъ, и бразды затянувъ за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздныхъ Энея коней пышногривыхъ,
И, отогнавъ отъ Троянъ, къ мѣднолатнымъ дружинамъ Ахеянъ,
Другу отдалъ Деипилу, котораго сверстниковъ въ сонмѣ
Болѣе всѣхъ онъ любилъ, по согласію чувствъ ихъ сердечныхъ, —
Гнать повелѣвъ къ кораблямъ мореходнымъ; самъ же безстрашный,
Ставъ въ колесницѣ своей, и блестящія возжи ослабивъ,
Въ слѣдъ за Тидидомъ царемъ, на коняхъ звуконогихъ понесся
Пламенный. Тотъ же Киприду преслѣдовалъ мѣдью жестокой,
Знавъ, что она не отъ мощныхъ богинь, не отъ оныхъ безсмертныхъ,
Кои присутствуютъ въ браняхъ и битвы мужей устрояютъ,
Такъ какъ Аѳина, или какъ громящая грады Эніо.
И едва лишь догналъ, сквозь густыя толпы пролетая,
Прямо уставивъ копье Діомедъ воеватель безстрашный,
Острую мѣдь устремилъ и у кисти ранилъ ей руку
Нѣжную: быстро копье сквозь покровъ благовонный, богинѣ
Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани

Возлѣ перстовъ: заструилась безсмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливыхъ:
Ибо ни брашнъ не ядятъ, ни отъ гроздій вина не вкушаютъ;
Тѣмъ и безкровны они, и безсмертными ихъ нарицаютъ.
Громко богиня вскричавъ, изъ объятій бросила сына;
На руки быстро его Аполлонъ и пріялъ и избавилъ,
Облакомъ чернымъ покрывъ, да какой либо копникъ Ахейскій
Мѣдію персей ему не пронзитъ и души не исторгнетъ.
Грозно межъ тѣмъ на богиню вскричалъ Діомедъ воеватель:
„Скройся, Зевесова дочь! удалися отъ брани и боя.
„Или еще не довольно, что слабыхъ ты женъ обольщаешь?
„Если же смѣешь и въ брань ты мѣшаться, впередъ, я надѣюсь,
„Ты ужаснешься, когда и названіе брани услышишь!

Рекъ; и она удаляется смутная, съ скорбью глубокой.
Быстро Ириса ее, поддержавъ, изъ толпищь выводитъ
Въ омракѣ чувствъ отъ страданій; померкло прекрасное тѣло!
Скоро ошуюю брани богиня находитъ Арея;
Тамъ онъ сидѣлъ, но копье и кони безсмертные были
Мракомъ покрыты; упавъ на колѣна, любезнаго брата
Нѣжно молила она, и просила коней златозбруйныхъ:
„Милой мой братъ, помоги мнѣ, дай мнѣ коней съ колесницей,
„Только достигнуть Олимпа, жилища боговъ безмятежныхъ.
„Страшно я мучуся язвою; мужъ уязвилъ меня смертный,
„Вождь Діомедъ, который готовъ и съ Зевесомъ сразиться!

Такъ изрекла; и Арей отдаетъ ей коней златозбруйныхъ.
Входитъ она въ колесницу съ глубокимъ крушеніемъ сердца;

Съ нею Ириса взошла, и бразды захвашивши въ десницу,
Коней стегнула бичемъ; полетѣли послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища безсмертныхъ.
Тамъ удержала коней вѣтроногая вѣстница Зевса,
И, отрѣшивъ отъ ярма, предложила амврозію въ пищу.
Но Киприда стенящая пала къ колѣнамъ Діоны,
Матери милой; и матерь въ объятія дочь заключила,
Нѣжно ласкала рукой, вопрошала, и такъ говорила:
„Дочь моя милая, кто изъ безсмертныхъ съ тобой дерзновенно
„Такъ поступилъ, какъ бы явно какое ты зло сотворила?

Ей возстенавъ отвѣчала владычица смѣховъ Киприда:
„Ранилъ меня Діомедъ, предводитель Аргосцевъ надменный;
„Ранилъ за то, что Энея хотѣла я вынесть изъ боя,
„Милаго сына, который всего мнѣ любезнѣе въ мірѣ.
„Нынѣ уже не Троянъ и Ахеянъ свирѣпствуетъ битва;
„Нынѣ съ богами сражаются гордые мужи Данаи!

Ей богиня почтенная вновь говорила Діона:
„Милая дочь, ободрись, претерпи, какъ ни горестно сердцу.
„Много уже отъ людей, на Олимпѣ живущіе боги
„Мы пострадали, взаимно другъ другу бѣды устроя.
„Такъ пострадалъ и Арей, какъ его Эфіалтесъ и Отосъ,
„Два Алоиды огромные, страшною цѣпью сковали:
„Скованъ, тринадцать онъ мѣсяцевъ въ мѣдной темницѣ томился.
„Вѣрно бы тамъ и погибнулъ Арей, ненасытимый бранью;
„Если бы мачиха ихъ, Эривѣя прекрасная тайно
„Гермесу не дала вѣсти; Гермесъ Арея похитилъ

„Силы лишеннаго: страшныя цѣпи его одолѣли.
„Гера подобно страдала, какъ сынъ Амфитріона мощный
„Въ перси ее поразилъ трехконечною горькой стрѣлою.
„Лютая боль, безотрадная Геру богиню терзала!
„Самъ Айдесъ, межъ богами ужасный, страдалъ отъ пернатой.
„Тотъ же погибельный мужъ, Громовержцева отрасль, Айдеса
„Ранивъ у вратъ подлѣ мертвыхъ, въ страданія горькія ввергнулъ.
„Онъ въ Эгіоховъ домъ, на Олимпъ высокій вознесся
„Сердцемъ печаленъ, болѣзнью терзаемъ; стрѣла роковая
„Въ мощномъ Айдесовомъ рамѣ стояла и мучила душу.
„Бога Пеонъ врачевствомъ, утоляющимъ боли, осыпавъ,
„Скоро его исцѣлилъ, не для смертной рожденнаго жизни.
„Дерзкій, неистовый! онъ не страшась совершалъ злодѣянья:
„Лукомъ боговъ оскорблялъ, на Олимпѣ великомъ живущихъ!
„Но на тебя Діомеда воздвигла Паллада Аѳина.
„Мужъ безразсудный! не вѣдаетъ сынъ дерзновенный Тидеевъ:
„Кто на боговъ ополчается, тотъ не живетъ долголѣтенъ;
„Дѣти отцемъ его, на колѣни садяся, не кличутъ,
„Въ домъ свой пришедшаго съ подвиговъ мужеубійственной брани.
„Пусть же теперь сей Тидидъ, не взирая на гордую силу,
„Мыслитъ, да съ нимъ кто иной, и сильнѣйшій тебя, не сразится;
„И Адрастова дочь, добродушная Эгіалея
„Нѣкогда воплемъ полночнымъ отъ сна не разбудитъ домашнихъ,
„Съ грусти по юномъ супругѣ, храбрѣйшемъ героѣ Ахейскомъ,
„Вѣрная сердцемъ супруга Тидида, смирителя коней.

Такъ говоря, на рукѣ ей безсмертную кровь отирала:
Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцѣлѣла.

Тою порою, зрѣвшія все, и Аѳина и Гера
Рѣчью язвительной гнѣвъ возбуждали Кроніона Зевса:
Первая рѣчь начала свѣтлоокая дѣва Аѳина:
„Зевсъ нашъ отецъ, не прогнѣваю ль словомъ тебя я, могучій?
„Вѣрно Ахеянку новую нынѣ Киприда склоняла
„Ввѣриться Трои сынамъ, безпредѣльно богинѣ любезнымъ?
„И, быть можетъ, Ахеянку въ пышной одеждѣ лаская,
„Пряжкой златою себѣ поколола нѣжную руку?

Такъ изрекла; улыбнулся Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ,
И призвавъ предъ лице, провѣщалъ ко златой Афродитѣ:
„Милая дочь! не тебѣ заповѣданы шумныя брани.
Ты занимайся дѣлами пріятными сладостныхъ браковъ;
Тѣ же бурный Арей и Паллада Аѳина устроятъ.

Такъ взаимно безсмертные между собою вѣщали.
Тою порой на Энея напалъ Діомедъ нестрашимый:
Зная, что сына Анхизова самъ Аполлонъ покрываетъ,
Онъ не страшился ни мощнаго бога; горѣлъ непрестанно
Смерти Энея предать, и доспѣхъ знаменитый похитить:
Трижды Тидидъ нападалъ, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щитъ Аполлонъ отражалъ у Тидида;
Но, лишь въ четвертый разъ налетѣлъ онъ, ужасный какъ Демонъ;
Голосомъ грознымъ къ нему провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Вспомни себя, отступи, и не мысли равняться съ богами,
„Гордый Тидидъ! никогда межъ собою не будетъ подобно
„Племя безсмертныхъ боговъ и по праху влачащихся смертныхъ!

Такъ провѣщалъ; и назадъ Діомедъ отступилъ недалеко,
Гнѣва боящійся бога, далеко разящаго Феба.
Фебъ же Энея похитивъ изъ толпищъ, его полагаетъ
Въ собственномъ храмѣ своемъ, на вершинѣ святаго Пергама.
Тамъ Анхизиду и Лета и стрѣлолюбивая Феба
Сами, въ великомъ святилищѣ, мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлонъ сотворилъ обманчивый призракъ,
Образъ Энея живой, и оружіемъ самымъ подобный.
Около призрака Трои сыновъ и безстрашныхъ Данаевъ
Сшиблись ряды, разбивая вкругъ персей воловыя кожи
Пышныхъ кругами щитовъ и крылатыхъ щитковъ легкометныхъ.
Къ богу Арею тогда провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Бурный Арей, мужегубецъ кровавый, стѣнъ разрушитель!
„Или сего человѣка изъ битвъ удалить не придешь ты,
„Воя Тидида, который готовъ и съ Кронидомъ сразиться?
„Прежде богиню Киприду копьемъ поразилъ онъ въ запястье;
„Здѣсь на меня самого устремился ужасный, какъ Демонъ!

Такъ произнесши, возсѣлъ Аполлонъ на вершинахъ Пергама;
Но свирѣпый Арей Троянъ возбудить устремился,
Видъ Акамаса принявъ, предводителя быстраго Ѳраковъ:
Звучно къ сынамъ Пріама, питомцамъ Зевеса, взывалъ онъ:
„О сыны Пріама, хранимаго Зевсомъ владыки!
„Долго ль еще вамъ убійство Троянъ попускать Аргивянамъ?
„Или, пока не начнутъ при вратахъ Иліона сражаться?
„Палъ воевода, почтенный для насъ, какъ божественный Гекторъ!
„Доблестью славный Эней, знаменитая отраслъ Анхиза!
„Грянемъ, изъ бранной тревоги спасемъ благороднаго друга!

Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу и мужество въ каждомъ.
Тутъ Сарпедонъ укорять благороднаго Гектора началъ:
„Гекторъ! гдѣ твое мужество, коимъ ты прежде гордился?
„Градъ, говорилъ, защитить, безъ народа, безъ ратей союзныхъ,
„Можешь одинъ ты, съ зятьями и братьями; гдѣжъ твои братья?
„Здѣсь ни единаго я не могу ни найти, ни примѣтить?
„Всѣ изъ сраженія прячутся, словно какъ псы передъ скимномъ;
„Мы же здѣсь ратуемъ, мы, чужеземцы, притекшіе въ помощь;
„Ратую я, союзникъ вашъ, издалека пришедшій.
„Такъ, и Ликійскіе долы и Ксанѳскія воды далеки,
„Гдѣ я оставилъ супругу любезную, сына-младенца,
„И сокровища многія, коихъ убогій алкаетъ.
„Но не взирая на то, предвожу Ликіянъ, и готовъ я
„Съ мужемъ сразиться и симъ, ничего не имѣя въ Троадѣ,
„Чтобы могли у меня иль унесть, иль увесть Аргивяне.
„Ты жъ—неподвиженъ стоишь; и другихъ не бодришь ополченій
„Крѣпко стоять, защищая и женъ и дѣтей въ Иліонѣ.
„Гекторъ, блюдись, да объяты, какъ всеувлекающей сѣтью,
„Всѣ вы враговъ разъяренныхъ не будете плѣнъ и добыча!
„Скоро тогда супостаты разрушатъ вашъ градъ велелѣпный!
„Ты о дѣлахъ сихъ заботиться долженъ и денно и нощно,
„Долженъ просить воеводъ, дальноземныхъ союзниковъ вашихъ,
„Бой непрестанно вести, а грозы и упреки оставить.

Такъ говорилъ онъ; и рѣчь уязвила Гектора сердце:
Быстро герой съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю;
Острыя копья колебля, кругомъ полетѣлъ по дружинамъ,
Въ бой распаляя сердца; и возжегъ онъ жестокую сѣчу!

Вспять возвратились Трояне и стали въ лице Аргивянамъ;
Тѣ же, сомкнувши ряды, нажидали враговъ, не робѣли.
Такъ если вѣтеръ плевы разсѣваетъ по гумнамъ священнымъ,
Жателямъ вѣющимъ хлѣбъ, гдѣ Деметра съ кудрями злачными
Плодъ отдѣляетъ отъ плевъ, возбуждая дыханіе вѣтровъ:
Гумны кругомъ подъ плевою бѣлѣются: такъ Аргивяне
Съ главъ и до ногъ ихъ бѣлѣли подъ прахомъ, которой межъ ними
Даже до мѣдныхъ небесъ воздымали копытами кони
Въ быстрыхъ, крутыхъ поворотахъ; ворочали въ бой ихъ возницы,
Прямо съ могуществомъ рукъ на враговъ устремляясь; но мракомъ
Бурный Арей покрываетъ всю битву, Троянамъ помощный,
Вкругъ по рядамъ ихъ носясь: поспѣшалъ онъ исполнить завѣты
Феба царя златострѣльнаго; Фебъ заповѣдалъ Арею
Души Троянъ возбудить, лишь узрѣлъ, что Паллада Аѳина
Бой оставляетъ, богиня защитница воинствъ Ахейскихъ.
Самъ же Энея вождя изъ святилища пышнаго храма
Вывелъ, и крѣпостью перси владыки народовъ наполнилъ.
Сталъ Анхизидъ межъ друзьями величественъ: всѣ веселились
Видя, что онъ живой, невредимый, блистающій силой
Снова предсталъ; но его вопросить ни о чемъ не успѣли;
Трудъ ихъ заботилъ иной, на которой стремилъ Сребролукій,
Смертныхъ губитель Арей и неустально ярая Распря.

Оба Аяксы межъ тѣмъ, Одиссей и Тидидъ воеводы
Ревностно въ бой возбуждали Ахейскихъ сыновъ; но Ахейцы
Сами ни силы Троянъ не страшились, ни криковъ ихъ грозныхъ;
Ждали недвижные, тучамъ подобные, кои Кроніонъ
Въ тихій, безвѣтренный день, на высокія горы надвинувъ,

Черныя ставитъ незыбно, когда и Борей и другіе
Дремлютъ могучіе вѣтры, которые мрачныя тучи
Шумными устъ ихъ дыханьями вкругъ разсыпаютъ по небу:
Такъ ожидали Данаи Троянъ, неподвижно, безстрашно.
Царь Агамѐмнонъ летал по рядамъ, ободряя усердно:
„Будьте мужами, друзья, и возвысьтеся доблестнымъ духомъ;
„Воина воинъ стыдися на поприщѣ подвиговъ ратныхъ!
„Воиновъ, знающихъ стыдъ, избавляется болѣ, чѣмъ гибнетъ;
„Но бѣглецы не находятъ ни славы себѣ, ни избавы!

Рекъ; и стремительно ринулъ копье, и передняго мужа
Деикоѳна умѣтилъ, Энеева храбраго друга,
Сына Пергасова, въ Трои равно, какъ сыны Дарданида,
Чтимаго: ревностенъ былъ онъ всегда между первыхъ сражаться:
Пикой его поразилъ по щиту Агамѐмнонъ могучій:
Щитъ копія не сдержалъ; сквозь него совершенно проникло
И сквозь запонъ блистательный въ нижнее чрево погрузло;
Съ шумомъ на землю онъ палъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Тутъ Анхизидъ низпровергнулъ храбрѣйшихъ мужей изъ Данаевъ,
Двухъ Діоклесовыхъ чадъ, Орсилоха и брата Креѳона.
Въ Ферѣ красиво устроенной, жилъ Діоклесъ ихъ родитель,
Благами жизни богатый, ведущій свой родъ отъ Алфея,
Коего воды широко текутъ чрезъ Пилійскую землю.
Онъ Орсилоха родилъ, несчетныхъ мужей властелина;
Царь Орсилохъ породилъ Діоклеса, высокаго духомъ;
И отъ сего Діоклеса сыны-близнецы родилися,
Вождь Орсилохъ и Креѳонъ, въ разнородныхъ искусные битвахъ.
Оба они, возмужалые, въ черныхъ судахъ къ Иліону,

Славному конями, съ силой Ахейскихъ мужей прилетѣли,
Въ брани Атрея сынамъ, Агамѐмнону и Менелаю
Чести ища; но кончину печальную оба снискали.
Словно два мощные льва, на вершинахъ возросшіе горныхъ,
Оба подъ матерью львицей вскормленные, въ лѣсѣ дремучемъ,
Тучныхъ овецъ и тельцовъ крутпорогихъ изъ стадъ похищая,
Окрестъ дворы у людей разоряютъ, доколѣ и сами
Ловчихъ мужей отъ руки, подъ убійственной мѣдью не лягутъ:
Такъ и они, пораженные мощной рукою Энея,
Рухнулись оба на землю, подобные соснамъ высокимъ.

Падшихъ увидя, возсѣтовалъ царь Менелай бранноносный;
Выступилъ дальше переднихъ, покрытый сверкающей мѣдью,
Острой колеблющій пикой: Арей распалялъ ему душу
Съ помысломъ тайнымъ, да будетъ сраженъ онъ руками Энея.
Но увидѣлъ его Антилохъ, Несторидъ благородный,
Выступилъ самъ за переднихъ, страшася, да пастырь народовъ
Зла не потерпитъ, и тяжкихъ трудовъ ихъ плоды уничтожитъ.
Тою порою герои и руки и острыя копья
Другъ противъ друга уже подымали, пылая сразиться;
Но предсталъ Антилохъ къ воеводѣ Ахеянъ Атриду;
И остаться Эней не посмѣлъ, сколь ни пламенный воинъ,
Двухъ бранноносцевъ увидя, одинъ за другаго стоящихъ. —
Тѣ же, убитыхъ поспѣшно увлекши къ дружинамъ Ахейскимъ,
Тамъ ихъ оставили бѣдныхъ, друзьямъ возвратившп печальнымъ;
Сами назадъ обратившися, между переднихъ сражались.
Тамъ Пилемѐна повергли, Арею подобнаго мужа,
Бранныхъ народовъ вождя, щитоносныхъ мужей Пафлагонянъ:

Мужа сего Атреи́онъ Менелай, знаменитый копейщикъ,
Длиннымъ копьемъ, супротиву стоящаго, въ выю умѣтилъ;
Вождь Антилохъ поразилъ у него и возницу Мидона,
Отрасль Атимнія: коней своихъ обращавшаго бурныхъ
Камнемъ его угодилъ онъ по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновой блестящія, пали на пыльную землю.
Прянулъ младый Антилохъ и мечемъ въ високъ его грянулъ:
Онъ тяжело воздохнувшій, на прахъ съ колесницы прекрасной
Рухнулся въ низъ головой, и упавшій на темя и плечи,
Долго въ семъ видѣ стоялъ онъ, въ песокъ погрузившись глубокій,
Кони покуда ударивъ, на прахъ опрокинули тѣло:
Ихъ, поражая бичемъ, Антилохъ угонялъ къ Аргивянамъ.

Гекторъ героевъ узналъ межъ рядовъ, и на нихъ устремился
Съ яростнымъ крикомъ; за нимъ и Троянъ понеслися фаланги
Сильныя; ихъ предводили кровавый Арей и Эніо,
Грозная, слѣдомъ ведущая бранный мятежъ безпредѣльный:
Бурный Арей, потрясая въ десницѣ огромною пикой,
То выступалъ передъ Гекторомъ, то позади устремлялся.

Бога узрѣвъ, ужаснулся Тидидъ воеватель могучій,
И, какъ неопытный путникъ, великою степью идущій,
Вдругъ передъ быстрой рѣкою, падущею въ понтъ, цепенѣетъ,
Пѣной кипящую видя; и смутный назадъ отступаетъ:
Такъ отступилъ Діомедъ, и не медля воскликнулъ къ народу:
„Други, почто мы дивимся, что нынѣ божественный Гекоръ
„Сталъ копьеборецъ славнѣйшій, боецъ дерзновеннѣйшій въ битвѣ?
„Съ нимъ непрестанно присутствуетъ богъ, отражающій гибель!

„Съ нимъ и теперь онъ—Арей, во образѣ смертнаго мужа!
„Други, лицемъ къ супостатамъ всегда обращенные, съ поля
„Вы отступайте, съ богами отнюдь не дерзайте сражаться!

Такъ говорилъ онъ; но близко на нихъ наступили Трояне.
Гекторъ двухъ ратоборцевъ повергнулъ, испытанныхъ въ битвахъ,
Бывшихъ въ одной колесницѣ, Менѐсѳа и съ нимъ Анхіала.
Падшихъ узрѣвъ, пожалѣлъ ихъ великій Аяксъ Теламонидъ;
Къ нимъ приступилъ онъ и сталъ, и пославши сверкающій дротикъ,
Ȁмфія свергнулъ, Селàгова сына, который средь Песа
Жилъ, обладатель богатствъ и полей; но судьба Селагида
Въ брань увлекла, поборать за Пріама и всѣхъ Пріамидовъ.
Въ запонъ его поразилъ Теламоніевъ сынъ многомощный;
Въ нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ; и Аяксъ прибѣжалъ побѣдитель,
Жадный доспѣхи совлечь; но Трояне посыпали копья
Острыя, ярко блестящія; много ихъ щитъ его принялъ.
Онъ же, пятой наступивъ на сраженнаго, мѣдную пику
Вырвалъ назадъ; но другихъ не успѣлъ драгоцѣнныхъ доспѣховъ
Съ плечь унести Селагидовыхъ; стрѣлы его засыпали.
Онъ окруженія сильнаго гордыхъ Троянъ убоялся:
Много ихъ мощныхъ, отважныхъ, уставивъ дроты, наступало:
Ими, сколь ни былъ огроменъ, и сколь ни могучъ и ни славенъ,
Прогнанъ Аяксъ; и назадъ отступилъ, поколебанный силой.

Такъ бранноносцы сіи подвизалися въ пламенной битвѣ.
Тою порой Тлиполѐмъ Гераклидъ, и огромный и сильный,
Злою судьбою сведенъ съ Сарпедономъ божественнымъ въ битву.

Чуть соступились герои, идущіе другъ противъ друга,
Сынъ знаменитый и внукъ воздымателя облаковъ Зевса
Такъ Тлиполѐмъ Гераклидъ къ сопротивнику первый воскликнулъ:
„Ликіи царь, Сарпедонъ! какая тебѣ неизбѣжность
„Здѣсь между войскъ трепетать, человѣкъ незнакомый съ войною?
„Лжецъ, кто разславилъ тебя громоноснаго Зевса рожденьемъ!
„Нѣтъ, несравненно ты малъ предъ великими тѣми мужами,
„Кои отъ Зевса родились, межъ древнихъ племенъ человѣковъ;
„И каковъ, повѣствуютъ, великая сила Геракла
„Былъ мой родитель, герой дерзновеннѣйшій, львиное сердце!
„Онъ, приплывши сюда, чтобъ взыскать съ Лаомѐдона коней,
„Только съ шестью кораблями, съ дружиною ратною малой,
„Градъ Иліонъ разгромилъ и пустынными стогны оставилъ!
„Ты же робокъ душой и предводишь народъ на погибель.
„Нѣтъ, для Троянъ, я надѣюся, ты обороной не будешь,
„Ликію бросилъ напрасно, и будь ты стократно сильнѣйшій,
„Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратамъ Аидеса!

Ликіи царь, Сарпедонъ Тлиполему отвѣтствовалъ быстро:
„Такъ, Тлиполѐмъ, Гераклъ разорилъ Иліонъ знаменитый;
„Но царя Лаомѐдона злое безумство каралъ:
„Царь своего благодѣтеля рѣчью поносной озлобилъ,
„И не отдалъ коней, для которыхъ тотъ шелъ издалека.
„Чтожъ до тебя, предвѣщаю тебѣ я конецъ и погибель;
„Ихъ отъ меня ты пріймешь, и копьемъ симъ поверженный, славу
„Даруешь мнѣ, и Аиду, конями гордящемусь, душу.

Такъ говорилъ Сарпедонъ; но сотрясши свой ясенный дротикъ

Взнесъ Тлиполѐмъ; обоихъ сопротивниковъ длинныя копья
Вдругъ полетѣли изъ рукъ: угодилъ Сарпедонъ Гераклида
Въ самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
Но и самъ Тлиполемъ въ бедро улучилъ Сарпедона
Пикой огромною; тѣло разсѣкшее бурное жало
Стукнуло въ кость; но Отецъ отъ него отвращаетъ погибель.

Тутъ Сарпедона героя усердные други изъ битвы
Вынѐсть спѣшили; его удручала огромная пика,
Влекшаясь въ тѣлѣ; никто не подумалъ, никто не помыслилъ
Ясенной пики извлечь изъ бедра, да съ спѣшащими шелъ бы:
Такъ озабочены были трудящіесь вкругъ Сарпедона.
Но Тлиполѐма Данаи блестящіе мѣдью спѣшили
Вынесть изъ боя; увидѣлъ его Одиссей знаменитый,
Твердый душою, и вспыхнуло въ немъ благородное сердце;
Онъ между помысловъ двухъ колебался умомъ и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащаго Зевса?
Или, напавъ на Ликіянъ, у множества души исторгнуть?
Но не ему, Одиссею почтенному, сужено было
Зевсова сына могучаго мѣдію острой низвергнуть.
Сердце его на Ликійскій народъ обратила Паллада.
Тамъ онъ Кѐрана, Ала̀стора, Хрѐмія битвой низринулъ,
Га̀лія, въ слѣдъ Ноемо̀на, Алка̀ндра убилъ и Прита̀на;
И еще бы ихъ болѣе свергъ Одиссей знаменитый,
Если бы скоро его не узрѣлъ шлемоблещущій Гекторъ:
Ринулся онъ сквозь переднихъ, сіяющей мѣдью покрытый,
Ужасъ Данаямъ несущій. Обрадованъ друга приходомъ,

Зевсовъ сынъ, Сарпедонъ говорилъ ему гласомъ печальнымъ:
„Гекторъ! не дай, умоляю, лежать мнѣ добычей Ахеянъ;
„Другъ, защити! и пускай уже въ вашемъ прiязненномъ градѣ
„Жизнь оставитъ меня; не судила, какъ вижу, судьбина,
„Въ домъ возвратившемусь, въ землю отечества милаго сердцу,
„Тамъ обрадовать мнѣ и супругу и юнаго сына!

Такъ говорилъ; но ему не отвѣтствовалъ Гекторъ великiй;
Быстро пронесся впередъ, нетерпѣньемъ пылая, скорѣе
Рать Аргивянъ отразить и у множества души исторгнуть.
Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
Въ полѣ, подъ букомъ прекраснымъ метателя молнiи Зевса.
Тамъ изъ бедра у него извлекъ длиннотѣнную пику
Храбрый, могучiй Пелагонъ, другъ имъ отлично любимый:
Духъ Сарпедона оставилъ, и очи покрылися мглою.
Скоро опять онъ вздохнулъ, и кругомъ его вѣтеръ прохладный
Вновь оживилъ, повѣвая, тяжелое персей дыханье.

Рать Аргивянъ предъ Ареемъ и Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ,
Тѣсно фаланги сомкнувши, какъ къ чернымъ судамъ не бѣжала,
Такъ и впередъ не бросалася въ бой; но лицемъ непрестанно
Вся отступала, узнавъ, что Арей въ ополченьяхъ Троянскихъ.
Кто же былъ первый, и кто былъ послѣднiй, которыхъ доспѣхи
Гекторъ могучiй похитилъ и мѣдный Арей душегубецъ?
Теѳрасъ, безсмертнымъ подобный, и послѣ Орестъ конеборецъ,
Воинъ безстрашный Эномаосъ, Трехъ, Этолiйскiй копейщикъ,
Энопа отрасль Геленъ, и Орезбiй пестропоясный,
Мужъ, обитающiй въ Гилѣ, богатства стяжатель заботный,

Около озера жившій Кефисскаго, гдѣ и другіе
Жили семейства Беотянъ, удѣловъ богатыхъ владыки.

Ихъ лишь узрѣла лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый Ахейскій народъ истребляющихъ въ битвѣ свирѣпой;
Быстро къ Аѳинѣ Палладѣ крылатую рѣчь устремила:
„Горе, дочь необорная молній метателя Зевса!
„Тщетнымъ словомъ съ тобой обнадежили мы Менелая
„Въ домъ возвратить разрушителемъ Трои высокотвердынной,
„Если свирѣпствовать такъ попускаемъ убійцѣ Арею!
„Нѣтъ, устремимся, помыслимъ и сами о доблести бурной!

Такъ говоря, преклонила дочь свѣтлоокую Зевса;
Но сама устремясь, снаряжала коней златозбруйныхъ
Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона.
Геба жъ съ боковъ колесницы набросила пышные круги
Мѣдныхъ колесъ осьмиспичныхъ, на оси желѣзной ходящихъ;
Ободы ихъ золотые, нетлѣнные, сверху которыхъ
Мѣдныя шины положены плотныя, диво для взора!
Ступицы ихъ серебромъ, округленныя, окрестъ сіяли;
Кузовъ, блестящими пышно сребромъ и златомъ ремнями
Былъ прикрѣпленъ; и на немъ возвышались дугою двѣ скобы;
Дышло серебряное изъ него выходило; наономъ
Геба златое, прекрасное вяжетъ ярмо, продѣваетъ
Пышную упряжь златую; и быстро подъ упряжь ту Гера
Коней безсмертныхъ подводитъ, пылая и бранью и боемъ.

Тою порою Аѳина въ чертогѣ отца Эгіоха

Тонкій покровъ разрѣшила, струей на помостъ онъ скатился,
Пышноузорный, который сама сотворивъ украшала;
Вмѣсто жъ его облачася броней громоноснаго Зевса,
Браннымъ доспѣхомъ она ополчалася къ брани плачевной:
Бросила около персей Эгидъ, бахрамою косматый,
Страшный очамъ, поразительнымъ Ужасомъ весь окруженный:
Тамъ и Раздоръ и Могучесть, и трепетъ бѣгущихъ, Погоня,
Тамъ и глава Горгоны, чудовища страшнаго образъ,
Страшная, грозная, знаменье бога, всесильнаго Зевса!
Шлемъ на чело возложила украшенный, четыребляшный,
Златомъ сіяющій, ста бы градовъ ратоборцевъ покрывшій.
Такъ въ колесницѣ пламенной ставъ, копіемъ ополчилась
Тяжкимъ, огромнымъ, могучимъ, которымъ ряды сокрушаетъ
Сильныхъ, на коихъ разгнѣвана дщерь всемогущаго бога.

Гера не медля съ бичемъ налегла на коней быстроногихъ;
Съ громомъ врата имъ небесныя сами разверзлись, при Горахъ,
Стражѣ которыхъ Олимпъ и великое ввѣрено небо,
Чтобы облакъ густой разверзать, иль смыкать передъ ними.
Сими богини вратами коней подстрекаемыхъ гнали;
Скоро онѣ обрѣли, далеко отъ безсмертныхъ сидящимъ,
Зевса царя одного, на превыспреннемъ холмѣ Олимпа.
Тамъ, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и такъ говорила:
„Или не гнѣвенъ ты, Зевсъ, на такія злодѣйства Арея?
„Сколько мужей и какихъ погубилъ онъ въ народѣ Ахейскомъ
„Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда какъ спокойно
„Въ сердцѣ своемъ веселятся Киприда и Фебъ, подстрекая

„Къ брани безумца сего, справедливости чуждаго всякой!
„Зевсъ, нашъ отецъ! на меня раздражишься ли, если Арея
„Брань я принужу оставить ударомъ, быть можетъ, жестокимъ?

Герѣ не медля отвѣтствовалъ тучь воздымаитель Кроніонъ:
„Шествуй, возставь на Арея богиню побѣды Палладу;
„Больше обыкла она повергать его въ тяжкія скорби.

Рекъ; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлеснула бичемъ; полетѣли покорные кони;
Между землею паря и звѣздами усѣяннымъ небомъ.
Сколько пространства воздушнаго мужъ обымаетъ очами,
Сидя на холмѣ подзорномъ и смотря на мрачное море:
Столько прядаютъ разомъ боговъ гордовыйные кони.
Къ Трои принесшимся имъ, и къ рѣкамъ совокупно текущимъ,
Гдѣ Симоисъ и Скамандръ быстрокатныя воды сливаютъ;
Тамъ коней удержала лилейнораменная Гера,
И отрѣшивъ отъ ярма, окружила облакомъ темнымъ;
Имъ Симоисъ разостлалъ амврозію сладкую въ паству.
Сами богини спѣшатъ, голубицамъ подобныя робкимъ
Поступью легкой, горя поборать за Данаевъ любезныхъ.
И, лишь достигли туда, гдѣ и многихъ мужей и храбрѣйшихъ,
Вкругъ Діомеда вождя укротителя мощнаго коней,
Сонмы густые стояли, какъ львы пожиратели крови,
Или какъ вепри, которыхъ мощь не легко одолима:
Тамъ предъ Аргивцами ставъ, возопила великая Гера,
Въ образѣ Стентора, мощнаго, мѣдноголосаго мужа,
Такъ вопіющаго, какъ пятьдесятъ совокупно другіе:

„Стыдъ, Аргивяне, презрѣнные, дивные только по виду!
„Прежде, какъ въ грозныя битвы вступалъ Ахиллесъ благородный,
„Трои сыны никогда изъ Дардановыхъ вратъ не дерзали
„Выступить: всѣ трепетали его сокрушительной пики!
„Нынѣ жъ далеко отъ стѣнъ, предъ судами Трояне воюютъ!

Такъ говоря, возбудила и силу и мужество въ каждомъ.
Тою порой къ Діомеду подходитъ Паллада Аѳина:
Видитъ царя у своей колесницы; близъ коней онъ стоя,
Рану свою прохлаждалъ, нанесенную Пандара мѣдью:
Храбраго потъ изнурялъ подъ ремнемъ широкимъ, держащимъ
Выпуклый щитъ: изнурялся онъ имъ и рука цѣпенѣла;
Но, подымая ремень, отиралъ онъ кровавую рану.
Зевсова дочь, преклонился на конскій яремъ, возгласила:
„Нѣтъ, Тидей произвелъ себѣ не подобнаго сына!
„Ростомъ Тидей былъ малъ, но по духу истинный воинъ!
„Нѣкогда я запрещала ему подвизаться герою,
„Бурной душой увлекаясь, когда онъ одинъ отъ Ахеянъ
„Въ Ѳивы пришелъ посломъ къ многочисленнымъ Кадма потомкамъ;
„Я повелѣла ему пировать спокойно въ чертогахъ;
„Но Тидей, какъ всегда, обладаемый мужествомъ бурнымъ,
„Юныхъ Кадмеянъ къ борьбамъ вызывалъ, и легко сопротивныхъ
„Всѣхъ побѣдилъ: таково я сама поборала Тидею!
„Такъ я тебѣ предстою, благосклонно всегда охраняю,
„И ободряю тебя съ Фригіянами весело биться;
„Но, иль усталость отъ подвиговъ бурныхъ тебя поразила,
„Или связала робость бездушная! Послѣ сего ты
„Сынъ ли героя Тидея, великаго въ браняхъ Энида?

Ей отвѣчая немедленно, рекъ Діомедъ благородный:
„О! познаю я тебя, свѣтлоокая дочь громовержца!
„Искренно все предъ тобой изреку, ничего не сокрою.
„Нѣтъ, не усталость меня и не робость бездушная держитъ;
„Но завѣты я помню, какіе мнѣ ты завѣщала:
„Ты повелѣла не ратовать мнѣ ни съ однимъ изъ блаженныхъ
„Жителей неба; но если Кроніона дочь Афродита
„Явится въ брани, разить Афродиту острою мѣдью.
„Вотъ для чего отступаю и самъ я, и прочимъ Аргивцамъ
„Всѣмъ повелѣлъ, уклоняяся, здѣсь воедино собраться:
„Вижу Арея; гремящею битвою онъ управляетъ.

„Вновь провѣщала къ нему свѣтлоокая дочь Эгіоха:
„Чадо Тидея, о воинъ, любезнѣйшій сердцу Аѳины!
„Нѣтъ, не страшися теперь ни Арея сего, ни другаго
„Сильнаго бога; сама за тебя я поборницей буду!
„Мужествуй, въ бой на Арея лети на коняхъ звуконогихъ;
„Смѣло сойдись и рази, не убойся свирѣпства Арея,
„Буйнаго бога сего, сотворенное зло, вѣроломца!
„Самъ онъ недавно обѣтъ произнесъ предо мной и предъ Герой
„Ратовать противъ Троянъ и всегда поборать за Ахеянъ;
„Нынѣ жъ стоитъ за Троянъ, вѣроломный, Ахеякъ оставилъ!
Такъ говоря, съ колесницы Сѳенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой, и покорный мгновенно онъ спрянулъ.
Быстро сама въ колесницу къ Тидиду восходитъ богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрѣйшаго мужа.
Разомъ и бичь и бразды захвативши Паллада Аѳина,

Вдругъ на Арея на перваго бурныхъ коней устремила.
Въ тѣ поры онъ обнажалъ Перифа̀са, вождя Этолія̀нъ,
Мужа огромнаго, мощнаго, славную вѣтвь Охезія;
Мужа сего кровавый Арей обнажалъ; но Аѳина
Шлемомъ Аида покрылась, да будетъ не зрима Арею.

Смертныхъ губитель едва усмотрѣлъ Діомеда героя,
Вдругъ Этоліянъ вождя, Перифа̀са огромнаго бросилъ
Тамъ распростертаго, гдѣ у сраженнаго душу исторгнулъ:
Быстро и прямо пошелъ на Тидида, смирителя коней.
Только лишь сблизились оба, летящіе другъ противъ друга,
Богъ, устремяся впередъ, надъ конскимъ ярмомъ и браздами
Пикою мѣдной ударилъ, пылающій душу исторгнуть;
Но рукой ухвативъ свѣтлоокая дщерь Эгіоха
Пику, отбросила въ бокъ, да напрасно она пронесется.
И тогда на Арея напалъ Діомедъ нестрашимый
Съ мѣднымъ копьемъ; и усиливъ его, устремила Паллада
Въ нижнее чрево, гдѣ богъ опоясывалъ мѣдную повязь:
Тамъ Діомедъ поразилъ и безсмертную плоть растерзавши,
Вырвалъ обратно копье; и взревѣлъ Арей мѣднобронный
Страшно, какъ будто бы девять, или десять воскликнули тысячь
Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву.
Дрогнули всѣ, и дружины Троянъ и дружины Ахеянъ
Съ ужаса: такъ заревѣлъ Арей ненасытный войною.

Сколько черна и угрюма отъ облаковъ кажется мрачность,
Если неистово дышущій, знойный воздвигнется вѣтеръ:
Взору Тидида таковъ показался кровью покрытый,

*

Мѣдный Арей, съ облаками идущій къ пространному небу.
Быстро безсмертный вознесся къ жилищу безсмертныхъ, Олимпу.
Тамъ, близъ Кронида владыки возсѣлъ онъ, печальный и мрачный,
И безсмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающій, къ Зевсу вѣщалъ онъ крылатыя рѣчи:
„Или безъ гнѣва ты, Зевсъ, на ужасныя смотришь злодѣйства?
„Боги, мы непрестанно, по замысламъ другъ противъ друга,
„Терпимъ бѣды жесточайшія, благо творя человѣкамъ;
„Всѣ на тебя негодуемъ: отецъ ты неистовой дщери,
„Пагубной всѣмъ, у которой одни злодѣянія въ мысляхъ!
„Боги другіе, колико ни есть ихъ на свѣтломъ Олимпѣ,
„Всѣ мы тебѣ повинуемся, каждый готовъ покориться.
„Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словомъ, ни дѣломъ;
„Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь!
„Нынѣ она Діомеда, Тидеева гордаго сына,
„Съ дикимъ свирѣпствомъ его на безсмертныхъ боговъ устремила!
„Прежде Киприду богиню изъ рукъ поразилъ онъ въ запястье;
„Послѣ, съ копьемъ на меня самого устремился, какъ Демонъ!
„Быстрыя ноги меня лишь избавили; иначе долгобъ
„Тамъ я простертый страдалъ, между страшными грудами труповъ,
„Или бъ живой изнемогъ, подъ ударами гибельной мѣди!

Грозно воззрѣвъ на него, провѣщалъ громовержецъ Кроніонъ:
„Смолкни, о ты перемѣтникъ! не вой близъ меня возсидящій!
„Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ боговъ, населяющихъ небо!
„Распря единая, брань и убійство тебѣ лишь пріятны!
„Матери духъ у тебя, необузданный, вѣчно строптивый,
„Геры, которую самъ я съ трудомъ укрощаю словами!

„Ты и теперь, какъ я мню, по ея же внушеніямъ страждешь!—
„Но тебя я страдающимъ долѣе видѣть не въ силахъ:
„Отрасль моя ты, и матерь тебя отъ меня породила.
„Еслибъ отъ бога другаго родился ты, столько злотворный,
„Былъ бы уже ты давно преисподнѣе всѣхъ Уранидовъ!

Рекъ; и его врачевать повелѣлъ Громовержецъ Пеону.
Язву Пеонъ врачевствомъ, утоляющимъ боли, осыпавъ,
Быстро его исцѣлилъ, не для смертной рожденнаго жизни.
Словно смоковничный сокъ, съ молокомъ перемѣшанный бѣлымъ,
Жидкое вяжетъ, когда его быстро колеблетъ смѣшавшій:
Съ равной Пеонъ быстротой исцѣлилъ уязвленнаго бога.
Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близъ Зевса Кронида возсѣлъ онъ, славою гордый.

Паки тогда возвратилась въ обитель великаго Зевса
Гера Аргивская купно съ Аѳиною Алалкамѐной,
Такъ обуздавъ истребителя, мужеубійцу Арея.

ПѢСНЬ VI.

СОДЕРЖАНІЕ.

Послѣ отшествія боговъ изъ брани, Ахейцы, поразивъ многихъ Троянъ, до того одолѣваютъ, что они готовы бѣжать въ городъ, ст. 1 — 74. Геленъ прорицатель убѣждаетъ Гектора, чтобы онъ повелѣлъ всенародно молить Палладу въ за́мкѣ Троянскомъ, 75—101. Гекторъ, немедленно возстановивъ бой, отходитъ въ городъ. Въ сей битвѣ Діомедъ и Главкъ, вождь Ликійскій, сошедшись къ сраженію, говорятъ о своемъ родѣ и, вспомнивъ объ отцахъ, почитаютъ себя соединенными правомъ гостепріимства, отцами ихъ другъ другу оказаннаго, обмѣниваются оружіемъ и, въ знакъ дружбы, давъ другъ другу десницы, расходятся, 102 — 236. Гекторъ, вошедъ въ городъ, идетъ къ Пріамову дому; описаніе онаго, 237 — 250. Гекуба, по совѣту Гектора, котораго на пути встрѣчаетъ, отправляется съ знаменитыми Троянками, торжественнымъ ходомъ, въ храмъ Паллады, несетъ драгоцѣнную ризу, богинѣ посвящаемую и совершаетъ моленіе о спасеніи Трои, 251 — 312. Между тѣмъ Гекторъ приходитъ къ Парису, дома покоящемуся, и упреками возбуждаетъ его выдти снова на сраженіе, 313 — 368; посѣщаетъ свой домъ и узнавъ, что Андромаха отошла къ городскимъ воротамъ, самъ туда поспѣшаетъ: у башни Скейской встрѣчаетъ ее съ сыномъ Астіанаксомъ, вступаетъ съ нею въ трогательный разговоръ, утѣшаетъ ее, и сына поручаетъ богамъ, 369 — 502. Разставшися, онъ скоро настигнутъ Парисомъ, на брань вооруженнымъ, который сравнивается съ конемъ, изъ стойла вырвавшимся, 503 — 529.

ПѢСНЬ VI.

Страшную брань межъ Троянъ и Ахеянъ оставили боги;
Но свирѣпствовалъ бой, или здѣсь или тамъ по долинѣ,
Воинствъ, одни на другихъ устремляющихъ мѣдныя копья,
Между бреговъ Симоиса и пышноструистаго Ксанѳа.

Первый Аяксъ Теламонидъ, оплотъ мѣднобронныхъ Данаевъ,
Прорвалъ фалангу Троянъ и возрадовалъ свѣтомъ дружины,
Мужа сразивъ, бранноносца храбрѣйшаго рати Ѳракійской,
Эвсора вѣтвь, Акамаса, ужаснаго ростомъ и силой.
Мужа сего поражаетъ онъ первый въ шеломъ коневласый
И вонзаетъ въ чело: погрузилось глубоко внутрь кости
Мѣдное жало, и тьма Акамасовы очи покрыла.
Тамъ же Аксѵла повергъ Діомедъ, воеватель могучій,
Сына Тевѳрасова: онъ обиталъ въ велелѣпной Аризбѣ,
Благами жизни богатый, и другъ человѣкамъ любезный:
Дружески всѣхъ принималъ онъ, въ дому при дорогѣ живущій;
Но изъ оныхъ никто не избавилъ его отъ напасти,
Въ помощь никто не предсталъ; обоихъ Діомедъ воеватель
Жизни лишилъ, и его и Калезія друга, который
Правилъ конями; и оба сошли неразлучные въ землю.

Дрѐса герой Эвріалъ и Офѐлтія мощнаго свергнувъ,
Быстро пошелъ на Эсѐпа и Пѐдаса, Нимфой рожденныхъ
Абарбарѐей Наядой прекрасному Буколіòну;
Буколіòнъ же былъ сынъ Лаомѐдона, славнаго мужа,
Старшій въ семействѣ, но матерью тайно, безъ брака рожденный:
Пастырь, у стадъ онъ своихъ сочетался любовію съ Нимфой;
Нимфа, зачавшая, двухъ близнецовъ-сыновъ сихъ родила:
Юношамъ вмѣстѣ и духъ сокрушилъ и прекрасные члены
Сынъ Мекистѐевъ герой, и съ раменъ ихъ похитилъ доспѣхи.
Тамъ же, дышущій бранью, сразилъ Полипѐтъ Астіàла;
Царь Одиссей Перкозійскаго воя Пидита низринулъ
Мѣдною пикой; и Тевкръ Аретàона, храбраго въ битвахъ.
Несторовъ сынъ Антилохъ, устремивши сіяющій дротикъ,
Аблера свергъ; и владыка мужей Агамѐмнонъ Элата:
Онъ обиталъ на брегахъ свѣтлоструйной рѣки Сатніòна,
Въ градѣ высокомъ Педàсѣ.—Филàка бѣгущаго сринулъ
Лѐитъ герой; Эврипилъ же сразивъ обнажилъ Меланѳѐя.

Но Адрàста живымъ изловилъ Менелай копьеносный:
Кони его, пораженные страхомъ на битвенномъ полѣ,
Вдругъ объ мирѝковой кустъ колесницу съ разбѣга ударивъ,
Дышло ея на концѣ раздробили, и сами помчались
Къ граду, куда и другихъ устрашенные кони бѣжали.
Самъ же Адрастъ, съ колесницы стремглавъ къ колесу покатяся,
Грянулся òземь лицемъ; и предъ павшимъ сталъ налетѣвшій
Сильный Атридъ Менелай, грозя длиннотѣнною пикой:
Ноги его обхватилъ, и воскликнулъ Адрастъ умоляя:
„Даруй мнѣ жизнь, о Атридъ, и получишь ты выкупъ достойный!

„Много сокровищъ хранится въ отеческомъ домѣ богатомъ,
„Много и мѣди и злата и хитрыхъ издѣлій желѣза.
„Съ радостью выдастъ тебѣ неисчислимый выкупъ отецъ мой,
„Если услышитъ, что я нахожуся живой у Данаевъ!

Такъ говорилъ, и уже преклонялъ Менелаево сердце;
Храбрый уже помышлялъ поручить одному изъ клевретовъ
Плѣнника весть къ кораблямъ мореходнымъ, какъ вдругъ Агамемнонъ
Въ встрѣчу, бѣгущій, предсталъ, и грозно вскричалъ Менелаю:
„Слабый душой Менелай, ко Троянцамъ ли нынѣ ты столько
„Жалостливъ? Дѣло прекрасное сдѣлали эти Троянцы
„Въ домѣ твоемъ! чтобъ никто не избѣгъ отъ погибели черной
„И отъ нашей руки; ни младенецъ, котораго матерь
„Носитъ въ утробѣ своей, чтобъ и онъ не избѣгъ! да погибнутъ
„Въ Трои живущіе всѣ, и лишенные гроба исчезнутъ!

Такъ говорящій герой, отвратилъ помышленіе брата,
Правду ему говоря: Менелай свѣтлокудрый Адраста,
Молча, рукой оттолкнулъ; и ему Агамемнонъ въ утробу
Пику вонзилъ; опрокинулся онъ, и мужей повелитель,
Ставши ногою на перси, вонзенную пику исторгнулъ.

Несторъ межъ тѣмъ Аргивянъ возбуждалъ, громогласно вѣщая:
„Други, Данаи герои, безстрашные слуги Арея!
„Нынѣ межъ васъ да никто, на добычи бросаясь, не медлитъ
„Сзади рядовъ, чтобы больше отнесть ихъ въ станъ корабельный.
„Нѣтъ, поразимъ сопротивниковъ; послѣ и ихъ вы спокойно
„Можете всѣ обнажить на побоищѣ мертвые трупы.

Такъ говоря, возбудилъ онъ и душу и мужество въ каждомъ.
Въ оное время Трояне отъ дышущихъ бранью Данаевъ
Скрылись бы въ градъ, побѣжденные собственной слабостью духа;
Еслибъ Энею и Гектору мудраго не далъ совѣта
Сынъ Пріамовъ Геленъ, знаменитѣйшій птицегадатель:
„Гекторъ, Эней! на васъ, воеводы, лежитъ наипаче
„Время заботъ о народѣ Троянскомъ; отличны вы оба
„Въ каждомъ намѣреньи вашемъ, сражаться ли нужно, иль мыслить.
„Станьте же здѣсь, и бѣгущія рати у вратъ удержите,
„Сами вездѣ устремляясь, доколѣ въ объятія женъ ихъ
„Всѣ бѣглецы не падутъ, и врагамъ въ посмѣянье не будутъ!
„Но когда вы Троянскія вкругъ ободрите фаланги,
„Мы, оставаяся здѣсь, съ Аргивянами будемъ сражаться,
„Сколько бы ни были ими тѣснимы: велитъ неизбѣжность.
„Гекторъ, но ты поспѣши въ Иліонъ, и совѣтъ мой повѣдай
„Матери нашей: пускай соберетъ благородныхъ Троянокъ
„Въ замокъ градской, передъ храмъ свѣтлоокой Паллады богини.
„Тамъ заключенныя двери отверзя священнаго дома,
„Пышный покровъ, величайшій, прелестнѣйшій всѣхъ изъ хранимыхъ
„Въ царскомъ дому, и которой сама наиболѣе любитъ,
„Пусть на колѣна его лѣпокудрой Аѳины положитъ.
„Пусть ей двѣнадцать кравъ, однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
„Въ храмѣ заклать обрекается, если, молитвы услыша,
„Градъ богиня помилуетъ, женъ и младенцевъ невинныхъ;
„Если отъ Трои священной она отразитъ Діомеда,
„Бурнаго воя сего, повелителя мощнаго бѣгства,
„Мужа, который, я мыслю, храбрѣйшій въ народѣ Ахейскомъ!
„Такъ ни Пелидъ не страшилъ насъ великій, мужей предводитель,

„Сынъ, какъ вѣщаютъ, богини безсмертной! Тидидъ Аргивянинъ
„Пуще свирѣпствуетъ: въ мужествѣ съ онымъ никто не сравнится!

Такъ говорилъ онъ; и Гекторъ послушался брата совѣтовъ:
Быстро герой съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю;
Острыя копья колебля, кругомъ обходилъ ополченья,
Духъ распаляя на бой; и возставилъ онъ страшную сѣчу.
Въ бой обратились Трояне и стали въ лице Аргивянамъ;
Вспять подалися ряды Аргивянъ, укротили убійство,
Мысля, что богъ незримый, низшедшій отъ звѣзднаго неба,
Самъ за враговъ ихъ поборствуетъ; такъ обратились Трояне.

Гекторъ еще возбуждалъ, восклицающій звучно къ Троянамъ:
„Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
„Будьте мужами, о други, воспомните бурную силу.
„Я не надолго отъ васъ отлучуся въ священную Трою,
„Старцамъ совѣтнымъ повѣдать и нашимъ супругамъ, да купно
„Молятъ небесныхъ боговъ, обѣтуя стотельчія жертвы.

Такъ говоря имъ, шествовалъ шлемомъ сверкающій Гекторъ;
Билася сзади его, по стопамъ и по выи, концами
Черная кожа, которая щитъ окружала огромный.

Главкъ между тѣмъ, Гипполохидъ, и сынъ знаменитый Тидея
Между фалангъ на средину сходились, пылая сразиться.
Чуть соступились герои, идущіе другъ противъ друга,
Первый изъ нихъ взговорилъ Діомедъ, воеватель могучій:
„Кто ты, безтрепетный мужъ, отъ земныхъ обитателей смертныхъ?

„Прежде не зрѣлъ я тебя на бояхъ, прославляющихъ мужа;
„Но сего дня, какъ вижу, далеко ты мужествомъ дерзкимъ
„Всѣхъ превосходишь, когда моего копія нажидаешь.
„Дѣти однихъ злополучныхъ встрѣчаются съ силой моею!
„Если безсмертный ты богъ, отъ высокаго неба низшедшій,
„Я никогда не дерзалъ съ божествами Олимпа сражаться.
„Нѣтъ, и могучій Ликургъ, знаменитая отрасль Дріаса,
„Долго не жилъ, на боговъ небожителей руки поднявшій.
„Нѣкогда, дерзкій, напавъ на питательницъ буйнаго Вакха,
„Ихъ по божественной Ниссѣ преслѣдовалъ; Нимфы Вакханки
„Ѳирсы зеленые бросили въ прахъ, отъ убійцы Ликурга
„Сулицей острой свирѣпо разимыя; Вакхъ устрашенный
„Бросился въ волны морскія, и принятъ Ѳетидой на лоно,
„Трепетный, въ ужасъ введенный неистовствомъ буйнаго мужа.
„Всѣ на Ликурга прогнѣвались мирно живущіе боги;
„Кроновъ же сынъ ослѣпилъ Дріантида; и послѣ не долгой
„Жизнію онъ наслаждался, безсмертнымъ всѣмъ ненавистный.
„Нѣтъ, съ богами блаженными я не желаю сражаться!
„Если же смертный ты мужъ, и воскормленъ плодами земными,
„Ближе предстань, да къ предѣлу ты смерти скорѣе достигнешь.

Быстро ему отвѣчалъ воинственный сынъ Гипполоховъ:
„Сынъ благородный Тидея, почто вопрошаешь о родѣ?
„Листьямъ въ дубравахъ древеснымъ подобны сыны человѣковъ:
„Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,
„Вновь разцвѣтая, раждаетъ; и съ новой весной возрастаютъ:
„Такъ человѣки: сіи нараждаются, тѣ погибаютъ.
„Еслижъ ты хочешь, тебѣ и о томъ объявлю, чтобы зналъ ты

„Нашихъ и предковъ и родъ: человѣкамъ онъ многимъ извѣстенъ.
„Есть въ конеславномъ Аргосѣ градъ знаменитый Эфира;
„Въ ономъ Сизифъ обиталъ, препрославленный мудростью смертный,
„Тотъ Сизифъ Эолидъ, отъ котораго Главкъ породился.
„Главкъ даровалъ бытіе непорочному Беллерофонту,
„Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
„Въ даръ низпослали; но Претъ неповинному гибель умыслилъ;
„Злобно его изъ народа изгналъ: повелитель Ахеянъ
„Былъ онъ сильнѣйшій: подъ скипетръ его покорилъ ихъ Кроніонъ.
„Съ юношей Прета жена возжелала Антія младая
„Тайной любви насладиться; но къ ищущей былъ непреклоненъ;
„Чувствъ благородныхъ исполненный, Беллерофонтъ непорочный.
„И жена, клевеща, говорила властителю Прету:
„Смерть тебѣ, Претъ, когда самъ не погубишь ты Беллерофонта:
„Онъ насладиться любовью со мною хотѣлъ съ нехотящей.
„Такъ клеветала: разгнѣвался царь, таковое услыша;
„Но убить не рѣшился: въ душѣ онъ сего ужасался;
„Въ Ликію выслалъ его и вручилъ злосовѣтные знаки,
„Много на дщицѣ складной начертавъ ихъ, ему на погибель;
„Дщицу же тестю велѣлъ показать, да отъ тестя погибнетъ.
„Беллерофонтъ отошелъ, подъ счастливымъ покровомъ безсмертныхъ.
„Мирно достигъ онъ Ликійской земли и пучиннаго Ксанѳа;
„Принялъ его благосклонно Ликійскихъ мужей повелитель:
„Девять дней угощалъ, ежедневно тельца закалая.
„Но возсіявшей десятой богинѣ Зарѣ розоперстой,
„Гостя распрашивалъ царь и потребовалъ знаки увидѣть,
„Кои принесъ онъ ему отъ любезнаго зятя, отъ Прета.
„И когда онъ пріялъ злосовѣтные зятевы знаки,

„Юношѣ Беллерофонту убить заповѣдалъ Химеру
„Лютую, коей порода была отъ боговъ, не отъ смертныхъ:
„Левъ головою, задомъ драконъ и коза серединой,
„Страшно дыхала она пожирающимъ пламенемъ бурнымъ.
„Грозную онъ поразилъ, чудесами боговъ ободренный.
„Послѣ, войною ходилъ на Солимовъ, народъ знаменитый;
„Въ битвѣ ужаснѣе сей, какъ повѣдалъ онъ, не былъ съ мужами.
„Въ подвигѣ третьемъ разбилъ Амазонокъ онъ мужеобразныхъ.
„Но ему, возвращавшемусь, Третъ погибель устроилъ:
„Избранныхъ въ царствѣ пространномъ Ликіянъ храбрѣйшихъ, въ засаду
„Скрылъ на пути; но они своего не увидѣли дома:
„Всѣхъ поразилъ ихъ воинственный Беллерофонтъ непорочный.
„Царь наконецъ позналъ знаменитую отрасль безсмертныхъ;
„Въ домѣ его удержалъ, и дочь сочеталъ съ нимъ царевну;
„Отдалъ ему половину блистательной почести царской;
„И Ликійцы ему отдѣлили удѣлъ превосходный,
„Лучшее поле для сада и пашенъ, да властвуетъ онымъ.
„Трое родилося чадъ отъ премудраго Беллерофонта,
„Мужи, Исандръ, Гипполохъ, и прекрасная Лаодамія.
„Съ Лаодоміей прекрасной почилъ громовержецъ Кроніонъ,
„И она Сарпедона, подобнаго богу, родила. —
„Ставъ напослѣдокъ и самъ небожителямъ всѣмъ ненавистенъ,
„Онъ по Алейскому полю скитался кругомъ, одинокій,
„Сердце тоскою круша, убѣгая слѣдовъ человѣка.
„Сына Исандра ему Эніалій, несытый убійствомъ,
„Свергнулъ, когда воевалъ онъ съ Солимами, славнымъ народомъ.
„Дочь у него — златобраздая, гнѣвная Феба сразила.
„Жилъ Гипполохъ, отъ него я рожденъ и горжуся симъ родомъ.

„Онъ послалъ меня въ Трою и мнѣ заповѣдывалъ крѣпко:
„Тщиться другихъ превзойти, непрестанно пылать отличиться,
„Рода отцевъ не безчестить, которые славой своею
„Были отличны въ Эфирѣ и въ царствѣ Ликійскомъ пространномъ.
„Вотъ и порода и кровь, каковыми тебѣ я хвалюся.

Рекъ, и наполнился радостью сынъ благородный Тидеевъ;
Мѣдную пику свою водрузилъ въ даровитую землю,
И привѣтную рѣчь устремилъ къ предводителю Главку:
„Сынъ Гипполоховъ! ты гость мнѣ отеческій, гость стародавный!
„Нѣкогда дѣдъ мой Иней знаменитаго Беллерофонта
„Въ собственномъ домѣ двадцать дней угощалъ дружелюбно.
„Оба другъ другу они превосходные дали гостинцы:
„Дѣдъ мой Иней предложилъ блистающій пурпуромъ поясъ;
„Беллерофонтъ же—златой подарилъ ему кубокъ двудонный:
„Кубокъ и я, при отходѣ, оставилъ въ отеческомъ домѣ;
„Но Тидея не помню; меня онъ младенцемъ оставилъ
„Въ дни, какъ подъ Ѳивами градомъ Ахейское воинство пало.—
„Храбрый! отнынѣ тебѣ я средь Аргоса гость и пріятель,
„Ты же мнѣ въ Ликіи, если прійду я къ народамъ Ликійскимъ.
„Съ копьями жъ нашими будемъ съ тобой и въ толпахъ расходиться.
„Множество здѣсь для меня и Троянъ и союзниковъ славныхъ;
„Буду разить, кого богъ приведетъ и кого я постигну.
„Множество здѣсь для тебя Аргивянъ, поражай кого можешь.
„Главкъ! обмѣняемся нашимъ оружіемъ; пусть и другіе
„Знаютъ, что дружбою мы со временъ праотцовскихъ гордимся.

Такъ говорили они, и съ своихъ колесницъ соскочивши,

За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися.
Въ оное время у Главка разсудокъ восхитилъ Кроніонъ:
Онъ Діомеду герою доспѣхъ, золотой свой на мѣдный,
Во сто цѣнимый тельцовъ, обмѣнялъ на стоющій девять.

Гекторъ межъ тѣмъ приближился къ Скейскимъ воротамъ и къ дубу;
Окрестъ героя бѣжали Троянскія жены и дѣвы,
Тѣ вопрошая о дѣтяхъ, о милыхъ друзьяхъ и о братьяхъ,
Тѣ о супругахъ; но онъ повелѣлъ имъ молиться безсмертнымъ
Всѣмъ, небеса населяющимъ: многимъ бѣды угрожали!
Но когда подошелъ онъ къ прекрасному дому Пріама,
Къ зданію, съ гладкими вдоль переходами: (въ немъ заключалось
Вкругъ пятьдесятъ почиваленъ, изъ гладко отесанныхъ камней,
Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коихъ Пріама
Всѣ почивали сыны у цвѣтущихъ супругъ ихъ законныхъ;
Дщерей его на другой сторонѣ, на дворѣ, почивальни
Были двѣнадцать, подъ кровлей одною, изъ тесанныхъ камней,
Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коихъ Пріама
Всѣ почивали зятья у цвѣтущихъ супругъ ихъ стыдливыхъ):
Тамъ повстрѣчала его милосердая матерь Гекуба,
Шедшая въ домъ къ Лаодикѣ, своей миловиднѣйшей дщери;
За руку сына взяла, вопрошала и такъ говорила:
„Что ты, о сынъ мой, приходишь, оставивъ свирѣпую битву?
„Вѣрно жестоко тѣснятъ ненавистные мужи Ахейцы,
„Ратуя близко стѣны? И тебя устремило къ намъ сердце;
„Хочешь ты, съ за́мка Троянскаго, руки воздѣть къ Олимпійцу?
„Но помедли, мой Гекторъ, вина я вынесу чашу,
„Зевсу отцу возліять и другимъ божествамъ вѣковѣчнымъ;

„Послѣ и самъ ты, когда пожелаешь испить, укрѣпишься:
„Мужу, трудомъ истомленному, силы вино обновляетъ;
„Ты же, мой сынъ, истомился, за гражданъ твоихъ подвизаясь.

Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Сладкаго пить мнѣ вина не носи, о почтенная матерь!
„Ты обезсилишь меня, потеряю я крѣпость и храбрость.
„Чермное жъ Зевсу вино возліять неомытой рукою
„Я не дерзну; и не должно сгустителя облаковъ Зевса
„Чествовать, или молить оскверненному кровью и прахомъ.
„Но иди ты, о матерь, Аѳины добычелюбивой
„Въ храмъ, съ благовонным куреніемъ, съ сонмомъ женъ благородныхъ.
„Пышный покровъ, величайшій, прекраснѣйшій всѣхъ изъ хранимыхъ
„Въ царскомъ дому, и какой ты сама наиболѣе любишь,
„Взявъ, на колѣна его положи лѣпокудрой Аѳинѣ;
„И двѣнадцать кравъ однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
„Въ храмѣ заклать обрекайся ты, если молитвы услыша,
„Градъ богиня помилуетъ, женъ и младенцевъ невинныхъ;
„Если отъ Трои священной она отразитъ Діомеда,
„Бурнаго воя сего, повелителя мощнаго бѣгства.
„Шествуй же, матерь, ко храму Аѳины добычелюбивой;
„Я же къ Парису иду, чтобы къ воинству изъ дому вызвать,
„Ежели хочетъ совѣты онъ слушать. О! былъ бы онъ тамъ же
„Пожранъ землей! воспиталъ Олимпіецъ его на погибель
„Трои, Пріаму отцу, и всѣмъ намъ Пріамовымъ чадамъ!
„Еслибъ его я увидѣлъ сходящаго въ бездны Аида,
„Кажется, сердце мое позабыло бы горькія бѣдства!

Такъ говорилъ: и Гекуба не медля служительницъ дома
Вызвала; женъ благородныхъ онѣ собирали по граду.
Тою порой сама въ благовонную горницу всходитъ;
Тамъ у нее сохранялися пышноузорныя ризы,
Женъ Сидонскихъ работы, которыхъ Парисъ боговидный
Самъ изъ Сидона привезъ, преплывая пространное море:
Симъ онъ путемъ увозилъ знаменитую родомъ Елену:
Выбравъ изъ оныхъ одну, понесла предъ Аѳину Гекуба
Бо̀льшую, лучшую въ домѣ, которая швеніемъ пышнымъ
Словно звѣзда сіяла, и въ самомъ лежала исподѣ.
Съ оной пошла, и за ней благородныя многія жены.

Въ за̀мокъ градской имъ притекшимъ, ко храму Аѳины богини,
Двери предъ ними разверзла прелестная ликомъ Ѳеано,
Дщерь Киссѐя, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Аѳины богини.
Тамъ съ воздѣяніемъ рукъ возопили онѣ предъ Аѳиной;
Ризу Гекубы румяноланитная жрица Ѳеано
Взявъ, на колѣна кладетъ лѣпокудрой Аѳины Паллады,
И съ обѣтами молитъ рожденную богомъ великимъ:

„Мощная въ браняхъ, защитница града, Паллада Аѳина!
„Дротъ сокруши Діомедовъ, и дай, о богиня, да самъ онъ
„Нынѣ, погибельный, грянется ницъ передъ башнею Скейской!
„Нынѣ жъ двѣнадцать кравъ, однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
„Въ храмѣ тебѣ мы пожертвуемъ, если молитвы услыша,
„Градъ помилуешь Трою, и женъ и младенцевъ невинныхъ!

Такъ возглашала молясь; но Аѳина молитву отвергла.
Тою порой, какъ онѣ умоляли рожденную Зевсомъ,
Гекторъ великій достигнулъ Парисова пышнаго дома.
Самъ онъ домъ сей устроилъ, съ мужами, какіе въ то время
Въ цѣлой Троадѣ холмистой славнѣйшіе зодчіе были:
Мужи ему почивальню, и гридню, и дворъ сотворили,
Въ замкѣ градскомъ, не вдали отъ Пріама и Гектора дому.
Въ двери вступилъ божественный Гекторъ; въ десницѣ держалъ онъ
Пику въ одиннадцать лактей: далеко на пикѣ сіяло
Мѣдное жало ея и кольцо вкругъ него золотое:
Брата нашелъ въ почивальнѣ, въ трудахъ надъ оружіемъ пышнымъ:
Щитъ онъ и латы и гнутые луки испытывалъ праздный.
Тамъ и Елена Аргивская въ кругѣ сидѣла домашнихъ
Женъ рукодѣльницъ, и славныя имъ назначала работы.
Гекторъ, взглянувъ на него, укорялъ оскорбительной рѣчью:

„Ты не во время, несчастный, теперь напыщаешься гнѣвомъ.
„Гибнетъ Троянскій народъ, предъ высокою града стѣною
„Ратуя съ сильнымъ врагомъ; за тебя и война и сраженья
„Вкругъ Иліона пылаютъ; ты самъ поругаешь другаго,
„Если увидишь кого оставляющимъ грозную битву.
„Шествуй, пока Иліонъ подъ огнемъ супостатовъ не вспыхнулъ.

Быстро ему отвѣчалъ Пріамидъ Александръ боговидный:
„Гекторъ! ты въ правѣ хулить и твоя мнѣ хула справедлива;
„Душу открою тебѣ: преклонися и выслушай слово:
„Я не отъ гнѣва досель, не отъ злобы на гражданъ Троянскихъ
„Праздный сидѣлъ въ почивальнѣ; хотѣлъ я печали предаться.

„Нынѣ жъ супруга меня дружелюбною рѣчью своею
„Выдти на брань возбудила; и нынѣ, чувствую самъ я,
„Лучше итти мнѣ сражаться: побѣда межъ смертныхъ превратна.
„Мало помедли, герой; боевымъ ополчуся доспѣхомъ;
„Или иди; поспѣшу за тобой, и настичь уповаю.

Рекъ онъ; ни слова ему не отвѣтствовалъ Гекторъ великій.
Къ Гектору съ лаской Елена смиренную рѣчь обратила:
„Деверь жены безстыдной, виновницы бѣдъ нечестивой!
„Еслибъ въ тотъ день же меня, какъ на свѣтъ породила лишь матерь,
„Вихорь свирѣпый восхитя, умчалъ на пустынную гору,
„Или въ кипящія волны ревущаго моря низринулъ;
„Волны бъ меня поглотили и дѣлъ бы такихъ не свершилось!
„Но, какъ такія бѣды божества предназначили сами;
„Пусть даровали бы мнѣ благороднѣе сердцемъ супруга,
„Мужа, которой бы чувствовалъ стыдъ и укоры людскіе!
„Сей и теперь легкомысленъ, подобнымъ и послѣ онъ будетъ;
„И за то, я надѣюсь, достойнымъ плодомъ насладится! —
„Но войди ты сюда, и возсядь успокоиться въ кресло,
„Деверь; твою наиболѣе душу труды угнѣтаютъ
„Ради меня недостойной и ради вины Александра:
„Злую намъ участь назначилъ Кроніонъ, что даже по смерти
„Мы оставаться должны на безславныя пѣсни потомкамъ!

Ей не медля отвѣтствовалъ Гекторъ великій: „Елена,
„Сѣсть не упрашивай; какъ ни привѣтна ты, я не склонюся:
„Сильно меня увлекаетъ душа на защиту согражданъ,
„Кои на ратныхъ поляхъ моего возвращенія жаждутъ.

„Ты же его побуждай; ополчившися пусть поспѣшаетъ;
„Пусть онъ потщится меня, въ стѣнахъ еще града, настигнуть.
„Я посѣщу лишь мой домъ, и на малое время останусь
„Видѣть домашнихъ, супругу драгую и сына младенца:
„Ибо не знаю, изъ боя къ своимъ возвращусь ли еще я;
„Или меня уже боги погубятъ руками Данаевъ.

Такъ говоря, удалился шеломомъ сверкающій Гекторъ.
Скоро достигнулъ герой своего благозданнаго дома;
Но въ дому не нашелъ Андромахи лилейнораменной.
Съ сыномъ она и съ одною кормилицей пышноодежной
Вышедъ, стояла на башнѣ, печально стеная и плача.
Гекторъ, въ дому у себя не нашедъ непорочной супруги,
Сталъ на порогѣ, и такъ говорилъ прислужницамъ женамъ:
„Жены прислужницы, вы мнѣ скорѣе повѣдайте правду:
„Гдѣ Андромаха супруга, куда удалилась изъ дому?
„Вышла ль къ золовкамъ своимъ, иль къ невѣсткамъ пышноодежнымъ,
„Или ко храму Аѳины поборницы, гдѣ и другія
„Жены Троянъ благородныя грозную молятъ богиню?

И ему отвѣчала усердная ключница дома:
„Гекторъ, когда повелѣлъ ты, тебѣ я повѣдаю правду.
„Нѣтъ, не къ золовкамъ своимъ, не къ невѣсткамъ пошла Андромаха,
„Или ко храму Аѳины поборницы, гдѣ и другія
„Жены Троянъ благородныя грозную молятъ богиню:
„Къ башнѣ пошла Иліонской великой: встревожилась вѣстью,
„Будто Троянъ утѣсняетъ могучая сила Ахеянъ;
„И къ стѣнѣ городской, торопливая, ринулась бѣгомъ,

„Словно умомъ изступленная; съ ней и кормилица съ сыномъ.
Такъ отвѣчала; и Гекторъ стремительно изъ дому вышелъ,
Прежней дорогой назадъ, по красивоустроеннымъ стогнамъ.
Онъ приближался уже, протекая обширную Трою,
Къ Скейскимъ воротамъ: (чрезъ нихъ былъ выходъ изъ города въ поле;)
Тамъ Андромаха супруга, бѣгущая въ встрѣчу предстала,
Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетіона:
Сей Гетіонъ обиталъ при подошвахъ лѣсистаго Плака,
Въ Ѳивахъ Плакійскихъ, мужей Киликіянъ властитель державный;
Онаго дочь сочеталася съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ.
Тамъ предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе, младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Гекторъ его называлъ Скамандріемъ; граждане Трояне
Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, взглянувши на сына безмолвный.
Подлѣ него Андромаха стояла, ліющая слезы;
Руку пожала ему, и такія слова говорила:

„Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
„Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной матери; скоро
„Буду вдовой я несчастная! скоро тебя Аргивяне,
„Вмѣстѣ напавъ, умертвятъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
„Лучше мнѣ въ землю сойти: никакой мнѣ не будетъ отрады,
„Если постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой
„Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
„Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій,
„Въ день, какъ и градъ разорилъ Киликійскихъ народовъ цвѣтущій,

„Ѳивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
„Но не смѣлъ обнажить: устрашался нечестія сердцемъ:
„Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ,
„Создалъ надъ прахомъ могилу; и окрестъ могилы той ульмы
„Нимфы холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери.
„Братья мои однокровные: семь оставалось ихъ въ домѣ:
„Всѣ, и въ единый день, преселились въ обитель Аида:
„Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,
„Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
„Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака царицу,
„Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ, съ другими добычами брани;
„Но даровалъ ей свободу, принявъ неисчислимый выкупъ;
„Феба жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
„Гекторъ, ты все мнѣ теперь, и отецъ и любезная матерь,
„Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
„Сжалься же ты надо мною, и съ нами останься на башнѣ,
„Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
„Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
„Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ:
„Трижды туда приступая, на градъ покушались герои,
„Оба Аяксы могучіе, Идоменей знаменитый,
„Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ:
„Вѣрно о томъ имъ сказалъ прорицатель какой либо мудрый,
„Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце.

Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
„Стыдъ мнѣ предъ каждымъ Троянцемъ и длинноодежной Троянкой,

„Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
„Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
„Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ,
„Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
„Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью и сердцемъ,
„Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
„Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
„Но, не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
„Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
„Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
„Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
„Сколько твое! какъ тебя Аргивянинъ мѣдью покрытый,
„Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
„И невольница, въ Аргосѣ, будешь ты ткать чужеземкѣ,
„Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гиперея,
„Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
„Льющую слезы тебя—кто нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
„Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
„Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражалися вкругъ Иліона!
„Скажетъ; и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
„Вспомнишь ты мужа, которой тебя защитилъ бы отъ рабства!
„Но, да погибну, и буду засыпанъ я перстью земною,
„Прежде, чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу!

Рекъ; и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида;
Яркою мѣдью испуганъ, и гребень увидѣвъ косматый,

Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
На̀земь кладетъ его пышноблестящій; и на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его, и поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:

„Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
„Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
„Такъ же и силою крѣпокъ, и въ Трои да царствуетъ мощно.
„Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
„Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
„Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!

Рекъ, и супругѣ любезной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; его къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнялъ ее, и рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:

„Добрая! сердца себѣ не круши неумѣренной скорбью.
„Противъ судьбы меня человѣкъ не пошлетъ къ Аидесу;
„Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
„Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.
„Шествуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами;
„Тканьемъ, пряжей займися, приказывай женамъ домашнимъ
„Дѣло свое исправлять; а война—мужей озаботитъ
„Всѣхъ, наиболѣ жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ.

Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли бронеблещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ; и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славнаго дома
Гектора мужегубителя; въ ономъ служительницъ многихъ,
Собранныхъ вмѣстѣ нашла, и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Всѣ, о живомъ еще Гекторѣ, плакали въ Гектора домѣ.
Нѣтъ, онѣ помышляли, ему изъ погибельной брани
Въ домъ не прійти, не избѣгнуть отъ рукъ и свирѣпства Данаевъ.

Тою порой и Парисъ не медлилъ въ высокихъ палатахъ.
Пышнымъ доспѣхомъ одѣтъ, испещреннымъ сіяющей мѣдью,
Онъ устремился по граду, надежный на быстрыя ноги.
Словно конь застоялый, ячменемъ раскормленный въ ясляхъ,
Привязь расторгнувъ летитъ, поражая копытами поле;
Пламенный, плавать обыкшій въ потокѣ широкотекущемъ,
Пышетъ, голову къ верху несетъ; вкругъ раменъ его мощныхъ
Грива играетъ; красой благородною самъ онъ гордится;
Быстро стопы его мчатъ къ кобылицамъ и паствамъ знакомымъ:
Такъ лѣпокудрый Парисъ отъ высотъ Иліонскаго замка,
Пышнымъ оружіемъ окрестъ, какъ ясное солнце, сіяя,
Шествовалъ радостный; быстро несли его ноги, и скоро
Гектора брата настигъ онъ, когда Пріамидъ лишь оставилъ
Мѣсто, гдѣ не задолго бесѣдовалъ съ кроткой супругой.
Къ Гектору первый вѣщалъ Пріамидъ Александръ боговидный:
„Вѣрно, почтеннѣйшій братъ, твою задержалъ я поспѣшность
„Долгимъ медленьемъ своимъ, и къ порѣ не приспѣлъ, какъ велѣлъ ты?

И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
„Другъ! ни одинъ человѣкъ, душей справедливый, не можетъ
„Ратныхъ дѣяній твоихъ опорочивать: воинъ ты храбрый;
„Часто лишь медленъ, къ трудамъ не охотенъ; а я непрестанно
„Сердцемъ терзаюсь, когда на тебя поношеніе слышу
„Трои мужей, за тебя подымающихъ трудъ безпредѣльный.—
„Но поспѣшимъ, а разсудимся послѣ, когда намъ Кроніонъ
„Дастъ, въ благодарность небеснымъ богамъ безконечно живущимъ,
„Чашу свободы поставить въ обителяхъ нашихъ свободныхъ,
„Послѣ изгнанья изъ Трои Ахеянъ мѣднодоспѣшныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Гекторъ и Парисъ вышедъ изъ города, немедленно вступаютъ въ сраженіе, и Ахеянъ, съ успѣхомъ сражавшихся, преодолѣваютъ, ст. 1 — 16. Паллада и Аполлонъ низходятъ на побоище и соглашаются, дабы укротить свирѣпство ратующихъ, возбудить мужество Гектора, 17—53. Гекторъ, по совѣту Гелена прорицателя, вызываетъ на единоборство храбрѣйшаго Ахейца, 54—91. Ахеянъ, колеблющихся принять вызовъ, поноситъ Менелай и готовъ самъ выдти; его удерживаетъ Агамемнонъ, 92—122. Между тѣмъ упреки Нестора одушевляютъ Ахеянъ: возстаютъ девять героевъ, готовыхъ на единоборство съ Гекторомъ; жребій, по совѣту Нестора между ними брошенный, падаетъ на Аякса Теламонида, 123 — 205. Аяксъ вооружается и съ Гекторомъ сходится, 206—225; герои разговариваютъ, 226—243; сражаются копьями, Гекторъ раненъ, 244 — 262; камнями, Гекторъ сбитъ съ ногъ, но воздвигнутъ Аполлономъ, 263 — 272; готовы сразиться мечами, но вѣстники обѣихъ сторонъ приходятъ разлучить ихъ, по причинѣ наступленія ночи; и герои, почтивъ другъ друга дарами, расходятся, 273—312. На общемъ пирѣ Агамемнонъ чествуетъ Аякса, какъ побѣдителя цѣлымъ хребтомъ вола, 313—322. Между тѣмъ Несторъ предлагаетъ совѣтъ о погребеніи убитыхъ и объ укрѣпленіи стана, 314—344. Въ собраніи у Троянъ Антеноръ убѣждаетъ, для прекращенія войны, возвратить Елену и сокровища съ нею похищенныя; Парисъ возражаетъ, на то не соглашаясь, но возвратить сокровища желаетъ, и даже умножить ихъ собственными, 345 — 364; сей отвѣтъ его Пріамъ велитъ вѣстнику на другой день сообщить Ахейцамъ, и при томъ просить перемирія для погребенія убитыхъ, 365 — 416. Послѣ сего оба народа заботятся о погребеніи своихъ мертвыхъ, которыхъ на кострѣ сожигаютъ. Кромѣ сего Ахеяне окружаютъ корабли свои стѣною и рвомъ, 417—442. Боги удивляются дѣлу Ахеянъ, Посидонъ негодуетъ, Зевсъ его успокоиваетъ, 443—469. Наконецъ Ахеяне и Трояне, устроивъ вечерю, пируютъ въ продолженіе ночи, грозной ужаснымъ громомъ, которымъ Зевсъ предзнаменуетъ имъ бѣдствія, 465—482.

---

*

ПѢСНЬ VII.

Такъ говорящій, пронесся вратами блистательный Гекторъ;
Съ нимъ устремлялся и братъ Александръ: и душей Пріамиды
Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.
Словно пловцамъ, долговременно жаждущимъ, богъ посылаетъ
Вѣтеръ попутный, когда уже, множествомъ веселъ блестящихъ
Понтъ разсѣкая, устали, всѣ члены трудомъ изнуривши:
Такъ воеводы Троянамъ, ихъ жаждущимъ, оба явились.

Начали битву: Парисъ поразилъ Арейѳоева сына,
Жителя Арны Менесѳія, коего палиценосный
Царь породилъ Арейѳой съ черноокою Филомедузой.
Гекторъ вождя Эіонея, острою пикой ударилъ
Въ выю, подъ кругъ крѣпкомѣднаго шлема, и крѣпость разрушилъ.
Главкъ, Гипполохова отрасль, Ликійскихъ мужей воевода,
Дексія, сына Ифиноя, въ бурномъ сраженіи пикой
Въ рамо пронзилъ, кобылицъ на него напускавшаго быстрыхъ:
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ, и его сокрушилися члены.

Ихъ лишь увидѣла свѣтлая взоромъ Аѳина богиня
Такъ истребляющихъ воиновъ Аргоса въ битвѣ жестокой,

Вдругъ отъ Олимпа высокаго, бросившись, бурно помчалась
Къ Трои священной; на встрѣчу богини, узрѣвъ отъ Пергама,
Фебъ Аполлонъ устремился: Троянамъ желалъ онъ побѣды.
Въ встрѣчу спѣшащіе боги, сошлися у древняго дуба;
Первый къ богинѣ воззвалъ дальномечущій Фебъ сребролукій:

„Что ты, волненія полная, дочь всемогущаго Зевса,
„Сходишь съ Олимпа? Къ чему ты стремима симъ пламеннымъ духомъ?
„Или склонить Аргивянамъ невѣрную брани побѣду
„Хочешь? Троянъ погибающихъ ты никогда не жалѣешь?
„Но пріими ты совѣтъ мой, и то благотворнѣе будетъ:
„Нынѣшній день прекратимъ мы войну и убійство народовъ;
„Послѣ да ратуютъ снова, доколѣ священнаго града,
„Трои конца не увидятъ, когда уже столько пріятно
„Вашему сердцу, богини великія, градъ сей разрушить.

Быстро воззвала къ нему свѣтлоокая дочь Эгіоха:
„Такъ, Дальновержецъ, да будетъ; съ подобною думою въ сердцѣ
„Я низошла отъ Олимпа, къ сраженью Троянъ и Ахеянъ.
„Но возвѣсти, прекратить ратоборство ихъ какъ ты намѣренъ?

Снова богинѣ отвѣтствовалъ царь Аполлонъ сребролукій:
„Гектора мы, укротителя коней, отважность возвысимъ.
„Пусть Пріамидъ вызываетъ храбрѣйшихъ героевъ Данайскихъ
„Выйти одинъ на одинъ, и сразиться рѣшительной битвой:
„Симъ оскорбленные мѣднопоножные мужи Данаи,
„Сами возбудятъ бойца одноборствовать съ Гекторомъ славнымъ.

Такъ говорилъ; и склонилася дочь свѣтлоокая Зевса.
Сынъ Пріамовъ, Геленъ, прорицатель, почувствовалъ духомъ
Оный совѣтъ, обоимъ божествамъ совѣщавшимъ пріятный;
Къ Гектору брату предсталъ, и такъ говорилъ воеводѣ:
„Гекторъ, пастырь народа, совѣтами равный Крониду!
„Будешь ли мнѣ ты послушенъ, усердно совѣтному брату?
„Дай повелѣніе сѣсть и Троянамъ и всѣмъ Аргивянамъ;
„Самъ же межъ воинствъ на бой вызывай, да храбрѣйшій Данаецъ
„Выйдетъ одинъ на тебя и сразится рѣшительнымъ боемъ.
„Нынѣ тебѣ не судьба умереть и предѣла достигнуть;
„Слышалъ я голосъ такой небожителей вѣчноживущихъ.

Такъ произнесъ; и восхитился Гекторъ услышанной рѣчью;
Вышелъ одинъ на средину и, взявши копье по срединѣ,
Спнулъ фаланги Троянскія; всѣ успокоясь возсѣли.
Царь Агамемнонъ равно удержалъ мѣднобронныхъ Данаевъ.
Тою порой Аѳина Паллада и Фебъ сребролукій
Оба вознесшися, словно какъ ястребы хищныя птицы,
Сѣли на дубѣ высокомъ отца молненоснаго Зевса,
Ратями вмѣстѣ любуясь; ряды ихъ сидѣли густые,
Грозно щиты и шеломы и остріа копья вздымая.
Словно какъ Зефиръ порывистый по морю зыбь разливаетъ,
Если онъ вдругъ подымается: море чернѣетъ подъ нею:
Ратей ряды таковы и Троянъ и безстрашныхъ Данаевъ
Въ полѣ сидѣли; и Гекторъ вѣщалъ, между ратями стоя:
„Трои сыны и Ахеяне храбрые, слухъ преклоните;
„Я вамъ повѣдаю, что мнѣ велитъ благородное сердце:
„Нашихъ условій высокоцарящій Кронидъ не исполнилъ,

Но бѣды совѣщающій, намъ обоюдно готовитъ
„Битвы, покуда иль вы крѣпкобашенный градъ нашъ возмете,
„Или падете отъ насъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ. —
„Здѣсь, о Ахеяне, съ вами храбрѣйшіе ваши герои.
„Тотъ, у котораго сердце со мною сразиться пылаетъ,
„Пусть изойдетъ и съ божественнымъ Гекторомъ станетъ на битву.
„Такъ говорю я, и Зевсъ уговора свидѣтель намъ будетъ.
„Если противникъ меня поразитъ сокрушительной мѣдью,
„Снявъ онъ оружія, пусть отнесетъ къ кораблямъ мореходнымъ;
„Тѣло же пусть возвратитъ, чтобъ Трояне меня и Троянки,
„Въ почесть послѣднюю, мертваго въ домѣ огню пріобщили.
„Если же я поражу, и меня Луконосецъ прославитъ,
„Взявши доспѣхи его, внесу въ Иліонъ ихъ священный,
„И повѣшу во храмѣ метателя стрѣлъ Аполлона;
„Тѣло жъ назадъ возвращу къ кораблямъ обоюдувесельнымъ.
„Пусть похоронятъ его кудреглавые мужи Ахейцы,
„И на брегу Геллеспонта широкаго холмъ да насыплютъ.
„Нѣкогда, видя его кто нибудь и отъ позднихъ потомковъ,
„Скажетъ, плывя въ караблѣ многовесломъ по черному Понту:
„Вотъ ратоборца могила, умершаго въ древніе вѣки;
„Въ браняхъ его знаменитаго свергнулъ божественный Гекторъ!
„Такъ нерожденные скажутъ, и слава моя не погибнетъ.

Рекъ; и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили:
Вызовъ стыдились отвергнуть, и купно принять ужасались.
Вдругъ возсталъ Менелай и вѣщалъ между сонма Ахеянъ,
Всѣхъ упрекая жестоко, и горестно сердцемъ стеная:
„Горе мнѣ! о самохвалы! Ахеянки вы, не Ахейцы!

„Срамъ для Ахейскихъ мужей изъ ужасныхъ ужаснѣйшій будетъ,
„Если отъ нихъ ни одинъ не посмѣетъ на Гектора выдти!
„Но погибните вы, обратитеся въ воду и землю!
„Вы, сидящіе здѣсь, какъ народъ безъ души и безъ чести!
„Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
„Жребій побѣды находится, въ волѣ боговъ всемогущихъ.

Такъ говоря, покрывался поспѣшно оружіемъ пышнымъ;
И тогда, Менелай, ты разстался бы съ сладкою жизнью
Въ мощныхъ рукахъ Пріамида, далеко сильнѣйшаго мужа;
Еслибъ тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
Самъ повелитель мужей, Агамѐмномъ пространнодержавный
За руку брата схватилъ, называлъ и вѣщалъ убѣждая:
„Ты изступленъ, Менелай благородный! такое безумство
„Вовсе тебя не достойно: смири огорченное сердце;
„Въ ревности гордой съ сильнѣйшимъ тебя не дерзай состязаться,
„Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама: его и другіе трепещутъ!
„Съ нимъ и Пелидъ быстроногій на славныхъ мужамъ ратоборствахъ
„Съ страхомъ встрѣчается, воинъ тебя несравненно храбрѣйшій!
„Сядь при дружинѣ своей, успокойся, питомецъ Зевеса.
„Мы отъ Ахеянъ ему одноборца другаго возбудимъ;
„Сколь онъ ни будетъ безстрашенъ и боя кроваваго жаденъ,
„Съ радостью вѣрно колѣна преклонитъ, когда лишь безвреденъ
„Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства!

Такъ говорящій герой, отвратилъ помышленіе брата,
Правду ему говоря; покорился Атридъ, и клевреты
Весело съ плечъ Менелая оружія свѣтлыя сняли.

Несторъ отъ сонма Ахеянъ возсталъ и вѣщалъ имъ печальный:
„Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
„Истинно горько восплачетъ Пелей, сѣдой конеборецъ,
„Славный мужей Мирмидонскихъ витія и мудрый совѣтникъ.
„Онъ восхищался, когда вопрошая меня въ своемъ домѣ,
„Каждаго порознь Ахейца развѣдывалъ родъ и потомство;
„Нынѣ жъ, когда онъ услышитъ, что всѣхъ ужасаетъ ихъ Гекторъ,
„Вѣрно не разъ къ небожителямъ руки простретъ, да скорѣе
„Духъ сокрушенный его погрузится въ обитель Аида! —
„Если бы нынѣ, о Зевсъ, Аполлонъ, и Паллада Аѳина!
„Молодъ я былъ, какъ во дни, когда у гремучаго брега
„Билася рать Пиліянъ и Аркадянъ, копейщиковъ славныхъ,
„Около Фейскихъ твердынь, недалеко отъ струй Іардана.
„Въ воинствѣ ихъ впереди Эреѳѳаліонъ, богу подобный,
„Первый стоялъ, ополченный оружіемъ Арейѳоя,
„Славнаго Арейѳоя, прозваніемъ палиценосца,
„Даннымъ ему отъ мужей и отъ женъ опоясаньемъ красныхъ:
„Мощный, не лукомъ тугимъ, не копьемъ длиннотѣннымъ сражался,
„Онъ булавою желѣзной ряды разрывалъ супротивныхъ.
„Онаго храбрый Ликургъ одолѣлъ, но не силой—коварствомъ,
„Въ тѣсномъ проходѣ; не могъ онъ себя булавой и желѣзной
„Спасть отъ смерти: Ликургъ, на дорогѣ его упредивши,
„Въ чрево копьемъ поразилъ, и объ долъ онъ ударился тыломъ.
„Снялъ побѣдитель оружія, даръ душегубца Арея;
„Послѣ и самъ ихъ носилъ, выходя на Ареевы споры.
„Но когда обезсилѣлъ герой, состарѣвшійся въ домѣ,
„Отдалъ тяжелый доспѣхъ Эреѳѳальону, ратному другу:
„Сими доспѣхами гордый, выкликивалъ всѣхъ онъ храбрѣйшихъ;

„Всѣ трепетали, страшились, никто не отважился выдти.
„Вспыхнуло сердце во мнѣ, на свою уповая отвагу,
„Съ гордымъ сразиться, хотя между сверстниковъ былъ я и младшій.
„Съ нимъ я сразился, и мнѣ торжество даровала Аѳина!
„Большаго всѣхъ и сильнѣйшаго всѣхъ я убилъ человѣка!
„Въ прахѣ лежалъ онъ огромный, сюда и туда распростертый.
„Если бы такъ я былъ младъ и не чувствовалъ немощи въ силахъ,
„Скоро противника встрѣтилъ бы шлемомъ сверкающій Гекторъ!
„Въ вашемъ же воинствѣ сколько ни есть храбрѣйшихъ Данаевъ,
„Сердцемъ никто не пылаетъ противникомъ Гектору выдти!

Такъ ихъ старецъ стыдилъ, и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атридъ, повелитель мужей Агамѣмнонъ;
Послѣ воспрянулъ Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій;
Оба Аяксы вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его совоинственникъ грозный,
Вождь Меріонъ, человѣковъ губителю равный Арею;
Послѣ герой Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемона;
Въ слѣдъ Андремонидъ Ѳоасъ, и за нимъ Одиссей знаменитый.
Столько возстало ихъ жаждущихъ съ Гекторомъ славнымъ сразиться.
Слово опять обратилъ къ нимъ Несторъ конникъ Геренскій:
„Жребіи бросимъ, друзья, и котораго жребій назначитъ,
„Тотъ несомнѣнно, я вѣрю, возрадуетъ души Ахеянъ,
„И не менѣе радостенъ будетъ и самъ, коль спасенный
„Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства.

Такъ произнесъ онъ; и каждый намѣтивши собственный жребій,
Бросилъ въ мѣдный шеломъ Агамѣмнона, сына Атрея.

*

Рати молились, и длани къ безсмертнымъ горѣ воздѣвали;
Такъ не одинъ говорилъ, на пространное небо взирая:
„Даруй, о Зевсъ! да падетъ на Аякса, или Діомеда,
„Иль на царя самого многозлатой Микены Атрида.

Такъ говорили; а Несторъ шеломъ сотрясалъ предъ собраньемъ;
Вылетѣлъ жребій изъ шлема, Данаями всѣми желанный,
Жребій Аякса; и вѣстникъ понесши кругомъ по собранью,
Всѣмъ, отъ десной стороны, показалъ воеводамъ Ахейскимъ:
Знака никто не призналъ, отрекался отъ жребія каждый.
Вѣстникъ предсталъ и къ тому, по собранію окрестъ носящій,
Кто и означилъ и въ шлемъ положилъ; Теламонидъ великій
Къ вѣстнику руку простеръ, и вѣстникъ, приближася, подалъ;
Жребій увидѣвши, знакъ свой узналъ, и въ восторгѣ сердечномъ
На землю бросилъ его и къ Ахеямъ вскричалъ Теламонидъ:
„Жребій, Ахеяне, мой! веселюся и самъ я сердечно!
„Такъ, надъ божественнымъ Гекторомъ льщусь одержать я побѣду.
„Други, пока я въ рядахъ боевые доспѣхи надѣну,
„Вы—молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,
„Между собою, безмолвно, да васъ не услышатъ Трояне.
„Или, молитеся громко, мы никого не страшимся!
„Ктобъ ни желалъ, противъ воли меня не подвигнетъ онъ съ поля
„Силой, ни ратнымъ искусствомъ; и я не невѣждой, надѣюсь,
„Самъ у отца моего въ Саламинѣ рожденъ и воспитанъ!

Такъ говорилъ: а Данаи молили могущаго Зевса.
Такъ не одинъ возглашалъ, на пространное небо взирая:
„Зевсъ отецъ, обладающій съ Иды, преславный, великій,

„Дай ты Аяксу обрѣсть и побѣду и свѣтлую славу!
„Если жъ и Гектора любишь, когда и объ немъ промышляешь,
„Равныя имъ обоимъ и могущество даруй и славу!

Такъ говорили: Аяксъ покрывался блистательной мѣдью;
И какъ скоро одѣялся весь въ боевые доспѣхи,
Онъ устремился впередъ, какъ Арей огромный стремится,
Если онъ шествуетъ къ брани народовъ, которыхъ Кроніонъ
Духомъ вражды сердцегложущей свелъ на кровавую сѣчу:
Вышелъ таковъ Теламонидъ огромный, твердыня Данаевъ,
Грозпымъ лицемъ осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шелъ, широко выступая, копьемъ длиннотѣннымъ колебля.
Всѣ Аргивяне смотря на него, восхищалися духомъ;
Трепетъ невольный объялъ у Троянина каждаго члены;
Даже у Гектора сердце въ могучей груди задрожало;
Но, ни врага избѣжать, ни въ толпы ополченій укрыться,
Не было болѣ возможности: самъ на сраженіе вызвалъ.
Быстро Аяксъ подходилъ, предъ собою несущій, какъ башню,
Мѣдяный щитъ, семикожный, который художникъ составилъ,
Тихій, усмарь знаменитѣйшій, въ Гилѣ обителью жившій:
Онъ сей щитъ сотворилъ легкодвижимый, семь сочетавши
Кожъ изъ тучнѣйшихъ воловъ, и восьмую изъ мѣди поверхность:
Щитъ сей неся передъ грудью, Аяксъ Теламонидъ могучій
Сталъ противъ Гектора близко, и голосомъ грознымъ воскликнулъ:
„Гекторъ, теперь ты узнаешь, одинъ на одинъ подвизаясь,
„Въ рати Ахейской земли каковы и другіе герои
„Есть безъ Пелида, фалангъ разрывателя, съ львиной душею!
„Онъ у своихъ кораблей, при дружинахъ своихъ Мирмидонскихъ,

„Празденъ лежитъ, на царя Агамемнона злобу питая.
„Насъ же Ахеянъ, которые выдти съ тобою готовы,
„Много такихъ! начинай, Пріамидъ, поединокъ и битву!

Но ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
„Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа,
„Тщетно меня ты, какъ будто ребенка, испытывать хочешь,
„Или, какъ дѣву, которая дѣлъ ратоборныхъ не знаетъ.
„Знаю довольно я брань и кровавое мужеубійство!
„Щитъ мой умѣю на право, умѣю на лѣво метать я
„Жесткую тяжесть, и съ нею могу неусталый сражаться;
„Пѣшій, умѣю ходить я подъ грозные звуки Арея;
„Конный, умѣю скача, съ кобылицъ быстроногихъ сражаться.
„Но, не хочу нападать на такого, какъ ты, ратоборца,
„Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умѣчу.

Рекъ онъ, и мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику,
И поразилъ Теламонида въ выпуклый щитъ семикожный,
Въ яркую полосу мѣди, что сверху восьмая лежала:
Шесть въ немъ полосъ пробѣжала разсѣкши бурная пика,
Въ кожѣ седьмой увязла. Тогда Теламонидъ великій,
Мощный Аяксъ размахнувши, послалъ длиннотѣнную пику,
И вогналъ Пріамиду оружіе въ щитъ кругоравный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пролетѣла могучая пика,
Броню насквозь, украшеньемъ изящную, быстро пронзила,
И на чревѣ, подъ ребрами, самой хитонъ растерзала
Бурная: Гекторъ отпрянулъ и гибели черной избѣгнулъ.
Оба исторгнули вновь длиннотѣнныя копья, и разомъ

Сшиблися вновь, какъ свирѣпые львы, пожиратели крови,
Или какъ звѣри лѣсовъ, не легко одолимые вепри.
Гекторъ копьемъ въ середину щита Теламонида грянулъ,
Но щита не прорвалъ: на мѣди изогнулося жало.
Въ щитъ, налетѣвши, ударилъ Аяксъ, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшаго Гектора вспять отразило,
Вскользь пробѣжало по выи, и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервалъ, шлемоблещущій, пламенный Гекторъ:
Но назадъ онъ подавшися, камень рукою могучей
Сорвалъ, средь поля лежавшій, черный, жестокій, огромный:
Махомъ повергъ, и Аяксовъ блистательный щитъ семикожный
Глыбой въ средину попалъ; зазвенѣла вся мѣдь щитовая.
Быстро Аяксъ подхватилъ несравненно огромнѣйшій камень;
Ринулъ его, размахавъ, и напрягши безмѣрную силу,
Въ щитъ угодилъ и насквозь проломилъ его камнемъ жерновнымъ,
Ранилъ колѣна врагу; на хребетъ опрокинулся Гекторъ,
Сверху натиснутъ щитомъ; но незапно воздвигъ Пріамида
Фебъ; и тогда рукопашно мечами бъ они изрубились,
Еслибъ къ героямъ глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ,
Вдругъ не предстали, одинъ отъ Троянъ, а другой отъ Ахеянъ,
Вѣстникъ Идей и Талѳибій, мужи, разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рекъ имъ
Вѣстникъ Троянскій Идей, исполненный мудрыхъ совѣтовъ:
„Кончите, дѣти любезныя, кончите брань и сраженье:
„Оба равно вы любезны гонителю облаковъ Зевсу;
„Оба храбрѣйшіе воины: въ томъ убѣдилися всѣ мы.
„Но приближается ночь; покориться и ночи пріятно.

Быстро, къ нему обратясь, отвѣчалъ Теламонидъ великій:
„Вѣстникъ, что ты произнесъ, повели произнесть Пріамиду;
„Онъ вызывалъ на сраженіе нашихъ храбрѣйшихъ героевъ;
„Онъ и начни; покорится готовъ я, коль онъ пожелаетъ.

И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
„Такъ, Теламонидъ, тебѣ и великость и силу и разумъ
„Богъ даровалъ; межъ Ахеями ты копьеборецъ славнѣйшій.
„Кончимъ на нынѣшній день и борьбу и сраженіе наше;
„Послѣ сойдемся и будемъ сражаться, пока уже Демонъ
„Насъ не разлучитъ, изъ двухъ одному даровавши побѣду.
„Нынѣ приближилась ночь; покоряться и ночи пріятно.
„Шествуй, и предъ кораблями всѣхъ Аргивянъ ты обрадуй,
„Болѣе жъ друговъ любезныхъ, и ближнихъ, какихъ ты имѣешь;
„Я же въ Пріамовомъ градѣ великомъ, обрадую въ Трои
„Сердце Троянъ и длинныя ризы влачащихъ Троянокъ,
„Кои молиться о мнѣ соберутся въ божественномъ храмѣ.
„Сынъ Теламоновъ! почтимъ мы другъ друга дарами на память.
„Нѣкогда пусть говорятъ и Троады сыны и Геллады;
„Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
„Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной.

Гекторъ слово окончивши, мечъ подаетъ среброгвоздный,
Вмѣстѣ съ ножнами его и красивымъ ремнемъ перевѣснымъ.
Сынъ Теламона вручаетъ блистающій пурпуромъ поясъ.
Такъ разлучася герои, одинъ къ ополченьямъ Ахейскимъ
Шествовалъ; къ сонмамъ Троянскимъ другой поспѣшалъ; и Трояне
Радуясь сердцемъ смотрѣли, что шествуетъ здравъ и безвреденъ

Гекторъ, Аяксовой силы и рукъ необорныхъ избѣгшій;
Въ градъ повели Пріамида нeждавшіе видѣть живаго.
Такъ и Аякса красивопоножные мужи Данаи
Къ сыну Атрея вели, восхищеннаго славой побѣды.

Имъ собравшимся въ кущахъ владыки народовъ Атрида,
Ради пришедшихъ, тельца пятилѣтняго царь Агамѐмнонъ
Тучнаго, жертвой заклалъ всемогущему Зевсу Крониду.
Быстро его одираютъ, трудятся, всего разсѣкаютъ,
Рубятъ искусно на мѣлкія части, пронзаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно, и все уготовивъ снимаютъ.
Скоро окончился трудъ и немедленно пиръ уготованъ:
Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ.
Но Аякса героя особо хребтомъ безконечнымъ
Самъ Агамѐмнонъ почтилъ, повелитель Ахеянъ державный.
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Старецъ въ собраніи первый слагать размышленія началъ,
Несторъ, которой и прежде блисталъ превосходствомъ совѣтовъ;
Онъ благомысленный такъ говорилъ и совѣтовалъ въ сонмѣ:
„Царь Агамѐмнонъ, и вы, воеводы народовъ Данайскихъ!
„Много уже на бояхъ полегло кудреглавыхъ Данаевъ,
„Коихъ черную кровь по брегамъ пышноструйнаго Ксанѳа
„Бурный Арей разліялъ, и въ Аидъ погрузились ихъ души.
„Должно съ зарею, Атридъ, прекратить ратоборство Данаевъ.
„Мы же, поднявшися дружно, свеземъ съ побоища трупы
„Въ станъ на волахъ и на мескахъ, и всѣ совокупно сожжемъ ихъ,
„Одаль судовъ мореходныхъ; да кости отцовскія дѣтямъ
„Каждый въ домъ понесетъ, возвращаяся въ землю родную.

„Послѣ, на мѣстѣ сожженья, собравшись, насыплемъ могилу
„Общую всѣмъ на долинѣ; а подлѣ построимъ не медля
„Стѣну и башни высокія, намъ и судамъ оборону.
„Въ оныхъ устроимъ ворота и крѣпко сплоченные створы,
„Путь бы чрезъ оные былъ колесницамъ и конямъ просторный.
„Подлѣ стѣны той, снаружи, ровъ ископаемъ глубокій;
„Пусть онъ, идущій кругомъ, воспящаетъ и конныхъ и пѣшихъ,
„Чтобъ когда либо рать не нагрянула гордыхъ Пергамлянъ.

Такъ говорилъ онъ; совѣтъ одобряя цари восклицали.
Мужи Троянскіе такъ же совѣтъ, на вершинѣ Пергама,
Смутный и шумный держали, предъ домомъ Пріама владыки.
Первый на немъ Антеноръ совѣщать благомысленный началъ:
„Трои сыны и Дарданецы, и вы, о союзники наши!
„Слухъ преклоните, скажу я, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаетъ:
„Нынѣ рѣшимся: Елену Аргивскую вмѣстѣ съ богатствомъ
„Выдадимъ сильнымъ Атридамъ: нарушивши клятвы святыя,
„Мы вѣроломно воюемъ; за то и добра никакого
„Намъ, я увѣренъ, не выйдетъ, пока не исполнимъ, какъ рекъ я.

Такъ произнесши, возсѣлъ Антеноръ; и возсталъ между ними
Богу подобный Парисъ, супругъ лѣпокудрой Елены;
Онъ Антенору въ отвѣтъ устремляетъ крылатыя рѣчи:
„Ты, Антеноръ, говоришь неугодное мнѣ совершенно!
„Могъ ты совѣтъ и другой, благотворнѣйшій всѣмъ намъ, примыслить!
„Если же то, что сказалъ, произнесъ ты отъ чистаго сердца,
„Разумъ твой безъ сомнѣнія боги похитили сами!
„Я межъ Троянъ, укротителей коней, повѣдаю мысли,

„И скажу я имъ прямо: Елены не выдамъ супруги!
„Что до сокровищъ, которыя въ домъ я изъ Аргоса вывезъ,
„Всѣ соглашаюся выдать и собственныхъ къ онымъ прибавить.

Такъ произнесъ и возсѣлъ Пріамидъ; и возсталъ между ними
Древній Пріамъ Дарданидъ, совѣтникъ равный безсмертнымъ.
Онъ благомыслія полный, совѣтовалъ такъ на соборѣ:
„Трои сыны и Дарданцы, и вы, о союзники наши!
„Слухъ преклоните, скажу я, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаетъ:
„Нынѣ вы, дѣти мои, вечеряйте во градѣ, какъ прежде;
„Помните стражу ночную, и бодрствуйте каждый недремно.
„Завтра же вѣстникъ Идей да пойдетъ къ кораблямъ мореходнымъ,
„Мощнымъ Атрея сынамъ, Агамѐмнону и Менелаю
„Думу повѣдать Париса, отъ коего распря возстала.
„Онъ и сію имъ измолвитъ разумную рѣчь: не хотятъ ли
„Мало почить отъ погибельной брани, доколѣ убитыхъ
„Трупы сожжемъ; и заратуемъ снова, пока уже Демонъ
„Насъ не разлучитъ, однимъ иль другимъ даровавши побѣду.

Такъ говорилъ; и внимательно слушая, всѣ покорились.
Рати Троянскія вмѣстѣ, толпа близъ толпы вечеряли.
Рано утромъ Идей отошелъ къ кораблямъ мореходнымъ,
И обрѣлъ ужъ на сонмѣ Данаевъ клевретовъ Арея,
Подлѣ кормы корабельной царя Агамѐмнона. Вѣстникъ
Сталъ посредѣ воеводъ, и вѣщалъ имъ голосомъ звучнымъ:
„Царь Агамѐмнонъ, и вы, предводители ратей Ахейскихъ!
„Царь мнѣ Пріамъ повелѣлъ, и другіе сановники Трои
„Думу повѣдать, когда то желательно вамъ и пріятно,

„Сына его Александра, отъ коего распря возстала:
„Тѣ изъ сокровищъ, которыя онъ въ корабляхъ многомѣстныхъ
„Въ Трою изъ Аргоса вывезъ, (о лучше бъ онъ прежде погибнулъ!)
„Хочетъ всѣ возвратить и собственныхъ къ онымъ прибавить.
„Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
„Выдать Парисъ отрекается, какъ ни склоняли Трояне.
„Слово еще и сіе повелѣли сказать: не хотите ль
„Вы опочить отъ погибельной брани, доколѣ убитыхъ
„Трупы сожжемъ; и заратуемъ снова, пока уже Демонъ
„Насъ не разлучитъ, однимъ иль другимъ даровавши побѣду.

Рекъ; и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили.
Но межъ нихъ взговорилъ Діомедъ, воеватель могучій:
„Нѣтъ, да никто между насъ не пріемлетъ сокровищъ Париса,
„Даже Елены! Понятно уже и тому, кто безсмысленъ,
„Что надъ градомъ Троянскимъ грянетъ готова погибель!

Такъ произнесъ; и воскликнули окрестъ Ахейскіе мужи,
Всѣ удивляясь рѣчамъ Діомеда, смирителя коней.
И тогда ко Идею вѣщалъ Агамемнонъ державный:
„Слышишь ты самъ, провозвѣстникъ Троянскій, рѣчи Ахеянъ:
„Такъ отвѣчаютъ Ахеяне, такъ я и самъ помышляю.
„Что до сожженія мертвыхъ, нисколько тому не противлюсь.
„Долгъ ничего не щадить для окончившихъ дни человѣковъ;
„И умершихъ немедленно должно огнемъ успокоить.
„Зевсъ да услышитъ обѣтъ мой, Геры супругъ громоносный!

Такъ произнесъ, и горѣ небожителямъ поднялъ онъ скипетръ;

И обратно Идей отошелъ къ Иліону святому.
Тою порою сидѣли на сонмѣ Трояне, Дардане
Всѣ совокупно: они ожидали когда возвратится
Вѣстникъ почтенный. Идей возвратился и ставъ посредѣ ихъ,
Вѣсть произнесъ; и поднявшись Трояне, готовились быстро,
Тѣ привозить мертвецовъ, а другіе древа изъ дубравы.
Сонмы Ахеянъ равно отъ судовъ многовеслыхъ спѣшили,
Тѣ привозить мертвецовъ, а другіе древа изъ дубравы.

Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Выйдя изъ тихотекущихъ глубокихъ зыбей океана
Въ путь свой небесный, какъ оба народа встрѣтились въ полѣ.
Трудно имъ было узнать на побоищѣ каждаго мужа:
Только водой омывая покрытыхъ и кровью и прахомъ,
Клали тѣла на возы, проливая горючія слезы;
Громко рыдать Пріамъ запрещалъ имъ: Трояне безмолвно
Мертвыхъ своихъ на костеръ полагали, печальные сердцемъ:
И предавъ ихъ огню, возвращалися къ Трои священной.
Такъ и съ другой стороны мѣднолатные мужи Ахейцы
Мертвыхъ своихъ на костеръ полагали, печальные сердцемъ,
И предавъ ихъ огню, возвращались къ судамъ мореходнымъ.

Не было утро еще, но сѣдѣли ужъ сумраки ночи,
И на трудъ поднялися Ахеянъ отборные мужи.
Тамъ, гдѣ тѣла сожигали, насыпали дружно могилу,
Общую всѣмъ на долинѣ; близъ оной воздвигнули стѣну,
Башни высокія, воинству ихъ и судамъ оборону;
Въ нихъ сотворили ворота и крѣпко сплоченные створы,

Путь бы чрезъ оные былъ колесницамъ и конямъ просторный.
Подлѣ стѣны той, снаружи, ровъ ископали великій,
Всюду широкій, глубокій, и колья по немъ водрузили.
Такъ подвизалися тамъ кудреглавые мужи Ахейцы.

Боги межъ тѣмъ, возсѣдя у Кронида метателя молній,
Всѣ изумлялися, видя великое дѣло Ахеянъ.
Въ сонмѣ ихъ началъ вѣщать Посидаонъ, земли колебатель:
„Зевсъ громовержецъ, какой человѣкъ на землѣ безпредѣльной
„Нынѣ богамъ исповѣдаетъ волю свою или помыслъ?
„Или не видишь ты, въ ночь кудреглавые мужи Ахейцы
„Создали стѣну своимъ кораблямъ, и предъ нею глубокій
„Вывели ровъ, а безсмертнымъ отъ нихъ возданы ль гекатомбы?
„Слава о ней распрострется, гдѣ только денница сіяетъ;
„Но забудутъ объ оной, которую я съ Аполлономъ
„Около града царю Лаомѐдону создалъ томяся!

Гнѣвно вздохнувъ, отвѣчалъ Посидаону Зевсъ тучеводецъ:
„Богъ многомощный, землею колеблющій! что ты вѣщаешь!
„Пусть отъ безсмертныхъ другой устрашается замысловъ равныхъ,
„Кто предъ тобою далеко слабѣе и силой и духомъ!
„Слава твоя распрострется, гдѣ только денница сіяетъ.
„Вѣрь и дерзай: и когда кудреглавые мужи Ахейцы
„Въ быстрыхъ судахъ понесутся къ любезнымъ отечества землямъ,
„Стѣну сломи ихъ, и всю съ основанія въ море обрушивъ,
„Изнова берегъ великій покрой ты песками морскими,
„Да и слѣдъ потребится огромной стѣны сей Ахейской.

Такъ взаимно безсмертные между собою вѣщали.
Солнце зашло, и свершилось великое дѣло Ахеянъ.
Въ кущахъ они закалали тельцовъ, вечерять собирались.
Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многіе къ брегу пристали: Эвней Язонидъ послалъ ихъ,
Сынъ Ипсипилы, рожденный съ Язономъ, владыкой народа.
Двумъ Атреіонамъ, царю Агамемнону и Менелаю
Тысячу мѣръ, какъ подарокъ, напитка прислалъ Язоніонъ.
Прочіе мужи Ахейскіе мѣной вино покупали:
Тѣ за звенящую мѣдь, за сѣдое желѣзо мѣняли,
Тѣ за воловыя кожи, или за воловъ крупорогихъ,
Тѣ за своихъ полоненныхъ. И пиръ уготовленъ веселый.—
Цѣлую ночь кудреглавые мужи Ахейцы по стану
Вкругъ пировали; а Трои сыны и союзники въ градѣ.
Цѣлую ночь имъ бѣды совѣщалъ Олимпійскій провидецъ,
Грозно гремящій; и страхъ находилъ на пирующихъ блѣдный:
Мужи вино проливали изъ кубковъ; не смѣлъ ни единый
Пить, не возливъ напередъ всемогущему Кронову сыну.
Всѣ наконецъ возлегли, и дарами сна насладились.

ПѢСНЬ VIII.

СОДЕРЖАНІЕ.

Зевсъ, собравши всѣхъ боговъ, запрещаетъ имъ, подъ жестокою карою, пособлять воюющимъ народамъ, и предлагаетъ богамъ испытать, если они желаютъ, могущество его, посредствомъ золотой цѣпи, спустивъ ее съ неба. Кончивъ угрозы благоволительной рѣчью къ Палладѣ, онъ въ колесницѣ удаляется на Иду, ст. 1 — 52. Оттуда смотритъ на битву, которая съ обѣихъ сторонъ продолжается съ равнымъ успѣхомъ до полудня; но въ сіе время онъ взвѣсивъ на вѣсахъ роковые жребіи обоихъ народовъ, бросаетъ молнію, знаменая пораженіе Ахеянъ; храбрѣйшіе изъ нихъ предаются бѣгству, 53 — 79. Несторъ, у котораго одинъ изъ коней раненъ, остается и подвергаетъ опасности свою жизнь при приближеніи Гектора, 80—90. Діомедъ призываетъ, по напрасно, Одиссея, защитить старца; наконецъ самъ принимаетъ его въ свою колесницу и напавъ на Гектора, убиваетъ возницу его, 91 — 129. Трояне вновь поколебаны; но Зевсъ перуномъ, предъ конями Діомеда поверженнымъ, принуждаетъ Нестора и Діомеда къ бѣгству, 130 — 157. Гекторъ злословитъ бѣгущаго; герой негодуетъ и желая опять обратиться на Гектора, удерживается новымъ громомъ Зевса, 158—171. Гекторъ возбуждаетъ Троянъ напасть на корабли Ахейскіе; обращаетъ рѣчь къ конямъ своимъ, убѣждая ихъ догнать Діомеда, котораго убить онъ похваляется, 172 — 198. Гера негодуетъ и преклоняетъ Посидона, но безполезно, возстать за Ахеянъ. По ея внушенію Агамемнонъ воинство Ахеянъ, уже за стѣну отраженныхъ, одушевляетъ громкими укоризнами и моленіемъ къ Зевсу, который ниспосылаетъ ему орла, въ счастливое знаменіе, 199—250. Ахеяне съ новымъ жаромъ обращаются на Троянъ, и Діомедъ первый; молодой Тевкръ, стоя подъ щитомъ Аякса, многихъ поражаетъ стрѣлами, 251 — 277; нѣсколько разъ мѣтитъ въ Гектора, но тщетно, и скоро самъ пораженъ отъ него камнемъ, 278 — 334. Трояне, снова Зевсомъ одушевленные, обращаютъ въ бѣгство Ахеянъ; ихъ преслѣдуетъ Гекторъ, побѣдою гордый. 335 — 349. Гера и Паллада негодуютъ на неправосудіе Зевса и, рѣшась помагать Ахеянамъ, устремляются въ колесницѣ; но Зевсъ, узрѣвъ ихъ съ Иды, посылаетъ Ириду съ угрозами и съ повелѣніемъ удержать ихъ, 350 — 437; самъ, возвратясь на Олимпъ, жестоко укоряетъ непокорныхъ богинь, и угрожаетъ, что завтра онъ еще бóльшее пораженіе нанесетъ Ахеянамъ, 438 — 484. Съ наступленіемъ ночи прерванъ бой. Гекторъ, на самомъ мѣстѣ боя предложивъ распорядительные совѣты Троянамъ, тамъ же, не далеко отъ кораблей, располагается на ночь станомъ; Трояне, по совѣту его, учреждаютъ стражу и зажегши въ станѣ множество огней, которые Поэтъ сравниваетъ со звѣздами, кругомъ ихъ проводятъ всю ночь въ гордыхъ мечтаніяхъ, 485—565.

*

ПѢСНЬ VIII.

Въ ризѣ злашистой заря простиралась надъ всею землею,
Какъ боговъ на соборъ призвалъ молнелюбецъ Кроніонъ;
И на высшей главѣ многохолмнаго сидя Олимпа,
Самъ онъ вѣщалъ; а безсмертные окрестъ безмолвно внимали.
„Слушайте слово мое и боги небесъ и богини:
„Я вамъ повѣдаю, что мнѣ въ персяхъ сердце внушаетъ;
„И никто отъ богинь и никто отъ боговъ да не мыслитъ
„Слово мое низпровергнуть; покорные всѣ, совокупно
„Мнѣ споспѣшайте, да я безпрепятственно дѣло исполню!
„Ктожъ изъ безсмертныхъ мятежно захочетъ, и я то узнаю,
„Съ неба сойти, пособлять Иліонянамъ или Данаямъ,
„Тотъ пораженный позорно, страдать на Олимпъ возвратится!
„Или, восхичу его, и низвергну я въ сумрачный Тартаръ,
„Въ пропасть далекую, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна:
„Гдѣ и мѣдяный помостъ и ворота желѣзныя, Тартаръ,
„Столько далекій отъ ада, какъ свѣтлое небо отъ дола!
„Тамъ онъ почувствуетъ, сколько могучѣе всѣхъ я безсмертныхъ!
„Или дерзайте, извѣдайте боги, да всѣ убѣдитесь:
„Цѣпь золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,
„Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини

„Свѣстесь по ней; но совлечь не возможете съ неба на землю
„Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились!
„Если же я, разсудивши за благо, повлечь возжелаю,
„Съ самой землею, и съ самимъ моремъ ее повлеку я,
„И моею десницею окрестъ вершины Олимпа
„Цѣпь привяжу; и вселенная вся на высокихъ повиснетъ!
„Столько превыше боговъ и столько превыше я смертныхъ!

Такъ онъ вѣщалъ; и молчанье глубокое боги хранили,
Всѣ пораженные рѣчью: ужасно грозенъ вѣщалъ онъ;
Но наконецъ свѣтлоокая такъ возгласила Аѳина:
„О всемогущій отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыко!
„Вѣдаемъ мы совершенно, что сила твоя необорна;
„Но милосердуемъ мы объ Ахеянахъ, доблестныхъ вояхъ,
„Кои, судьбу ихъ жестокую скоро исполнивъ, погибнутъ.
„Всѣ мы однако отъ брани воздержимся, если велишь ты;
„Мы лишь совѣты внушимъ Аргивянамъ, да храбрые мужи
„Въ Трои погибнутъ не всѣ подъ твоимъ сокрушительнымъ гнѣвомъ.

Ей, улыбаясь, отвѣтствовалъ Зевсъ, облаковъ воздыматель:
„Бодрствуй, Тритонія, милая дочь! не съ намѣреньемъ въ сердцѣ
„Я говорю; и съ тобою милостивъ быть я желаю.

Такъ произнесъ онъ, и впрягъ въ колесницу коней мѣдноногихъ,
Бурно летающихъ, гривы волнующихъ вкругъ золотыя;
Золотомъ самъ онъ одѣялся, въ руку художествомъ дивный
Бичь захватилъ золотой, и на блещущей сталъ колесницѣ;
Коней погналъ, и послушные быстро они полетѣли,

Между землею паря и звѣздами усѣяннымъ небомъ.
Онъ устремлялъ ихъ на Иду, звѣрей многоводную матерь,
Къ Гаргару холму, гдѣ роща его и алтарь благовонный.
Тамъ коней удержалъ повелитель безсмертныхъ и смертныхъ,
И, отъ ярма отрѣшивъ, окружилъ ихъ мракомъ великимъ.
Самъ на вершинѣ Идейской возсѣлъ, величаяся славой,
Градъ созерцая Троянъ и суда мѣднобронныхъ Данаевъ.

Тою порой укрѣпилися снѣдью Ахейскіе мужи
Быстро по кущамъ, и въ битву оружіемъ всѣ покрывались.
Трои сыны на другой сторонѣ ополчались по граду,
Въ меньшемъ числѣ, но и такъ готовые крѣпко сражаться,
Нуждой влекомые кровной, сражаться за женъ и дѣтей ихъ.
Всѣ растворились вороты; изъ оныхъ зарѣяли рати
Конныя, пѣшія; шумъ между толпъ ихъ воздвигся ужасный.

Рати, на мѣсто одно устремляяся, быстро сошлися;
Разомъ сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воиновъ мѣдью одѣянныхъ; выпукло-бляшные разомъ
Сшиблись щиты со щитами; громъ поднялся ужасный.
Вмѣстѣ смѣшались побѣдные крики и смертные стоны
Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась.

Долго, какъ длилося утро и день возрасталъ свѣтоносный,
Стрѣлы и тѣхъ и другихъ поражали, и падали вои.
Но, лишь сіяющій Гѐліосъ сталъ на срединѣ небесной,
Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотыя; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгій:

Жребій Троянъ конеборныхъ, и мѣдноружныхъ Данаевъ;
Взялъ по срединѣ и поднялъ: Данайскихъ сыновъ преклонился
День роковой; Данайскихъ сыновъ до земли многоплодной
Жребій спустился, Троянъ же до звѣзднаго неба вознесся.

Страшно грянулъ отъ Иды Кронидъ, и перунъ, по лазури,
Пламенный бросилъ въ Ахейскія рати; Ахейцы увидя,
Всѣ изумились, покрылися лица ихъ ужасомъ блѣднымъ.
Идоменей оставаться не смѣлъ, ни Атридъ Агамемнонъ;
Ни Аяксы вожди не остались, клевреты Арея.
Несторъ одинъ средь побоища, стражъ Аргивянъ, оставался
Волей не доброю: конь пострадалъ, пораженный стрѣлою:
Ранилъ его Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Въ голову, въ самое темя, гдѣ первые волосы коней
Идутъ отъ черепа къ выи: опасное мѣсто; отъ боли
Конь заскакалъ на дыбы: пернатая въ мозгъ погрузилась:
Коней смутилъ и другихъ онъ, крушяся вкругъ пагубной мѣди.
Тою порою, какъ старецъ къ коню пораженному бросясь,
Пристяжъ отсѣчь напрягается: Гектора быстрые кони
Скачутъ сквозь волны бѣгущихъ, отважнаго мча властелина,
Гектора! Тутъ бы старецъ жизнь погубилъ неизбѣжно,
Если бъ его не узрѣлъ Діомедъ, воеватель могучій.
Страшно воскликнулъ герой, призывая царя Одиссея.

„Сынъ благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
„Что ты бѣжишь, обращая хребетъ, какъ въ толпѣ малодушный?
„Пику тебѣ, берегися, вонзятъ бѣгущему въ плечи.
„Стань Одиссей, отразимъ мы отъ старца свирѣпаго мужа.

Рекъ; не услышалъ его Одиссей благородный страдалецъ;
Мимо промчался, бѣжа къ кораблямъ многомѣстнымъ Ахейскимъ.
Но Діомедъ, и одинъ оставаясь, впередъ устремился;
Сталъ передъ конскимъ ярмомъ Геренскаго старца Нелида,
И къ нему взговорилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Старецъ, жестоко тебя ратоборцы младые стѣсняютъ!
„Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
„Немощенъ твой и возница, и кони твои не проворны.
„Шествуй ко мнѣ, взойди на мою колесницу; увидишь
„Троса кони каковы, несказанно искусные полемъ
„Быстро летать и туда и сюда, и въ погонѣ и въ бѣгствѣ:
„Я ихъ вчера у Энея отбилъ, разносителя бѣгства.
„Ввѣрь ты своихъ попеченью сподвижниковъ; сихъ же съ тобою
„Мы устремимъ на Троянъ конеборныхъ, да нынѣ и Гекторъ
„Узритъ, въ рукѣ и моей способна ль свирѣпствовать пика!

Такъ произнесъ; не преслушался Несторъ конникъ Геренскій,
Старца принявъ кобылицъ, озаботились ими клевреты,
Сильные двое, Сѳенелъ съ Эвримедономъ славолюбивымъ.
Сами вожди совокупно вошли въ колесницу Тидида;
Несторъ немедленно въ руки пріялъ блестящія возжи,
Коней стегнулъ, и предъ Гекторомъ быстро они очутились.
Въ Гектора, прямо летящаго, дротъ Діомедъ устремляетъ;
И въ него не попалъ; но его браздодержца—клеврета,
Сына Ѳебея почтеннаго, смѣлаго Эніопѣя,
Коней браздами гонящаго, въ грудь поражаетъ у сердца:
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ, и отпрянули въ сторону кони

Бурные; тамъ сокрушилась его и душа и могучесть.
Гектору сердце стѣснила жестокая скорбь о возницѣ;
Но его наконецъ, не взирая на жалость о другѣ,
Бросилъ, и смѣлаго окрестъ возницы искалъ; и не долго
Кони нуждались въ правителѣ; скоро достойный явился:
Архиптолѐмъ, Ифитидъ безстрашный; ему онъ на коней
Быстрыхъ взойти повелѣлъ и бразды къ управленію ввѣрилъ.

Сѣча была бъ, совершилось бы невозвратимое дѣло,
Въ градѣ своемъ заключились бы, словно какъ овцы, Трояне;
Но увидѣлъ то быстро отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ.
Онъ, загремѣвши ужасно, перунъ сребропламенный бросилъ
И на землю его, предъ конями Тидида, повергнулъ:
Страшнымъ пламенемъ въ верхъ воспаленная пыхнула сѣра;
Кони отъ ужаса, прянувъ назадъ, подъ ярмомъ задрожали;
Пышныя коней бразды убѣжали изъ старцевыхъ дланей;
Съ сердцемъ трепещущимъ онъ провѣщалъ къ Діомеду герою:
„Другъ Діомедъ, оборачивай къ бѣгству коней быстроногихъ.
„Или не чувствуешь ты, не тебѣ отъ Кронида побѣда!
„Нынѣ его на бою громомещущій Зевсъ прославляетъ,
„Гектора; послѣ, быть можетъ, когда возжелаетъ, даруетъ
„Славу и намъ: человѣкъ не преложитъ совѣтовъ Зевеса,
„Сколько бы ни былъ онъ силенъ: могучѣе онъ громовержецъ!

Но ему отвѣчалъ Діомедъ, знаменитый воитель:
„Все справедливо и все ты разумно, старецъ, вѣщаешь:
„Но болѣзнь мнѣ жестокая сердце и душу проходитъ!
„Гекторъ нѣкогда скажетъ, предъ сонмомъ Троянъ велерѣча:

„Вождь Діомедъ отъ меня къ кораблямъ убѣжалъ устрашенный.
„Скажетъ хвалясь; и тогда разступися, земля, подо мною!

Вновь Діомеду отвѣтствовалъ Несторъ конникъ Геренскій:
„Сынъ бранноносца Тидея, безтрепетный, что ты вѣщаешь?
„Если бы Гекторъ тебя и робкимъ назвалъ и безсильнымъ,
„Вѣры ему не дадутъ ни Дардане, ни граждане Трои;
„Вѣры ему не дадутъ и супруги Троянъ щитоносцевъ,
„Коихъ супруговъ цвѣтущихъ толпы распростеръ ты по праху.

Такъ говоря, обратилъ онъ на бѣгство коней звуконогихъ
Рати бѣгущей въ толпу; и на нихъ и Трояне и Гекторъ,
Страшные крики поднявъ, задождили свистящія стрѣлы:
Голосомъ звучнымъ кричалъ ему въ слѣдъ шлемоблещущій Гекторъ:
„О Діомедъ! передъ всѣми тебя почитали Данаи
„Мѣстомъ, и брашномъ, и полными кубками въ пиршествахъ общихъ;
„Впредь не почтутъ: предъ очами ихъ женщиной ты оказался!
„Сгибни, презрѣнная дѣва! скорѣй, чѣмъ меня отразивши,
„На стѣны наши взойдешь, или нашихъ супругъ похищенныхъ
„Въ плѣнъ повлечешь ты, скорѣе тебя я къ Демону свергну!

Такъ восклицалъ; а Тидидъ волновался въ сомнительныхъ думахъ:
Вспять обратить ли коней и сразиться ли противуставши?...
Трижды на думу сію и умомъ онъ и сердцемъ рѣшался;
Трижды съ Идейскаго Гаргара грозно гремѣлъ промыслитель
Зевсъ, возвѣщая Троянамъ побѣду сомнительной битвы.
Гекторъ же снова Троянъ возбуждалъ, восклицающій звучно:
„Трои сыны и Ликійцы и вы, рукопашцы Дарданцы!

„Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!
„Чувствую, мнѣ благосклонный Кронидъ знаменаетъ симъ громомъ
„Въ брани побѣду и славу; Ахейцамъ же срамъ и погибель!
„Мужи безумцы, они въ оборону примыслили стѣны,
„Слабыя, храбрымъ презрѣнныя, силамъ моимъ не преграда!
„Кони же наши легко чрезъ ископанный ровъ перепрянутъ.
„Но когда я приближусь къ Аргивскимъ судамъ мореходнымъ,
„Помните, други! съ огнемъ вы пылающимъ будьте готовы.
„Пламенемъ я истреблю ихъ суда, и самихъ предъ судами
„Всѣхъ изобью Аргивянъ, ужасаемыхъ дымомъ пожарнымъ!

Такъ произнесши, къ конямъ обратился и къ нимъ говорилъ онъ:
„Ксанѳъ и Подаргъ, и божественный Лампъ, и могучій мой Эѳонъ!
„Нынѣ, о кони, вы мнѣ заплатите за кормъ свой роскошный:
„Часто моя Андромаха, почтенная дочь Гетіона,
„Первымъ вамъ предлагала пшеницу пріятную въ пищу,
„Вамъ растворяла вино къ питію, до желанія сердца,
„Прежде меня, для нее драгоцѣннаго, мужа младаго!
„Мчитеся жъ кони, летите; настигнемъ враговъ и похитимъ
„Несторовъ щитъ, о которомъ слава до неба восходитъ,
„Будто изъ золота весь онъ, и кругъ и его рукояти;
„И съ раменъ Діомеда, смирителя коней, добудемъ
„Пышныя, дивныя латы, Гефеста безсмертнаго дѣло!
„Если похитимъ мы ихъ, несомнѣнно увѣренъ, Ахейцы
„Въ эту же ночь на суда быстролетныя бросятся къ бѣгству!

Такъ возносясь, восклицалъ онъ; прогнѣвалась мощная Гера,
Восколебалась на тронѣ, и дрогнулъ Олимпъ многохолмный.

Быстро вѣщала она къ Посидону, великому богу:
„Богъ многомощный, колеблющій землю! уже ли ни сколько
„Сердце твое не страдаетъ о гибнущихъ, храбрыхъ Данаяхъ?
„Тѣхъ, что и въ Эгѣ тебѣ и въ Геликѣ столько пріятныхъ
„Жертвъ и даровъ посвящаютъ? споспѣшествуй имъ ты въ побѣдѣ!
„Если бъ и всѣ, Аргивянъ покровители, мы возжелали
„Трои сыновъ отразивъ, обуздать громоноснаго Зевса;
„Скоро бы онъ закрушился, сидя одинокій на Идѣ!

. . . .

Ей, негодуя, отвѣтствовалъ мощный земли колебатель:
„О дерзословная Гера! какія ты рѣчи вѣщаешь?
„Нѣтъ, не желаю отнюдь, чтобы кто либо смѣлъ отъ безсмертныхъ
„Съ Зевсомъ Кронидомъ сражаться: могуществомъ всѣхъ онъ превыше!

. . . .

Такъ на Олимпѣ безсмертные между собою вѣщали.
Тою порой отъ судовъ, между рвомъ и стѣною, пространство
Все наполнено было и коней и воевъ толпами
Страшно тѣснимыхъ Данаевъ: какъ бурный Арей, утѣснялъ ихъ
Гекторъ могучій, когда даровалъ ему славу Кроніонъ.
Онъ истребилъ бы свирѣпымъ огнемъ и суда ихъ у моря,
Если бы Гера царю Агамѐмнону въ мысль не вложила
Быстро народъ возбудить, хоть и самъ онъ объ ономъ же пекся:
Онъ устремился, стопы ускоривъ, до судовъ и до кущей,
Мощной рукою держа великій свой плащъ пурпуровый.
Сталъ Агамѐмнонъ на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывшій въ срединѣ, да голосъ его обоюдно услышатъ,
Въ кущахъ конечныхъ Аякса, и въ кущахъ царя Ахиллеса,
Кои на самыхъ концахъ съ многовесльными ихъ кораблями

Спали, надежные оба на силу ихъ рукъ и на храбрость.
Тамъ, поразительнымъ голосомъ онъ вопіялъ къ Аргивянамъ:
„Стыдъ Аргивяне! отродье презрѣнное, дивные видомъ!
„Гдѣ похвальбы, какъ храбрѣйшими сами себя величали,
„Тѣ, что на Лемнѣ, тщеславные, громко вы произносили?
„Тамъ на пирахъ, поѣдая рогатыхъ воловъ неисчетныхъ,
„Чаши до дна выпивая, виномъ черезъ край налитыя,
„На сто, на двѣсти Троянъ, говорили вы, каждый изъ нашихъ
„Станетъ смѣло на бой! а теперь одного мы не стоимъ
„Гектора! Онъ къ кораблямъ приближается съ пламенемъ бурнымъ!—
„Зевсъ Олимпійскій, кого на землѣ отъ царей многомощныхъ
„Равной ты карой каралъ и толикой лишалъ его славы?
„Я же, о Зевсъ, миновалъ ли когда твой алтарь велелѣпный,
„Въ черномъ моемъ кораблѣ, сюда на несчастіе плывшій?
„Нѣтъ, на всѣхъ возжигалъ я тельчіе туки и бедра,
„Сердцемъ пылая разрушить высокотвердынную Трою.
„Нынѣ, о Зевсъ, хоть одно для меня ты исполни желанье!
„Дай хотя намъ ты самимъ отъ враговъ избѣжать и спастися;
„Здѣсь не предай на погибель сынамъ Иліона Ахеянъ!

Рекъ; умилился Отецъ надъ царемъ, проливающимъ слезы;
Знаменье далъ, да спасется Аргивскій народъ, не погибнетъ:
Быстро орла низпослалъ между вѣщихъ вѣрнѣйшую птицу.
Мчащій въ кохтяхъ онъ еленя, рожденіе быстрыя лани,
Близь алтаря велелѣпнаго Зевсова бросилъ еленя,
Гдѣ племена Аргивянъ покланялись всевѣщему Зевсу.
Чуть усмотрѣли они, что отъ Зевса явилася птица:
Жарче на рати Троянскія бросились, вспыхнули боемъ.

Но, не успѣлъ ни одинъ, сколь ни много Данаевъ тутъ было,
Славиться прежде Тидида, что бурныхъ коней устремивши,
Выгналъ за ровъ, на противныхъ ударилъ и смѣло сразился.
Первый изъ всѣхъ онъ Троянскаго мужа, доспѣшника, свергнулъ,
Фрадмона вѣтвь, Агелая: тогда какъ Троянецъ на бѣгство
Коней ворочалъ, ему обращенному острую пику
Онъ между плечъ углубилъ и сквозь перси кровавую выгналъ:
Палъ съ колесницы онъ въ прахъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Послѣ Тидида, Атриды цари устремилися оба;
Въ слѣдъ ихъ Аяксы вожди, облеченные бурною силой;
Идоменей Девкалидъ и его сподвижникъ ужасный,
Вождь Меріонъ, Эніалію равный, губителю смертныхъ;
Послѣ герой Эврипилъ, препрославленный сынъ Эвемона.
Тевкръ же девятымъ изшедъ, натягатель жестокаго лука,
Сталъ подъ великимъ щитомъ Теламонова сына, Аякса.
Часто Аяксъ отсторанивалъ щитъ; а стрѣлецъ знаменитый
Вкругъ осмотрѣвши, и мѣтко стрѣльнувши въ толпу сопротивныхъ,
Ранилъ кого либо; раненый павъ, разставался съ душою;
Тевкръ же, бросался назадъ, и, какъ къ матери сынъ, приникалъ онъ
Къ брату Аяксу; и сильный щитомъ покрывалъ его свѣтлымъ.

Кто жъ межъ Троянами первый сраженъ Теламонидомъ Тевкромъ?
Первый Орсилохъ; за нимъ Офелестъ и воинственный Орменъ,
Деторъ и Хромій и мужъ Ликофонтъ, небожителю равный,
Гамопаонъ, Поліемоновъ сынъ, и могучій Меланипъ:
Сихъ, одного за другимъ, положилъ онъ на тучную землю.
Тевкра увидѣвъ, восхитился духомъ Атридъ Агамемнонъ,
Какъ онъ изъ крѣпкаго лука Троянъ истребляетъ фаланги;
Быстро приблизился, сталъ и къ нему, восхищенный, воскликнулъ:

„Тевкръ, удалая глава! предводитель мужей, Теламонидъ!
„Такъ поражай и успѣешь, и свѣтомъ Ахейцамъ ты будешь,
„Славой отцу Теламону: тебя возлелѣялъ онъ съ дѣтства,
„И побочнаго сына, воспитывалъ въ собственномъ домѣ:
„Старца, хотя и далекаго, славой возвысь благородной!
„Я же тебѣ говорю, и исполнено слово то будетъ:
„Ежели даруютъ мнѣ громовержущій Зевсъ и Аѳина
„Градъ разорить, устроеніемъ пышную Трою Пріама;
„Первому послѣ меня тебѣ вручу я награду:
„Или треножникъ сіяющій, или коней съ колесницей,
„Или младую жену, да съ тобою восходитъ на ложе.

Рекъ онъ; и быстро Атриду отвѣтствовалъ Тевкръ непорочный:
„Сынъ знаменитый Атреевъ, почто, какъ и самъ я стараюсь,
„Ты побуждаешь меня? ни на мигъ я, доколѣ есть сила,
„Празденъ не буду; съ тѣхъ поръ, какъ Троянъ отразили мы къ граду,
„Съ тѣхъ уже поръ я, стрѣлами враговъ принимая, сражаю.
„Восемь уже я послалъ изощреннѣйшихъ стрѣлъ долгожалыхъ;
„Восемь вонзились онѣ въ благороднѣйшихъ юношей ратныхъ;
„Только сего не дается свирѣпаго пса мнѣ умѣтить!

Такъ произнесъ, и пернатою новой изъ лука онъ прыснулъ,
Въ Гектора мѣтя: его поразить разгаралось въ немъ сердце,
И въ него не попалъ; но невиннаго Горгиѳіона,
Храбраго сына Пріамова, въ грудь поразилъ онъ стрѣлою,
Сына, который рожденъ отъ жены, изъ Эзимы пятой,
Кастіаниры прекрасной, видомъ богинямъ подобной.
Словно какъ макъ въ цвѣтникѣ наклоняетъ голову на бокъ,

Пышный, плодомъ отягченный и крупною влагой весенней:
Такъ онъ голову на бокъ склонилъ, отягченную шлемомъ.
Тевкръ же пернатою новой изъ лука могучаго прыснулъ,
Въ Гектора мѣтя; его поразить распылалось въ немъ сердце,
И не умѣтилъ опять: Аполлонъ отразилъ роковую:
Архептолѐма она, Пріамидова друга-возницу,
Пламенно въ бой устремлявшагось, острая въ грудь поразила:
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ, и отпрянули въ сторону кони
Бурные; тамъ сокрушилась его и душа и могучесть.
Тяжкая грусть по возницѣ у Гектора сердце стѣснила;
Но оставилъ его, не взирая на жалость о другѣ;
Брату герой повелѣлъ, Кебріону, стоящему близко,
Конскія возжи принять, и немедленно тотъ покорился.
Гекторъ же самъ съ колесницы сіяющей прянулъ на землю
Съ крикомъ ужаснымъ, и камень рукою восхитивъ огромный,
Ринулся прямо на Тевкра, убить стрѣловержца пылая.
Тою порой изъ колчана пернатую горькую вынувъ,
Тевкръ приложилъ къ тетивѣ; и его шлемоблещущій Гекторъ,
Лукъ натягавшаго крѣпкій, по раму, гдѣ ключь отдѣляетъ
Выю отъ персей, и гдѣ особливо опасное мѣсто:
Тамъ, на себя устремленнаго, камнемъ ударилъ жестокимъ,
Жилу разсѣкъ у стрѣльца; онѣмѣла рука возлѣ кисти,
Онъ на колѣно поникнулъ, и лукъ изъ руки его выпалъ.
Сынъ Теламоновъ, Аяксъ не оставилъ падшаго брата;
Быстро примчась, заступилъ, и щитомъ заградилъ круговиднымъ.
Тою порой, подъ него преклоняся усердные други,
Ехіевъ сынъ Мекистѣй, и младой благородный Аласторъ,
Къ чернымъ его кораблямъ понесли стенящаго тяжко.

Снова храбрость Троянъ Олимпіецъ Кроніонъ возвысилъ:
Прямо къ глубокому рву Трояне погнали Ахеянъ;
Гекторъ впередъ между первыми несся, могучестью гордый.
Словно какъ песъ быстрорыщущій льва, или дикаго вепря
Слѣдомъ гоня, и на рѣзвыя ноги надѣяся, ловитъ
То за бока, то за бедра, и все стережетъ извороты:
Такъ шлемоблещущій Гекторъ Данаевъ гналъ, непрестанно
Мужа послѣдняго пикой сражая: бѣжали Данаи.
Но когда перешли частоколъ и окопъ свой глубокій,
Въ смутѣ бѣжа, и отъ рукъ уже вражескихъ многіе пали;
Подлѣ судовъ удержались отъ бѣгства Ахейскіе мужи.
Тамъ, ободряя другъ друга и руки горѣ воздѣвая,
Всѣхъ Олимпійскихъ боговъ умоляли мольбой громогласной.
Гекторъ же грозный носился кругомъ на коняхъ пышногривыхъ,
Взоромъ подобный Горгонѣ и людоубійцѣ Арею.

Такъ ихъ увидѣвъ, исполнилась жалости Гера богиня,
И мгновенно къ Палладѣ крылатую рѣчь устремила:
„Дщерь громовержца Кронида, Паллада! ужели Данаямъ
„Гибнущимъ горестно, мы хоть въ послѣдній разъ не поможемъ?
„Вѣрно жестокій свой жребій они совершатъ, и погибнутъ
„Всѣ подъ рукой одного; нестерпимо надъ ними свирѣпство
„Гектора, сына Пріамова: сколько онъ зла имъ содѣлалъ!

Ей отвѣчала немедленно дочь громовержца, Аѳина:
„И давно бы ужъ онъ и свирѣпство и душу извергнулъ,
„Здѣсь, на родимой землѣ сокрушенный руками Данаевъ,
„Еслибъ отецъ мой Кронидъ не неистовалъ мрачной душею.

„Лютый, всегда неправдивый, моихъ предпріятій рушитель,
„Онъ никогда не воспомнитъ, что нѣсколько разъ я спасала
„Сына его, Эврисѳеемъ томимаго въ подвигахъ тяжкихъ.
„Тамъ онъ вопилъ къ небесамъ; и меня отъ высокаго неба
„Сыну его помогать низпослалъ Олимпіецъ Кроніонъ.
„Еслибъ я прежде умомъ проницательнымъ то предузнала,
„Въ дни, какъ его Эврисѳей посылалъ во Аидъ крѣпковратный,
„Пса увести изъ Эрева, отъ страшнаго бога Аида;
„Онъ не избѣгнулъ бы гибельныхъ водъ глубокаго Стикса.—
„Нынѣ меня ненавидитъ и волю Ѳетиды свершаетъ:
„Ноги лобзала ему и касалась брады Нереида,
„Слезно моля, да прославитъ онъ ей градоборца Пелида.
„Будетъ, когда онъ опять назоветъ и Аѳину любезной!
„Гера, не медли, впряги въ колесницу коней звуконогихъ;
„Я между тѣмъ, поспѣшаю въ чертоги отца Эгіоха;
„Тамъ я оружіемъ грознымъ на бой ополчусь, и увижу,
„Намъ Пріамидъ сей надменный, шеломомъ сверкающій Гекторъ
„Будетъ ли радъ, какъ мы явимся обѣ на битвенномъ полѣ?
„О! не одинъ и Троянецъ насытитъ псовъ и пернатыхъ
„Тѣломъ и тукомъ своимъ, распростряся предъ судами Ахеянъ!

Такъ изрекла; преклонилась лилейнораменная Гера:
Бросясь и быстро несясь, снаряжала коней златозбруйныхъ
Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона.
Тою порой Аѳина въ чертогѣ отца Эгіоха
Тонкій покровъ разрѣшила, струей на помостъ онъ скатился,
Пышноузорный, который сама сотворивъ украшала;
Вмѣсто его облачася броней громоноснаго Зевса,

Бранным доспѣхомъ она ополчалася къ брани плачевной:
Такъ въ колесницѣ пламенной ставъ, копіемъ ополчилась
Тяжкимъ, огромнымъ, могучимъ, которымъ ряды сокрушаетъ
Сильныхъ, на коихъ разгнѣвана дщерь всемогущаго бога.
Гера не медля съ бичемъ налегла на коней быстролетныхъ;
Съ громомъ врата имъ небесныя сами разверзлись, при Горахъ,
Стражѣ которыхъ Олимпъ и великое ввѣрено небо,
Чтобы облакъ густой разверсть, иль сомкнуть передъ ними.
Онымъ путемъ, чрезъ сіи врата подстрекамыхъ коней
Гнали богини. Отъ Иды узрѣвъ ихъ, исполнился гнѣва
Зевсъ, и Ирису къ нимъ устремилъ златокрылую съ вѣстью:
„Мчися, Ириса крылатая, вспять возврати ихъ, не дай имъ
„Дальше стремиться; или не къ добру мы сойдемся во брани!
„Такъ я, реки имъ, вѣщаю, и такъ непреложно исполню:
„Конямъ я ноги сломлю подъ блестящею ихъ колесницей;
„Ихъ съ колесницы сражу и въ прахъ сокрушу колесницу!
„И ни въ десять они совершившихся лѣтъ круговратныхъ
„Язвъ не излѣчатъ глубокихъ, какія мой громъ нанесетъ имъ.
„Будетъ помнить Аѳина, когда на Отца ополчалась!
„Но противъ Геры не столько я злобенъ, не столько я гнѣвенъ:
„Гера обыкнула все разрушать мнѣ, что я ни замыслю!

Рекъ онъ; и бросилась вѣстница, равная вихрямъ Ириса:
Прямо съ Идейскихъ вершинъ на великій Олимпъ устремилась.
Тамъ, при первыхъ вратахъ многохолмной горы Олимпійской
Встрѣтивъ богинь, удержала и Зевсовъ глаголъ возвѣстила:
„Что предпріемлете? что ваше сердце свирѣпствуетъ въ персяхъ?
„Зевсъ воспрещаетъ Кронидъ поборать кудреглавымъ Ахейцамъ:

„Такъ онъ грозилъ, громовержецъ, и такъ непреложно исполнитъ:
„Сломитъ колѣна конямъ подъ златой колесницею вашей;
„Васъ съ колесницы сразитъ и въ прахъ сокрушитъ колесницу.
„И ни въ десять уже совершившихся лѣтъ круговратныхъ
„Вы не излѣчите язвъ, которыя громъ нанесетъ вамъ.
„Будешь, Аѳина, ты помнить, когда на Отца ополчалась!
„Но противъ Геры не столько онъ злобенъ, не столько онъ гнѣвенъ:
„Гера обыкнула все разрушать, что Кронидъ ни замыслитъ!
„Ты же, ужасная, псица безстыдная, ежели точно
„Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!

Слово скончавъ, отлетѣла подобная вихрямъ Ириса.
И къ Аѳинѣ тогда провѣщала державная Гера:
„Нѣтъ, свѣтлоокая дочь Эгіохова! я не желаю,
„Я не позволю себѣ противъ Зевса за смертныхъ сражаться!
„Пусть между ними единый живетъ, а другой погибаетъ,
„Какъ предназначено; Зевсъ, совѣщаяся съ собственнымъ сердцемъ,
„Самъ да присудитъ, что слѣдуетъ, Трои сынамъ и Ахейцамъ!

Такъ произнесши, назадъ обратила коней быстроногихъ.
Горы, принесшимся имъ, пышногривыхъ коней отрѣшили,
Ихъ привязали браздами у яслей, амврозіи полныхъ;
Но колесницу богинь преклонили къ стѣнамъ кругозарнымъ.
Сами богини, притекшія вспять, между сонма безсмертныхъ
Сѣли на кресла златыя, съ печалью глубокою въ сердцѣ.

Зевсъ отъ Иды горы, въ колесницѣ красивоколесной,
Коней къ Олимпу погналъ, и принесся къ собору безсмертныхъ.

Коней его отрѣшилъ Посидонъ, земли колебатель,
И колесницу, покрывъ полотномъ, на подножьи поставилъ.
Самъ на златомъ престолѣ пространногремящій Кроніонъ
Сѣлъ, и великій Олимпъ задрожалъ подъ стопами владыки.
Смутны, однѣ, отъ Зевса далеко Аѳина и Гера
Вмѣстѣ сидѣли, не смѣя начать ни вопроса, ни рѣчи.
Мыслью своею проникъ то Кроніонъ, и самъ возгласилъ къ нимъ:
„Чѣмъ опечалены такъ и Аѳина и Гера богиня?
„Въ брани, мужей прославляющей, вы подвизались не долго,
„Къ пагубѣ храбрыхъ Троянъ, на которыхъ пылаете злобой!
„Такъ, у меня таковы необорныя силы и руки;
„Боги меня не подвигнутъ, колико ни есть на Олимпѣ!
„Вамъ же трепетъ объялъ и сердца и прекрасные члены
„Прежде, чѣмъ брань вы узрѣли и грозные подвиги брани.
„Паки глаголю я вамъ, и глаголы бъ мои совершились!
„Вы, на своей колесницѣ моимъ пораженные громомъ,
„Вспять никогда не пришли бъ на Олимпъ, обитель безсмертныхъ!

Такъ онъ вѣщалъ; негодуя стенали Аѳина и Гера;
Вмѣстѣ сидѣли онѣ и Троянамъ бѣды совѣщали.
Но Аѳина смолчала; не молвила, гнѣвная, слова
Зевсу отцу; а ее волновала свирѣпая злоба.
Гера же гнѣва въ груди не сдержала, воскликнула къ Зевсу:
„Мрачный Кроніонъ! какія слова ты, жестокій, вѣщаешь?
„Вѣдаемъ мы совершенно, что сила твоя необорна;
„Но милосердуемъ мы объ Ахеянахъ, доблестныхъ вояхъ,
„Кои, судьбу ихъ жестокую скоро исполнивъ, погибнутъ!
„Обѣ однако отъ брани воздержимся, если велишь ты;

„Мы лишь совѣты внушимъ Аргивянамъ, да храбрые мужи
„Въ Трои погибнутъ не всѣ подъ твоимъ сокрушительнымъ гнѣвомъ.

Къ ней обратясь, возгласилъ воздымающій тучи Кроніонъ:
„Завтра съ денницею ты, волоокая, грозная Гера,
„Можешь, коль хочешь, увидѣть, какъ будетъ Кронидъ многомощный
„Болѣ еще истреблять ополченіе храбрыхъ Данаевъ:
„Ибо отъ брани руки не спокоитъ стремительный Гекторъ
„Прежде, пока при судахъ не воспрянетъ Пелидъ быстроногій,
„Въ день, какъ уже предъ кормами ихъ, воинства будутъ сражаться,
„Въ страшной столпясь тѣснотѣ, вкругъ Патроклова мертваго тѣла.
„Такъ суждено! и пылающій гнѣвъ твой въ ничто я вмѣняю!
„Если бы даже ты въ гнѣвѣ дошла до послѣднихъ предѣловъ
„Суши и моря, туда, гдѣ Япетъ и Кронъ заточенный
„Сидя, ни вѣтромъ, ни свѣтомъ высокоходящаго солнца
„Ввѣкъ насладиться не могутъ: кругомъ ихъ Тартаръ глубокій!
„Если бъ, вѣщаю тебѣ, и туда ты скитаясь достигла,
„Гнѣвъ твой вмѣню ни во что, не взирая на всю твою наглость!

Рекъ; и умолкла предъ Зевсомъ лилейнораменная Гера.
Палъ между тѣмъ въ Океанъ лучезарный пламенникъ солнца,
Черную ночь навлекая на многоплодящую землю.
День сокрылся противу желаній Троянъ; но Ахейцамъ
Сладкая, всѣмъ вождѣленная, мрачная ночь наступила.

Въ войскѣ Троянскомъ совѣтъ сотворилъ блистательный Гекторъ,
Вдаль отъ Ахейскихъ судовъ, къ рѣкѣ отошедши пучинной,
Въ чистое поле, гдѣ мѣсто отъ труповъ свободное было.

Тамъ, сошедшіе съ коней, Трояне слушали слово.
Гекторъ его говорилъ имъ великій; въ десницѣ держалъ онъ
Пику въ одиннадцать лактей; далеко на пикѣ сіяло
Мѣдное жало ея и кольцо вкругъ него золотое.
Онъ опираясь на пику, вѣщалъ имъ крылатыя рѣчи:
„Слухъ преклоните, Трояне, Дардане и рати союзныхъ!
„Я уповалъ, что въ сей день, истребивъ и суда и Ахеянъ,
„Мы торжествуя, обратно въ святый Иліонъ возвратимся.
„Прежде настигнула тьма; и единая тьма сохранила
„Рать Аргивянъ и суда ихъ на берегѣ шумнаго моря.
„Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;
„Вечерю здѣсь учредимъ. Ратоборцы, коней пышногривыхъ
„Всѣхъ вы отъ ярмъ отрѣшивши, задайте обильно имъ корму;
„Сами скорѣе изъ града воловъ и упитанныхъ агницъ
„Къ вечери въ станъ пригоните; вина животворнаго, хлѣбовъ
„Намъ изъ домовъ принесите; и послѣ совлечь поспѣшайте
„Множество лѣса, да цѣлую ночь до зари свѣтоносной
„Окрестъ огни здѣсь пылаютъ, и зарево къ небу восходитъ;
„Ради того, чтобъ во тьмѣ кудреглавые мужи Ахейцы
„Въ домъ не рѣшились бѣжать по широкимъ хребтамъ Геллеспонта,
„Или, дабы на суда не взошли безопасно и мирно.
„Нѣтъ, пускай не одинъ и въ отечествѣ рану врачуетъ,
„Раненый острымъ копьемъ, иль крылатой стрѣлою Троянской,
„Скачущій въ судно Данаецъ; и пусть ужаснутся народы
„Слезную брань наносить укротителямъ коней Троянамъ!
„Вѣстники, Зевсу любезные, вы объявите, да въ градѣ
„Бодрые отроки всѣ и отъ лѣтъ убѣленные старцы
„Трою святую кругомъ стерегутъ съ богосозданныхъ башенъ;

„Жены жъ, слабѣйшія силами, каждая въ собственномъ домѣ
„Яркій огонь да разводятъ; и крѣпкая стража да будетъ:
„Въ градъ не ворвался бъ враждебный отрядъ при отсутствіи воинствъ.
„Такъ да будетъ, какъ я говорю, браноносцы Трояне!
„Мысли, народу сегодня полезныя, сказаны мною;
„Завтра другія Троянамъ, смирителямъ коней, скажу я.
„Льщуся, молясь и надѣясь на Зевса и прочихъ безсмертныхъ,
„Я изгоню изъ Троады неистовыхъ псовъ наважденныхъ,
„Коихъ судьба лихая на черныхъ судахъ привела къ намъ. —
„Но во мракѣ ночномъ охранимъ и себя мы во станѣ;
„Завтра же, съ свѣтомъ зари, ополчася оружіемъ браннымъ,
„Мы предъ судами Ахеянъ воздвигнемъ свирѣпую жесточь.
„Тамъ я увижу, меня ль Діомедъ, воеватель могучій,
„Боемъ къ стѣнамъ отъ судовъ отразитъ, или я Діомеда
„Мѣдью убивъ, въ Иліонъ возвращуся съ корыстью кровавой.
„Завтра предъ нами покажетъ онъ мужество, если посмѣетъ
„Встрѣтить летящій мой дротъ; но надѣюся, завтра межъ первыхъ
„Будетъ пронзенный лежать, съ неисчетными окрестъ друзьями,
„Онъ передъ солнцемъ всходящимъ. О! если бы столько же вѣрно
„Былъ я безсмертенъ, и жизнью моей никогда нестарѣющъ,
„Славился всѣми, какъ славится Фебъ и Паллада Аѳина:
„Сколько то вѣрно, что день сей несетъ Аргивянамъ погибель!

Такъ Пріамидъ говорилъ; и кругомъ восклицали Трояне;
Быстрыхъ коней отрѣшали, подъ ярмами потомъ покрытыхъ,
И, предъ своей колесницею каждый, вязали браздами.
Послѣ изъ града и тучныхъ воловъ и упитанныхъ агницъ
Къ рати поспѣшно пригнали; вина животворнаго, хлѣбовъ

Въ станъ принесли изъ домовъ; навлачили множество лѣса;
И сожигали полныя въ жертву богамъ гекатомбы; *
Ихъ благовоніе вѣтры съ земли до небесъ возносили
Облакомъ дыма; но боги блаженные жертвъ не пріяли,
Презрѣли ихъ: ненавистна была имъ священная Троя,
И владыка Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.

Гордо мечтая Трояне, на поприщѣ бранномъ сидѣли
Цѣлую ночь; и огни ихъ несчетные въ полѣ пылали.
Словно какъ на небѣ звѣзды вкругъ мѣсяца яснаго сонмомъ
Яркія блескомъ являются, ежели воздухъ безвѣтренъ;
Все кругомъ открывается, холмы, высокія скалы,
Долы; небесный эѳиръ разверзается весь безпредѣльный;
Видны всѣ звѣзды; и пастырь дивуясь душой веселится:
Столько межъ черныхъ судовъ и глубокопучиннаго Ксанѳа
Зрѣлось Троянскихъ огней, пламенѣющихъ предъ Иліономъ.
Тысяча въ полѣ пылало огней, и предъ каждымъ огнищемъ
Вкругъ пятдесятъ ратоборцевъ сидѣло при заревѣ яркомъ.
Кони ихъ, бѣлымъ ячменемъ и сладкой питаяся полбой,
Подлѣ своихъ колесницъ, ожидали зари лѣпотронной.

---

* Какъ въ сей пѣсни, такъ и въ другихъ, стихи, лишніе противъ изданій Кларка и Гейне, взяты изъ изданія Вольфа.

ПѢСНЬ IX.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ахейцы, пораженные въ битвѣ, проводятъ ночь въ страхѣ и безпокойствѣ. Агамемнонъ, отчаяваясь въ спасеніи, сзываетъ собраніе и повелѣваетъ бѣжать, ст. 1—28. Діомедъ возражаетъ и отвращаетъ его отъ безразсуднаго намѣренія; такъ же и Несторъ, 29—78; по совѣту коего учреждается стража, для охраненія стана, и Агамемнонъ даетъ пиръ старѣйшинамъ. По окончаніи онаго Несторъ совѣтуетъ умилостивить Ахиллеса, чтобы онъ присоединился къ воинству, 79—113. Агамемнонъ на сіе соглашается, обѣщаетъ Ахиллесу, если онъ съ нимъ примирится, дать знаменитые дары и возвратить Бризеиду неприкосновенною, 114—161. Несторъ избираетъ для сего пословъ, Феникса, бывшаго наставника Ахиллесова, старшаго Аякса, Одиссея и двухъ вѣстниковъ, которые и отправляются, 162—184. Послы находятъ Ахиллеса играющимъ на лирѣ, 185—195; онъ принимаетъ ихъ дружелюбно; угощаетъ трапезою, по окончаніи которой первый говоритъ Одиссей, 196—306: Ахиллесъ возражаетъ сурово и отвергаетъ все, 307—429; вторый убѣждаетъ его Фениксъ, разсказывая между прочимъ повѣсть о гнѣвѣ Мелеагра, 430—605: Ахиллесъ отвѣчаетъ гнѣвно, велитъ Фениксу остаться у него, и грозится завтра отплыть съ нимъ въ отечество; другихъ пословъ отпускаетъ, 606—623. Наконецъ говоритъ Аяксъ, и краткою, но сильною рѣчью потрясаетъ душу его, 624—642: Ахиллесъ оставляетъ намѣреніе ѣхать, но съ Агамемнономъ не примиряется, 643—655. Аяксъ и Одиссей уходятъ, и вѣстію о безуспѣшномъ посольствѣ опечаливаютъ Ахеянъ. Діомедъ ободряетъ ихъ своею рѣчью, и совѣтуетъ на слѣдующее утро снова сражаться, 656—713.

ПѢСНЬ IX.

Такъ охраняли Трояне свой станъ; но Ахеянъ волнуетъ
Ужасъ, свыше ниспосланный, Бѣгства дрожащаго спутникъ;
Грусть нестерпимая самыхъ отважнѣйшихъ духъ поражаетъ.
Словно два быстрые вѣтра волнуютъ понтъ многорыбный,
Шумный Борей и Зѐфиръ, кои изъ Ѳракіи дуя,
Вдругъ налетаютъ, свирѣпые; вдругъ почернѣвшія зыби
Грозно холмятся, и множество пороста хлещутъ изъ моря:
Такъ раздиралися души въ груди благородныхъ Данаевъ.

Царь Агамѐмнонъ, печалью глубокою въ сердце пронзенный,
Окрестъ ходилъ, разсылая глашатаевъ звонкоголосыхъ
Къ сонму вождей приглашать, но по имени каждаго мужа,
Тихо, безъ клича, и са̀мъ между первыхъ владыка трудился.—
Мужи совѣта сидѣли унылые. Царь Агамѐмнонъ
Всталъ, проливающій слезы, какъ горный потокъ черноводный
Съ верху стремнистой скалы проливаетъ мрачныя воды.
Онъ, глубоко стенающій, такъ говорилъ межъ Данаевъ:
„Други, вожди и властители мудрые храбрыхъ Данаевъ,
„Зевсъ громовержецъ меня уловилъ въ неизбѣжную гибель!
„Пагубный! прежде обѣтомъ и знаменьемъ самъ предназначилъ,

„Мнѣ возвратиться рушителемъ Трои высокотвердынной.
„Нынѣ же, злое прельщеніе онъ совершилъ, и велитъ мнѣ
„Въ Аргосъ безславнымъ бѣжать, погубившему столько народа!
„Такъ, безъ сомнѣнія, богу, всемощному Зевсу угодно.
„Многихъ уже онъ градовъ сокрушилъ высокія главы,
„И еще сокрушитъ: безпредѣльно могущество Зевса.
„Други, внемлите, и что повелю я вамъ, всѣ повинуйтесь:
„Должно бѣжать; возвратимся въ драгое отечество наше;
„Намъ не разрушить Трои, съ широкими стогнами града!

Такъ говорилъ; и молчанье глубокое всѣ сохраняли;
Долго сидѣли безмолвны унылые духомъ Данаи.
Но межъ нихъ наконецъ взговорилъ Діомедъ благородный:
„Сынъ Атреевъ! на рѣчи твои неразумныя, первый
„Я возражу, какъ въ собраньяхъ позволено; царь, не гнѣвися.
„Храбрость мою порицалъ ты недавно предъ ратью Ахейской;
„Робкимъ меня, невоинственнымъ ты называлъ; но довольно
„Вѣдаютъ то Аргивяне, и юноша каждый и старецъ.
„Даръ лишь единый тебѣ даровалъ хитроумный Кроніонъ:
„Скипетромъ власти славиться далъ онъ тебѣ передъ всѣми;
„Твердости жъ не далъ, въ которой верховная власть человѣка!
„О добродушный! уже ли ты вѣришь, что мы Аргивяне
„Такъ невоинственны, такъ безсильны, какъ ты называешь?
„Ежели самъ ты столь пламенно жаждешь въ домъ возвратиться,
„Мчися! дорога открыта, суда возлѣ моря готовы,
„Коихъ толикое множество ты устремилъ изъ Микены.
„Но другіе останутся храбрые сердцемъ Данаи,
„Трои пока не разрушимъ во прахъ! но когда и другіе. . . .

„Пусть ихъ бѣгутъ съ кораблями къ любезнымъ отечества землямъ!
„Я и Сѳенелъ остаемся, и будемъ сражаться, доколѣ
„Трои конца не найдемъ; и надѣюся, съ богомъ пришли мы!

Такъ произнесъ; и воскликнули окрестъ Ахейскіе мужи,
Смѣлымъ дивяся рѣчамъ, Діомеда смирителя коней.
Но между ними возставъ, говорилъ благомысленный Несторъ:
„Сынъ Тидеевъ, ты, какъ въ сраженіяхъ воинъ храбрѣйшій,
„Такъ и въ совѣтахъ, изъ сверстниковъ юныхъ, совѣтникъ отличный.
„Рѣчи твоей не осудитъ никто изъ присущихъ Данаевъ,
„Слова противу не скажетъ; но рѣчи къ концу не довелъ ты.
„Молодъ еще ты, и сыномъ моимъ безсомнѣнія былъ бы
„Самымъ юнѣйшимъ; однакожъ, Тидидъ, говорилъ ты разумно
„Между Аргивскихъ царей: говорилъ бо ты все справедливо.
„Нынѣ же я, предъ тобою гордящійся старостью жизни,
„Слово скажу и окончу его; и никто изъ Ахеянъ
„Рѣчи моей не осудитъ, ни самъ Агамѐмнонъ державный.
„Тотъ беззаконенъ, безроденъ, скиталецъ бездомный на свѣтѣ,
„Кто междусобную брань, человѣкамъ ужасную, любитъ!
„Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи:
„Воинство пусть вечеряетъ; а стражи пусть совокупно
„Выйдутъ, и станутъ кругомъ у изрытаго рва за стѣною.
„Дѣло сіе возлагаю на юношей. Послѣ не медля
„Ты начни Агамѐмнонъ: ты повелитель верховный.
„Пиръ для старѣйшинъ устрой: и прилично тебѣ и способно:
„Станъ твой полонъ вина; Аргивяне его отъ Ѳракіянъ
„Каждой день въ корабляхъ по широкому понту привозятъ;
„Всѣмъ къ угощенью обилуешь, властвуешь многимъ народомъ.

„Собраннымъ многимъ, того ты послушайся, кто между ними
„Лучшій совѣтъ присовѣтуетъ: нуженъ теперь для Ахеянъ
„Добрый, разумный совѣтъ: сопостаты почти предъ судами
„Жгутъ огни неисчетные; кто веселится, ихъ видя?
„Днешная ночь иль погубитъ намъ воинство, или избавитъ!

Такъ онъ вѣщалъ; и внимательно слушавъ, они покорились.
Къ стражѣ, съ оружьемъ въ рукахъ, устремились Ахейскіе мужи:
Несторовъ сынъ Ѳразимѐдъ, народа Пилосскаго пастырь;
Съ нимъ Аскалàфъ и Іялменъ, сыны мужегубца Арея,
Критскій герой Меріонъ, Деипиръ, Афарей нестрашимый,
И Креона рожденіе, вождь Ликомедъ благородный.
Семь воеводъ предводили стражу; и по сту за каждымъ
Юношей стройно текли, воздымая высокія копья.
Къ мѣсту пришедъ, между рвомъ и стѣной посрединѣ возсѣли;
Тамъ разложили огонь, и устроивалъ вечерю каждый.

Царь Агамѐмнонъ старѣйшинъ Ахейскихъ собравшихся вводитъ
Въ царскую сѣнь, и пиръ предлагаетъ имъ, сердцу пріятный.
Къ сладостнымъ яствамъ предложеннымъ руки герои простерли;
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Старецъ межъ оными первый слагать помышленія началъ,
Несторъ, который и прежде блисталъ превосходствомъ совѣтовъ;
Онъ, благомысленный, такъ говорилъ и совѣтовалъ въ сонмѣ:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамѐмнонъ!
„Слово начну я съ тебя и окончу тобою: могучій
„Многихъ народовъ ты царь, и тебѣ вручилъ Олимпіецъ
„Скиптръ и законы, да судъ и совѣтъ произносишь народу.

„Болѣе всѣхъ ты обязанъ, и сказывать слово, и слушать;
„Мысль исполнять и другаго, если кто, сердцемъ внушенный,
„Доброе скажетъ; но что предпочесть, отъ тебя то̀ зависитъ.
„Нынѣ—я вамъ повѣдаю, что̀ мнѣ является лучшимъ.
„Думы другой, превосходнѣе сей, никто не примыслитъ,
„Въ сердцѣ какую ношу я, съ давней поры и донынѣ,
„Съ онаго дня, какъ ты, о божественный, Бризову дочерь
„Силой изъ кущи исторгъ у пылавшаго гнѣвомъ Пелида,
„Нашимъ не внявъ убѣжденіямъ. Сколько тебѣ, Агамѐмнонъ,
„Я отговаривалъ; но, увлекаяся духомъ высокимъ,
„Мужа, храбрѣйшаго въ рати, котораго чествуютъ боги,
„Ты обезчестилъ, награды лишивъ. Но хоть нынѣ, могучій,
„Вмѣстѣ подумаемъ, какъ бы его умолить намъ смягчивши
„Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой рѣчью.

Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Старецъ, не ложно мои погрѣшенія ты обличаешь:
„Такъ, погрѣшилъ, не могу отрекаться я! Стоитъ народа
„Смертный единый, котораго Зевсъ отъ сердца возлюбитъ:
„Такъ онъ сего возлюбивъ превознесъ, а Данаевъ унизилъ.
„Но, какъ уже погрѣшилъ, обуявшаго сердца послушавъ;
„Самъ я загладить хочу, и несметныя выдать награды.
„Здѣсь, передъ вами дары знаменитые всѣ я изчислю:
„Десять талантовъ золота, двадцать лаханей блестящихъ;
„Семь треножниковъ новыхъ, не бывшихъ въ огнѣ; и двенадцать
„Коней могучихъ, побѣдныхъ, стяжавшихъ награды ристаній.
„Истинно жилъ бы не бѣденъ, и въ златѣ высоко цѣнимомъ
„Тотъ не нуждался бы мужъ, у котораго было бы столько,

„Сколько наградъ для меня быстроногіе вынесли кони!
„Семь непорочныхъ женъ, рукодѣльницъ искусныхъ дарую,
„Лезбосскихъ, коихъ тогда, какъ разрушилъ онъ Лезбосъ цвѣтущій,
„Самъ я избралъ, красотой побѣждающихъ женъ земнородныхъ.
„Сихъ ему дамъ; и при нихъ возвращу я и ту, что похитилъ,
„Бризову дочь; и при томъ величайшею клятвой клянуся:
„Нѣтъ, не всходилъ я на одръ, никогда не сближался я съ нею,
„Такъ какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.
„Все то получитъ онъ нынѣ; еще же, когда Аргивянамъ
„Трою Пріама великую боги дадутъ низпровергнуть;
„Пусть онъ и мѣдью и златомъ корабль обильно наполнитъ,
„Самъ наблюдая, какъ будемъ дѣлить боевую добычу.
„Пусть изъ Троянскихъ женъ изберетъ по желанію двадцать,
„Послѣ Аргивской Елены красой превосходнѣйшихъ въ Троп.
„Если же въ Аргосъ придемъ мы, въ Ахейскій край благодатный;
„Зятемъ его назову я и честью сравняю съ Орестомъ,
„Съ сыномъ однимъ у меня, возрастающимъ въ полномъ довольствѣ.
„Три у меня разцвѣтаютъ въ дому благосозданномъ дщери:
„Хризоѳемиса, Лаодика, юная Ифіанасса.
„Пусть онъ, какую желаетъ, любезную сердцу, безъ вѣна
„Въ отческій домъ отведетъ; а приданое самъ я за нею
„Славное дамъ, какого никто не давалъ за невѣстой. —
„Семь подарю я градовъ, процвѣтающихъ, многонародныхъ:
„Градъ Кардамилу, Энопу и тучную травами Геру,
„Феры любимые небомъ, Анѳею съ глубокой долиной,
„Гроздьемъ вѣнчанный Педасъ, и Эпею, градъ велелѣпный.
„Всѣ же они у приморія, съ Пилосомъ смежны песчанымъ;
„Ихъ населяютъ богатые мужи овцами, волами,

„Кои дарами его, какъ бога, чествовать будутъ,
„И подъ скиптромъ ему заплатятъ богатыя дани. —
„Такъ я не медля исполню, какъ скоро вражду онъ оставитъ.
„Пусть примирится; Аидъ несмиримъ, Аидъ непреклоненъ;
„Но за то изъ боговъ ненавистнѣе всѣхъ онъ и людямъ.
„Пусть мнѣ уступитъ, какъ слѣдуетъ: я и владычествомъ высшимъ,
„Я и годовъ старшинствомъ передъ нимъ справедливо горжуся.

Рекъ; и Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, копникъ Геренскій:
„Сынъ знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнонъ!
„Нѣтъ, дары не презрѣнные хочешь ты дать Ахиллесу.
„Благо, друзья! поспѣшимъ же нарочныхъ послать, да скорѣе
„Шествуютъ мужи избранные къ сѣни царя Ахиллеса.
„Или позвольте, я самъ изберу ихъ; они согласятся:
„Фениксъ, любимецъ боговъ, предводитель посольства да будетъ;
„Послѣ Аяксъ Теламонидъ и царь Одиссей благородный;
„Но Эврибатъ и Годій да идутъ, какъ вѣстники, съ ними.
„На руки дайте воды, сотворите святое молчанье,
„И помолимся Зевсу, да нынѣ помилуетъ насъ онъ!

Такъ говорилъ; и для всѣхъ произнесъ онъ пріятное слово.
Вѣстники скоро царямъ возліяли на руки воду;
Юноши, чермнымъ виномъ наполнивъ до верху чаши,
Кубками всѣмъ подносили, отъ правой страны начиная.
Въ жертву богамъ возліявъ, и испивъ до желанія сердца,
Вмѣстѣ послы поспѣшили изъ сѣни Атрида владыки.
Много имъ Несторъ идущимъ наказывалъ, даже очами
Каждому старецъ мигалъ, но особенно сыну Лаерта,

Все бъ испытали, дабы преклонить Ахиллеса героя.
Мужи пошли по брегу немолчно шумящаго моря,
Много моляся, да землю объемлющій Земледержатель
Имъ преклонить поможетъ высокую душу Пелида.
Къ сѣнямъ пришедъ и къ судамъ Мирмидонскимъ, находятъ героя:
Видятъ, что сердце свое услаждаетъ онъ лирою звонкой,
Пышной, изящно украшенной, съ сребреной накольней сверху,
Выбранной имъ изъ корыстей, какъ градъ Гетіоновъ разрушилъ:
Лирой онъ духъ услаждалъ, воспѣвая славу героевъ.
Менетіадъ передъ нимъ лишь единый сидѣлъ, и безмолвный
Ждалъ Эакида, пока пѣснопѣнія онъ не окончитъ.
Тою порою приближась послы, Одиссей впереди ихъ,
Стали противъ Ахиллеса: герой изумленный воспрянулъ
Съ лирой въ рукахъ, и отъ мѣста сидѣнія къ нимъ устремился.
Такъ и Менетіевъ сынъ, лишь увидѣлъ пришедшихъ, поднялся.
Въ встрѣчу имъ руки простеръ, и вѣщалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Здравствуйте! истинно други приходите! вѣрно, что нужда!
„Но и гнѣвному вы изъ Ахеянъ любезнѣе всѣхъ мнѣ.

Такъ произнесъ, и повелъ ихъ дальше Пелидъ благородный;
Тамъ посадилъ ихъ на креслахъ, на пышныхъ коврахъ пурпуровыхъ,
И, обратясь, говорилъ къ находящемусь близко Патроклу:
„Чашу поболѣе, другъ Менетіидъ, подай на трапезу;
„Цѣльнаго намъ раствори, и поставь передъ каждаго кубокъ:
„Мужи, любезные сердцу, собрались подъ сѣнью моею!

Такъ говорилъ; и Патроклъ покорился любезному другу.
Самъ же огромный онъ лотъ положилъ у огнищнаго свѣта;

И хребты разложилъ въ немъ, овцы и козы утучнѣлой,
Бросилъ и окорокъ жирнаго борова, тукомъ блестящій.
Ихъ Автомѣдонъ держалъ, разсѣкалъ Ахиллесъ благородный;
Послѣ искусно дробилъ на куски, и вонзалъ ихъ на вертелъ.
Жаркій огонь между тѣмъ разводилъ Менетидъ боговидный.
Чуть же огонь ослабѣлъ и багряное пламя поблекло,
Угли разгребши Пелидъ, вертела надъ огнемъ простираетъ,
И священною солью кропитъ, на подпоръ подымая.
Такъ ихъ обжаривъ кругомъ, на обѣденный столъ сотрясаетъ.
Тою порою Патроклъ по столу, въ красивыхъ корзинахъ,
Хлѣбъ разставилъ; но яствы гостямъ Ахиллесъ благородный
Самъ раздѣлилъ, и противъ Одиссея, подобнаго богу,
Сѣлъ на другой сторонѣ; а жертвовать жителямъ неба
Другу Патроклу велѣлъ; и въ огонь онъ бросилъ начатки.
Къ сладостнымъ яствамъ предложеннымъ руки герои простерли;
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Фениксу знакъ Теламонидъ подалъ: Одиссей то постигнулъ,
Кубокъ налилъ, и привѣтствовалъ, за руку взявши, Пелида:
„Здравствуй Пелидъ! въ дружелюбныхъ намъ пиршествахъ нѣтъ недостатка,
„Сколько подъ царскою сѣнью владыки народовъ Атрида,
„Столько и здѣсь; изобильно всего къ услажденію сердца
„Въ пирѣ твоемъ: но теперь не о пиршествахъ радостныхъ дѣло.
„Грозную гибель, питомецъ Кроніона, близкую видя,
„Въ трепетѣ мы, въ неизвѣстности, наши суда мы избавимъ,
„Или погубимъ, ежели ты не одѣешься въ крѣпость!
„Близко судовъ, подъ стѣной уже нашею станъ положили
„Гордые мужи Трояне, и ихъ дальноземные други;

„Множество вкругъ зажигаютъ огней; и грозятся, что болѣ
„Ихъ не удержатъ, что прямо на наши суда они грянутъ.
„Имъ и Зевесъ, благовѣстныя знаменья вправѣ являя,
„Молніей блещетъ! и Гекторъ, ужасною силой кичася,
„Буйно свирѣпствуетъ, крѣпкій на Зевса; въ ничто онъ вмѣняетъ
„Смертныхъ и самыхъ боговъ, обладаемый бѣшенствомъ страшнымъ.
„Молится, только бъ скорѣй появилась денница святая:
„Хвалится, съ кормъ корабельныхъ срубить ихъ высокіе гребни;
„Пламенемъ бурнымъ пожечь корабли, и самихъ насъ Ахеянъ
„Всѣхъ передъ ними избить, удушаемыхъ дымомъ пожарнымъ.—
„Страшно, герой, трепещу я, да гордыхъ угрозъ Пріамида
„Боги ему не исполнятъ; а намъ да не судитъ судьбина,
„Гибнуть подъ Троей, далеко отъ Аргоса, милой отчизны!
„Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, Ахеянъ
„Столь утѣсненныхъ, избавить отъ ярости толпищъ Троянскихъ.
„Послѣ тебѣ самому то горестно будетъ; но поздно,
„Зло допустивши, искать исправленія. Лучше во время,
„Раньше помысли, да пагубный день отвратишь отъ Ахеянъ.
„Другъ! не тебѣ ли родитель, Пелей заповѣдывалъ старецъ,
„Въ день, какъ изъ Фѳіи тебя посылалъ къ Атрееву сыну?
„Доблесть, мой сынъ, даровать и Аѳина и Гера богиня
„Могутъ, когда соизволятъ; но ты лишь въ персяхъ горячихъ
„Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.
„Распри злотворной, какъ можно, чуждайся, да паче и паче
„Между Ахеянъ тебя почитаютъ младые и старцы.
„Такъ заповѣдывалъ старецъ; а ты забываешь. Смягчися,
„Гнѣвъ отложи сокрушительный сердцу! Тебѣ Агамѐмнонъ
„Выдастъ дары многоцѣнные, ежели гнѣвъ ты оставишь.

„Хочешь ли, слушай, и я предъ тобой и друзьями изчислю,
„Сколько даровъ знаменитыхъ тебѣ обѣщалъ Агамемнонъ:
„Десять талантовъ золота, двадцать лахаией блестящихъ,
„Семь треножниковъ новыхъ, не бывшихъ въ огнѣ; и двѣнадцать
„Коней могучихъ, побѣдныхъ, стяжавшихъ награды ристаній.
„Истинно жилъ бы не бѣденъ, и въ златѣ высокоцѣнимомъ
„Тотъ не нуждался бы мужъ, у котораго было бы столько,
„Сколько Атриду наградъ быстроногіе вынесли кони!
„Семь непорочныхъ женъ, рукодѣльницъ искусныхъ даруетъ,
„Лезбосскихъ, коихъ тогда, какъ разрушилъ ты Лезбосъ цвѣтущій,
„Самъ онъ избралъ, красотой побѣждающихъ женъ земнородныхъ:
„Ихъ онъ дарить; и при нихъ возвращаетъ и ту, что похитилъ,
„Бризову дочь; и притомъ величайшею клятвой клянется:
„Нѣтъ, не всходилъ онъ на одръ, никогда не сближался онъ съ нею,
„Такъ какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.
„Все то получишь ты нынѣ; еще же, когда Аргивянамъ
„Трою Пріама великую боги дадутъ ниспровергнуть;
„Цѣлый корабль ты, и мѣдью и златомъ обильно наполни,
„Самъ наблюдая, какъ будемъ дѣлить боевыя корысти;
„Самъ между женами плѣнными выбери двадцать Троянокъ,
„Послѣ Аргивской Елены красой превосходнѣйшихъ въ Троѣ.
„Если жъ воротимся въ Ӓргосъ Ахейскій, край благодатный;
„Зятемъ тебя назоветъ онъ, и честью съ Орестомъ сравняетъ,
„Съ сыномъ однимъ у него, возрастающимъ въ полномъ довольствѣ.
„Трехъ дочерей онъ невѣстъ въ благосозданномъ домѣ имѣетъ:
„Хризоѳемису, Лаодику, юную Ифіанассу.
„Ты по желанью изъ оныхъ, любезную сердцу, безъ вѣна
„Въ отческій домъ отведи; а приданое самъ онъ за нею

„Славное выдастъ, какого никто не давалъ за невѣстой.—
„Семь подаритъ онъ градовъ процвѣтающихъ, многонародныхъ:
„Градъ Кардамилу, Энопу и тучную паствами Геру,
„Феры, любимые небомъ, Анѳею съ глубокой долиной,
„Гроздьемъ вѣнчанный Педасъ и Эпею, градъ велелѣпный.
„Всѣ же они у приморія, съ Пилосомъ смежны песчанымъ;
„Ихъ населяютъ богатые мужи овцами, волами,
„Кои дарами тебя, какъ бога, чествовать будутъ,
„И подъ скиптромъ тебѣ заплатятъ богатыя дани.
„Такъ онъ исполнитъ не медля, коль скоро вражду ты оставишь.—
„Если жъ Атридъ Агамемнонъ еще для тебя ненавистенъ,
„Онъ и подарки его: пожалѣй о другихъ ты Ахейцахъ,
„Въ станѣ жестоко стѣсненныхъ; тебя, какъ безсмертнаго бога,
„Рати почтутъ; между нихъ ты покроешься дивною славой!
„Гектора ты поразишь! до тебя онъ приближится нынѣ,
„Буйствомъ своимъ обезумленный; онъ никого не считаетъ
„Равнымъ себѣ межъ Данаями, сколько ни есть ихъ подъ Троей.

Рекъ; и ему на отвѣтъ говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный!
„Долженъ я думу свою тебѣ объявить откровенно,
„Какъ я и мыслю, и какъ совершу; чтобы все уже слышавъ,
„Вы перестали скучать мнѣ, одинъ за другимъ приступая:
„Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
„Кто на душѣ сокрываетъ одно, а другое вѣщаетъ.
„Я же скажу вамъ прямо, что почитаю я лучшимъ:
„Нѣтъ, ни могучій Атридъ, ни другіе, надѣюсь, Данаи
„Сердца во мнѣ не смягчатъ: и какая тому благодарность,

„Кто безпрестанно, безустально бился на битвахъ съ врагами!
„Равная доля у васъ нерадивцу и рьяному въ битвѣ;
„Та жъ и единая честь воздается и робкимъ и храбрымъ;
„Все здѣсь равно, умираетъ бездѣльный, иль сдѣлавшій много!
„Что мнѣ наградою было за то, что понесъ я на сердцѣ,
„Душу мою подвергая вседневно опасностямъ браннымъ?
„Словно какъ птица безперымъ птенцамъ промышляючи корму,
„Ищетъ и носитъ во рту, и что горько самой, забываетъ:
„Такъ я подъ Троею—сколько ночей проводилъ безсонныхъ,
„Сколько дней кровавыхъ на сѣчахъ жестокихъ окончилъ,
„Ратуясь храбро съ мужами, и токмо за женъ лишь Атридовъ!
„Я кораблями двѣнадцать градовъ разорилъ многолюдныхъ;
„Пѣшій одиннадцать взялъ на Троянской землѣ многоплодной;
„Въ каждомъ изъ нихъ и сокровищъ безцѣнныхъ и славныхъ корыстей
„Много добылъ; и сюда принося, властелину Атриду
„Всѣ отдавалъ ихъ; а онъ, позади, при судахъ оставаясь,
„Ихъ принималъ, и удерживалъ много, выдѣливалъ мало;
„Нѣсколько выдалъ изъ нихъ, какъ награды царямъ и героямъ:
„Цѣлы награды у всѣхъ; у меня жъ одного изъ Данаевъ
„Отнялъ, и властвуя милой женой, наслаждается ею
„Царь сладострастный! За что же воюютъ Троянъ Аргивяне?
„Рати за чѣмъ собиралъ и за что ихъ привелъ на Пріама
„Самъ Агамѐмнонъ? не ради ль одной лѣпокудрой Елены?
„Или супругъ непорочныхъ любятъ отъ всѣхъ земнородныхъ
„Только Атрея сыны? Добродѣтельный мужъ и разумный
„Каждый свою бережетъ и любитъ, какъ я Бризеиду:
„Я Бризеиду любилъ, не смотря что оружіемъ добылъ! —
„Нѣтъ, какъ награду исторгнулъ изъ рукъ и меня обманулъ онъ,

*

„Пусть не прельщаетъ! мнѣ онъ извѣстенъ, меня не увѣритъ!
„Пусть онъ съ тобой, Одиссей, и съ другими царями Ахеянъ
„Думаетъ, какъ отъ судовъ отвратить пожирающій пламень.
„Истинно, многое онъ и одинъ, безъ меня уже сдѣлалъ:
„Стѣну для васъ взгромоздилъ, и ровъ передъ оною вывелъ
„Страшно глубокій, широкій, и внутрь его колья уставилъ!
„Но безполезно! Могущества Гектора людоубійцы
„Симъ не удержитъ. Пока межъ Аргивцами я подвизался,
„Боя далеко отъ стѣнъ начинать не отважился Гекторъ:
„Къ Скейскимъ вратамъ лишь, и къ дубу дохаживалъ; тамъ онъ однажды
„Встрѣтился мнѣ; но едва избѣжалъ моего нападенья. —
„Больше съ божественнымъ Гекторомъ я воевать не намѣренъ.
„Завтра, Зевсу воздавъ и другимъ небожителямъ жертвы,
„Я нагружу корабли и не медля спущу ихъ на волны.
„Завтра же, если желаешь, и если тебя то заботитъ,
„Съ ранней зарею узришь, какъ по рыбному понту помчатся
„Всѣ мои корабли, подъ дружиною жарко гребущей. —
„Если счастливое плаванье дастъ Посидонъ мнѣ могучій,
„Въ третій я день, безъ сомнѣнія, Фѳіи достигну холмистой.
„Тамъ довольно имѣю, что бросилъ, сюда я повлекшись;
„Много везу и отселѣ: золота, мѣди багряной,
„Плѣнныхъ, красно опоясанныхъ женъ, и сѣдое желѣзо;
„Все, что по жребію взялъ; но награду, что онъ даровалъ мнѣ,
„Самъ, надо мною ругаясь, и отнялъ Атридъ Агамѐмнонъ
„Властію гордый! Скажите ему вы, что я говорю вамъ,
„Все, и предъ всѣми: пускай и другіе, какъ я, негодуютъ,
„Если кого изъ Ахеянъ еще обмануть уповаетъ,
„Вѣчнымъ безстыдствомъ покрытый! Но что до меня, я надѣюсь,

„Онъ, хоть и наглъ какъ песъ, но въ лице мнѣ смотрѣть не посмѣетъ!
„Съ нимъ не хочу я никакъ сообщаться, ни словомъ, ни дѣломъ!
„Разъ онъ, коварный, меня обманулъ, оскорбилъ; и вторично
„Словомъ уже не уловитъ; довольно съ него! но спокойный
„Пусть онъ изчезнетъ! лишилъ его разума Зевсъ промыслитель.
„Даромъ гнушаюсь его, и въ ничто самаго я вмѣняю!
„Если бы въ десять и въ двадцать онъ кратъ предлагалъ мнѣ сокровищь,
„Сколько и нынѣ имѣетъ, и сколько еще ихъ накопитъ;
„Даже хоть все, что приносятъ въ Орхоменъ, иль Ѳивы Эгиптянъ,
„Градъ, гдѣ богатства безъ счеты въ обителяхъ граждан хранятся,
„Градъ, въ которомъ сто вратъ, а изъ оныхъ изъ каждыхъ по двѣстѣ
„Ратныхъ мужей въ колесницахъ, на быстрыхъ коняхъ выѣзжаютъ;
„Или хоть столько давалъ бы мнѣ, сколько песку здѣсь и праху:
„Сердца и симъ моего не преклонитъ Атридъ Агамемнонъ,
„Прежде, чѣмъ всей не изгладитъ терзающей душу обиды!
„Дщери супругой себѣ не возьму отъ Атреева сына;
„Если красою она со златой Афродитою споритъ,
„Если искуствомъ работъ свѣтлоокой Аѳинѣ подобна,
„Дщери его не возьму!—Да найдетъ изъ Ахеянъ другаго,
„Кто ему больше приличенъ, и царственной властію выше.—
„Ежели боги меня сохранятъ, и въ домъ возвращусь я,
„Тамъ—жену благородную самъ сговоритъ мнѣ родитель.
„Много Ахеянокъ есть и въ Гелладѣ и въ счастливой Фѳіи,
„Дщерей Ахейскихъ вельможъ, и градовъ и земель властелиновъ:
„Сердцу любую изъ нихъ, назову я супругою милой.
„Тамъ, о, какъ часто мое благородное сердце алкаетъ,
„Брачный союзъ совершивъ, съ непорочной супругою милой,
„Въ жизнь насладиться стяжаній, старцемъ Пелеемъ стяжанныхъ.

„Съ жизнью, по мнѣ, не сравнится ни что; ни богатства, какими
„Сей Иліонъ, какъ вѣщаютъ, обиловалъ, градъ процвѣтавшій
„Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати Ахейской;
„Ни сокровища, сколько ихъ каменный сводъ заключаетъ
„Въ храмѣ Феба пророка, въ Пиѳосѣ утесами грозномъ.
„Можно все пріобрѣсть, и воловъ и овецъ среброрунныхъ;
„Можно стяжать и прекрасныхъ коней и златые треноги;
„Душу жъ назадъ возвратить, не возможно; души не стяжаешь,
„Вновь не уловишь ее, какъ однажды изъ устъ улетѣла.—
„Матерь моя среброногая, мнѣ возвѣстила Ѳетида:
„Жребій двоякій меня ведетъ къ гробовому предѣлу:
„Если останусь я здѣсь, передъ градомъ Троянскимъ сражаться;
„Нѣтъ возвращенія мнѣ, но слава моя не погибнетъ.
„Если же въ домъ возвращусь я, въ любезную землю родную;
„Слава моя погибнетъ; но будетъ мой вѣкъ долголѣтенъ,
„И меня не безвременно смерть роковая постигнетъ.—
„Я и другимъ воеводамъ Ахейскимъ совѣтую тоже:
„Въ домы отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
„Трои высокой: надъ нею перуновъ метатель Кроніонъ
„Руку свою распростеръ, и возвысилась дерзость народа.—
„Вы—возвратитесь теперь, и всѣмъ благороднымъ Данаямъ
„Мой непреложно отвѣтъ, какъ посланниковъ долгъ, возвѣстите.
„Пусть на совѣтѣ другое примыслятъ, вѣрнѣйшее средство,
„Какъ имъ спасти и суда и Ахейскій народъ, утѣсненный
„Подлѣ судовъ мореходныхъ; а то, что замыслили нынѣ,
„Будетъ безъ пользы Ахеянамъ: я непреклоненъ во гнѣвѣ.—
„Фениксъ останется здѣсь, у насъ успокоится старецъ;
„Завтра же, если захочетъ, неволить его не намѣренъ,

„Вмѣстѣ со мной въ корабляхъ отплыветъ онъ къ любезной отчизнѣ.

Такъ возразилъ; и молчаніе долгое всѣ сохраняли,
Рѣчью его пораженные: грозно ее говорилъ онъ.
Между пословъ наконецъ провѣщалъ, заливаясь слезами,
Фениксъ, конникъ сѣдой: трепеталъ о судахъ онъ Ахейскихъ:
„Если уже возвратиться, Пелидъ благородный на сердцѣ
„Ты положилъ, и отъ нашихъ судовъ совершенно отрекся
„Огнь отразить пожирающій:—гнѣвъ запалъ тебѣ въ душу:
„Какъ, о возлюбленный сынъ, безъ тебя одинъ я останусь?
„Вмѣстѣ съ тобою меня послалъ Эакидъ твой родитель,
„Въ день, какъ изъ Фѳіи тебя отпускалъ въ ополченье Атрида.
„Юный, ты былъ не искусенъ въ войнѣ, человѣчеству тяжкой;
„Въ сонмахъ совѣтныхъ не опытенъ, гдѣ прославляются мужи.
„Съ тѣмъ онъ меня и послалъ, да тебя всему научу я:
„Быть и витіей въ рѣчахъ, и въ дѣлахъ дѣловымъ человѣкомъ.
„Нѣтъ, мой возлюбленный сынъ, безъ тебя не могу, не желаю
„Здѣсь оставаться, хотя бы самъ богъ обѣщалъ всемогущій,
„Старость совлекши, вновь возвратить мнѣ цвѣтущую младость:
„Годы, какъ бросилъ Гелладу я, славную женъ красотою,
„Злобы отца избѣгая, Аминтора, грознаго старца.
„Гнѣвался онъ на меня за пышноволосую дѣву:
„Страстно онъ дѣву любилъ и жестоко безславилъ супругу,
„Матерь мою; а она, обнимая мнѣ ноги, молила
„Съ дѣвою прежде почить, чтобы сталъ ненавистенъ ей старецъ.
„Я покорился, и сдѣлалъ. Отецъ же мой, скоро примѣтивъ,
„Началъ меня проклинать, умоляя ужасныхъ Эринній,
„Ввѣкъ на колѣна свои да не приметъ онъ милаго сына,

„Мной порожденнаго: отчія клятвы исполнили боги,
„Зевсъ подземный и чуждая жалости Персефонія.
„Въ гнѣвѣ, отца я убить изощренною мѣдью рѣшился;
„Боги мой гнѣвъ укротили, представивши сердцу, какая
„Будетъ въ народѣ молва, и какой мнѣ позоръ въ человѣкахъ,
„Если убійцей отца меня прозовутъ Аргивяне!
„Съ оной поры моему уже сердцу стало несносно,
„Близко отца раздраженнаго, въ домѣ съ тоскою скитаться.
„Други, родные мои неотступно меня окружая,
„Силились общей мольбой удержать въ отеческомъ домѣ.
„Много и тучныхъ овецъ и тяжелыхъ воловъ круторогихъ
„Въ домѣ зарѣзано; многія свиньи, блестящія тукомъ,
„По двору были простерты, на яркій огонь обжигаться;
„Много выпито было вина изъ кувшиновъ отцовскихъ.
„Девять ночей непрерывно они вкругъ меня ночевали;
„Стражу держали смѣняяся; цѣлыя ночи не гаснулъ
„Въ домѣ огонь; одинъ подъ крыльцомъ на дворѣ крѣпкостѣнномъ,
„И другой въ сѣняхъ, предъ дверями моей почивальни.
„Но когда мнѣ десятая, темная ночь наступила:
„Я у себя въ почивальнѣ искусно створявшіясь двери
„Выломилъ, вышелъ, и быстро чрезъ стѣну двора перепрянулъ,
„Тайно отъ всѣхъ, и домовыхъ женъ и мужей стерегущихъ.
„Послѣ далеко бѣжалъ, чрезъ обширныя степи Геллады,
„И пришелъ я во Фѳію, овецъ холмистую матерь,
„Прямо къ Пелею царю. И меня онъ принявъ благосклонно,
„Такъ полюбилъ, какъ любитъ родитель единаго сына,
„Поздно рожденнаго старцу, наслѣдника благъ его многихъ.
„Сдѣлалъ богатымъ меня и народъ многочисленный ввѣрилъ.

„Тамъ надъ Долопами царствуя, жилъ я на Ѳоійскомъ предѣлѣ;
„Тамъ и тебя воспиталъ я такаго, безсмертнымъ подобный!
„Нѣжно тебя я любилъ: никогда съ другимъ не хотѣлъ ты
„Выдти на пиръ предъ гостей; ничего не вкушалъ ты и дома
„Прежде, поколѣ тебя не возьму я къ себѣ на колѣни,
„Пищи разрѣзавъ не дамъ, и вина къ устамъ не приближу.—
„Сколько ты разъ, Ахиллесъ, орошалъ мнѣ одежду на персяхъ,
„Брызжа изъ устъ вино, во время неловкаго дѣтства.
„Много заботъ для тебя и много трудовъ перенесъ я
„Думая такъ, что какъ боги уже не судили мнѣ сына,
„Сыномъ тебя, Ахиллесъ, подобный богамъ, нареку я;
„Ты, помышлялъ я, избавишь меня отъ бѣды недостойной.—
„Сынъ мой, смири же ты душу высокую! храбрый не долженъ
„Сердцемъ немилостивъ быть; умолимы и самые боги,
„Столько превысшіе насъ и величьемъ и славой и силой.
„Но и боговъ—приношеніемъ жертвы, обѣтомъ смиреннымъ,
„Винъ возліяньемъ, и дымомъ куреній, смягчаетъ и гнѣвныхъ
„Смертный молящій, когда онъ предъ ними виновенъ и грѣшенъ.
„Такъ, Молитвы—смиренныя дщери великаго Зевса,
„Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косыя,
„Въ слѣдъ за Обидой онѣ, непрестанно заботныя, ходятъ.
„Но Обида могуча, ногами быстра; передъ ними
„Мчится далеко впередъ, и по всей ихъ землѣ упреждая,
„Смертныхъ язвитъ; а Молитвы спѣшатъ исцѣлять уязвленныхъ.
„Кто принимаетъ почтительно Зевсовыхъ дщерей прибѣжныхъ,
„Много тому помогаютъ и скоро молящемусь внемлютъ.
„Кто жъ презираетъ богинь и, душою суровъ, отвергаетъ;
„Къ Зевсу прибѣгнувъ онѣ, умоляютъ отца, да Обида

„Ходитъ за нимъ по стопамъ, и его уязвляя накажетъ.
„Другъ, воздай же и ты, что слѣдуетъ, Зевсовымъ дщерямъ:
„Честь, на возданіе коей всѣхъ добрыхъ склоняются души.—
„Если бъ даровъ не давалъ какъ теперь, такъ и послѣ толь многихъ
„Сынъ Атреевъ; но все бы упорствовалъ въ гибельномъ гнѣвѣ;
„Я не просилъ бы тебя, чтобы гнѣвъ справедливый отрынувъ,
„Ты защитилъ Аргивянъ, не взирая, что жаждутъ защиты.
„Много и нынѣ даровъ онъ даетъ, и впередъ обѣщаетъ;
„Съ кроткимъ прошеньемъ къ тебѣ присылаетъ мужей знаменитыхъ,
„Въ цѣломъ народѣ избранныхъ, тебѣ самому здѣсь любезныхъ
„Болѣе всѣхъ изъ Данаевъ. Не презри же ихъ ты ни рѣчи,
„Ни посѣщенія. Ты не безъ права гнѣвался прежде.
„Такъ мы слышимъ молвы и о древнихъ славныхъ герояхъ:
„Пылкая злоба и ихъ обымала великія души;
„Но смягчаемы были дарами они и словами.—
„Помню я дѣло одно, но временъ стародавнихъ, не новыхъ;
„Какъ оно было, хочу я повѣдать межъ вами друзьями.
„Брань была межъ Курѐтовъ и браннолюбивыхъ Этòлянъ
„Вкругъ Калидòна града; и яростно билися рати:
„Мужи Этòльцы стояли за градъ Калидòнъ имъ любезный;
„Мужи Курѐты пылали обитель ихъ боемъ разрушить.
„Горе такое на нихъ Артемида богиня воздвигла,
„Въ гнѣвѣ своемъ, что Инѐй съ плодоноснаго сада начатковъ
„Ей не принесъ; а безсмертныхъ другихъ насладилъ гекатомбой;
„Жертвы лишь ей не принесъ, Громовержца великаго дщери:
„Онъ не радѣлъ, иль забылъ, но душой согрѣшилъ безразсудно.
„Гнѣвное божіе чадо, стрѣльбой веселящаясь Феба,
„Вепря подвигла на нихъ, бѣлоклыкаго, лютаго звѣря.

„Страшный онъ вредъ наносилъ, на Инея сады набѣгая:
„Купы высокихъ деревъ опрокинулъ одно на другое,
„Вмѣстѣ съ кореньями, вмѣстѣ съ блистательнымъ яблоковъ цвѣтомъ.
„Звѣря убилъ наконецъ Инеидъ Мелеагръ нестрашимый,
„Вызвавъ кругомъ изъ градовъ звѣроловцевъ, съ сердитыми псами
„Многихъ: его одолѣть не успѣли бы съ малою силой:
„Этаковъ былъ! на костеръ печальный многихъ послалъ онъ.
„Феба о немъ воспалила жестокую, шумную распрю,
„Бой о клыкастой главѣ и объ кожѣ щетинистой вепря
„Между сынами Курѐтовъ и гордыхъ сердцами Этолянъ.
„Долго, пока Мелеагръ за Этолянъ, могучій, сражался,
„Худо было Курѐтамъ; уже не могли они сами
„Въ полѣ, внѣ стѣнъ оставаться, хотя и сильнѣйшіе были.
„Но когда Мелеагръ предался гнѣву, который
„Сердце въ груди напыщаетъ у многихъ, мужей и разумныхъ:
(„Онъ, на любезную матерь Алѳею озлобленный сердцемъ,
„Праздный лежалъ у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
„Дщери младой Эвенины жены, легконогой Марписсы
„И могучаго Ида, храбрѣйшаго межъ земнородныхъ
„Оныхъ временъ: на царя самаго, стрѣлоноснаго Феба
„Поднялъ онъ лукъ за супругу свою, легконогую Нимфу:
„Съ онаго времени въ домѣ отецъ и почтенная матерь
„Дочь Алкіоною прозвали, въ память того, что и матерь,
„Горькую долю неся Алкіоны многопечальной,
„Плакала цѣлые дни, какъ ее Стрѣловержецъ похитилъ. —
„Онъ у супруги покоился, гнѣвъ душевредный питая,
„Матери клятвами страшно прогнѣванный: грустная матерь
„Часто боговъ заклинала, отмстить за убитаго брата:

„Часто руками она, изступленная, о землю била,
„И, на колѣняхъ сѣдящая, грудь обливая слезами,
„Съ воплемъ молила Аида и страшную Персефонію
„Смерть на сына послать; и носящаясь въ мракахъ Эриннисъ,
„Фурія немилосердая, воплю вняла изъ Эреба.)
„Скоро у вратъ Калидонскихъ и стукъ и трескъ раздался
„Башенъ, громимыхъ врагомъ. Мелеагра Этольскіе старцы
„Стали молить, и послали избранныхъ священниковъ бога,
„Даръ обѣщая великій, да выйдетъ герой и спасетъ ихъ:
„Гдѣ плодоноснѣй земля на веселыхъ поляхъ Калидонскихъ,
„Тамъ позволяли ему въ пятьдесятъ десятинъ, наилучшій
„Выбрать удѣлъ: половину земли виноградомъ покрытой,
„И половину нагой, для оранія годной, отрѣзать.
„Много его умолялъ конеборецъ Иней престарѣлый;
„Самъ, до порога поднявшись его почивальни высокой,
„Въ створы дверей онъ стучалъ и просилъ убѣдительно сына.
„Много и сестры его и почтенная матерь молили:
„Пуще отказывалъ; много его и друзья убѣждали,
„Чтимые имъ и любимые болѣе всѣхъ въ Калидонѣ;
„Но ничѣмъ у него не подвигнули сердца, доколѣ
„Теремъ его отъ ударовъ кругомъ не потрясся: на башни
„Сила Куретовъ взошла и градъ зажигала великій.
„И тогда-то уже Мелеагра жена молодая
„Стала рыдая молить, и изчислила все предъ героемъ,
„Что въ завоеванномъ градѣ людей постигаетъ несчастныхъ:
„Гражданъ въ жилищахъ ихъ рѣжутъ, пламень весь градъ пожираетъ,
„Въ плѣнъ и дѣтей и краснопоясанныхъ женъ увлекаютъ. —
„Духомъ герой взволновался, о страшныхъ дѣяніяхъ слыша;

„Выдти рѣшился, и пышноблестящимъ покрылся доспѣхомъ.—
„Такъ Мелеагръ отразилъ погибельный день отъ Этолянъ,
„Слѣдуя сердцу: еще Мелеагру не отдано было
„Многихъ, прекрасныхъ даровъ; но несчастіе такъ отразилъ онъ.
„Ты жъ не замысли подобнаго, сынъ мой любезный! и демонъ
„Сердца тебѣ да не склонитъ къ сей думѣ! погибельнѣй будетъ
„Въ бурномъ пожарѣ суда избавлять; для даровъ знаменитыхъ
„Выйди, герой! и тебя, какъ бога, почтутъ Аргивяне.
„Если же ты безъ даровъ, а по нуждѣ, на брань ополчишься;
„Чести подобной не снищешь, хоть будешь и брани рѣшитель.

Старцу не медля отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ быстроногій:
„Фениксъ, отецъ мой, старецъ божественный! Въ чести подобной
„Нужды мнѣ нѣтъ; я надѣюсь быть чествованъ волею Зевса!
„Честь я сію сохраню передъ войскомъ, доколѣ дыханье
„Будетъ въ груди у меня, и могучія движутся ноги.
„Молвлю тебѣ я другое, а ты положи то на сердце:
„Мнѣ не волнуй ты души, предо мною крушася и плача,
„Сыну Атрея въ угодность; тебѣ и не должно Атрида
„Столько любить, чтобъ тому, кѣмъ любимъ, ненавистенъ ты не былъ.
„Ты оскорби человѣка, который меня оскорбляетъ! —
„Царствуй равно какъ и я, и честь раздѣляй ты со мною.
„Скажутъ они мой отвѣтъ; оставайся ты здѣсь, успокойся
„Въ кущѣ, на мягкомъ ложѣ; а завтра, съ восходомъ денницы,
„Вмѣстѣ помыслимъ, отплыть во свояси намъ, или остаться.

Рекъ; и Патроклу, въ безмолвіи, знаменье подалъ бровями
Фениксу мягкое ложе постлать, да скорѣе другіе

Выдши изъ кущи помысляпъ; тогда Теламонидъ великій,
Богу подобный Аяксъ—подымался, и такъ говорилъ имъ:
Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный!
„Время иттп; я вижу, къ желаемой цѣли бесѣды
„Симъ намъ путемъ не достигнуть. Ахейцамъ, какъ можно скорѣе
„Должно отвѣтъ объявить, хоть онъ и не радостенъ будетъ;
„Насъ ожидая, Ахейцы сидятъ.—Ахиллесъ Мирмидонецъ
„Дикую въ сердце вложилъ, за предѣлъ выходящую гордость!
„Смертный суровый! въ ничто поставляетъ и дружбу отъ ближнихъ,
„Дружбу, какою мы въ станѣ его отличали предъ всѣми!
„Смертный, съ душою безчувственной! Братъ за убитаго брата,
„Даже за сына убитаго пеню отецъ принимаетъ;
„Самой убійца въ народѣ живетъ, отплатившись богатствомъ;
„Пеню же взявшій, и мстительный духъ свой и гордое сердце,
„Все наконецъ укрощаетъ; но въ сердце тебѣ—безконечный
„Гнѣвъ ненавистный вселили безсмертные—ради единой
„Дѣвы! но семь ихъ тебѣ, превосходнѣйшихъ, мы предлагаемъ;
„Много даровъ и другихъ! Облеки милосердіемъ душу!
„Собственный домъ свой почти: у тебя подъ кровомъ пришельцы
„Мы отъ народа Ахейскаго, люди, которые ищемъ
„Дружбы твоей и почтенія, болѣе всѣхъ изъ Ахеянъ.

И не медля ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа!
„Все ты, я чувствую самъ, говорилъ отъ души мнѣ; но храбрый!
„Сердце мое раздымается гнѣвомъ, лишь вспоминаю о томъ я,
„Какъ обезчестилъ меня передъ цѣлымъ народомъ Ахейскимъ
„Царь Агамѐмнонъ, какъ будто бы былъ я скиталецъ презрѣнный!

„Вы—возвратитесь назадъ, и пославшему вѣсть возвѣстите:
„Я, объявите ему, не помыслю о битвѣ кровавой
„Прежде, пока Пріамидъ бранноносный, божественный Гекторъ
„Къ сѣнямъ уже и широкимъ судамъ не придетъ Мирмидонскимъ,
„Рати Ахеянъ разбивъ, и пока не зажжетъ кораблей ихъ.
„Здѣсь же, у сѣни моей, предъ моимъ кораблемъ чернобокимъ,
„Гекторъ, какъ ни неистовъ, отъ брани уймется, надѣюсь.

Рекъ онъ; и каждый, въ молчаніи, кубокъ взявъ двоедонный,
Возлилъ богамъ и изъ сѣни изшелъ; Одиссей предитекъ имъ.
Тою порою Патроклъ повелѣлъ и друзьямъ и рабынямъ
Фениксу мягкое ложе, какъ можно скорѣе, готовить.
Жены, ему повинуясь, какъ онъ повелѣлъ, простирали
Руны овецъ, покрывало, и цвѣтъ нѣжнѣйшій изъ лена.
Тамъ покоился Фениксъ, денницы святой ожидая.
Но Ахиллесъ почивалъ внутри крѣпкостворчатой кущи;
И при немъ возлегла полоненная имъ Лезбіянка,
Форбаса дочь, Діомеда, румяноланитая дѣва.
Сынъ же Менетіевъ спалъ напротивъ; и при немъ возлежала
Легкая станомъ Ифиса, ему Ахиллесомъ героемъ
Данная въ день, какъ разрушилъ онъ Скиросъ, градъ Эніея.

Тѣ же, едва показались у кущи Атрида владыки,
Съ кубками ихъ золотыми Ахеянъ сыны привѣчали,
Въ встрѣчу одинъ за другимъ подымаясь, и ихъ вопрошая.
Первый изъ нихъ говорилъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Молви, драгой Одиссей, о великая слава Данаевъ!
„Хочетъ ли онъ отъ судовъ отразить пожирающій пламень?

„Или отрекся, и гордую душу питаетъ враждою?

И ему отвѣчалъ Одиссей, знаменитый страдалецъ:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамѐмнонъ!
„Нѣтъ, не хочетъ вражды утолить онъ; сильнѣйшею прежней
„Пышетъ грозой, презираетъ тебя и дары отвергаетъ.
„Въ бѣдствахъ тебѣ самому велитъ съ Аргивянами думать,
„Какъ защитить корабли и стѣсненныя рати Ахеянъ.
„Самъ угрожаетъ, что завтрешній день, лишь денница возникнетъ,
„На море всѣ корабли обоюдувесельные спуститъ.
„Онъ и другимъ воеводамъ совѣтовать тоже намѣренъ,
„Въ домы отплыть; никогда, говоритъ онъ, конца не обрѣсть вамъ
„Трои высокой: надъ нею перуновъ метатель Кроніонъ
„Руку свою распростеръ; и возвысилась дерзость народа.
„Такъ онъ отвѣтствовалъ; вотъ и сопутники, то же вамъ скажутъ,
„Сынъ Теламона, и вѣстники наши, разумные оба.
„Фениксъ же тамъ успокоился старецъ, такъ повелѣлъ онъ:
„Чтобъ за нимъ въ корабляхъ, обратно къ отчизнѣ любезной
„Слѣдовалъ завтра, но если онъ хочетъ, неволить не будетъ.

Такъ говорилъ; и молчанье глубокое всѣ сохраняли,
Рѣчью такой пораженные: грозное онъ имъ повѣдалъ.
Долго безмолвными были унылые мужи Ахейцы;
Но межъ нихъ наконецъ взговорилъ Діомедъ благородный:
„Царь знаменитый Атридъ, повелитель мужей Агамѐмнонъ!
„Лучше когда бъ не просилъ ты высокаго сердцемъ Пелида,
„Столько даровъ обѣщая: гордъ и самъ по себѣ онъ:
„Ты же въ Пелидово сердце вселяешь и бо̀льшую гордость.

„Кончимъ о немъ, и его мы оставимъ; отсюда онъ ѣдетъ,
„Или не ѣдетъ; начнетъ, безъ сомнѣнія, ратовать снова,
„Ежели сердце велитъ и богъ всемогущій воздвигнетъ.
„Слушайте, други, что я предложу вамъ, одобрите всѣ вы:
„Нынѣ предайтесь покою, но прежде сердца ободрите
„Пищей, виномъ: вино человѣку и бодрость и крѣпость.
„Завтра жъ, какъ скоро блеснетъ розоперстая въ небѣ денница;
„Быстро, Атридъ, предъ судами построй ты и конныхъ и пѣшихъ,
„Духъ ободри имъ, и самъ передъ воинствомъ первый сражайся.

Такъ произнесъ; и воскликнули весело всѣ скиптроносцы,
Смѣлымъ дивяся рѣчамъ Діомеда, смирителя коней.
Всѣ наконецъ возліявши богамъ, разошлися по кущамъ;
Гдѣ предалися покою, и сна насладились дарами.

ПѢСНЬ X.

*

СОДЕРЖАНІЕ.

Агамемнонъ, равно и Менелай, устрашенные приближеніемъ Троянъ, въ виду Ахейскаго воинства станомъ расположившихся, проводятъ ночь безъ сна, встаютъ и сходятся, ст. 1—35. Видя нужнымъ собрать совѣтъ, идутъ сами сзывать вождей, Менелай Идоменея и Аякса Теламонида; Агамемнонъ Нестора, 36—130. Несторъ, съ нимъ вышедшій, будитъ Одиссея, 131—149, Діомеда, 150—176; а его посылаетъ призвать Аякса Оилида, и Мегеса. Всѣмъ собравшимся, идутъ осмотрѣть стражу, около рва поставленную, и находятъ ее бодрою, 177—193. Перешедъ за ровъ, совѣтуются и, по предложенію Нестора, намѣреваются послать соглядатая въ станъ Троянскій, 194—218. На это рѣшается Діомедъ, и спутникомъ себѣ, изъ многихъ желающихъ, избираетъ Одиссея, 219—253. Вооружаются и отходятъ при счастливомъ знаменіи птицы, Аѳиною посланной, 254—298. Гекторъ такъ же хочетъ послать соглядатая въ станъ Ахейскій, и обѣщаетъ ему въ награду коней Ахиллесовыхъ. Вызвался Троянецъ Долонъ; вооружается и отходитъ, 299—338. Подходя уже къ стану Ахеянъ, онъ попадается на встрѣчу Одиссею и Діомеду. Они нападаютъ на него, ловятъ и распрашиваютъ. Онъ имъ расказываетъ все расположеніе стана Троянскаго, и даже мѣсто, гдѣ остановился недавно пришедшій Резъ, царь Ѳракійскій. По окончаніи распроса, Діомедъ убиваетъ Долона, 339—464. Идутъ къ стану Реза, котораго Діомедъ, съ двѣнадцатью сподвижниками его, убиваетъ; Одиссей уводитъ славныхъ его коней. Діомедъ замышляетъ новые подвиги, 465—506; но Аѳина, явясь ему, совѣтуетъ болѣе не медлить, чтобы Аполлонъ не возбудилъ Троянъ; и герои на коняхъ Резовыхъ возвращаются къ своимъ; встрѣчаются съ привѣтствіями; омываются въ морѣ, и садятся на пиршество съ друзьями, 507—579.

ПѢСНЬ X.

Всѣ при своихъ корабляхъ, и цари и герои Ахеянъ,
Спали цѣлую ночь, побѣжденные сномъ благотворнымъ;
Но Атридъ Агамѐмнонъ, Ахейскаго пастырь народа,
Сладкаго сна не вкушалъ, волнуемый множествомъ мыслей.
Словно, какъ молніей блещетъ супругъ лѣпокудрыя Геры,
Если готовитъ иль дождь безконечный, иль градъ вредоносный,
Или метель, какъ снѣга убѣляютъ широкое поле,
Или погибельной брани огромную пасть отверзаетъ:
Такъ многократно вздыхалъ Агамѐмнонъ, глубоко отъ сердца,
Скорбью стѣсненнаго; самая внутренность въ немъ трепетала.
Сколько онъ разъ ни осматривалъ поле Троянъ, удивлялся
Ихъ огнямъ несчетнымъ, пылающимъ предъ Илліономъ,
Звуку свирѣлей, цѣвницъ, и смятенному шуму народа.
Но когда на суда и на войско Ахеянъ взиралъ онъ;
Клоки власовъ у себя изъ главы исторгалъ, вознося ихъ
Зевсу всевышнему: тяжко стенало въ немъ гордое сердце.

Дума сія наконецъ показалася лучшей Атриду:
Съ Несторомъ первымъ увидѣться, мудрымъ Нелеевымъ сыномъ,
Съ нимъ не успѣютъ ли вмѣстѣ устроить совѣтъ непорочный,

Какъ имъ бѣду отвратить отъ стѣсненной рати Ахейской;
Всталъ Атреи̂онъ, и съ поспѣшностью перси одѣялъ хитономъ;
Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ красиваго вида плесницы;
Сверху покрылся могучаго льва окровавленной кожей,
Рыжей, огромной, отъ выи до пятъ; и копьемъ ополчился.

Страхомъ такимъ же и царь Менелай волновался; на очи
Сонъ и къ нему не сходилъ: трепещалъ онъ, да бѣдъ не претерпятъ
Мужи Ахейцы, которые всѣ по водамъ безпредѣльнымъ
Къ Трои пришли, за него дерзновенную брань подымая.
Всталъ и широкія плечи покрылъ онъ пардовой кожей,
Пятнами пестрой; на голову шлемъ приподнявши надвинулъ,
Мѣдью блестящій, и дротъ захвативши въ могучую руку,
Такъ онъ пошелъ, чтобы брата воздвигнуть, который верховнымъ
Былъ царемъ Аргивянъ, и какъ богъ почитался народомъ.
Онъ при кормѣ корабля, покрывавшагось пышнымъ доспѣхомъ
Брата нашелъ, и былъ для него посѣтитель пріятный.
Первый къ нему возгласилъ Менелай, воинственникъ славный:
„Что вооружаешься, братъ мой почтенный? или отъ Ахеянъ
„Хочешь къ Троянамъ послать соглядатая? Но признаюся,
„Я трепещу, чтобъ не вызвался кто на подобное дѣло;
„И, чтобъ враждебныхъ мужей соглядать не пошелъ одинокій
„Въ сумракахъ ночи глухой: человѣкъ дерзосердый онъ будетъ.

Брату въ отвѣтъ говорилъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Нужда въ совѣтѣ и мнѣ и тебѣ, Менелай благородный,
„Въ мудромъ совѣтѣ, который бы могъ защитить и избавить
„Рать Аргивянъ и суда; измѣнилось Кронидово сердце:

„Къ Гектору, къ жертвамъ его преклонилъ онъ съ любовію душу!
„Нѣтъ, никогда не видалъ я, ниже не слыхалъ, чтобъ единый
„Смертный столько чудесъ, и въ день лишь единый, предпринялъ,
„Сколько свершилъ надъ Ахейцами Гекторъ, Зевесу любезный,
„Гекторъ, который не сынъ ни богини безсмертной, ни бога.
„Но дѣла совершилъ онъ, которые будемъ мы помнить
„Долго, долго; такія бѣды сотворилъ онъ Ахейцамъ!
„Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса;
„Прямо спѣши къ кораблямъ; а къ почтенному сыну Нелея
„Самъ я иду, и возстать преклоню, не захочетъ ли старецъ
„Стражей священный сонмъ навѣстить, и блюстись приказать имъ;
„Вѣрно ему покорятся охотнѣе; сынъ его храбрый
„Стражи начальствуетъ сонмомъ, и съ нимъ Девкалида сподвижникъ,
„Вождь Маріонъ; предпочтительно имъ поручили мы стражу.

И его вопросилъ Менелай, воинственникъ славный:
„Что же мнѣ ты прикажешь, и какъ повелишь Агамѐмнонъ?
„Тамъ ли остаться, у нихъ, твоего ожидая прихода?
„Или къ тебѣ поспѣшать возвратиться, какъ все накажу имъ?

Вновь Менелаю вѣщалъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Тамъ ты останься, чтобъ мы не могли разойтися съ тобою,
„Ходя въ сумракѣ: много дорогъ по широкому стану.
„Гдѣ же пойдешь, окликай, и всѣмъ совѣтуй стеречься;
„Каждаго мужа, Атридъ, именуй по отцу и по роду;
„Всѣхъ привѣтливо чествуй, и самъ ни предъ кѣмъ не величься.
„Нынѣ и мы потрудимся, какъ прочіе; жребій таковъ нашъ!
„Зевсъ на насъ, на родившихся тяжкое горе возвергнулъ!

Такъ говоря, отпускаетъ онъ брата, разумно наставивъ;
Самъ наконецъ поспѣшаетъ къ владыкѣ народовъ Нелиду.
Старца находитъ при черномъ его кораблѣ противъ кущи,
Въ мягкомъ одрѣ; и при немъ боевые лежали доспѣхи:
Выпуклый щитъ и два копія, и шеломъ свѣтозарный;
Подлѣ и поясъ лежалъ разноцвѣтный, которой сей старецъ
Часто еще препоясывалъ, въ бой мужегубный готовясь
Рать предводитъ; еще не сдавался онъ старости грустной.—
Несторъ, привставши на локоть и голову съ ложа поднявши,
Къ сыну Атрея вѣщалъ, и его вопрошалъ громогласно:
„Кто ты? и что межь судами по ратному стану здѣсь ходишь
„Въ сумракѣ ночи, одинъ, какъ покоятся всѣ человѣки?
„Друга ли ты, или можетъ быть меска сбѣжавшаго ищешь?
„Что тебѣ нужно? Окликнись, а молча ко мнѣ не ходи ты.

Старцу не медля отвѣтствовалъ пастырь мужей Агамѐмнонъ:
„Несторъ, почтеннѣйшій старецъ, великая слава Данаевъ!
„Ты Агамѐмнона видишь, котораго Зевсъ промыслитель
„Болѣе всѣхъ подвергнулъ трудамъ безконечнымъ, покуда
„Въ персяхъ моихъ остается дыханье и движутся ноги.
„Такъ я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходитъ
„Сладостный сонъ; и на думахъ лишь брань и напасти Ахеянъ!
„Такъ, за Ахеянъ жестоко страшуся я: духъ мой не въ силахъ
„Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце изъ персей
„Вырваться хочетъ, и ноги мои подо мною трепещутъ!
„Если что дѣлать намѣренъ ты, (сонъ и къ тебѣ не приходитъ),
„Встань, о Нелидъ, и ко стражамъ Ахейскимъ дойдемъ и осмотримъ.
„Можетъ быть, всѣ удрученные скучнымъ трудомъ и дремотой,

„Сну предалися они, и о стражѣ опасной забыли.
„Рати же гордыхъ враговъ не далеко; а мы и не знаемъ,
„Въ сумракѣ ночи они не хотятъ ли внезапно ударить.

Сыну Атрея отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамѐмнонъ!
„Замыслы Гектору вѣрно не всѣ Промыслитель небесный
„Нынѣ исполнитъ, какъ гордый онъ ждетъ; и его удручитъ онъ
„Горемъ, я чаю, и бо̀льшимъ, когда Ахиллесъ быстроногій
„Храброе сердце свое отвратитъ отъ несчастнаго гнѣва.
„Слѣдовать радъ я съ тобою; пойдемъ, и другихъ мы разбудимъ
„Храбрыхъ вождей, Діомеда героя, царя Одиссея;
„Съ ними Аякса быстраго, также Филева сына.
„Еслибъ еще кто нибудь поспѣшилъ, и къ собранію призвалъ
„Идоменея царя, и подобнаго богу Аякса:
„Ихъ корабли на концѣ становища; отсюда не близко.
„Но Менелая, любезнаго мнѣ и почтеннаго друга,
„Я укорю, хоть тебя и прогнѣваю; нѣтъ, не сокрою:
„Онъ почиваетъ, тебя одного заставляетъ трудиться!
„Нынѣ онъ долженъ бы около храбрыхъ и самъ потрудиться,
„Долженъ бы всѣхъ ихъ просить; настоитъ нестерпимая нужда!

Нестору вновь отвѣчалъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Старецъ, другою порой укорять я совѣтую брата:
„Часто медлителенъ онъ, и какъ будто къ трудамъ не охотенъ;
„Но не отъ праздности низкой, или отъ незнанія дѣла:
„Смотритъ всегда на меня, моего начинанія ждущій.
„Нынѣ же всталъ до меня, и ко мнѣ неожиданъ явился.

*

„Брата послалъ я просить предводителей, коихъ ты назвалъ.
„Но поспѣшимъ, и найдемъ, я надѣюся, ихъ мы у башни,
„Вмѣстѣ съ дружиной стражебною; тамъ повелѣлъ я собраться.

Снова Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Ежели такъ, изъ Данаевъ никто на него не возропщетъ;
„Каждый послушаетъ, если онъ что запретитъ, иль прикажетъ.

Такъ говоря, одѣвалъ онъ перси широкимъ хитономъ;
Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ прекраснаго вида плесницы;
Послѣ, кругомъ застегнулъ онъ двойной свой, широкопадущій,
Пурпурный плащъ, по которомъ струилась косматая волна;
И копье захвативъ, повершенное острою мѣдью,
Такъ устремился Нелидъ межъ судовъ и межъ кущей Ахеянъ.
Тамъ, сперва Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу,
Поднялъ отъ сна, восклицающій громко, возница Геренскій.
Скоро дошелъ до души Одиссеевой Несторовъ голосъ:
Выступилъ онъ изъ подъ кущи и такъ говорилъ воеводамъ:
„Что межъ судами одни по воинскому ходите стану
„Въ сумракѣ ночи? Какая пришла неизбѣжная нужда?

Сыну Лаерта отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный!
„Ты не ропщи; Аргивянамъ жестокая нужда приходитъ!
„Съ нами иди, и другихъ мы разбудимъ, съ которыми должно
„Нынѣ жъ рѣшить на совѣтѣ, бѣжать ли намъ, или сражаться.

Рекъ онъ; и быстро подъ кущу вступилъ Одиссей многоумный,

Щитъ свой узорный за плечи закинулъ и слѣдовалъ съ ними.
Къ сыну Тидея пошли, и нашли Діомеда лежащимъ
Одаль отъ сѣни, съ оружіемъ; около—ратные други
Спали; сголовьемъ ихъ были щиты, у постелей ихъ копья
Прямо стояли, вонзенныя древками; мѣдь ихъ далеко
Въ мракѣ блистала, какъ молнія Зевса. Герой въ серединѣ
Спалъ; и постелью была ему кожа вола степоваго;
Свѣтлый, блестящій коверъ лежалъ у него въ изголовьи.
Близко пришедши, будилъ почивавшаго Несторъ почтенный,
Трогая краемъ ноги; и въ лице укорялъ Діомеда:
„Встань, Діомедъ! и что ты всю ночь почиваешь безпечно?
„Или забылъ, что Трояне, занявъ возвышеніе поля,
„Близко стоятъ предъ судами, и узкое мѣсто насъ дѣлитъ?

Такъ говорилъ; почивавшій съ постели стремительно вспрянулъ
И, обратяся къ нему, произнесъ крылатыя рѣчи:
„Слишкомъ заботливый старецъ, трудовъ никогда ты не бросишь!
„Нѣтъ ли у насъ и другихъ, въ ополченіи младшихъ Данаевъ,
„Коимъ приличнѣе было бъ вождей насъ будить по порядку,
„Ходя по стану Ахейскому; неутомимъ ты, о старецъ!

Сыну Тидея отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Такъ, Діомедъ, справедливо ты все и разумно вѣщаешь.
„Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа
„Много подвластнаго; было бъ кому обходить и сзывать васъ;
„Но жестокая нужда Аргивскихъ мужей постигаетъ!
„Всѣмъ Аргивянамъ теперь на мечномъ остріѣ распростерта —
„Или погибель позорная, или спасеніе жизни!

„Но поспѣши ты, и сына Филеева съ быстрымъ Аяксомъ
„Къ намъ призови; ты моложе меня, и о мнѣ сожалѣешь.

Рекъ; Діомедъ, не медля покрывшися львиною кожей
Рыжей, огромной, до пятъ доходящей, и дротъ захвативши,
Быстро пошелъ, разбудилъ воеводъ и привелъ ихъ съ собою.

Скоро владыки Ахеянъ достигнули собранныхъ стражей,
И не въ дремотѣ они предводителей стражи застали:
Бодро младые Ахейцы, съ оружіемъ въ длаияхъ, сидѣли.
Словно какъ псы у овчарни овецъ стерегутъ безпокойно,
Сильнаго звѣря зачуявъ, который изъ горъ голодалый
Лѣсомъ идетъ; подымается шумная противу звѣря
Псовъ и людей стерегущихъ тревога, ихъ сонъ пропадаетъ:
Такъ пропадалъ на очахъ усладительный сонъ у Ахеянъ,
Станъ охраняющихъ въ грозную ночь: непрестанно на поле
Взоры вперяли они, чтобъ узнать, не идутъ ли Трояне.

Съ радостью старецъ узрѣлъ ихъ, и болѣе духъ ободряя,
Весело къ нимъ говорилъ, устремляя крылатыя рѣчи;
„Такъ стерегитесь, любезные дѣти! никто и не думай
„Стоя на стражѣ о снѣ; да не будемъ мы въ радость враждебнымъ.

Такъ говоря, перенесся за ровъ; и за нимъ устремились
Всѣ скиптроносцы Ахейскіе, сколько звано ихъ къ совѣту.
Съ ними герой Меріонъ и Несторовъ сынъ знаменитый
Слѣдовалъ; сами цари пригласили и ихъ для совѣта.
Вмѣстѣ они, перешедшіе ровъ, предъ стѣною изрытый,

Сѣли на чистой полянѣ, на мѣстѣ свободномъ отъ труповъ,
Въ сѣчѣ убитыхъ, отколь возвратился крушительный Гекторъ,
Рать истреблявшій Данаевъ, доколѣ ихъ ночь не покрыла:
Тамъ воеводы сидящіе, между собой говорили.
Рѣчь имъ полезную началъ Геренскій воинственникъ Несторъ:

„Други! не можетъ ли кто либо самъ на свое положиться
„Смѣлое сердце, и нынѣ же къ гордымъ Троянамъ пробраться
„Въ мракѣ ночномъ? не возметъ ли врага онъ, бродящаго съ краю;
„Или, не можетъ ли между Троянъ разговора услышать,
„Какъ межъ собою они полагаютъ: рѣшились ли твердо
„Здѣсь оставаться, далеко отъ города, или обратно
„Мнятъ отъ судовъ отступить, какъ уже одолѣли Данаевъ.
„Если бы то онъ услышалъ, и къ намъ невредимъ возвратился,
„О, великая слава была бы ему въ поднебесной,
„Слава у всѣхъ человѣковъ; ему и награда прекрасна!
„Сколько ни есть надъ судами Ахеянъ начальниковъ храбрыхъ,
„Каждый изъ нихъ наградитъ возвратившагось черной овцою
„Съ агнцемъ сосущимъ; награда, съ которой ничто не сравнится;
„Будетъ всегда онъ участникъ и празднествъ и дружескихъ пиршествъ.

Рекъ; и никто не отвѣтствовалъ, всѣ хранили молчанье.
Первый межъ нихъ взговорилъ Діомедъ воеватель могучій:
„Несторъ! меня побуждаетъ душа и отважное сердце
„Въ станъ враждебный войти, недалеко лежащій, Троянскій.
„Но когда и другой кто со мною итти пожелаетъ,
„Болѣе бодрости мнѣ и веселости болѣе будетъ.
„Двумъ совокупно идущимъ, одинъ предъ другимъ вымышляетъ,

„Что для успѣха полезно; одинъ же хотя бы и мыслилъ,
„Медленнѣй дума его, и слабѣе рѣшительность духа.

Такъ говорилъ; и идти съ нимъ хотящіе многіе встали:
Оба Аяксы хотятъ, нестрашимые слуги Арея;
Хочетъ герой Меріонъ, Ѳразимедъ безпредѣльно желаетъ;
Хочетъ и свѣтлый Атридъ, Менелай знаменитый копейщикъ;
Хочетъ и царь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть:
Смѣлый: всегда у него на опасности сердце дерзало.
Но межь нихъ возгласилъ повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Отрасль Тидея, любезнѣйшій мнѣ Діомедъ благородный!
„Спутника самъ для себя избирай, и кого пожелаешь;
„Кто изъ представшихъ, какъ мыслишь, отважнѣйшій: многіе жаждутъ.
„Но изъ почтенія тайнаго, лучшаго къ дѣлу не брось ты,
„И не выбери худшаго, страху души уступая;
„Нѣтъ, на родъ не взирай ты, хотя бъ и державнѣйшій былъ онъ.

Такъ Агамѐмнонъ вѣщалъ, за царя Менелая страшася.
Къ нимъ же вновь говорилъ Діомедъ воеватель безстрашный:
„Ежели мнѣ самому избрать вы друга велите,
„Какъ я любимца боговъ, Одиссея героя забуду?
„Сердце его, какъ ни чье, предпріимчиво; духъ благородный
„Твердъ и въ трудахъ и въ бѣдахъ; и любимъ онъ Палладой Аѳиной!
„Если сопутникъ мой онъ, изъ огня мы горящаго оба
„Къ вамъ возвратимся: такъ въ немъ обиленъ на вымыслы разумъ.

Но ему возразилъ Одиссей, знаменитый страдалецъ:
„Слишкомъ меня не хвали, ни хули, Діомедъ благородный.

„Знающимъ все говоришь ты царямъ и героямъ Ахейскимъ.
„Лучше пойдемъ мы! ночь убѣгаетъ, и близко денница;
„Звѣзды ушли ужъ далеко; болѣе двухъ уже долей
„Ночь совершила, и только что третія доля осталась.

Такъ говоря, покрывалися оба оружіемъ страшнымъ.
Несторовъ сынъ, Ѳразимѣдъ воинственный далъ Діомеду
Мѣдяный ножъ двулезвенный, (свой при судахъ онъ оставилъ);
Отдалъ и щитъ; на главу же героя изъ кожи воловой
Шлемъ онъ надѣлъ, но безъ гребня, безъ бляхъ, называемый плоскимъ,
Коимъ чело у себя защищаетъ цвѣтущая младость.
Вождь Меріонъ предложилъ Одиссею и лукъ и колчанъ свой;
Отдалъ и мечъ; на главу же надѣлъ Лаертида героя
Шлемъ изъ кожи: внутри перепутанный часто ремнями,
Крѣпко натянутъ онъ былъ, а снаружи по шлему торчали
Бѣлые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь
Въ стройныхъ, красивыхъ рядахъ; въ серединѣ же полстью подбитъ онъ.
Шлемъ сей—древле изъ стѣнъ Элеона похитилъ Автоликъ,
Тамъ Горменида Аминтора домъ крѣпкозданный разрушивъ;
Въ Скандіи жъ отдалъ его Киѳерійскому Амѳидамасу;
Амѳидамасъ подарилъ, какъ гостинецъ пріязненный, Молу;
Молъ наконецъ Меріону вручилъ его, храброму сыну;
Нынѣ жъ главу Одиссея шеломъ осѣнилъ знаменитый.

Такъ Одиссей съ Діомедомъ, покрывшись оружіемъ страшнымъ,
Оба пустилися, тамъ же оставивъ старѣйшинъ Ахейскихъ.
Доброе знаменье храбрымъ не медля послала Аѳина,
Цаплю на правой рукѣ отъ дороги: они не видали

Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкіе крики.
Птицей обрадованъ былъ Одиссей, и взмолился Аѳинѣ:
„Гласъ мой услышь, громовержцемъ рожденная! Ты, о богиня,
„Мнѣ сприсущна во всякомъ трудѣ, отъ тебя не скрываю
„Думъ я моихъ; но теперь благосклонною будь мнѣ, Аѳина!
„Дай намъ къ Ахейскимъ судамъ возвратиться покрытыми славой,
„Сдѣлавъ великое дѣло, на долгое горе Троянамъ!

И взмолился второй, Діомедъ воеватель могучій:
„Нынѣ услышь и меня, необорная дщерь Эгіоха!
„Спутницей будь мнѣ, какою была ты герою Тидею
„Къ Ѳивамъ, куда онъ съ посольствомъ ходилъ отъ народовъ Ахейскихъ,
„Возлѣ Асоповыхъ водъ мѣднолатныхъ оставивъ Ахеянъ:
„Мирныя вѣсти отецъ мой Кадмеянамъ несъ браноносным
„Въ градъ, но изъ града идущій, дѣянія страшныя слуху
„Сдѣлалъ, съ тобой; благосклонная ты предстояла Тидею.
„Такъ ты по мнѣ поборай, и меня сохрани, о, богиня!
„Въ жертву тебѣ принесу я широкочелистую краву,
„Юную, выя которой еще не склонялась подъ иго:
„Въ жертву ее принесу я, съ рогами облитыми златомъ.

Такъ говорили молясь; и вняла имъ Паллада Аѳина.
Кончивъ герои мольбу Громовержца великаго дщери,
Оба пустились, какъ львы безстрашные, въ сумракѣ ночи,
Полемъ убійства, по трупамъ, по збруямъ и токамъ кровавымъ.

Тою порой и Троянскимъ сынамъ Пріамидъ не позволилъ
Сну предаваться; собралъ для совѣта мужей знаменитыхъ,

Всѣхъ въ ополченьи Троянскомъ вождей и совѣтниковъ мудрыхъ.
Собраннымъ вмѣстѣ мужамъ, предлагалъ онъ совѣтъ имъ полезный:
„Кто среди васъ за награду великую мнѣ обѣщаетъ
„Славное дѣло свершить? а награда богатая будетъ:
„Дамъ колесницу тому, и яремныхъ коней гордовыйныхъ
„Двухъ, превосходнѣйшихъ всѣхъ при судахъ быстролетныхъ Данайскихъ:
„Кто между вами дерзнетъ, (а покрылся бъ онъ свѣтлою славой!)
„Въ сумракѣ ночи къ Ахейскому стану дойти и развѣдать:
„Такъ ли Ахеянъ суда, какъ и прежде опасно стрегомы;
„Или, уже укрощенные силою нашей, Ахейцы
„Между собой совѣщаютъ о бѣгствѣ; и нынѣшней ночью
„Стражи держать не желаютъ, трудомъ изнуренные тяжкимъ.

Такъ говорилъ; но молчанье глубокое всѣ сохраняли.
Былъ межъ Троянами нѣкто Долòнъ, Троянца Эвмѣда
Вѣстника сынъ, богатый и златомъ, богатый и мѣдью;
Сынъ межъ пятью дочерями, единственный въ домѣ отцовскомъ,
Видомъ своимъ человѣкъ не пригожій, но быстрый ногами.
Онъ предводителю Гектору такъ говорилъ приступивши:
„Гекторъ, меня побуждаетъ душа и отважное сердце
„Въ сумракѣ ночи къ судамъ Аргивянъ подойти и развѣдать.
„Но, Пріамидъ, обнадежь, подыми твой скиптръ и клянися,
„Тѣхъ превосходныхъ коней и блестящую ту колесницу
„Дать непремѣнно, какія могучаго носятъ Пелида.
„Я не напрасный тебѣ, не обманчивый вѣдомецъ буду:
„Станъ отъ конца до конца я пройду; и къ судамъ доступлю я,
„Къ самымъ судамъ Агамѐмнона; вѣрно Ахеянъ владыки
„Тамъ совѣтъ совѣщаютъ, бѣжать ли имъ, или сражаться.
*

Рекъ онъ; и Гекторъ поднялъ свой скипетръ и клялся Долону:
„Самъ Эгіохъ мнѣ свидѣтель, супругъ громовержущій Геры!
„Мужъ въ Иліонѣ другой на Пелидовыхъ коней не сядетъ;
„Ты лишь единый, клянуся я, оными славишься будешь.

Рекъ онъ, и суетно клялся; но сердце разжегъ у Троянца.
Быстро и лукъ свой кривой и колчанъ онъ за плечи забросилъ,
Сверху покрылся кожей косматаго волка сѣдаго;
Шлемъ же хорёвый надѣлъ, и острымъ копьемъ ополчился.
Такъ отъ Троянскаго стана пошелъ онъ къ судамъ; но Троянцу
Вспять не придти отъ судовъ, чтобы Гектору вѣсти доставить.
Онъ, за собой лишь оставилъ толпы и коней и народа,
Рѣзво дорогой пошелъ. Подходящаго скоро примѣтилъ
Царь Одиссей, и сопутнику такъ говорилъ Діомеду:
„Видишь ли, другъ, человѣкъ изъ Троянскаго стана подходитъ!
„Онъ, но еще не увѣренъ я, нашихъ судовъ соглядатай;
„Или подходитъ, чтобъ чей либо трупъ изъ убитыхъ ограбить.
„Но позволимъ сначала не много ему по долинѣ
„Насъ миновать; а потомъ устремимся и вѣрно изловимъ,
„Быстро напавъ; но когда убѣгающій, насъ упредитъ онъ,
„Помни, отъ стана его къ кораблямъ отбивай непрестанно,
„Пикой грозя, чтобы онъ не успѣлъ убѣжать къ Иліону.

Такъ сговорялся они, у дороги, межь грудами труповъ
Оба припали; а онъ мимо ихъ пробѣжалъ безразсудный.
Но, лишь прошелъ онъ на столько, какъ борозды нивы бываютъ,
Мулами вспаханной: (долѣе мулы воловъ тяжконогихъ
Могутъ плугъ составный волочить по глубокому пару):

Бросились гнаться герои; и сталъ онъ, топотъ услышавъ;
Чаялъ онъ въ сердцѣ своемъ, что друзья изъ Троянскаго стана
Кликать обратно его, по велѣнію Гектора, гнались.
Но лишь предстали они на полетъ копія, или меньше;
Лица враговъ онъ узналъ, и проворныя ноги направилъ
Къ бѣгству; и быстро они за бѣгущимъ пустились въ погоню.
Словно какъ два острозубые пса, пріобыкшіе къ ловлѣ,
Серну иль зайца поднявъ, постоянно упорные гонятъ
Мѣстомъ лѣсистымъ; а онъ предъ гонящими визгая скачетъ:
Такъ Діомедъ и рушитель градовъ Одиссей, Иліонца
Полемъ, отрѣзавъ отъ войскъ, постоянно упорные гнали.
Но, какъ готовъ уже былъ онъ съ Ахейскою стражей смѣситься,
Прямо къ судамъ устремляяся: ревность вдохнула Аѳина
Сыну Тидея, да въ рати никто не успѣетъ хвалиться
Славой, что ранилъ онъ прежде, а самъ да не явится послѣ.
Бросясь съ копьемъ занесеннымъ, вскричалъ Діомедъ на Троянца:
„Стой, иль настигну тебя я копьемъ! и напрасно, надѣюсь,
„Будешь отъ рукъ ты моихъ избѣгать неминуемой смерти!

Рекъ онъ, и ринулъ копье; и съ намѣреньемъ мимо прокинулъ:
Быстро надъ правымъ плечомъ пролетѣвши, блестящее жаломъ,
Въ землю воткнулось копье; и Троянецъ сталъ цѣпенѣя:
Губы его затряслися и зубы во рту застучали;
Съ ужаса блѣдный стоялъ онъ; а тѣ задыхаясь, предстали,
Оба схватили его; и Долонъ прослезяся воскликнулъ:
„О, пощадите! а я искуплюсь; у меня изобильно
„Злата и мѣди въ дому и красивыхъ издѣлій желѣза.
„Съ радостью дастъ вамъ изъ нихъ неисчислимый выкупъ отецъ мой,

„Если узнаетъ, что живъ я у васъ на судахъ мореходныхъ.

Но ему на отвѣтъ говорилъ Одиссей многоумный:
„Будь спокоенъ, и думы о смерти отринь ты отъ сердца.
„Лучше отвѣтствуй ты мнѣ, но скажи совершенную правду:
„Что къ кораблямъ Аргивянъ отъ Троянскаго стана бредешь ты
„Въ темную ночь, и одинъ, какъ покоятся всѣ человѣки?
„Грабить ли хочешь ты мертвыхъ, лежащихъ на битвенномъ полѣ?
„Или ты Гекторомъ посланъ, дабы предъ судами Ахеянъ
„Все разсмотрѣть? или собственнымъ сердцемъ къ сему побужденъ ты?

Блѣдный Долонъ отвѣчалъ, и подъ нимъ трепетали колѣна:
„Гекторъ, на горе, меня въ искушеніе ввелъ противъ воли:
„Онъ Ахиллеса великаго коней мнѣ твердокопытыхъ
„Клялся отдать, и его колесницу блестящую мѣдью.
„Мнѣ жъ приказалъ онъ, подъ быстролетящими мраками ночи
„Къ вашему стану враждебному близко дойти и развѣдать:
„Такъ ли суда Аргивянъ, какъ и прежде опасно стрегомы;
„Или, уже укрощенные ратною нашей силой,
„Вы совѣщаетесь въ домы бѣжать; и во время ночное
„Стражи держать не хотите, трудомъ изнуренные тяжкимъ.

Тихо осклабясь, къ нему говорилъ Одиссей многоумный:
„О! даровъ не ничтожныхъ душа у тебя возжелала:
„Коней Пелида героя! жестоки, Троянецъ, тѣ кони;
„Ихъ укротить и управить для каждаго смертнаго мужа
„Трудно, кромѣ Ахиллеса, безсмертной матери сына!
„Но отвѣтствуй еще, и скажи совершенную правду:

„Гдѣ, отправляясь, оставилъ ты Гектора, силъ воеводу?
„Гдѣ у него боевые доспѣхи, быстрые кони?
„Гдѣ ополченья другія Троянскія, стражи и станы?
„Какъ межь собою они полагаютъ: рѣшились ли твердо
„Здѣсь оставаться, далеко отъ города, или обратно
„Мнятъ отъ судовъ отступить, какъ уже одолѣли Ахеянъ?

Вновь отвѣчалъ Одиссею Долонъ, соглядатай Троянскій:
„Храбрый, охотно тебѣ совершенную правду скажу я:
„Гекторъ, когда уходилъ я, остался съ мужами совѣта,
„Съ ними совѣтуясь подлѣ могилы почтеннаго Ила,
„Одаль отъ шума; но стражей, герой, о какихъ вопрошаешь,
„Нѣтъ особливыхъ, чтобъ станъ охраняли, или сторожили.
„Сколько же въ станѣ огней, у огнищъ ихъ, которымъ лишь нужда,
„Бодрствуютъ ночью Трояне, одинъ убѣждая другаго
„Быть осторожнымъ; а всѣ дальноземцы, союзники Трои
„Спятъ беззаботно, и стражу Троянамъ однимъ оставляютъ:
„Нѣтъ у людей сихъ близко ни женъ, ни дѣтей ихъ любезныхъ.

Снова Долона выспрашивалъ царь Одиссей многоумный:
„Какъ же союзники, вмѣстѣ съ рядами Троянъ конеборныхъ,
„Или особо спятъ? разскажи мнѣ, знать я желаю.

Снова ему отвѣчалъ Долонъ, соглядатай Троянскій:
„Все разскажу я тебѣ, говоря совершенную правду:
„Къ морю Карїянъ ряды и стрѣльцовъ криволукихъ Пеоновъ,
„Тамъ же Лелѐговъ дружины, Кавкòновъ и славныхъ Пелазговъ;
„Около Ѳимбры Ликійцы стоятъ и гордые Мизы;

„Рать Фригіанъ колесничниковъ, рать конеборцевъ Меонянъ. —
„Но почто вамъ, герои, распрашивать порознь о каждомъ?
„Если желаете оба въ Троянское войско проникнуть,
„Вотъ новопришлые, съ краю, отъ всѣхъ особливо, Ѳракійцы;
„Съ ними и царь ихъ Резъ, воинственный сынъ Эіонея:
„Видѣлъ я Резовыхъ коней, прекраснѣйшихъ коней, огромныхъ;
„Снѣга бѣлѣе они, и въ ристаніи быстры, какъ вѣтеръ.
„Златомъ, сребромъ у него изукращена вся колесница.
„Самъ подъ доспѣхомъ златымъ, поразительнымъ, дивнымъ для взора,
„Царь сей пришелъ, подъ доспѣхомъ, которой не намъ человѣкамъ
„Смертнымъ прилично носить, но безсмертнымъ богамъ Олимпійскимъ!
„Нынѣ, ведите меня вы къ своимъ кораблямъ быстролетнымъ;
„Или свяжите, и въ узахъ оставьте на мѣстѣ, доколѣ
„Вы не придете обратно и въ томъ не увѣритесь сами,
„Правду ли я вамъ, герои, разсказывалъ, или неправду.

Грозно взглянувъ на него, взговорилъ Діомедъ непреклонный:
„Нѣтъ, о спасеньи, Долонъ, не взирая на добрыя вѣсти,
„Думъ не влагай себѣ въ сердце, какъ впалъ уже въ руки ты наши.
„Если тебѣ мы свободу дадимъ и обратно отпустимъ;
„Вѣрно и вновь ты придешь къ кораблямъ мореходнымъ Ахеянъ,
„Тайно осматривать ихъ, или явно съ нами сражаться.
„Но когда уже духъ подъ моею рукою испустишь,
„Болѣе ты не возможешь погибеленъ быть Аргивянамъ.

Рекъ; и какъ тотъ у него подбородокъ рукою дрожащей
Тронувъ, хотѣлъ умолять: Діомедъ замахнулъ и по выи
Острымъ ножемъ поразилъ, и разсѣкъ ея крѣпкія жилы:

Быстро, еще съ говорящаго, въ прахъ голова соскочила.
Шлемъ хорѐвой они съ головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лукъ и огромную пику.
Все же то вмѣстѣ Аѳинѣ, добычи дарующей, въ жертву
Поднялъ горѣ Одиссей, и молящійся громко воскликнулъ:
„Радуйся жертвой, Аѳина! къ тебѣ мы всегда на Олимпѣ
„Къ первой взываемъ, безсмертныхъ моля! Но еще, о богиня,
„Насъ предводи ты къ мужамъ и къ конямъ, на ночлеги Ѳракіянъ!

Такъ произнесъ, и поднятое все—на зеленой мирѝкѣ
Царь Одиссей положилъ, и означилъ примѣтою видной,
Вкругъ наломавши тростей и вѣтвей полнорослыхъ мирѝки,
Чтобъ его не минуть имъ, идущимъ подъ сумракомъ ночи.
Сами пустились впередъ, чрезъ тѣла и кровавые токи.
Скоро достигли идущіе крайняго стана Ѳракіянъ:
Воины спали, трудомъ утомленные; всѣ ихъ доспѣхи
Пышные, подлѣ же ихъ, въ три ряда въ благолѣпномъ устройствѣ
Сложены были, и пара коней передъ каждымъ стояла.
Резъ посредѣ почивалъ, и его быстроногіе кони
Подлѣ стояли, привязаны къ задней скобѣ колесницы.

Первый его усмотрѣвъ Одиссей, указалъ Діомеду:
„Вотъ сей мужъ, Діомедъ, и вотъ тѣ самые кони,
„Кони Ѳракійскіе, коихъ означилъ Долонъ умерщвленный.
„Но, начинай, окажи ты ужасную силу: не время
„Съ острымъ оружіемъ праздно стоять: иль отвязывай коней,
„Или мужей побивай ты; а я постараюсь объ коняхъ.

Рекъ онъ; и сыну Тидееву крѣпость вдохнула Аѳина:
Началъ рубить онъ кругомъ; поднялися ужасные стоны
Воевъ, мечемъ пораженныхъ, земля забагровѣла кровью.
Словно какъ левъ, на стадо безстражное козъ, или агницъ
Ночью набредши и гибель замысля, бросается быстрый:
Такъ на Ѳракійскихъ мужей Діомедъ бросался могучій;
Онъ ихъ двѣнадцать убилъ. Между тѣмъ Одиссей хитроумный,
Каждаго мужа, которой мечемъ Діомеда зарубленъ,
За ногу сзади схвативъ, выволакивалъ быстро изъ ряду,
Съ мыслію той на душѣ, чтобъ Ѳракійскіе бурные кони
Вышли спокойно за нимъ и невольно не дрогнулибъ сердцемъ,
Прямо по трупамъ ступая, еще не привычные къ мертвымъ.
Но Тидидъ наконецъ до царя приступаетъ, могучій;
Реза третьягонадесять сладостной жизни лишилъ онъ:
Царь тяжело застоналъ: у него сновидѣніемъ грознымъ
Ночью стоялъ надъ главой—Діомедъ, по совѣту Аѳины.
Тою порой Одиссей отвязывалъ Резовыхъ коней;
Вмѣстѣ уздами связалъ и изъ ратнаго толпища вывелъ,
Лукомъ своимъ поражая; бича же блестящаго въ руку
Онъ захватить не помыслилъ съ узорной царя колесницы.
Свиснулъ потомъ Одиссей, подавая знакъ Діомеду.
Тотъ же стоялъ и думалъ, что еще смѣлаго сдѣлать?
Взявъ ли царя колесницу, съ оружіемъ въ ней драгоцѣннымъ,
Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверьхъ приподнявши?
Или, еще ему болѣе душъ у Ѳракіянъ исторгнуть?
Думы герою сіи обращавшему въ сердцѣ, Аѳина
Близко предстала, и такъ провѣщала Тидееву сыну:
„Вспомни уже объ отшествіи, сынъ благородный Тидея!

„Время къ судамъ возвратиться; да къ нимъ не придешь ты бѣгущій,
„Если Троянскихъ мужей небожитель враждебный пробудитъ.

Такъ изрекла; и постигнулъ онъ голосъ богини вѣщавшей;
Быстро вскочилъ на коня. Одиссей обоихъ погонялъ ихъ
Лукомъ, и кони летѣли къ судамъ мореходнымъ Ахеянъ.

Тою порой соглядалъ не безпечно и Фебъ сребролукій.
Онъ усмотрѣлъ, что Аѳина сопутствуетъ сыну Тидея;
И негодуя, въ великое войско Троянъ устремился.
Тамъ пробудилъ онъ Ѳракіянъ совѣтника Гиппокоона,
Резова родича храбраго: съ ложа онъ вспрянулъ, и блѣдный,
Видя лишь мѣсто пустое, гдѣ быстрые кони стояли,
Вкругъ на побоищѣ страшномъ Ѳракіянъ трепещущихъ видя,
Громко взрыдалъ, и по имени кликалъ любезнаго друга.
Крикъ по Троянскому воинству, страшная встала тревога;
Быстро сбѣжались толпы, и дѣламъ изумлялись ужаснымъ,
Кои враги совершили и къ чернымъ судамъ возвратились.

Тѣ же, когда принеслись, гдѣ убитъ соглядатай Троянскій;
Бурныхъ коней удержалъ Одиссей, безсмертнымъ любезный;
Но Тидидъ соскочивъ и кровавыя взявши корысти,
Въ руки подалъ Одиссею, и изнова прянулъ на коней.
Тотъ ихъ ударилъ; но кони покорные сами летѣли
Къ сѣнямъ Ахейскимъ; туда ихъ несло и желаніе сердца.

Несторъ, ихъ топотъ услышавши первый, вѣщалъ межъ царями:
„Други любезные, воинствъ Ахейскихъ вожди и владыки!

„Правда то, или неправда? скажу я вамъ, сердце велитъ мнѣ:
„Коней, стремительно скачущихъ, топотъ мнѣ слухъ поражаетъ.
„Если бы сынъ то Лаерта и сынъ дерзновенный Тидея
„Такъ неожиданно гнали Троянскихъ коней звуконогихъ!
„Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
„Воины наши храбрѣйшіе, въ станѣ встревоженномъ ими!

Не была старцемъ кончена рѣчь, какъ явились герои;
Съ коней на долъ соскочили, и сонмъ Аргивянъ восхищенный
Ихъ привѣчалъ и руками и сладкими окрестъ словами.
Первый сталъ ихъ распрашивать Несторъ конникъ Геренскій:
„Какъ, Одиссей знаменитый, великая слава Ахеянъ,
„Какъ вы коней сихъ добыли? Отважно ли оба проникли
„Въ войско Троянское? или вамъ богъ даровалъ ихъ представшій?
„Солнца лучамъ свѣтозарнымъ они совершенно подобны!
„Я завсегда обращаюсь съ Троянами; праздно, надѣюсь,
„Я не стою предъ судами, хотя и сѣдой уже воинъ;
„Но такихъ я коней не видалъ, не примѣтилъ до нынѣ!
„Богъ, безъ сомнѣнія, въ встрѣчу явившійся, вамъ даровалъ ихъ;
„Васъ обоихъ одинаково любитъ, какъ Зевсъ громовержецъ,
„Такъ и Зевесова дочь, свѣтлоокая дѣва Паллада!

Сыну Нелея отвѣтствовалъ царь Одиссей многоумный:
„Сынъ знаменитый Нелея, великая слава Ахеянъ!
„Богу, когда соизволитъ, и лучшихъ, чѣмъ видите, коней
„Вѣрно легко даровать; божества безпредѣльно могущи!
„Эти жъ, старецъ почтенный, вновь пришлые въ станѣ Троянскомъ—
„Кони Ѳракійцевъ; у нихъ и царя Діомедъ нашъ могучій

„Смерти предалъ, и двѣнадцать сподвижниковъ, все знаменитыхъ!
„Но тринадцатый нами убитъ, при судахъ, соглядатай,
„Коего, высмотрѣть ночью великое воинство наше,
„Нынѣ же Гекторъ послалъ, и другіе сановники Трои.

Такъ говорящій, за ровъ перегналъ онъ коней звуконогихъ,
Радостно-гордый, толпой окруженный веселыхъ Данаевъ.
Скоро герои пришедъ къ Діомедовой кущѣ красивой,
Коней ремнями, искусно разрѣзанныхъ уздъ, привязали
Къ конскимъ яслямъ, гдѣ и другіе царя Діомеда
Бурные кони стояли, питаяся сладкой пшеницей.
Но Лаертидъ на корабль доспѣхъ Долоновъ кровавый
Взнесъ, пока не устроится жертва Палладѣ богинѣ.
Сами же тою порой, погрузившися въ волны морскія,
Потъ и прахъ омывали на голеняхъ, выи, и бедрахъ;
И когда уже все отъ жестокаго пота, морскою
Влагой очистили тѣло, и сердце свое освѣжили;
Оба еще омывались въ красиво-отесанныхъ ваннахъ.
Такъ омывшись они, умащенные свѣтлымъ елеемъ,
Сѣли съ друзьями за пиръ; и изъ чаши великой Аѳинѣ,
Полными кубками, сладостнѣй меда вино возливали.

ПѢСНЬ XI.

СОДЕРЖАНІЕ.

Съ восходомъ зари Зевсъ посылаетъ Вражду, которая возбуждаетъ Ахеянъ къ продолженію брани, ст. 1 — 14. Агамемнонъ вооружается великолѣпнымъ оружіемъ и рано выводитъ къ бою всѣ ополченія, въ которыхъ многимъ героямъ предзнаменуя гибель, Зевсъ низпосылаетъ кровавую росу, 15 — 55. Гекторъ съ Троянами такъ же вооружается; сходятся обѣ рати и долго сражаются съ равнымъ ожесточеніемъ и успѣхомъ: ибо кромѣ Вражды, ни одно содѣйствующее божество не присутствуетъ въ брани, 56—83. Въ полдень Ахейцы разрываютъ ряды Троянъ; но необыкновеннымъ геройствомъ отличается Агамемнонъ; онъ убиваетъ многихъ, чѣмъ воспламенивъ и все воинство, опрокидываетъ Троянъ и гонитъ, 84—162. Преслѣдуемые, они останавливаются уже подъ стѣнами города, Гекторомъ ободренные; но самъ Гекторъ, по повелѣнію Зевса, ему Ирисою возвѣщенному, избѣгаетъ встрѣчи съ свирѣпствующимъ противникомъ, а сражается въ другихъ мѣстахъ, пока онъ не будетъ раненъ и не удалится изъ боя, 163—215. Между тѣмъ Агамемнонъ, снова напавъ на остановившихся Троянъ, убиваетъ Ифидамаса и его брата Коона, которымъ самъ бывъ раненъ, принужденъ удалиться изъ боя, 216—283. Тогда Гекторъ отражаетъ Ахеянъ и гонитъ, страшно свирѣпствуя, 284—309. Смятенный бой возстановляется Одиссеемъ и Діомедомъ, 310—342; Гекторъ нападаетъ на нихъ, но пораженный въ шлемъ копьемъ Діомеда, отступаетъ; Діомедъ же, раненный въ ногу стрѣлою Париса, удаляется изъ боя, 343—400. Одиссей остается на побоищѣ одинъ, среди толпы враговъ, колеблется духомъ, наконецъ нападаетъ, поражаетъ многихъ; самъ, раненный Сокомъ, убиваетъ и его; но принужденный отступить отъ окружающихъ его Троянъ, крикомъ призываетъ на помощь друзей, и избавляется Менелаемъ и Аяксомъ, 401—488. Аяксъ, напавъ на Троянъ, обращаетъ ихъ въ бѣгство; а Гекторъ на лѣвомъ крылѣ свирѣпствуетъ противу Идоменея и Нестора, 489—504. Парисъ ранитъ стрѣлою Махаона, котораго Несторъ увозитъ на колесницѣ, 505 — 520. Между тѣмъ Гекторъ, узнавъ, что Трояне на другомъ концѣ смяты Аяксомъ, на него устремляется; Аяксъ, грозно сражаяся, отступаетъ; по неохотному отступленію сравнивается съ осломъ, 521 — 573. Эврипилъ раненъ стрѣлою Париса и такъ же оставляетъ бой, 574—596. Между тѣмъ Ахиллесъ, увидѣвъ Нестора, увозящаго Махаона изъ битвы, посылаетъ Патрокла освѣдомиться, 597 — 617. Несторъ, извѣстивъ о бѣдственномъ положеніи дѣлъ, убѣждаетъ Патрокла и рѣчью, и повѣстью о брани Елеянъ съ Пилосцами, дабы онъ или преклонилъ Ахиллеса помочь Ахеянамъ, или самъ, надѣвъ оружія Ахиллесовы, устрашилъ бы враговъ, 618 — 803. Патроклъ, возвращаясь назадъ, встрѣчаетъ Эврипила, страдающаго отъ язвы, приводитъ въ сѣнь и врачуетъ, 804—847.

ПѢСНЬ XI.

Рано, едва лишь Денница Тиѳона прекраснаго ложе
Бросила, свѣтъ вожделѣнный неся и безсмертнымъ и смертнымъ,
Зевсъ Вражду ниспослалъ къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ,
Грозную вѣстницу, знаменье брани несущую въ дланяхъ.
Стала Вражда на огромнѣйшій, черный корабль Одиссея,
Бывшій въ срединѣ, да крики ея обоюдно услышатъ,
Въ кущахъ далекихъ Аякса и въ кущахъ царя Ахиллеса,
Кои на самыхъ концахъ съ многовеслыми ихъ кораблями
Стали, надежные оба на силу ихъ рукъ и на храбрость.
Тамъ возвышаясь богиня, воскликнула мощно и страшно,
Крикъ обращая къ Ахейцамъ; и каждому въ сердце вдохнула
Бурную силу, безъ устали вновь воевать и сражаться:
Всѣмъ во мгновенье война имъ кровавая—сладостнѣй стала,
Чѣмъ на судахъ возвращенье въ любезную землю родную.

Громко вопилъ и Атридъ, препоясаться въ брань возбуждая
Воевъ Аргивскихъ; и самъ покрывался блистательной мѣдью:
Прежде всего положилъ на могучія ноги поножи,
Пышныя, кои серебреной плотно смыкались наглезной.
Послѣ вкругъ персей герой надѣвалъ знаменитыя латы,

Кои когда-то Кинирасъ ему подарилъ на гостинецъ:
Ибо до Кипра достигла великая вѣсть, что Ахейцы
Ратью на землю Троянскую плыть кораблями рѣшились:
Въ оные дни подарилъ онъ Атрида, царю угождая.—
Въ латахъ сихъ десять полосъ простиралися ворони черной,
Олова бѣлаго двадцать, двѣнадцать блестящаго злата;
Сизые змѣи по нимъ воздымалися къ верху, до выи,
По три съ боковъ ихъ, подобные радугамъ, кои Кроніонъ
Зевсъ утверждаетъ на облакѣ, въ дивное знаменье смертнымъ.
Мечъ онъ набросилъ на рамо: кругомъ по его рукояти
Гвозди сверкали златые; влагалище мечное окрестъ
Было серебреное, и держалось ремнями златыми.
Поднялъ, всего покрывающій, бурный свой щитъ, велелѣпный,
Весь изукрашенный: десять кругомъ его ободовъ мѣдныхъ,
Двадцать вдоль его было сіяющихъ бляхъ оловяныхъ,
Бѣлыхъ; въ срединѣ жъ одна воздымалася—черная воронь;
Тамъ Горгона видомъ свирѣпая щитъ увершала,
Страшно глядящая, окрестъ которой и Ужасъ и Бѣгство.
Сребреный былъ подъ щитомъ симъ ремень; и по немъ протяженный,
Сизый драконъ извивался ужасный; главы у дракона
Три, межъ собою сплетясь, отъ одной воздымалися выи.
Шлемъ возложилъ на главу изукрашенный, четвероблятный,
Съ конскою гривой; и страшный поверхъ его гребень качался.
Крѣпкія два захватилъ копія, увершенныя мѣдью,
Острыя, мѣдь отъ которыхъ далеко до самаго неба
Ярко сіяла. И грянули свыше Паллада и Гера,
Чествуя сына Атрея, царя многозлатой Микены.

Каждый тогда изъ мужей своему заповѣдалъ возницѣ
Коней устроить въ ряды и предъ рвомъ ихъ держать неотступно.
Сами же пѣшіе, въ мѣдныхъ доспѣхахъ, съ оружіемъ въ длаияхъ,
Рѣяли быстрые; шумъ неумолкный восталъ до разсвѣта.
Конныхъ они упредивъ, передъ рвомъ построились къ бою;
Конные одаль за ними текли; и смятеніе злое
Зевсъ промыслитель въ толпахъ ихъ воздвигъ, и съ высотъ, изъ эѳира
Росу послалъ, растворенную кровью; зане обрекалъ онъ
Многія храбрыхъ главы ниспослать въ обитель Аида.

Трои сыны ополчались, занявъ возвышеніе поля,
Окрестъ великаго Гектора, Полидамаса героя,
Окрестъ Энея, которой какъ богъ почитался народомъ,
Трехъ Антенора сыновъ, Агенора героя, Полиба
И Акамаса младаго, подобнаго жителю неба.
Гекторъ герой между первыми щитъ обращалъ круговидный.
Словно звѣзда вредоносная, то изъ-за тучъ появляясь,
Блещетъ огнистая, то погружается въ мрачныя тучи:
Такъ Пріамидъ воеводствуя, то межъ переднихъ являлся,
То между заднихъ, къ сраженію строя; подъ пламенной мѣдью
Весь онъ свѣтился, какъ молнія грома метателя Зевса.

Воины, такъ какъ жнецы, устроясь другъ противъ друга
Жать ячмень, иль пшеницу, на нивѣ богатаго мужа,
Полосу встрѣчные гонятъ; ручни на ручни упадаютъ:
Такъ соступившіесь воины, другъ противъ друга бросаясь,
Бились; ни тѣ, ни другіе о низкомъ не мыслили бѣгствѣ;
Съ рвеніемъ равнымъ главы на сраженье несли, и какъ волки

Въ битвѣ ярились. Вражда веселилась, виновница бѣдствій,
Токмо одна отъ безсмертныхъ при страшной присутствуя сѣчѣ.
Боги другіе давно удалились отъ брани; спокойно
Въ свѣтлыхъ своихъ возсидѣли жилищахъ, гдѣ каждому богу
Домъ велелѣпный воздвигнутъ, по горнымъ уступамъ Олимпа.
Всѣ же они порицали гонителя облаковъ Зевса,
Трои сынамъ даровать возжелавшаго славу побѣды.
Но не внималъ имъ владыка Олимпа; отъ всѣхъ уклонялся
Онъ, одинокій, сидѣлъ въ отдаленіи, радостно гордый,
Градъ созерцая Троянъ, корабли черноокихъ Данаевъ,
Мѣди сіяніе, брань, и губящихъ мужей и губимыхъ.

Долго, какъ длилося утро и день возрасталъ свѣтоносный,
Стрѣлы и тѣхъ и другихъ поражали, и падали вои.
Въ часъ же, какъ мужъ древосѣкъ начинаетъ обѣдъ свой готовить,
Сѣвъ подъ горою тѣнистой, когда уже руки насытилъ,
Лѣсъ повергая высокій, и томность на душу находитъ,
Чувства жъ его обымаетъ алканіе сладостной пищи:
Въ часъ сей Ахеяне силой своей разорвали фаланги,
Крикнувши разомъ дружина къ дружинѣ; впередъ Агамѐмнонъ
Рынулся первый, и свергнулъ владыку мужей Біанора,
Свергнулъ и друга его—Оилѐя, гонителя коней.
Онъ, съ колесницы низпрянувши, противусталъ Атреїону;
И въ чело устремленнаго острымъ копьемъ Агамѐмнонъ
Грянулъ; копья не сдержалъ ни шеломъ его мѣднотяжелый:
Быстро сквозь мѣдь и сквозь кость пролетѣло, и въ черепъ ворвавшись,
Съ кровью смѣсило весь мозгъ, и смирило его въ нападеньи. —
Бросилъ сраженныхъ во прахѣ, владыка мужей Агамѐмнонъ,

Персями бѣлыми блещущихъ: онъ обнажилъ ихъ доспѣхи.
Самъ устремился на И́за и А̀нтифа, свергнуть пылая
Двухъ Пріами́довъ, (побочный одинъ, а послѣдній законный,)
Бывшихъ въ одной колесницѣ: побочный правилъ конями,
Антифъ же стоя воинствовалъ храбрый; нѣкогда ихъ же,
Пасшихъ овецъ, Ахиллесъ изловивъ при подошвахъ Идейскихъ,
Вѣтвями гибкими плѣнныхъ связалъ, но избавилъ за выкупъ.
Нынѣ Атридъ ихъ, пространновластительный царь Агамѐмнонъ,
Перваго въ грудь близъ сосца поразилъ длиннотѣнною пикой;
Антифа жъ въ ухо мечемъ огромилъ, и сразилъ съ колесницы.
Спѣшно съ поверженныхъ онъ совлекалъ прекрасныя брони,
Вспомнивши юношей: прежде онъ ихъ предъ судами Ахеянъ
Видѣлъ, какъ съ Иды плѣненныхъ привелъ Ахиллесъ благородный.
Словно, какъ левъ быстроногія лани дѣтей безпомощныхъ,
Если придетъ къ логовищу, схвативши въ ужасные зубы,
Вдругъ сокрушаетъ съ костями, и юную жизнь похищаетъ;
Мать, какъ ни близко стоитъ у дѣтей, но помочь имъ не можетъ;
Сердце у ней у самой обымаетъ насильственный трепетъ;
Быстрая скачетъ сквозь частый кустарникъ, сквозь темныя рощи,
Потъ проливая, бѣжитъ отъ неистовства мощнаго звѣря:
Такъ Пріами́дамъ никто изъ Троянъ при погибели грозной
Помощи не далъ; они предъ Ахейцами сами бѣжали.

Въ слѣдъ онъ Пизандра и пылкаго въ битвахъ постигъ Гипполо̀ха,
Братьевъ, сыновъ Антимаха, который, принявъ отъ Париса
Злато, блистательный даръ, на совѣтахъ всегда прекословилъ
Всѣмъ предлагающимъ, выдать Елену царю Менелаю.
Мужа сего двухъ сыновъ изловилъ Агамѐмнонъ могучій,
Бывшихъ въ одной колесницѣ, и вмѣстѣ коней укрощавшихъ;

Ибо изъ дланей у нихъ убѣжали блестящія возжи;
Оба смутились они; и на нихъ, какъ левъ, устремился
Царь Агамѐмнонъ; они съ колесницы къ нему возопили:
„Даруй намъ жизнь, о Атридъ! и получишь ты выкупъ достойный.
„Много въ дому Антимаха лежитъ драгоцѣнностей въ домѣ;
„Много и мѣди и злата и хитрыхъ издѣлій желѣза.
„Съ радостью выдастъ тебѣ неисчислимый выкупъ родитель,
„Если услышитъ, что живы мы оба, въ плѣну у Данаевъ.

Такъ вопіющіе оба, царя преклоняли на жалость
Ласковой рѣчью; но голосъ неласковый слухъ поразилъ имъ:
„Если вы оба сыны Антимаха, враждебнаго мужа,
„Что на сонмѣ Троянамъ совѣтъ подавалъ, Менелая,
„Въ Трою посломъ приходившаго съ мудрымъ Лаертовымъ сыномъ,
„Тамъ умертвить, а обратно его не пускать къ Аргивянамъ;
„Се вамъ достойная мзда за презрѣнную злобу отцову!

Рекъ, и могучимъ ударомъ Пизàндра сразилъ съ колесницы;
Въ грудь онъ копьемъ пораженный, ударился тыломъ о землю.
Спрянулъ съ коней Гипполòхъ; и его низложилъ онъ на землю,
Руки мечемъ отрубивши и голову съ выей отсѣкши;
Трупъ оттолкнулъ, и по толпищу онъ покатился какъ ступа.
Бросивъ сраженныхъ, туда, гдѣ сильнѣе толпились фаланги,
Ринулся онъ, и за нимъ мѣднобронные мужи Ахейцы.
Пѣшіе пѣшихъ разятъ, предающихся бѣгству неволей,
Конные конныхъ, (отъ нихъ заклубилося облако праха
Съ поля, взвиваясь ногами гремящихъ копытами коней,)
Мѣдью другъ друга сражаютъ; но мощный Атридъ непрестанно

Гналъ, поражая бѣгущихъ и крикомъ своихъ ободряя.
Словно какъ хищный огонь на нерубленый лѣсъ нападаетъ;
Вихорь крутящійся окрестъ разноситъ его, и изъ корней
Съ трескомъ древа упадаютъ, крушимыя огненной бурей:
Такъ подъ руками героя Атрида главы упадали
Въ бѣгъ обращенныхъ Троянъ; крутовыйные многіе кони
Съ громомъ по браннымъ путямъ колесницы носили пустыя,
Славныхъ ища ихъ возницъ; а они по долинѣ лежали
Блѣдные, коршунамъ больше пріятные, чѣмъ ихъ супругамъ.

Гектора жъ Зевсъ промыслитель отъ стрѣлъ удалилъ, и отъ праха,
Внѣ пораженья поставилъ, и крови, и бурной тревоги.
Но Агамѐмнонъ преслѣдовалъ, мощно своихъ возбуждая.
Толпища мимо кургана Дарданскаго древняго Ила
Полемъ, нестройныя, мимо смоковницы дикой бѣжали,
Сердцемъ летящія въ градъ; неотступно преслѣдовалъ съ крикомъ
Царь Агамѐмнонъ, и кровью багрилъ необорныя руки.
Но приближася къ дубу и къ Скейскимъ воротамъ, Трояне
Тамъ удержались, и ставъ, ожидали послѣднихъ бѣгущихъ.
Тѣ же еще по долинѣ, какъ робкія бѣгали кравы,
Если ихъ левъ распугаетъ, пришедшій въ глубокую полночь,
Всѣхъ; но единой изъ нихъ предстоитъ ужасная гибель:
Выю онъ вдругъ ей крушитъ, захвативши въ могучіе зубы;
Послѣ и кровь и горячую внутренность всю поглощаетъ:
Такъ ихъ бѣгущихъ преслѣдовалъ мощный Атридъ, непрестанно
Мужа послѣдняго пикой сражая; бѣжали Трояне.
Многіе ницъ и хребтомъ упадали, сраженные съ коней
Дланью Атридовой: такъ впереди онъ свирѣпствовалъ пикой.

Но когда, побѣждая, подъ градъ и высокую стѣну
Онъ приближался; въ то время отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ,
Зевсъ, на превыспреннемъ холмѣ обильной потоками Иды,
Съ неба нисшедшій, возсѣлъ; и держалъ онъ перуны въ десницѣ,
И къ посланницѣ быстрой вѣщалъ златокрылой Ирисѣ:
„Шествуй, посланница быстрая, Гектору слово повѣдай:
„Дондеже зритъ онъ, что пастырь народа Атридъ Агамѐмнонъ
„Между переднихъ свирѣпствуя, губитъ ряды браноносцевъ;
„Пусть отъ него уклоняется, токмо другихъ ободряя
„Храбро съ мужами враждебными ратовать въ битвѣ жестокой.
„Но когда копіемъ, иль Троянской стрѣлой пораженный,
„Бросится онъ въ колесницу; пошлю я Гектору крѣпость:
„Будетъ разить онъ, доколѣ дойдетъ къ кораблямъ быстролетнымъ,
„И закатится солнце, и мраки священные снидутъ.

Рекъ; повинуется быстрая, равная вихрямъ Ириса;
Съ Иды горы устремляется къ Трои, священному граду;
Тамъ Пріамида героя, великаго Гектора видитъ,
Въ сонмѣ дружинъ на коняхъ, въ колесницѣ стоящаго свѣтлой;
Ставъ передъ нимъ, провѣщаетъ подобная вихрямъ Ириса:
„Гекторъ, Пріамова отрасль, равный совѣтами Зевсу!
„Зевсъ посылаетъ меня, да тебѣ изреку его слово:
„Дондеже зришь ты, что пастырь народа Атридъ Агамѐмнонъ
„Между переднихъ свирѣпствуя, губитъ ряды ратоборцевъ;
„Самъ отъ него уклоняйся, и токмо другихъ ободряй ты,
„Храбро съ мужами враждебными ратовать въ битвѣ жестокой;
„Но когда копіемъ, иль Троянской стрѣлой пораженный,
„Бросится онъ въ колесницу; тебѣ ниспошлетъ онъ могучесть;

„Будешь разить ты, доколѣ дойдешь къ кораблямъ быстролетнымъ,
„И закатится солнце и мраки священные снидутъ.

Такъ говоря, отлетѣла подобная вихрямъ Ириса.
Гекторъ герой съ колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю;
Острыя копья колебля, кругомъ обходилъ ополченья
Въ бой распаляя сердца; и возжегъ онъ ужасную сѣчу.
Вспять обратились Трояне и стали въ лице Аргивянамъ;
Аргоса вои съ противной страны укрѣпили фаланги; —
Битва возставлена; стали на встрѣчу; и царь Агамѐмнонъ
Рынулся первый: пылалъ и въ переднихъ онъ первымъ сражаться.

Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Кто Агамѐмнону противусталъ на сраженіе первый
Между Троянъ конеборственныхъ, или союзниковъ славныхъ?—
Сынъ Антеноровъ, герой Ифидамасъ, огромный и сильный,
Въ Ѳракіи холмной воспитанный, матери стадъ руноносныхъ.
Тамъ Антенорова сына Киссѐй воспиталъ съ колыбели,
Дѣдъ знаменитый его, бѣлоногой Ѳеаны родитель.
Но когда онъ достигнулъ возраста юности славной,
Дѣдъ удержавши его, сочеталъ съ нимъ дочь. Новобрачный
Вдругъ изъ чертога онъ брачнаго славой Ахеянъ увлекся;
Въ черныхъ двѣнадцати быстрыхъ судахъ полетѣлъ къ Иліону;
Но суда многомѣстныя въ градѣ Перкотѣ оставивъ,
Пѣшій съ дружиной пошелъ и вступилъ въ Иліонскія стѣны.
Онъ Агамѐмнону противусталъ на сраженіе первый.—
Чуть соступилися оба, идущія другъ противъ друга,
Рынулъ Атридъ и прокинулъ: оружіе мимо промчалось.

*

Но Ифидамасъ средь запона, ниже сіяющей брони,
Пику вонзилъ, и на древко налегъ, уповая на силу.
Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный поясъ:
Первое встрѣтивъ сребро, какъ свинецъ, изугнулося жало.
Древко рукой ухвативъ повелитель мужей Агамемнонъ,
Мощно повлекъ, разъяренный какъ левъ, и изъ рукъ супостата
Вырвалъ; его же по выи мечемъ поразилъ и низвергнулъ.
Тамъ, по землѣ распростершися, сномъ засыпаетъ онъ мѣднымъ,
Бѣдный, друзей защищавшій, далеко отъ вѣрной супруги,
Юной, отъ коей и ласкъ не пріялъ, но дарами осыпалъ:
Сто ей воловъ сперва даровалъ, и еще обѣщалъ онъ
Тысячу козъ и овецъ изъ стадъ у него неисчетныхъ.
Нынѣ жъ Атридъ Агамемнонъ его обнаженнаго бросилъ,
И понесъ межъ толпами доспѣхъ пораженнаго пышный.
Скоро Атрида увидѣлъ Коонъ, знаменитый воитель,
Сынъ Антеноровъ старѣйшій; и сердца глубокая горесть
Очи ему помрачила при видѣ простертаго брата. —
Сталъ въ сторонѣ онъ съ копьемъ, непримѣтный герою Атриду;
Быстро ударилъ, и въ руку его поразилъ возлѣ локтя:
Руку насквозь прокололо копейное яркое жало;
И содрогся отъ страха владыка мужей Агамемнонъ;
Брани жъ и боя герой не оставилъ и такъ; на Коона
Рынулся грозный, колебля копье возращенное бурей.
Онъ же тогда Ифидамаса, милаго брата роднаго,
Пламенно за ногу влекъ, призывающій храбрыхъ на помощь:
Влекшаго тѣло его, подъ огромнымъ щитомъ, Агамемнонъ
Сулицей мѣдяножальной ударилъ и силы разрушилъ,
И на братнемъ трупѣ главу съ него ссѣкъ налетѣвшій.

Такъ Антенора сыны, подъ руками Атрида героя
Участь свою совершивъ, погрузились въ обитель Аида.
Онъ же, могучій, другіе ряды обходилъ ратоборцевъ,
Ихъ и копьемъ и мечемъ и огромными камнями бьющій,
Кровь покуда горячую свѣжая рана струила.
Но лишь рана засохла и черная кровь унялася,
Боли мучительно-острыя въ душу Атрида вступили.
Словно какъ мать при родахъ раздираютъ жестокія стрѣлы,
Острыя, кои вонзаютъ Илиѳіи, Герины дщери,
Женамъ родящимъ присущія, мукъ ихъ владычицы горькихъ:
Столько же острыя боли вступили въ Атридову душу.
Онъ въ колесницу вскоча, повелѣлъ своему браздодержцу
Коней къ судамъ устремить мореходнымъ; и сердцемъ терзаясь,
Крикъ онъ, кругомъ раздающійся, поднялъ, къ Ахеямъ взывая:
„Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ!
„Вы отражайте теперь отъ Ахейскихъ судовъ мореходныхъ
„Тяжкую битву; а мнѣ не позволилъ Кронидъ промыслитель
„Ратовать цѣлый сей день съ вѣроломными чадами Трои.

Такъ произнесъ; и бичемъ браздодержецъ коней пышногривыхъ
Къ чернымъ погналъ кораблямъ; и послушные кони летѣли;
Пѣну по персямъ клубя и кругомъ осыпаяся прахомъ,
Съ браннаго поля несли удрученнаго язвой владыку.

Гекторъ, едва усмотрѣлъ отходящаго съ битвы Атрида,
Голосомъ звучнымъ вскричалъ, возбуждая Троянъ и Ликіянъ:
„Трои сыны и Ликійцы и вы, рукопашцы Дарданцы!
„Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную храбрость!

„Съ боя уходитъ храбрѣйшій; и мнѣ знаменитую славу
„Зевсъ посылаетъ; направьте, Трояне, коней звуконогихъ
„Прямо на гордыхъ Данаевъ, стяжайте высокую славу!

Такъ восклицая, возжегъ онъ и силу и мужество въ каждомъ.
Словно какъ ловчій испытанный псовъ бѣлозубыхъ станицу
Въ ловъ раздражаетъ на льва, иль на дикаго вепря лѣснаго:
Такъ на Аргивскихъ мужей Троянъ раздражалъ крѣпкодушныхъ
Гекторъ герой, человѣковъ губителю равный Арею;
Самъ же онъ гордо мечтающій, первый предъ ратью идущій,
Въ бой налеталъ, какъ высококрутящійся вихорь могучій,
Свыше который обрушась, весь понтъ черноводный волнуетъ.

Кто же былъ первый, и кто былъ послѣдній, которыхъ низвергнулъ
Гекторъ герой, какъ побѣду ему даровалъ Олимпіецъ?
Первый Ассей, и во слѣдъ Автоной, и Опитъ бранноносный,
Клитія отрасль Долопъ, Агелай, и могучій Офельтій,
Оръ, и отважный Эзимнъ, и Гиппоноой, пламенный въ битвахъ:
Сихъ поразилъ онъ Ахейскихъ вождей именитыхъ; а ратныхъ
Множество: словно какъ Зефиръ на облаки облаки гонитъ,
Хладнаго Нота порывами бурными ихъ поражая;
Волны, холмясь, безпрестанно крутятся, и пѣна высоко
Брызжетъ, взрываясь порывами многостороннаго вѣтра:
Такъ безпрестанно отъ Гектора падали головы ратныхъ.
Гибель былабъ, совершилось бы тутъ невозвратное дѣло,
Вѣрно упали бъ въ суда отраженныя рати Ахеянъ;
Если бъ Тидида на бой не призвалъ Одиссей прозорливый:
„Что, Діомедъ, мы стоимъ, и забыли воинскую доблесть?

„Шествуй сюда ты, и стань близъ меня: нестерпимый позоръ намъ,
„Если у насъ корабли завоюетъ божественный Гекторъ!

Сыну Лаерта въ отвѣтъ говорилъ Діомедъ нестрашимый:
„Стану, о другъ, я, и здѣсь устою; но пользы не много
„Будетъ отъ нашего мужества: Зевсъ, потрясатель эгида,
„Больше Троянамъ, чѣмъ намъ—даровать одолѣніе хочетъ!

Такъ произнесъ; и Ѳимбрея сразилъ съ колесницы на землю,
Въ грудь у сосца поразивши копьемъ; Одиссей же могучій
Богу подобнаго свергъ Моліона, клеврета царева.
Въ прахѣ оставили сихъ, успокоенныхъ ими отъ брани;
Сами жъ толпу проходя, волновали ее, и какъ вепри
Вдругъ на псовъ, ихъ гонящихъ, гордые мечутся сами:
Такъ обратяся они, истребляли Троянъ; а Данаи
Радостно всѣ отдыхали отъ бѣгства предъ Гекторомъ грознымъ.
Тутъ колесницу они и могучихъ мужей изловили,
Двухъ сыновъ Перкозійца Меропа, который славнѣйшій
Былъ предсказатель судьбы, и сынамъ не давалъ позволенья
Къ брани погибельной въ Трою итти; не послушали дѣти
Старца родителя: рокъ увлекалъ ихъ къ погибели черной.
Ихъ обоихъ Тидеіонъ Діомедъ, знаменитый копейщикъ,
Душу и жизнь сокрушилъ, и прекрасныя збруи похитилъ.
Царь Одиссей Гипподама сразилъ и вождя Гипероха.

Тутъ въ равновѣсіи бой распростеръ межъ народовъ Кроніонъ,
Съ Иды взиравшій на брань; и они поражали другъ друга.
Мощный Тидидъ копіемъ уязвилъ въ бедро Агастрофа,

Сына Пеонова храбраго: коней при немъ, чтобъ избѣгнуть,
Не было близко; такъ Пеонидъ омрачился душею;
Ихъ возница держалъ въ отдаленіи; самъ же онъ пѣшій
Рыскалъ межъ сонмовъ переднихъ, пока погубилъ свою душу.
Гекторъ героевъ узрѣлъ сквозь ряды, и на нихъ устремился
Съ крикомъ свирѣпымъ; за нимъ и Троянъ полетѣли фаланги.
Сердцемъ смутился, увидѣвъ его Діомедъ благородный,
И мгновенно возвалъ къ близъстоящему сыну Лаерта:
„Гибель крутится на насъ, шлемоблещущій Гекторъ могучій!
„Но останемся здѣсь, и ее отразимъ устоявши!

Рекъ онъ, и мощно потрясши, послалъ длиннотѣнную пику,
И улучилъ, безъ ошибки умѣтилъ въ главу Пріамида,
Въ верхъ коневласаго шлема; но мѣдь отскочила отъ мѣди:
Къ бѣлому тѣлу коснуться шеломъ возбранилъ дыроокій,
Крѣпкій, тройный, на защиту герою дарованный Фебомъ.
Гекторъ далеко отпрянулъ назадъ, и смѣсившись съ толпою,
Палъ на колѣно; могучей рукой упираяся въ землю,
Томный поникнулъ; и взоръ ему черная ночь осѣнила.
Но пока Діомедъ за копьемъ, пролетѣвшимъ далеко,
Шелъ сквозь ряды первоборные, гдѣ оно въ землю вонзилось;
Гекторъ съ духомъ собрался, и бросившись вновь въ колесницу,
Къ дружнимъ толпамъ поскакалъ и избѣгнулъ гибели черной.
Съ пикой преслѣдуя, громко вскричалъ Діомедъ нестрашимый:
„Снова отъ смерти избѣгнулъ ты, песъ! надъ твоей головою
„Гибель летѣла, и снова избавленъ ты Фебомъ могучимъ:
„Феба обыкъ ты молить, выходя на свистящія стрѣлы!
„Скоро однакожъ съ тобою я кончу, сошедшися послѣ,

„Если и мнѣ межъ боговъ небожителей есть покровитель!
„Нынѣ пойду на другихъ, и повергну, которыхъ постигну!

Рекъ, и съ Пеонова сына доспѣхи совлечь наклонился.
Тою порой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Скрывшись за столпъ гробовой, на могилѣ усопшаго мужа,
Ила, Дарданова сына, почтеннаго въ древности старца,
Лукъ натягалъ на Тидеева сына, владыку народа;
И какъ тотъ наклонясь, обнажалъ Агастрофа героя:
Щитъ отъ раменъ, испещренныя латы отъ персей, и тяжкій
Шлемъ отъ главы: Александръ, рукоятіе лука напрягши,
Мечетъ стрѣлу, и не тщетно она изъ руки излетѣла:
Ранилъ въ десную пяту; и стрѣла пробѣжавъ сквозь подошву,
Въ землю вонзилась. Парисъ торжествующій, съ радостнымъ смѣхомъ
Вдругъ изъ засады подпрянулъ, и гордый побѣдой, воскликнулъ:
„Ты пораженъ! и моя не напрасно стрѣла полетѣла!
„Еслибъ въ утробу тебя угодилъ я, и душу исторгнулъ!
„Сколько нибудь отдохнули бъ отъ бѣдъ обитатели Трои,
„Коихъ страшишь ты, какъ левъ истребительный агнцевъ блеющихъ!

И ему, не робѣя, Тидидъ отвѣчалъ благородный:
„Подлый стрѣлецъ, лишь кудрями гордящійся, дѣвъ соглядатай!
„Если бъ противу меня испыталъ ты оружій открыто,
„Лукъ не помогъ бы тебѣ, ни крылатыя частыя стрѣлы!
„Ты у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
„Мнѣ же ничто! какъ бы дѣва ударила, или ребенокъ!
„Такъ, тупа стрѣла ничтожнаго, слабаго мужа!
„Иначе мчится моя: лишь враждебнаго тѣла достигнетъ,

„Острой влетаетъ стрѣлой, и пронзенный лежитъ бездыханенъ!
„И мгновенно вдова его въ грусти терзаетъ ланиты,
„Дѣти въ дому сиротѣютъ, и самъ онъ, кровавящій землю,
„Тлѣетъ, и вкругъ его тѣла не жены, а птицы толпятся!

Такъ онъ вѣщалъ; и къ нему приступивъ Одиссей копьеборецъ,
Сталъ впереди; Діомедъ же присѣвъ, изъ ноги прободенной
Вырвалъ стрѣлу, и по тѣлу жестокая боль пробѣжала.
Онъ, въ колесницу вскочивъ, повелѣлъ своему браздодержцу
Коней къ судамъ устремить мореходнымъ; терзалось въ немъ сердце.

Тутъ Одиссей копьеборецъ покинутъ одинъ; изъ Ахеянъ
Съ нимъ никто не остался: всѣхъ разсѣялъ ихъ ужасъ.
Онъ воздохнувъ, говорилъ къ своему благородному сердцу:
„Горе! что будетъ со мною? позоръ, коль толпы устрашася,
„Я убѣгу; но и горше того, коль толпою постигнутъ
„Буду одинъ я? другихъ Аргивянъ Громовержецъ разсыпалъ.
„Но почто мою душу волнуютъ подобныя думы?
„Знаю, что подлый одинъ отступаетъ безчестно изъ боя!
„Кто на бояхъ благороденъ душей, безъ сомнѣнія долженъ
„Храбро стоять, поражаютъ его, или онъ поражаетъ!

Тою порою, какъ думы сіи обращалъ онъ на сердцѣ,
Быстро Троянцевъ ряды приступили къ нему щитоносцевъ,
И сомкнулись кругомъ, межъ себя заключая ихъ гибель.
Словно какъ вепря и быстрые псы и ловцы молодые
Вдругъ окружаютъ; а онъ изъ дремучаго лѣса выходитъ
Грозный, въ искривленныхъ челюстяхъ бѣлый свой клыкъ изощряя;

Ловчіе вкругъ нападаютъ; стучитъ онъ ужасно зубами,
Гордый звѣрь; но стоятъ звѣроловцы, какъ онъ ни грозенъ:
Такъ на любимца боговъ Одиссея кругомъ нападали
Мужи Троянскіе; онъ отбивался, и острою пикой
Перваго ранилъ въ поверхность плеча Деіопита героя;
Послѣ Ѳоона и Эннома другъ возлѣ друга низрынувъ,
Онъ Херсидама Троянца, когда съ колесницы тотъ прядалъ,
Въ чрево блестящимъ дротомъ, подъ щитомъ его выпуклобляшнымъ,
Ранилъ; во прахѣ простершись, руками хватаетъ онъ землю.
Сихъ онъ оставилъ; и вслѣдъ поразилъ Гиппасида Харопа,
Милаго брата рожденіемъ славнаго Сока героя.
Въ помощь ему устремившися Сокъ, небожителю равный,
Быстро и близко предсталъ, и къ Лаертову сыну воскликнулъ:
„Царь Одиссей! неистомный въ трудахъ, неоскудный въ коварствахъ!
„Днесь—или ты надъ двумя Гиппасидами будешь гордиться,
„Свергнувъ мужей таковыхъ, и доспѣхъ ихъ блестящій похитивъ;
„Или, копьемъ ты моимъ низпроверженный, душу погубишь!

Рекъ онъ, и пикой въ розмахъ поразилъ по щиту Одиссея:
Щитъ свѣтозарный насквозь пробѣжала могучая пика,
Броню, художествомъ пышную, быстро пронзила, и кожу
Всю отдѣлила отъ ребръ Одиссеевыхъ; но запретила
Мѣди Паллада Аѳина касаться утробы героя.
И познавъ Одиссей, что стрѣлой не смертельной постигнутъ,
Мало назадъ отступилъ, и къ Гиппасову сыну воскликнулъ:
„Нѣтъ, злополучный, тебя постигаетъ жестокая гибель!
„Ты воспрепятствовалъ мнѣ съ Фригіянами нынѣ сражаться;
„Я же тебѣ предвѣщаю убійство и черную гибель:

*

„Здѣсь и теперь же моимъ копіемъ ты поверженный, славу
„Даруешь мнѣ, и Аиду, конями гордящемусь, душу!

Рекъ онъ; и Сокъ, отъ него обратившися, въ бѣгъ устремился;
И ему обращенному пику въ хребетъ углубилъ онъ
Между раменъ, и насквозь черезъ перси широкія выгналъ;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ; и вскричалъ Одиссей торжествуя:
„Сокъ, о воинственный сынъ укротителя коней Гиппаса!
„Смертная участь постигла тебя, отъ нея не избѣгъ ты!
„Ахъ, злополучный! тебѣ ни отецъ, ни почтенная матерь
„Темныхъ очей не закроютъ умершему; хищныя птицы
„Скоро тебя разорвутъ, поражая густыми крылами!
„Мнѣ же, умершему, честь воздадутъ Аргивяне герои!

Такъ восклицающій, Сока могучаго бурную пику
Вырвалъ изъ язвы своей и щита Одиссей благородный;
Вслѣдъ за оружіемъ хлынула кровь и душа затомилась.
Мужи Троянскіе только увидѣли кровь Одиссея,
Крикнувъ другъ къ другу въ толпѣ, на единаго всѣ устремились.
Онъ же отъ нихъ отступалъ, и друзей призывалъ восклицая.
Трижды вскричалъ Одиссей, какъ смогла голова человѣка;
Трижды послышалъ сей крикъ Менелай, копьеборецъ могучій.
Быстро Атридъ возгласилъ къ находившемусь близко Аяксу:
„О Теламонидъ, Аяксъ благородный, властитель народа!
„Крикъ Одиссея героя ко мнѣ достигаетъ призывный,
„Крику подобный, какъ будто его одного угнѣтаютъ
„Боемъ Трояне, отрѣзавъ отъ всѣхъ на побоищѣ страшномъ.
„Другъ, устремимся въ толпу; защитить Одиссея намъ должно!

„Я трепещу, да одинъ межъ Троянами онъ не постраждетъ,
„Какъ ни отваженъ; великая скорбь поразила бъ Ахеянъ!

Рекъ, и грядетъ онъ, сопутствуемъ мужемъ безсмертному равнымъ.
Скоро они Одиссея узрѣли: толпою ходили
Окрестъ героя враги, какъ межъ горъ кровожадныя волки
Окрестъ еленя рогатаго, коего мужъ звѣроловецъ
Ранилъ стрѣлой съ тетивы: отъ него избѣжалъ быстроногій,
Мчася, доколѣ вращались горячая кровь и колѣна;
Но когда его мощь одолѣла стрѣла роковая;
Хищныя волки его, между горъ растерзавъ, пожираютъ
Въ мрачной дубравѣ; и льва истребителя демонъ приводитъ;
Волки кругомъ разсыпаются; добычу левъ пожираетъ:
Такъ вокругъ Одиссея, искуснаго въ битвахъ, ходили
Мужи Троянскіе, многіе, сильные; онъ же безстрашный
Вкругъ обращаясь, копьемъ отражалъ роковую годину.
Сынъ Теламоновъ приближился, щитъ, какъ башню, несущій;
Сталъ передъ нимъ; и Трояне разсыпались другъ предъ другомъ.
За руку взявши его, изъ толпы выводилъ благородный
Царь Менелай, пока не предсталъ съ колесницей возница.
Бурный Аяксъ на Троянъ опрокинувшись, ранилъ Дорікла,
Сына Пріама побочнаго; тамъ же онъ Пандока свергнулъ,
Свергнулъ, кругомъ нападая, Лизандра, Пираза, Пиларта.
Словно рѣка наводненная, въ поле незапная хлынетъ,
Бурно упавшая съ горъ, отягченная Зевсовымъ ливнемъ;
Многіе дубы изсохшіе, многія древнія сосны
Мчитъ, и, крутящаясь, илъ свой взволнованный въ море бросаетъ:
Такъ устремился, и все взволновалъ Теламонидъ могучій,

Коней разя и мужей. Но погибельной смуты не вѣдалъ
Гекторъ; на лѣвомъ концѣ онъ пылающей брани сражался,
Вдоль по брегу Скамандра пучиннаго, гдѣ наиболѣ
Падали головы ратныхъ, и бранные клики гремѣли
Около Нестора старца и сильнаго Идоменея.
Гекторъ межъ ними вращался могучій, и грозное дѣялъ:
Пикой и бурной ѣздой сокрушалъ онъ фаланги Данаевъ.
Но не оставили бъ поля Данайскія храбрыя рати;
Если бъ герой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Битвы прервать не принудилъ Махаона, храбраго мужа,
Въ правое рамо его поразивъ троежальной стрѣлою.
Всѣ за него ужаснулись пылавшіе бранью Данаи,
Чтобы его, при несчастливой битвѣ, враги не сразили.
Идоменей къ знаменитому Нестору первый воскликнулъ:
„Несторъ Нелидъ, о великая слава Ахейскихъ народовъ!
„Стань въ колесницу немедленно; пусть и почтенный Махàонъ
„Станетъ съ тобой; и гони къ кораблямъ ты коней быстроногихъ.
„Опытный врачь драгоцѣннѣе многихъ другихъ человѣковъ,
„Зная вырѣзывать стрѣлы, и язвы цѣлить врачевствами.

Рекъ; и ему не противился Несторъ, конникъ Геренскій;
Скоро взошелъ и предсталъ съ колесницей; въ нее и Махàонъ
Быстро взошелъ, врача превосходнаго сынъ знаменитый.
Старецъ стегнулъ по конямъ; и охотно они полетѣли
Къ кущамъ Ахейскимъ; туда ихъ несло и желаніе сердца.

Тою порой Кебріонъ, Пріамидовъ сподвижникъ-возница
Рати Троянской смятенье увидѣлъ и молвилъ герою:

„Гекторъ! тогда какъ мы здѣсь подвизаемся между Данаевъ,
„Здѣсь, на концѣ истребительной брани; взгляни ты, другія
„Наши волнуются рати; смѣсились и кони и вои.
„Ихъ Теламонидъ волнуетъ Аяксъ; узнаю ратоводца:
„Носитъ на рамѣ огромный онъ щитъ. Но туда мы и сами
„Бурныхъ коней обратимъ съ колесницею; тамъ наипаче
„Толпища пѣшихъ и конныхъ, съ ужаснымъ свирѣпствомъ сшибаясь,
„Рѣжутся между собою, и крикъ ихъ гремитъ неумолкный!

Такъ Кебріонъ произнесши, коней пышногривыхъ ударилъ
Звонкимъ бичемъ; и ударамъ возницы послушные кони,
Быстро межъ ратныхъ рядовъ съ колесницею легкой летѣли,
Трупы топча и щиты и шеломы: забрызгалась кровью
Снизу мѣдяная ось и сверху скоба колесницы,
Въ кои отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ хлестали
Брызги кровавыя: такъ Пріамидъ поспѣшалъ погрузиться
Въ сонмы мужей, и нагрянувъ, расторгнуть ихъ! Страшную смуту
Онъ межъ Данаевъ воздвигнулъ, и рѣдко съ копьемъ разставался.
Онъ и другіе ряды обходилъ ратоборцевъ Ахейскихъ,
Ихъ и копьемъ и мечемъ и огромными камнями бьющій;
Но съ Аяксомъ борьбы избѣгалъ, съ Теламоновымъ сыномъ:
Зевсъ раздражился бы, еслибъ онъ съ мужемъ сильнѣйшимъ сразился.

Зевсъ же, владыка превыспренній, страхъ ниспослалъ на Аякса:
Сталъ онъ смущенный, и щитъ свой назадъ семикожный забросивъ,
Вспять отступалъ, межъ толпою враждебныхъ, какъ звѣрь, озираясь,
Вкругъ обращаяся, тихо колѣно колѣномъ смѣняя.
Словно какъ жаркаго льва отъ загона воловъ тяжконогихъ

Гонятъ сердитые псы и отважные мужи селяне;
Звѣрю они не дающіе тука отъ стадъ ихъ похитить,
Цѣлую ночь стерегутъ ихъ; а онъ, насладиться имъ жадный,
Мечется прямо; но тщетно ярится: изъ рукъ дерзновенныхъ
Съ шумомъ летятъ, устремленному въ срѣтенье, частыя копья,
Главни горящія: ихъ устрашается онъ и свирѣпый,
И со свѣтомъ зари удаляется, сердцемъ печальный:
Такъ Теламонидъ печальный душей, негодующій сильно,
Вспять отошелъ; о судахъ онъ Ахеянъ тревожился страхомъ.
Словно оселъ, забредшій на ниву, дѣтей побѣждаетъ,
Медленный: много ихъ палокъ на ребрахъ его сокрушилось;
Щиплетъ онъ ходя высокую пашню; а рѣзвыя дѣти
Палками вкругъ его бьютъ; но ничтожна ихъ дѣтская сила;
Только тогда, какъ насытится пашней, съ трудомъ выгоняютъ:
Такъ Теламонова сына, великаго мужа Аякса
Множество гордыхъ Троянъ и союзниковъ ихъ дальноземныхъ
Копьями щитъ поражая, съ побоища пламенно гнали,
Онъ же герой, иногда вспомянувши бурную силу,
Къ нимъ обращался лицемъ, и удерживалъ, грозный, фаланги
Конниковъ храбрыхъ Троянъ; иногда обращался онъ въ бѣгство,
Но дорогу имъ всѣмъ заграждалъ къ кораблямъ быстролетнымъ;
Часто межъ двухъ ополченій свирѣпствовалъ сынъ Теламоновъ,
Ставши одинъ: устремленныя копья изъ рукъ дерзновенныхъ
Многія въ щитъ семикожный вонзались, впередъ порываясь,
Многія, середь пути, не коснувшися бѣлаго тѣла,
Въ землю вонзяся стояли, насытиться алчныя тѣломъ.

Скоро Аякса увидѣлъ блистательный сынъ Эвемона,

Вождь Эврипилъ, удрученнаго тучей метательныхъ копій;
Бросился, сталъ близъ него, и сіяющій ринувши дротикъ,
Сильнаго рати вождя Апизаона, Фавзова сына,
Въ печень подъ сердце пронзилъ, и на мѣстѣ сломилъ ему ноги.
Прянулъ къ нему Эврипилъ, да похититъ оружія съ персей.
Но его, обнажавшаго Фавзова сына, увидѣлъ
Богу подобный Парисъ Пріамидъ, и немедленно крѣпкій
Лукъ на него натянулъ, и крылатой стрѣлою десное
Ранилъ бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.
Вспять онъ къ дружинамъ своимъ отступилъ, избѣгающій смерти;
Крикъ между тѣмъ, кругомъ раздающійся, поднялъ къ Данаямъ:
„Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ!
„Станьте Троянамъ въ лице, отразите скорѣй отъ Аякса
„Пагубный день; удрученъ онъ стрѣлами; и, мыслю, не можетъ
„Самъ избѣжать онъ изъ сѣчи погибельной! Въ встрѣчу враждебнымъ
„Станьте, друзья, за Аякса героя, за славу Данаевъ!

Такъ восклицалъ Эврипилъ уязвленный; и быстро Данаи
Вкругъ Эвемонида стали, щиты къ раменамъ преклонивши,
Копья уставивши; къ нимъ невредимый изшелъ Теламонидъ,
И къ дружинамъ приближася, сталъ онъ лицемъ на враждебныхъ.
Такъ бранноносцы сражались, подобно пылающимъ пламамъ.

Нестора съ поприща браннаго мчали Нелеевы кони,
Пѣной покрытые; съ нимъ и Махаона, славнаго мужа.
Старца увидѣвъ, узналъ Пелеіонъ Ахиллесъ быстроногій:
Въ оное время герой стоялъ на кормѣ корабельной,
Смотря на бранный трудъ и плачевное бѣгство Ахеянъ:

Началъ къ себѣ призывать онъ любезнаго друга Патрокла,
Громко крича съ корабля; изъ-подъ сѣни, услышавъ онъ, быстро
Вышелъ, Арею подобный; и было то горя началомъ.
Первый вѣщалъ къ Ахиллесу Менетіевъ сынъ благородный:
„Что, Ахиллесъ, призываешь меня ты, и что повелишь мнѣ?

И Патроклу отвѣтствуя, рекъ Ахиллесъ быстроногій:
„О Менетїдъ благородный, о другъ любезнѣйшій сердцу!
„Нынѣ, я думаю, скоро колѣна мои Аргивяне
„Придутъ обнять; нестерпимая болѣе нужда гнететъ ихъ.
„Но спѣши, Менетїдъ, вопроси у Нелеева сына,
„Съ битвы кого уязвленнаго старецъ почтенный увозитъ?
„Сзади Махаону кажется онъ совершенно подобнымъ,
„Сыну Асклѐпія; мужа въ лице не успѣлъ я увидѣть;
„Мимо меня проскакали стремительно быстрые кони.

Такъ произнесъ: и Патроклъ покорился любезному другу;
Бросился быстро бѣжать вдоль судовъ мореходныхъ и кущей.

Тою порою достигнули мужи Нелидовой кущи;
Оба сошли съ колесницы на щедропитающу землю;
Коней принявъ, отрѣшилъ Эвримѐдонъ, старцевъ служитель.
Сами жъ они на хитонахъ ихъ потъ прохлаждали горячій,
Ставъ противъ вѣтра на берегѣ моря; когда прохладились,
Въ сѣнницу оба вошли и на креслахъ покойныхъ возсѣли.
Имъ Гекамѐда кудрявая смѣсь въ питіе составляла,
Дочь Арсиноя, которую онъ получилъ въ Тенедосѣ
Въ день, какъ Пелидъ разорилъ, и которую старцу Ахейцы

Сами избрали наградой: совѣтами всѣхъ побѣждалъ онъ.
Прежде сидящимъ поставила столъ Гекамѣда прекрасный,
Ярко блестящій, съ подножіемъ чернымъ; на немъ предложила
Мѣдное блюдо со сладостнымъ лукомъ, въ прикуску напитка,
Съ палевымъ медомъ душистымъ, и ячной мукою священной.
Кубокъ красивый поставила, изъ дому взятый Нелидомъ,
Окрестъ гвоздями златыми покрытый; на немъ рукоятокъ
Было четыре высокихъ, и двѣ голубицы на каждой
Будто клевали златыя; и былъ онъ внутри двоедонный.
Тяжкій сей кубокъ иной не легко приподнялъ бы съ трапезы,
Полный виномъ; но легко подымалъ его старецъ Пилосскій.
Въ немъ Гекамѣда, богинямъ подобная, имъ растворила
Смѣсь на винѣ Прамнійскомъ: натерла козьяго сыра
Теркою мѣдной, и ячной присыпала бѣлой мукою:
Такъ уготовя напитокъ составленный, пить приказала.
Мужи, когда питіемъ утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались бесѣдой взаимной.

Вдругъ во дверяхъ ихъ сталъ Менетидъ, небожителю равный.
Старецъ, увидѣвъ его, устремился съ блистательныхъ креселъ,
За руку далѣе ввелъ, и упрашивалъ сѣсть между ними;
Но Менетидъ отрекался и быстрой отвѣтствовалъ рѣчью:
„Нѣтъ, не година сидѣть; не преклонишь, божественный старецъ!
„Много почтенъ но и грозенъ пославшій меня извѣститься,
„Съ битвы кого пораженнаго везъ къ кораблямъ ты. Но мужа
„Самъ узнаю, Махаона я вижу, владыку народовъ.
„Съ вѣстью обратно спѣшу, чтобъ ее возвѣстить Ахиллесу.
„Знаешь довольно и самъ ты, божественный старецъ, какой онъ

„Взметчивый мужъ: и невиннаго во все легко обвинитъ онъ.

Быстро ему отвѣтствовалъ Несторъ конникъ Геренскій:
„Что же герой Ахиллесъ безпокоится такъ о Данаяхъ,
„Мѣдью враждебной въ бою пораженныхъ? Но знаетъ ли все онъ
„Горе, постигшее воинство наше! Храбрѣйшіе мужи
„Въ станѣ лежатъ, иль въ стрѣльбѣ, или въ битвѣ пронзенные мѣдью!
„Раненъ стрѣлою Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій,
„Раненъ копьемъ Одиссей знаменитый, Атридъ Агамѐмнонъ.
„Вотъ и сего предводителя я изъ погибельной битвы
„Вывезъ, пронзеннаго въ рамо стрѣлой. Но Пелидъ градоборецъ,
„Сильный Пелидъ объ Ахейскихъ сынахъ нерадитъ, не жалѣетъ!
„Можетъ быть ждетъ онъ, доколѣ суда на брегу Геллеспонта,
„Въ битвѣ Ахеянъ безплодной, подъ вражескимъ пламенемъ вспыхнутъ,
„Сами жъ падемъ мы одинъ близъ другаго? Лишился я старецъ
„Силы, какая бывало кипѣла въ гибкихъ сихъ членахъ!
„Если бы молодъ я сталъ и могучестью крѣпокъ, какъ прежде,
„Въ годы, когда возгорѣлася распря межъ насъ и Элѐянъ,
„Хищниковъ стада; когда Гипирòхова мощнаго сына
„Я поразилъ Итимòнея, жившаго въ злачной Элидѣ,
„И отбилъ все возмездіе: стадо свое защищая,
„Онъ пораженъ межъ передними бурною пикой моею;
„Палъ, и мгновенно разсыпались сельскіе ратники въ страхѣ.
„Мы отъ Элѐянъ добычу богатую съ поля погнали:
„Овчихъ ватагъ пятьдесятъ, и столько же гуртовъ воловыхъ,
„Столько же стадъ и свиныхъ, и безчисленныхъ козьихъ; и съ ними
„Конскій табунъ захватили мы, сто пятьдесятъ свѣтломастныхъ
„Все кобылицъ, и при многихъ прекрасные были жеребята.

„Всю добычу великую ночью вогнали мы въ городъ,
„Въ Пи̂лосъ Нелеевъ; восхитился духомъ Нелей, мой родитель,
„Видя, сколь много добылъ я, въ сраженіе вышедши юный. —
„Вѣстники подняли кличь, съ появленіемъ ранней денницы
„Всѣхъ призывая, кто долгъ лишь имѣлъ на Элидѣ священной.
„Стекся Пилосскій народъ, и властители мужи добычу
„Всѣмъ раздѣляли: (Эпе̂яне многимъ осталися должны,
„Въ дни, какъ уже малолюдные въ Пи̂лосѣ мы злострадали:
„Насъ угнетала, постигшая Пи̂лосъ, Гера̂клова сила
„Въ древніе годы: защитники града храбрѣйшіе пали.
„Въ домѣ Нелея двѣнадцать сыновъ ратоборцевъ насъ было;
„И остался одинъ я: они до послѣдняго пали!
„Симъ возгордившися мѣднодоспѣшные мужи Эпейцы
„Нами ругались, и многія намъ умышляли злодѣйства.)
„Старецъ себѣ и воловъ и овецъ великое стадо
„Взялъ, какъ возмездіе, триста избравши, и пастырей съ стадомъ;
„Долгъ бо великій и старецъ имѣлъ на Элидѣ священной:
„Славныхъ, въ ристаньи побѣдныхъ четыре коня съ колесницей,
„Бѣгомъ стязаться ходившихъ, и былъ предназначенъ треножникъ
„Бѣга наградой; но ихъ повелитель народа, Авге̂асъ
„Нагло отъялъ, и возницу о коняхъ печальнаго изгналъ.
„Старецъ Нелей, оскорбленный словами его и дѣлами,
„Много избралъ для себя; остальное же отдалъ народу,
„Въ равный раздѣлъ, да никто отъ него обдѣленъ не отыдетъ. —
„Мы совершали взаимный раздѣлъ, и по граду Нелея
„Жертвы богамъ приносили. Враги же на третіе утро
„Силою всей, мѣднолатные мужи и быстрые кони,
„Разомъ пришли; ополчилися съ ними и два Моліо̂на,

„Юноши, вовсе еще незнакомые съ бурною бранью. —
„Есть Өріоесса градъ, на высокомъ утесѣ лежащій,
„Дальній, на брегѣ Алфея, кончающій Пилосъ песчаный.
„Градъ сей враги кругомъ обступили, разрушить пылая.
„Но лишь толпы ихъ прошли подгородное поле; Аөина
„Вѣстницей намъ, отъ Олимпа нисшедшая, ночью явилась,
„Брань возвѣщая; и въ градѣ Пилосцевъ собрала не робкихъ,
„Но безпредѣльно пылавшихъ сразиться. Нелей, мой родитель,
„Мнѣ запретилъ ополчаться, и скрылъ отъ меня колесницу,
„Мысля, что я еще младъ и неопытенъ въ подвигахъ ратныхъ.
„Я же и такъ между конниковъ нашихъ славой покрылся,
„Пѣшій: меня на сраженіе такъ устремила Аөина. —
„Есть Миніеѵсъ рѣка, и падетъ она въ шумное море
„Близко Арѐны: денницы священной мы тамъ ожидали
„Конные вои; а пѣшіе тою порою стекались.
„Съ онаго мѣста, со всею мы силой, съ оружіемъ въ дланяхъ,
„Въ полдень пришли совокупно къ священному току Алфея.
„Тамъ всемогущему Зевсу принесши избранныя жертвы,
„Богу Алфею тельца и тельца Посидону заклали;
„Но Аөинѣ Палладѣ ярмомъ несмиренную краву.
„Послѣ воинствомъ цѣлымъ толпа близъ толпы вечеряли;
„И наконецъ опочить, но съ оружіемъ каждый, легли мы
„Вдоль по брегу Алфея; а гордые духомъ Эпейцы
„Около града стояли уже и разрушить пылали;
„Но предстало имъ прежде великое дѣло Арея.
„Только лишь ясное солнце взошло надъ пространной землею,
„Мы наступили на нихъ, помолясь Аөинѣ и Зевсу.
„И едва лишь Пилосцы съ Эпейцами бой завязали,

„Первый я мужа сразилъ и похитилъ коней быстроногихъ
„Мулія воина; зять онъ Авгеаса былъ властелина,
„Дщери старѣйшей супругъ, свѣтлокудрой жены Агамеды,
„Знавшей всѣ травы цѣлебныя, сколько земля ихъ раждаетъ.
„Мужа сего, наступавшаго, свергнулъ я пикою мѣдной;
„Грянулся въ прахъ онъ; а я, на его колесницу вскочивши,
„Между передними сталъ; и надменные мужи Эпейцы
„Другъ передъ другомъ побѣгли, увидѣвъ сраженнаго мужа,
„Конныхъ вождя, бранноносца Эпеянъ, храбрѣйшаго въ битвахъ.
„Я на враговъ убѣгающихъ грянулъ, какъ черная буря;
„Взялъ пятьдесятъ колесницъ, и отъ каждой два ратоборца
„Землю грызли зубами, сраженные пикой моею.
„Я поразилъ бы и двухъ Акторидовъ, младыхъ Моліоновъ,
„Если бы ихъ не отецъ многомощный, Земли колебатель,
„Самъ изъ сраженія спасъ, покрывши облакомъ темнымъ.
„Зевсъ Пилосскимъ мужамъ даровалъ и побѣду и славу:
„Мы непрестанно бѣгущихъ вдоль поля широкаго гнали,
„Всѣхъ истребляя, и пышные ихъ собирая доспѣхи,
„Коней пока не пригнали въ Вупразій, обильный пшеницей,
„Гдѣ Оленійскій утесъ, и курганъ, Алезійскимъ зовомый.
„Съ онаго поля Пилосцевъ назадъ обратила Паллада.
„Тамъ отъ враговъ я послѣдняго свергъ; и Ахейскіе мужи
„Вспять изъ Вупразія въ Пилосъ погнали коней быстроногихъ,
„Всѣ прославляя Кронида въ богахъ, въ человѣкахъ Нелида.
„Нѣкогда былъ я таковъ, подвизаясь съ мужами! Пелидъ же
„Служитъ своею доблестью только себѣ! Но увѣренъ,
„Самъ онъ сѣтовать будетъ, какъ воинство наше погибнетъ!
„Другъ Менетидъ, не тебяль наставлялъ благородный Менетій

„Въ день, какъ изъ Фтіи тебя отпускалъ въ ополченье Атрида?
„Мы съ Одиссеемъ тогда находяся въ Пелеевомъ домѣ,
„Слышали въ храминѣ все, что вѣщалъ онъ, тебя наставляя;
„Въ домъ же Пелеевъ богато устроенный мы приходили
„Рать собирая на брань по Ахейской землѣ плодоносной;
„И нашли мы тогда Акторида Менетія въ домѣ;
„Тамъ былъ и ты, и герой Ахиллесъ; а Пелей престарѣлый
„Тучныя бедра вола сожигалъ молнелюбцу Крониду,
„Стоя въ оградѣ двора; и держа златоблещущій кубокъ,
„Черное онымъ вино возливалъ на священное пламя;
„Вы отъ закланнаго части готовили. Мы съ Одиссеемъ
„Стали въ воротахъ; и бросился къ намъ Ахиллесъ удивленный,
„За руки взялъ и въ чертоги привелъ и возсѣсть повелѣвши,
„Намъ предложилъ угощенье, какое гостямъ подобаетъ.
„И когда насладилися мы изобильной трапезой;
„Рѣчь я устроилъ, и васъ уговаривалъ слѣдовать съ нами;
„Вы пламенѣли на брань, а отцы наставляли васъ мудро.
„Старецъ Пелей своему заповѣдывалъ сыну Пелиду,
„Тщиться другихъ превзойти, непрестанно пылать отличиться.
„Но Менетій тебѣ заповѣдывалъ такъ благородный:
„Сынъ мой! Пелидъ Ахиллесъ тебя знаменитѣе родомъ,
„Лѣтами старѣе ты; у него превосходнѣе сила;
„Но руководствуй его убѣжденіемъ, умнымъ совѣтомъ;
„Дружески имъ управляй; онъ на доброе будетъ послушенъ. —
„Такъ заповѣдывалъ старецъ, а ты забываешь. Хоть нынѣ
„Храброму сыну Пелея рѣшись говорить, не вонметъ ли?
„Какъ то узнать? не успѣешь ли, съ богомъ, твоимъ убѣжденьемъ
„Тронуть въ немъ сердце? сильно всегда убѣжденіе друга.

„Если жъ какое пророчество душу его устрашаетъ,
„Если ему отъ Кронида повѣдала что либо матерь;
„Пусть онъ отпуститъ тебя, и съ тобою въ сраженіе вышлетъ
„Рать Мирмидонскую; можетъ быть, свѣтомъ ты будешь Данаямъ.
„Пусть онъ позволитъ тебѣ ополчиться оружіемъ славнымъ;
„Можетъ быть, въ брани тебя за него принимая, Трояне
„Бой прекратятъ; а Данайскіе воины въ полѣ отдохнутъ,
„Боемъ уже изнуренные; отдыхъ въ сраженіяхъ кратокъ.
„Вы, ополченіе свѣжее, рать, истомленную боемъ,
„Быстро къ стѣнамъ отразите отъ нашихъ судовъ и отъ кущей.

Такъ говорилъ онъ, и сердце Патроклово въ персяхъ подвигнулъ.
Онъ устремляется вдоль кораблей къ Эакиду герою;
Но когда къ кораблямъ Одиссея подобнаго богу
Онъ приближался бѣгущій, гдѣ площадь и судъ былъ народный,
И кругомъ алтари божествамъ ихъ воздвигнуты были:
Тамъ Эврипилъ, уязвленный въ сраженіи, съ нимъ повстрѣчался,
Доблестный сынъ Эвемòна, съ стрѣлою въ бедрѣ углубленной.
Шелъ онъ хромая съ побоища; потъ у героя ручьями
Лился холодный съ раменъ и съ главы, а изъ раны тяжелой
Брызгала черная кровь; но духъ оставался въ немъ твердымъ.
Видя его, почувствовалъ жалость Патроклъ благородный,
И сострадая воскликнулъ, крылатыя рѣчи вѣщая:
„Ахъ, злополучные мужи, вожди и владыки Ахеянъ!
„Такъ вы должны, далекò отъ друзей, отъ отчизны любезной,
„Плотію вашею бѣлою псовъ насыщать Иліонскихъ?
„Но повѣдай, герой, возвѣсти мнѣ, о Зевсовъ питомецъ,
„Рати стоятъ ли еще противъ Гектора, дивнаго въ браняхъ?

„Или уже упадаютъ, его укрощенные мѣдью?

Быстро ему Эврипилъ Эвемонидъ отвѣтствовалъ мудрый:
„Нѣтъ, благородный Патроклъ, избавленія нѣтъ никакого
„Ратямъ Ахейскимъ! въ суда они черныя бросятся скоро!
„Всѣ, которые въ воинствѣ были храбрѣйшіе мужи,
„Въ станѣ лежатъ пораженные, или пронзенные въ брани
„Мѣдью Троянъ; а могущество гордыхъ раствтъ непрестанно!
„Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный;
„Вырѣжь стрѣлу изъ бедра мнѣ, омой съ него теплой водою
„Черную кровь и цѣлебными язву осыпь врачевствами,
„Здравыми; ихъ ты, вѣщаютъ, узналъ отъ Пелеева сына,
„Коего Хиронъ училъ, справедливѣйшій всѣхъ изъ Кентавровъ.
„Рати Ахейской врачи Подалирій и мудрый Махаонъ,
„Первый, я думаю, въ кущахъ, подобною страждущій язвой,
„Самъ безпомощный лежитъ, во врачѣ нуждаясь искусномъ;
„Тотъ же стоитъ еще въ полѣ, встрѣчая свирѣпство Арея.

Снова ему отвѣчалъ Менетіевъ сынъ благородный:
„Чѣмъ сіе кончится дѣло? и что, Эвемонидъ, предпріимемъ?
„Въ станъ я спѣшу, чтобы все возвѣстить Ахиллесу герою,
„Что мнѣ приказывалъ Несторъ, стражъ неусыпный Ахеянъ.
„Но тебя я въ страданіи здѣсь, Эврипилъ, не оставлю.

Рекъ, и подъ грудь подхвативши, повелъ онъ владыку народовъ
Къ сѣни; клевретъ, ихъ увидѣвшій, тельчія кожи раскинулъ.
Тамъ распростерши героя, ножемъ онъ изъ лядвеи жало
Вырѣзалъ горькой пернатой, омылъ съ нее теплой водою

Черную кровь, и руками истертымъ корнемъ присыпалъ
Горькимъ, врачующимъ боли, который ему совершенно
Боль утоляетъ; и кровь унялася и язва изсохла.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ахеяне заключаются внутрь стѣны своей, (зданія, богамъ ненавистнаго, ими же, вскорѣ послѣ самой Трои, разрушеннаго; что Поэтъ здѣсь и повѣствуетъ); ст. 1—35. Трояне, угрожая кораблямъ, готовятся перейти ровъ, и сперва встрѣчаютъ затрудненіе, 36—59; но скоро по совѣту Полидамаса, сходятъ съ колесницъ и раздѣлясь на пять отрядовъ, пѣшіе устремляются, 60—107. Азій дерзаетъ на колесницѣ приближиться къ однимъ изъ воротъ, но встрѣчаетъ въ нихъ двухъ Лапиѳовъ, Полипѣта и Леонтѣя; герои страшное убійство производятъ въ дружинѣ его и самаго отражаютъ, 108—194. Гектору, готовому перейти ровъ, Полидамасъ, устрашенный недобрымъ знаменіемъ, летящимъ надъ ними орломъ, которой несъ змѣя и упустилъ его, совѣтуетъ оставить намѣреніе, 195—229. Гекторъ поноситъ его малодушіе и презрѣвъ знаменіе, идетъ чтобы напасть на стѣну, 230—250. Ахейцы, не взирая на страшную бурю, Зевсомъ на нихъ устремленную, храбро защищаютъ свое укрѣпленіе, и особенно оба Аяксы, 250—289. Сарпедонъ, убѣдивъ Главка, съ нимъ нападаетъ на стѣну въ другомъ мѣстѣ; 290—330; имъ сопротивляется Менесѳей, но призвавъ на помощь Аякса старшаго и Тевкра; съ ними удерживаетъ нападающихъ: ибо Аяксъ отразилъ Сарпедона и убилъ сподвижника его Эпикла, а Тевкръ уязвилъ Главка; однако Сарпедонъ уже разрушилъ вершину стѣны, 331 — 407. Ликійцы снова храбро нападаютъ, Ахейцы храбро защищаются и бой съ обѣихъ сторонъ продолжается равный, 408—436. Но Гекторъ сражается успѣшнѣе; приступивъ къ другимъ воротамъ, онъ пробиваетъ ихъ камнемъ, и врывается въ стѣну; Ахеяне бѣгутъ, 437—471.

ПѢСНЬ XII.

Такъ подъ высокою сѣнью Менетіевъ сынъ благородный
Рану вождя врачевалъ Эврипила; но битва пылала:
Бились Данаи съ Троянами всею ихъ ратью; и больше
Быть обороной Данаямъ не могъ ужъ ни ровъ, ни твердыня
Крѣпкая, та, что воздвигли судамъ на защиту, и окрестъ
Рвомъ обвели: не почтили они гекатомбой безсмертныхъ,
Ихъ не молили, да въ станѣ суда и добычи народа
Зданье блюдетъ; не по волѣ безсмертныхъ воздвигнуто было
Зданіе то, и не долго оно на землѣ уцѣлѣло:
Гекторъ доколѣ дышалъ, и Пелидъ бездѣйствовалъ гнѣвный,
И доколѣ неру̀шеннымъ градъ возвышался Пріамовъ;
Гордое зданье Данаевъ, стѣна невредимой стояла.
Но когда какъ Троянскіе въ брани погибли герои,
Такъ и Аргивскіе многіе пали, другіе спаслися;
И когда Иліонъ на десятое лѣто разрушивъ,
Въ черныхъ судахъ Аргивяне отплыли къ отчизнѣ любезной;
Въ оное время совѣтъ Посидаонъ и Фебъ сотворили,
Стѣну разрушить, могущество рѣкъ на нее устремивши
Всѣхъ, что съ Идейскихъ горъ изливаются въ бурное море:
Реза, Кареза, Гептапора, быстраго Родія волны,

Эзипа, воды Граника, священныя волны Скамандра,
И Симоиса, гдѣ столько щитовъ и блистательныхъ шлемовъ
Пало во прахъ, и легли полубоги, могучіе мужи:
Устья ихъ всѣхъ Аполлонъ обратилъ во едино, и бѣгъ ихъ
Девять дней устремлялъ на твердыню; а Зевсъ безпрерывный
Дождь проливалъ, да скорѣе твердыня потонетъ въ пучинѣ.
Самъ Земледержецъ съ трезубцемъ въ рукахъ передъ бурной водою
Грозный ходилъ, и все до основъ разсыпалъ по разливу,
Бревна и камни, какіе съ трудомъ Аргивяне сложили;
Все онъ съ землею сравнялъ до стремительныхъ волнъ Геллеспонта;
Самой же берегъ великій, разрушивъ огромную стѣну,
Вновь засыпалъ песками, и вновь обратилъ онъ всѣ рѣки
Въ ложа, гдѣ прежде лились ихъ прекрасно струящіясь воды.

Такъ Поссидаонъ и Фебъ Аполлонъ положили въ грядущемъ
Вмѣстѣ свершить. Между тѣмъ загаралася шумная битва
Вкругъ подъ Ахейской стѣной; загремѣли огромные брусья
Въ башняхъ громимыхъ. Ахейцы, бичемъ укрощенные Зевса,
Всѣ при своихъ корабляхъ, заключенные въ станѣ, держались,
Гектора силы страшась, разносителя бурнаго бѣгства.
Онъ же герой, какъ и прежде воинствовалъ, бурѣ подобный.
Словно когда окруженный, межъ псовъ и мужей звѣроловцевъ,
Вепрь, или левъ обращается быстрый, очами сверкая;
Ловчіе, другъ возлѣ друга, сомкнувшися твердой стѣною,
Звѣрю противустоятъ, и тучами острыя копья
Мечутъ изъ рукъ; но не робко его благородное сердце;
Онъ не дрожитъ, не бѣжитъ, и безстрашіемъ самъ себя губитъ:
Часто кругомъ обращается, ловчихъ ряды испытуя;

И куда онъ ни бросится, ловчихъ ряды отступаютъ:
Такъ, предъ толпою летающій, Гекторъ герой обращался,
Ровъ перейти убѣждая дружины. Но самые кони,
Бурные кони не смѣли; вздымались и храпали страшно,
Стоя надъ самою кручею; ровъ ужасалъ ихъ глубокій,
Ровъ, къ перескаку не узкій, равно къ переходу не легкій:
Вдоль его скатовъ стремнины отрѣзныя круто стояли
Съ той и другой стороны; на поверхности острые колья
Рядомъ по немъ возвышались, огромныя, частыя сваи,
Кои Ахеяне вбили отъ гордыхъ враговъ обороной.
Въ ровъ сей едвали конь съ легкокатной своей колесницей
Могъ бы спуститься; но пѣшіе рвалися, имъ не удастся ль.
Полидамасъ наконецъ къ дерзновенному Гектору вскрикнулъ:
„Гекторъ, и вы, воеводы Троянъ и союзниковъ нашихъ!
„Мысль безразсудная, гнать черезъ ровъ съ колесницами коней.
„Онъ къ переходу отнюдь не удобенъ: по немъ непрерывно
„Острыя колья стоятъ, а за ними твердыня Данаевъ.
„Намъ ни спускаться въ окопъ сей, ни въ ономъ сражаться не должно
„Коннымъ бойцамъ: тѣснина тамъ ужасная, всѣхъ переколютъ.
„Ежели подлинно въ гнѣвѣ своемъ Громовержецъ Ахеянъ
„Хочетъ въ конецъ истребить, а Троянскихъ сыновъ избавляетъ;
„Я бы желалъ, чтобъ надъ ними немедленно то совершилось,
„Чтобъ погибли безславно, вдали отъ Геллады, Ахейцы! —
„Еслижъ они обратятся, и храбрый отбой отъ судовъ ихъ
„Сами начнутъ, и насъ опрокинутъ на ровъ сей глубокій;
„Послѣ, я твердо увѣренъ, и съ вѣстію нѣкому будетъ
„Въ Трою придти отъ Ахеянъ, въ отбой на Троянъ устремленныхъ.
„Слушайте жъ, други, меня, и совѣтамъ моимъ покоритесь:

„Коней оставимъ; и пусть предъ окопомъ возницы ихъ держатъ;
„Сами же пѣшіе, въ мѣдныхъ доспѣхахъ, съ оружіемъ въ дланяхъ,
„Силою всею пойдемъ мы за Гекторомъ; рати Ахеянъ
„Насъ не удержатъ, когда имъ грозитъ роковая погибель.

Такъ говорилъ онъ; и Гекторъ, склонясь на совѣтъ непорочный,
Быстро съ своей колесницы съ доспѣхами прянулъ на землю.
Тутъ и другіе вожди перестали на коняхъ съѣзжаться;
Всѣ за божественнымъ Гекторомъ спрянули быстро на землю.
Каждый тогда своему наказалъ воевода возницѣ,
Коней построить въ ряды и у рва держать ихъ готовыхъ.
Сами жъ они раздѣляся, толпами густыми свернувшись,
На пять громадъ устрояся, двинулись вмѣстѣ съ вождями.

Гекторъ и Полидамасъ предводили громадою первой,
Множествомъ, храбростью страшной, и болѣе прочихъ пылавшей
Стѣну скорѣе пробить, и вблизи предъ судами сражаться.
Съ ними и третій шелъ Кебріонъ, а другаго близь коней,
Въ сонмѣ возницъ, Кебріона слабѣйшаго, Гекторъ оставилъ.
Храбрый Парисъ, Алкаѳой и Агеноръ вторыхъ предводили;
Третьихъ вели прорицатель Геленъ, Деифобъ знаменитый,
Два Пріамовы сына, и третій Азій безстрашный,
Азій Гиртакидъ, который на коняхъ огромныхъ и бурныхъ
Въ Трою принесся изъ дальней Аризбы, отъ водъ Селленса.
Сонмомъ четвертымъ начальствовалъ сынъ благородный Анхизовъ,
Славный Эней, и при немъ Акамасъ и Архилохъ, Трояне,
Оба сыны Антенора, искусные въ битвахъ различныхъ.
Но Сарпидонъ предводилъ ополченье союзниковъ славныхъ,

Главка къ себѣ пріобщивъ и безстрашнаго Астеропея:
Ихъ обоихъ почиталъ онъ далеко храбрѣйшими многихъ,
Послѣ себя, предводителей; самъ же всѣхъ превышалъ онъ.
Такъ изготовясь они, и сомкнувшися крѣпко щитами,
Съ пламенымъ духомъ пошли на Данаевъ; не могутъ, мечтали
Противустать, но въ суда мореходныя бросятся къ бѣгству.

Всѣ тогда, какъ Трояне, такъ и союзники Трои,
Полидамаса вождя покарялись совѣту благому.
Азій одинъ не хотѣлъ, предводитель народовъ Гиртакидъ,
Коней оставить у рва со своимъ возницею храбрымъ:
Азій на бурныхъ коняхъ устремлялся къ судамъ мореходнымъ,
Мужъ безразсудный! Ему не избѣгнуть отъ грознаго рока;
Нѣтъ, колесницей и конями онъ величался гордый,
Вспять отъ Ахейскихъ судовъ не воротится къ Трои холмистой:
Прежде его дерзновеннаго участь лихая постигла
Мѣднымъ копьемъ Девкаліона, славнаго Идоменея.—
Мчался онъ въ лѣво къ судамъ мореходнымъ, туда гдѣ Ахейцы
Съ браннаго поля бѣжали на легкихъ своихъ колесницахъ;
Правилъ туда онъ своихъ быстроскачущихъ коней; и въ башнѣ
Тамъ не нашелъ ни створенныхъ воротъ, ни огромныхъ запоровъ:
Ихъ растворенными вои держали, да каждый сподвижникъ,
Съ браннаго поля бѣгущій, укроется въ станъ корабельный.
Прямо скакалъ онъ, высоко мечтающій; съ нимъ и другіе
Съ крикомъ ужаснымъ летѣли; Ахейцы, они уповали,
Не устоятъ; въ корабли мореходные бросятся къ бѣгству.—
Но малоумные! Въ башнѣ ихъ встрѣтили двое безстрашныхъ,
Сильные духомъ сыны копьеборцевъ могучихъ Лапиѳовъ:

Первый герой Полипетъ, безболзненный сынъ Пириѳоя;
Воинъ вторый Леонтей, душегубцу Арею подобный.
Оба они предъ высоковздымавшеюсь башней стояли:
Словно на холмахъ лѣсистыхъ высоковершинные дубы,
Кои и вѣтеръ и дождь, ежедневно встрѣчая, выносятъ,
Толстыми въ землю корнями, широкоразметными вросши:
Такъ и они, на могучесть рукъ и на храбрость надѣясь,
Мчавшагось Азія бурнаго ждали, незыблемо стоя. —
Тою порой, какъ противники прямо къ твердыни Ахейской,
Вверхъ подымая щиты, подходили съ воинственнымъ крикомъ
Вкругъ повелителя Азія, вкругъ Іамѐна, Ореста,
Азія сына, Адàмаса, Ѳоона и Эномàя,
Тою порою Лапиѳы еще мѣднобронныхъ Данаевъ,
Стоя внутри при воротахъ, суда боронить возбуждали.
Но, лишь узрѣли, что прямо уже устремилась на стѣну
Сила Троянъ, и Ахеяне подняли крикъ и тревогу:
Вылетѣвъ оба они, предъ воротами начали битву,
Вспрямъ подобные дикимъ, которые въ горной дубравѣ
Ловчихъ и псовъ нападеніе шумное смѣло встрѣчаютъ;
Въ стороны быстро бросаясь, ломаютъ кругомъ ихъ кустарникъ,
Рѣжутъ при корняхъ деревья; стукъ отъ клыковъ ихъ ужасный
Вкругъ раздается, доколѣ копье не исторгнетъ ихъ жизни:
Такъ у Лапиѳовъ стучали блестящіе брони на персяхъ,
Окрестъ врагами разимые: пламенно бились Лапиѳы,
Видя друзей надъ собой, и на силы свои полагаясь.
Тѣ же, огромные камни съ высоковздымавшейся башни,
Сами себя и суда ихъ у моря и станъ защищая,
Быстро метали; какъ снѣгъ ослѣпительный падаетъ наземь,

Если вѣтеръ порывистый, мрачныя тучи колебля,
Частый его проливаетъ на многоплодящую землю:
Такъ и у нихъ, у стрѣльцовъ какъ Данайскихъ, равно и Троянскихъ
Стрѣлы лилися изъ рукъ; подъ ударами камней огромныхъ
Глухо гудѣли шеломы и круги щитовъ мѣднобляшныхъ.

Громко воскликнулъ, и въ бедра съ досады ударилъ руками
Азій Гиртакидъ, и ропщущій на небо, такъ говорилъ онъ:
„Зевсъ Олимпійскій, и ты уже сдѣлался явный лжелюбецъ!
„Я и помыслить не могъ, чтобъ еще Аргивяне герои
„Вынесли мужество наше и рукъ необорную силу!
„Но какъ пчелы они, иль какъ пестрыя, верткія осы
„Гнѣзда свои положивъ при утесистой пыльной дорогѣ,
„Дома ущельнаго бросить никакъ не хотятъ, и дождавшись
„Хищныхъ селянъ, за дѣтей передъ домомъ сражаются злобно:
„Такъ и они не хотятъ отъ воротъ, не взирая что двое,
„Съ мѣста податься, пока не осилятъ, иль сами не лягутъ.

Такъ вопіялъ онъ; но воплямъ его не внималъ Громовержецъ:
Гектора славой украсить заботилось сердце Кронида.

Рати другія предъ башней другою бились боемъ.
Трудно мнѣ оное все, какъ безсмертному богу, повѣдать:
Вдоль передъ всею твердынею бой загорѣлся ужасный
Каменный: духомъ унылыя, рати Ахеянъ по нуждѣ
Бились, суда бороня; омрачились печалью и боги,
Всѣ ополченій Ахейскихъ поборники въ брани Троянской.

Спали сложася Лапиѳы на страшную брань и убійство:
Пламенный сынъ Пириѳоевъ, герой Полипѣтъ копьеносный,
Дамаса острымъ копьемъ поразилъ сквозь шеломъ мѣднощечный:
Шлемная мѣдь не сдержала удара; насквозь пролетѣла
Мѣдь изощренная, кость проломила и въ черепъ ворвавшись,
Съ кровью смѣсила весь мозгъ, и смирила его въ нападеньи.
Онъ наконецъ у Пилона и Ормена души исторгнулъ.
Отрасль Арея, Лапиѳъ Леонтѣй, Антимахова сына
Тамъ же низвергъ Гиппомаха, умѣтивъ у запона пикой;
Послѣ герой изъ влагалища мечъ свой исторгнувши острый,
И, сквозь толпу устремившися, перваго тамъ Антифата
Изблизи грянулъ мечемъ, и объ долъ онъ ударился тыломъ.
Тамъ наконецъ онъ Іамена, Менона, вояя Ореста
Всѣхъ, одного за другимъ, положилъ на кровавую землю.

Но между тѣмъ, какъ они совлекали блестящія брони,
Съ Полидамасомъ и Гекторомъ юношей полкъ приближался,
Множествомъ, храбростью страшный, и болѣе прочихъ пылавшій
Стѣну Ахеянъ пробить и огнемъ истребить корабли ихъ.
Но, приближась ко рву, въ нерѣшимости храбрые стали:
Ровъ перейти имъ пылавшимъ, явилася вѣщая птица,
Свыше летящій орелъ, разсѣкающій воинство слѣва,
Мчащій въ когтяхъ обагреннаго кровью, огромнаго змѣя:
Живъ еще былъ онъ, крутился, и брани еще не оставилъ;
Взвившись назадъ, своего похитителя около выи
Въ грудь онъ пронзилъ; и растерзанный болью, на землю добычу,
Змѣя отбросилъ орелъ, уронилъ посредѣ ополченья;
Самъ же, крикнувши звучно, понесся по вѣянью вѣтра.

Трои сыны ужаснулись, увидѣвши пестраго змѣя,
Въ прахѣ межъ ними лежащаго, грозное знаменье Зевса.

Полидамасъ говорить дерзновенному Гектору началъ:
„Гекторъ, всегда ты меня порицаешь, когда на совѣтахъ
„Я говорю справедливое; ибо никто и не долженъ,
„Бывъ гражданинъ, говорить противъ истины, какъ на совѣтахъ,
„Такъ и въ брани, одно умножая твое властелинство.
„Снова однако скажу я вамъ, что почитаю полезнымъ:
„Дальше не должно идти, и съ Данаями въ станѣ сражаться.
„Такъ, уповаю я, сбудется, ежели точно Троянамъ,
„Ровъ перейти пламенѣющимъ, вѣщая птица явилась,
„Свыше летящій орелъ, разсѣкающій воинство слѣва,
„Мчащій покрытаго кровью, огромнаго змѣя живаго;
„Но его упустилъ онъ, гнѣзда своего не достигнулъ,
„И не успѣлъ похититель предать его дѣтямъ въ добычу:
„Такъ то и мы, хотя и ворота и стѣну Данаевъ
„Силой великою сломимъ, хотя и уступятъ Данаи;
„Но отъ судовъ не въ устройствѣ мы тѣмъ же путемъ возвратимся;
„Многихъ оставимъ Троянъ; ратоборцы Ахейскіе многихъ
„Мѣдью сразятъ, за суда мореходныя храбро сражаясь.
„Такъ и пророкъ изъяснилъ бы, которой въ душѣ просвѣщенной
„Вѣдаетъ знаменій смыслъ, и ему бы народъ покорился.

Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Полидамасъ, для меня не пріятны подобныя рѣчи!
„Могъ ты совѣтъ и другой намъ, больше полезный, примыслить!
„Если же сей, что сказалъ, произнесъ ты отъ чистаго сердца,

„Разумъ твой, безъ сомнѣнья, похитили гнѣвные боги:
„Ты мнѣ велишь, чтобъ высокогремящаго Зевса забылъ я
„Волю, что самъ знаменалъ онъ и мнѣ совершить обрекался?
„Ты не обѣтамъ боговъ, а ширяющимъ въ воздухѣ птицамъ
„Вѣрить велишь? Презираю я птицъ, и о томъ не забочусь,
„Вправо ли птицы несутся, къ востоку денницы и солнца;
„Или налѣво пернатые къ мрачному западу мчатся.
„Вѣрить должны мы единому, Зевса великаго волѣ,
„Зевса, который и смертныхъ и вѣчныхъ боговъ повелитель!
„Знаменье лучшее всѣхъ: за отечество храбро сражаться!
„Что ты страшишься войны и опасностей ратнаго боя?
„Ежели Трои сыны при Ахейскихъ судахъ мореходныхъ
„Всѣ мы падемъ умерщвленные; ты умереть не страшися!
„Ты не имѣешь духа, ни встрѣтить врага, ни сразиться!
„Если однако ты бросишь сраженіе, или другаго
„Рѣчью твоей обольстивши, отклонишь отъ ратнаго дѣла;
„Вмигъ подъ моимъ ты копьемъ распрострешься и душу испустишь!

Такъ произнесъ, и пошелъ онъ впередъ; понеслись и дружины
Съ крикомъ ужаснымъ; предъ ними Кронидъ, веселящійся громомъ,
Свыше, отъ горъ Идейскихъ, воздвигнулъ свирѣпую бурю,
Мрачный прахъ на суда заклубившую: онъ у Данаевъ
Духъ унижалъ, возвышая Троянамъ и Гектору славу.
Тутъ, на знаменье бога и силу свою положася,
Начали Трои сыны разрушать Ахейскую стѣну.
Съ башенъ срывали зубцы, сокрушали грудныя забрала,
И ломами шатали у вала торчащія сваи,
Кои поставлены въ землю опорами первыми башенъ:

Ихъ вырывали они, и уже уповали, что стѣну
Скоро пробьютъ; но Ахейцы еще не сходили съ ихъ мѣста:
Плотно щитами они оградивши грудныя забрала,
Камнями, копьями били враговъ, подступавшихъ подъ стѣну.

Оба Аяксы, тогда управлявшіе битвой на башняхъ,
Быстро ходили кругомъ, придавая Ахеянамъ духа;
Ласковой рѣчью однихъ, а другихъ возбуждали суровой,
Если которыхъ встрѣчали оставившихъ битву съ врагами:
„Други Ахейцы, и тотъ кто передній, и тотъ кто середній,
„Такъ и послѣдній изъ воиновъ; ибо не всѣ равносильны
„Мужи въ сраженіяхъ: нынѣ для всѣхъ насъ трудъ уготовленъ!
„Это вы видите сами! О други, никто да не мыслитъ
„Вспять со стѣны обращаться, грозящаго криковъ страшася.
„Нѣтъ, выходите впередъ, и на бой поощряйте другъ друга!
„Дастъ, быть можетъ, и намъ Олимпійскій блистатель Кроніонъ,
„Жесточь сію отразивши, преслѣдовать къ граду враждебныхъ!

Рѣчью такой, впереди возбуждали Аяксы Ахеянъ:
Словно какъ снѣгъ, устремившися, хлопьями сыплется частый,
Въ зимнюю пору, когда громовержецъ Кроніонъ восходитъ
Съ неба снѣжить человѣкамъ, являя могущества стрѣлы:
Вѣтры всѣ успокоивши, сыплетъ онъ снѣгъ безпрерывный,
Горъ высочайшихъ главы, и утесовъ верхи покрывая,
И цвѣтущія степи, и тучныя пахарей нивы;
Сыплется снѣгъ на брега и на пристани моря сѣдаго;
Волны его набѣжавъ поглащаютъ; но все остальное
Онъ покрываетъ, коль свыше обрушится Зевсова вьюга:

*

Такъ отъ воинства къ воинству частые камни летали,
Тѣ на Троянъ нападавшихъ, а тѣ отъ Троянъ на Ахеянъ,
Быстро метавшихъ; надъ всею твердынею стукъ раздавался.

Но не успѣли бъ еще и Трояне и Гекторъ могучій
Въ башнѣ пробить затворенныхъ воротъ и огромныхъ запоровъ,
Еслибъ на силу Ахейскую, силы своей, Сарпедона
Самъ Эгіохъ не подвигнулъ, какъ льва на воловъ крутороговъ.
Быстро герой передъ грудью уставилъ свой щитъ круговидный,
Мѣдный, кованный, пышноблестящій, которой художникъ,
Мѣдникъ искусный ковалъ, на поверхности жъ тельчія кожи
Прутьями золота часто проплелъ по краямъ его круга:
Щитъ сей неся передъ грудью и два копія потрясая,
Онъ устремился, какъ левъ горожитель, алкающій долго
Мяса и крови, который, душою отважной стремимый,
Хочетъ, на гибель овецъ, и во дворъ огражденный ворваться;
И хотя предъ оградою пастырей сельскихъ находитъ,
Съ бодрыми псами и съ копьями стадо свое стерегущихъ;
Онъ, не извѣдавши прежде, не мыслитъ бѣжать отъ ограды;
Прянувъ во дворъ, похищаетъ овцу, либо самъ подъ ударомъ
Падаетъ первый, копьемъ прободенный изъ длани могучей:
Такъ устремляла душа Сарпедона, подобнаго богу,
На стѣну прямо напасть и разрушить забрала грудныя;
Быстро онъ къ Главку вѣщалъ, Гипполохову храброму сыну:
„Сынъ Гипполоховъ! за что передъ всѣми насъ отличаютъ
„Мѣстомъ почетнымъ, и брашномъ, и полной на пиршествахъ чашей
„Въ царствѣ Ликійскомъ, и смотрятъ на насъ, какъ на жителей неба?
„И за что мы владѣемъ при Ксанѳѣ удѣломъ великимъ,

„Лучшей землей, виноградъ и пшеницу обильно плодящей? —
„Намъ, предводителямъ, между переднихъ героевъ Ликійскихъ
„Должно стоять, и въ сраженьи пылающимъ первымъ сражаться.
„Пусть не единый объ насъ, крѣпкобронный Ликіянинъ скажетъ:
„Нѣтъ, не безславные нами и царствомъ Ликійскимъ пространнымъ
„Правятъ цари: они насыщаются пищею тучной,
„Вина изящныя, сладкія пьютъ; но за то ихъ и сила
„Дивная: въ битвахъ они предъ Ликійцами первые бьются!
„Другъ благородный! когда бы теперь, отказавшись отъ брани,
„Были съ тобой навсегда нестарѣющи мы и безсмертны;
„Я бы и самъ не летѣлъ, впереди передъ воинствомъ биться,
„Я и тебя бы не влекъ на опасности славнаго боя.
„Но, и теперь, какъ всегда, неисчетные случаи смерти
„Насъ окружаютъ; и смертному ихъ ни минуть, ни избѣгнуть.
„Вмѣстѣ впередъ! иль на славу кому, иль за славою сами!

Такъ говорилъ Сарпедонъ; не противился Главкъ, не отрекся:
Ринулись оба впередъ предъ великою ратью Ликійской.
Ихъ устремленныхъ узрѣвъ, Петеидъ Менесѳей ужаснулся:
Къ башнѣ его, разрушеньемъ грозящая сила стремилась.
Съ башни кругомъ онъ глядѣлъ, не узритъ ли кого изъ Ахейскихъ
Мощныхъ вождей, да поможетъ бѣду отразить отъ дружины.
Скоро Аяксовъ узрѣлъ, обоихъ ненасытимыхъ бранью,
Близко сражавшихся; съ ними и Тевкра, который недавно
Вышелъ изъ сѣни; но не было способа крикъ имъ услышать:
Шумно тамъ было побоище; тамъ до небесъ раздавался
Громъ отъ разимыхъ щитовъ, отъ косматыхъ шеломовъ, и створовъ
Башенныхъ вратъ: обступили ихъ всѣ, и предъ ними толпою

Стоя, Трояне пыталися, силой разбивши ворваться.
Вѣстника вождь Менесѳей посылаетъ къ Аяксамъ Ѳоѳта:
„Шествуй, почтенный Ѳоѳтъ, и зови на защиту Аякса;
„Лучше зови обоихъ, несравненно полезнѣе тутъ имъ
„Быть обоимъ: разразится тутъ скоро ужасная гибель!
„Мчатся сюда воеводы Ликійскіе, кои и прежде
„Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
„Если жъ и тамъ на Ахеянъ воздвигнута грозная жесточь;
„Пусть хоть одинъ поспѣшаетъ Аяксъ, Теламонидъ великій;
„Съ нимъ да предстанетъ и Тевкръ благородный, стрѣлецъ знаменитый.

Такъ произнесъ; покорился его повелѣніямъ вѣстникъ;
И пустился бѣжать по стѣнѣ мѣднобронныхъ Данаевъ.
Сталъ предъ Аяксами вѣстникъ пришедшій, и такъ говорилъ имъ:
„Храбрые мужи Аяксы, вожди мѣднобронныхъ Данаевъ,
„Проситъ Петѣя почтеннаго сынъ, Менесѳей благородный,
„Въ помощь придти; раздѣлите хоть нѣсколько трудъ съ нимъ жестокій;
„Но придите вы оба; полезнѣе тамъ, воеводы,
„Храбрымъ вамъ быть; разразится тамъ скоро ужасная гибель!
„Мчатся туда воеводы Ликійскіе, кои и прежде
„Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
„Если жъ и здѣсь на Ахеянъ воздвигнута грозная жесточь;
„Пусть хоть одинъ поспѣшаетъ Аяксъ, Теламонидъ великій;
„Съ нимъ да предстанетъ и Тевкръ благородный, стрѣлецъ знаменитый.

Такъ говорилъ; и охотно склонился Аяксъ Теламонидъ;
Онъ къ Оилиду Аяксу изъмолвилъ крылатое слово:
„Сынъ Оилеевъ Аяксъ, и ты Ликомѣдъ нестрашимый!

„Стойте вы здѣсь, и народъ поощряйте отважно сражаться.
„Я же туда поспѣшаю, и тамъ на сраженіе стану;
„Къ вамъ возвращуся немедленно, только лишь имъ помогу я.

Такъ говорящій своимъ, отошелъ Теламонидъ могучій.
Съ нимъ устремился и Тевкръ, Теламонидовъ братъ однооптчій,
И за Тевкромъ Пандіонъ, несущій лукъ его крѣпкій.
Къ башнѣ Пешеева сына, идя внутрь стѣны, воеводы
Скоро пришли, и уже утѣсненныхъ врагами застали.
Къ самымъ забраламъ стѣны подымались, какъ мрачная буря,
Мужи храбрѣйшіе, воинствъ Ликійскихъ вожди и владыки;
Сблизились въ битву, противникъ съ противникомъ, съ яростнымъ крикомъ.

Первый сразился Аяксъ Теламонидъ, и первый сразилъ онъ
Друга царя Сарпедона, высокаго духомъ Эпикла:
Марморомъ острымъ его поразилъ онъ, какой на твердынѣ
Бóльшій лежалъ у забралъ высочайшихъ; его не легко бы
Поднялъ руками обѣими мужъ, и лѣтами цвѣтущій,
Намъ современный; но онъ высоко его пóднялъ и рынулъ:
Вдругъ раздавилъ имъ и выпуклый шлемъ, и на черепѣ кости
Всѣ раздробилъ у Эпикла; и онъ, водолазу подобный,
Рынулся съ башни высокой, и духъ его кости оставилъ.
Тевкръ Гипполохова сына, героя Ликійскаго Главка,
Съ верху стѣны, на нее подымавшагось, ранилъ пернатой
Въ мышцу, гдѣ видѣлъ нагою, и битву принудилъ оставить.
Онъ со стѣны соскочилъ притаяся, да кто изъ Ахеянъ
Язвы его не узритъ, и надъ нимъ не ругается гордый.

Грусть обняла Сарпедона, когда отходящаго друга
Главка примѣтилъ; но онъ не оставилъ кроваваго боя:
Онъ въ Ѳесторида Алкмаона, прянувши, острую пику
Быстро вонзилъ и исторгъ; и за пикой повлекшися палъ онъ
На землю ницъ, и взгремѣла на немъ распещренная броня.
Но Сарпедонъ, за зубецъ ухвативши рукою дебелой,
Мощно повлекъ, и оторванный рухнулся весь онъ на землю;
Сверху стѣна обнажилась и многимъ открылась дорога.

Тевкръ и Аяксъ разрушителя встрѣтили вмѣстѣ: стрѣлою
Первый умѣтилъ въ ремень его свѣтлый, на персяхъ держащій
Щитъ въ человѣческій ростъ; но Зевсъ отъ любезнаго сына
Смерть отразилъ, не судивши ему предъ судами погибнуть.
Мощный Аяксъ налетѣвъ, поразилъ по щиту, и пробившись
Пика насквозь оттолкнула врага, распыхавшагось сердцемъ.
Онъ отъ твердыни подался назадъ, но совсѣмъ не оставилъ
Мѣста сраженья и въ сердцѣ надежды, что славы добудетъ.
Вспять обратясь, восклицалъ онъ Ликіянамъ богоподобнымъ:
„Мужи Ликійскіе! что забываете бурную храбрость?
„Мнѣ одному не возможно, хоть былъ бы еще я сильнѣйшій,
„Стѣну разрушить и къ быстрымъ судамъ проложить вамъ дорогу!
„Разомъ со мною, Ликійцы, успѣшнѣе трудъ совокупный!

Такъ восклицалъ; и они, устыдившися царскихъ упрековъ,
Крѣпче сомкнулись, смѣлѣй налегли за совѣтникомъ храбрымъ.
Рати Ахеянъ съ другой стороны укрѣпляли фаланги
Внутрь ихъ стѣны; предстоялъ ихъ мужеству подвигъ великій:
Тутъ, какъ Ликійцы храбрѣйшіе, всѣ не могли у Данаевъ

Крѣпкой стѣны проломить и открыть къ кораблямъ ихъ дорогу;
Такъ и Ахеянъ сыны не могли нападавшихъ Ликіянъ
Прочь отъ стѣны отразить, съ тѣхъ поръ какъ они подступили.
Но какъ два человѣка, сосѣды, за межи раздорятъ;
Оба съ саженью въ рукахъ, на смежномъ стоящіе полѣ,
Узкимъ пространствомъ дѣлимые, шумно за равенство спорятъ:
Такъ и бойцовъ лишь забрала дѣлили; чрезъ нихъ нападая,
Мужи одни у другихъ разбивали вкругъ персей ихъ кожи
Пышныхъ кругами щитовъ и крылатыхъ щитковъ легкометныхъ.
Многіе тутъ изъ сражавшихся острою мѣдью позорно
Были постигнуты въ тылъ, у которыхъ хребетъ обнажался
Въ бѣгствѣ изъ боя; и многіе храбрые въ грудь, сквозь щиты ихъ.
Башни, грудныя забрала кругомъ человѣческой кровью
Были обрызганы съ каждой страны, отъ Троянъ и Ахеянъ.
Но ничто не могло устрашить Ахеянъ; держались
Ровно они, какъ вѣсы у жены, рукодѣльницы честной,
Если держа коромысло, и чаши заботно равняя,
Вѣситъ волну, чтобъ дѣтямъ промыслить хоть скудную плату:
Такъ равновѣсно стояла и брань и сраженіе воинствъ
Долго, доколѣ Кронидъ не украсилъ высокою славой
Гектора: Гекторъ ворвался въ твердыню Ахейскую первый:
Голосомъ, слухъ поражающимъ, онъ восклицалъ ко Троянамъ:
„Конники Трои, впередъ, разорвите Ахейскую стѣну,
„И на ихъ корабли пожирающій пламень бросайте!

Такъ возбуждалъ ихъ герой; и услышали всѣ его голосъ;
Прямо къ стѣнѣ понеслися толпою, и начали быстро
Въ верхъ подыматься къ зубцамъ, уставляючи острыя копья.

Гекторъ же несъ имъ захваченный камень, который у башни
Близко вздымался, широкій къ низу, завостренный къ верху,
Глыба, которой и два, изъ народа сильнѣйшіе, мужа,
Съ дола на возъ не легко бы могли приподнять рычагами,
Нынѣ живущіе; онъ же легко и одинъ потрясалъ имъ:
Легкою тягость ему сотворилъ хитроумный Кроніонъ.
Словно какъ пастырь, одною рукою руно захвативши,
Быстро несетъ; для нее нечувствительно слабое бремя:
Такъ Пріамидъ захватилъ, и стремительно несъ на ворота
Камень огромный: ворота тѣ были сплоченные крѣпко
Створы двойнные, высокіе; два изъ внутри ихъ запора
Встрѣчные туго держали, однимъ замыкаяся болтомъ.
Сталъ онъ у самыхъ воротъ, и, чтобъ не былъ ударъ маломоченъ,
Ноги разширилъ, и сильно напрягшися, грянулъ въ средину;
Сбилъ подворотные оба крюка; и во внутренность камень
Рухнулся тяжкій: взгремѣли ворота; ни засовъ огромный
Ихъ не сдержалъ: и сюда и туда раскололися створы,
Камнемъ разбитые страшнымъ; и рынулся Гекторъ великій,
Грозенъ лицемъ, какъ бурная ночь; и сіялъ онъ ужасно
Мѣдью, которой одѣянъ былъ весь; и въ рукахъ потрясалъ онъ
Два копія; не сдержалъ бы героя никто, кромѣ бога,
Въ мигъ, какъ въ ворота влетѣлъ онъ; огнемъ его очи горѣли.
Тамъ онъ Троянамъ приказывалъ, къ толпищу ихъ обратяся,
На стѣну быстро взлѣзать; и ему покорились Трояне:
Рынулись всѣ, и немедленно—тѣ подымались на стѣну,
Тѣ наводняли ворота. Кругомъ побѣжали Ахейцы
Къ черными своимъ кораблямъ; и кругомъ поднялася тревога.

ЧАСТЬ I.

ПЕРЕМѢНЫ и ОПЕЧАТКИ.

ПѢСНЬ I.

Стихъ	Напечатано:	Читай:
11	Атридъ оскорбилъ	Атридъ обезчестилъ
45	и колчанъ пернатыми полный;	и колчанъ со стрѣлами закрытый;
138	мзду Одиссея;	мзду Одиссея
184	Вризеиду	Бризеиду
342	умъ погубивши;	умъ погубивши !
385	священныя	священные
489	Ахиллесъ,	Ахиллесъ
498	возсидящаго	возсѣдящаго
500	колѣна,	колѣна

ПѢСНЬ II.

Стихъ	Напечатано:	Читай:
16	быстролетныхъ	мореходныхъ
96	вѣстница Зевса,	вѣстница Зевса;
122	не узрѣли	не узрѣли.
173	близь	близъ
259	на могучихъ	могучихъ
344	душою	душею
470	кущи	кущѣ
525	вожди	вождя
756	Проѳоо̀й быстрый	Про̀ѳоой быстрый
789	во едино	воедино

ПѢСНЬ III.

Стихъ	Напечатано:	Читай:
55	пышныя	пышные
166	посылаетъ	посылаетъ

ПѢСНЬ IV.

Стихъ	Напечатано:	Читай:
57	Но труды мои	Но труды и мои
112	стрѣлецъ	стрѣлецъ
142	въ нащечники пышные	для пышныхъ нащечниковъ
158	ничтожною	ничтожными
372	въ обычаи	въ обычаѣ

ПѢСНЬ V.

Стихъ	Напечатано:	Читай:
16	Низко блестящая жаломъ	Низко, блестящая жаломъ,
152	Ѳоо̀на	Ѳо̀она
385	Алоиды	Алоида
499	плѐвы	плевы̀
519	Аяксы	Аякса
769	усѣнымъ	усѣяннымъ

Напечатано:	Читай:

ПѢСНЬ VI.

Стихъ 402: граждане Трояне	граждане Трои
— 436: Аяксы	Аякса

ПѢСНЬ VII.

Стихъ 51: рѣшительнымъ	рѣшительнымъ
— 320: на пиршествѣ общемъ.	на пиршествѣ общемъ;
— 428: печальные сердцемъ:	печальные сердцемъ,

ПѢСНЬ VIII.

Стихъ 183: ужасаемыхъ дымомъ	удушаемыхъ дымомъ
— 522: при отстуствіи	при отсутствіи

ПѢСНЬ IX.

Стихъ 488: колѣни,	колѣна,
— 589: гардъ	градъ

ПѢСНЬ X.

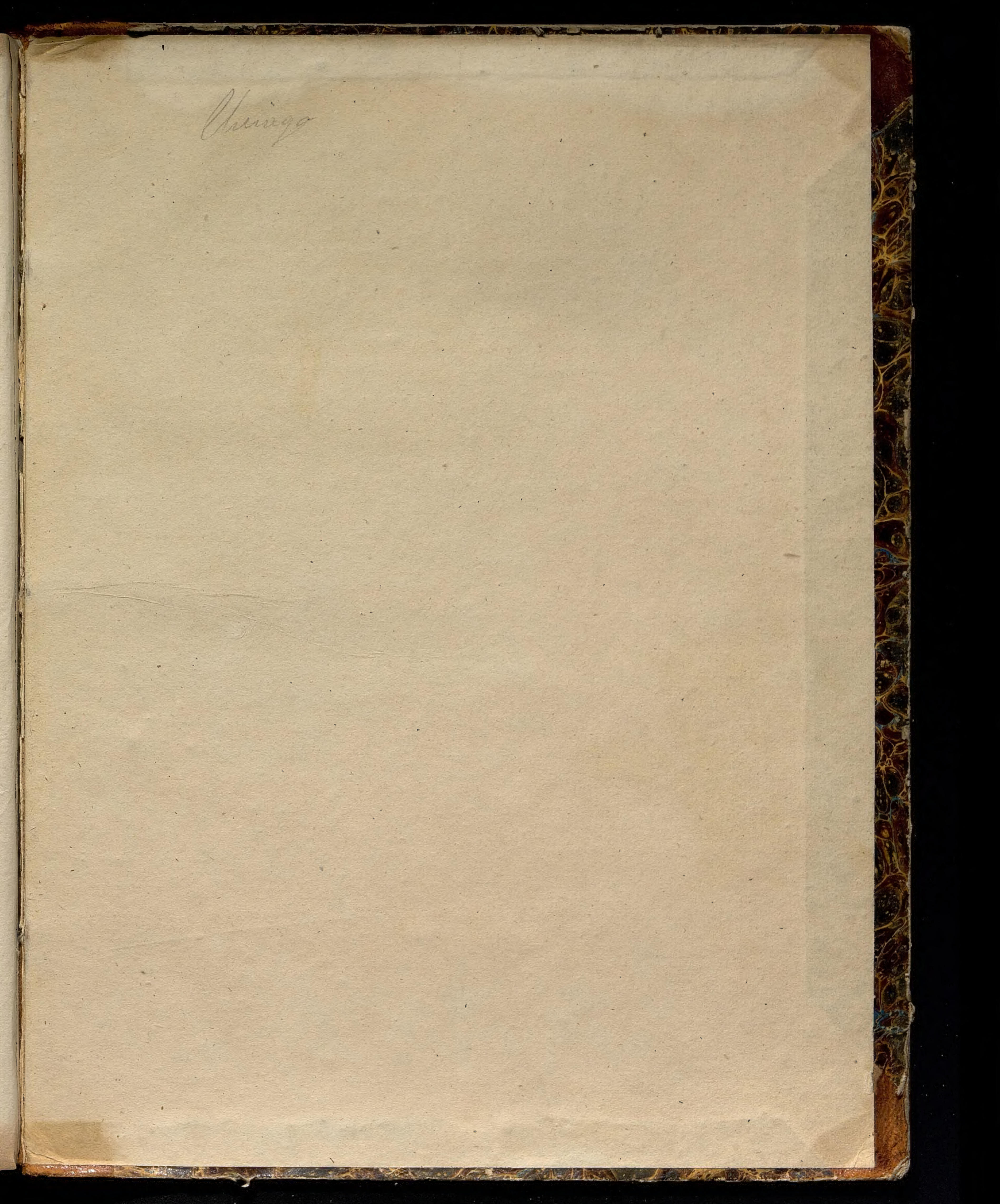
Стихъ 173: остріѣ	остріи
— 569: пшеницей	пшеницей
— 573: выи	выѣ

ПѢСНЬ XI.

Стихъ 36: Горгона видомъ свирѣпая	Горгона свирѣпообразная
— 232: идущія	идущіе
— 240: выи	выѣ
— 474: кровожадныя	кровожадные
— 565: копьями щитъ	копьями въ щитъ
— 833: Первый, я думаю,	Сей, какъ я думаю,

ПѢСНЬ XII.

Стихъ 101: Сарпидонъ	Сарпедонъ
— 117: Идомѣнея	Идоменѣя
— 137: твердыни	твердынѣ

Chicago

